Галахов.
Историко-литер. хрестоматия.

Содержание:
Капнист. „Ябеда" [illegible]
Державин. Вельмож
" „Фе

I

за „.........“ ....

	Резка ...вой ...ии	К упа-ковке
		–

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Томъ I.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО КАРАМЗИНА).

Составилъ А. Галаховъ.

Изданіе двѣнадцатое.

Цѣна за два тома 2 р. 50 к.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою „Насл. бр. Салаевыхъ“
1903.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

ОТЪ ПЕТРА I ДО ЛОМОНОСОВА.

I.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

А. Письма (1697—1725).

1. Патріарху Адріану, изъ Амстердама въ Москву (10 сентября 1697).

Святѣйшій архипастырю Россіянъ! Вашего архипастырства письмо, августа 13 писанное, мнѣ отдано сентября въ 9 день, изъ котораго выразумѣлъ вашея святости доброжеланіе и молитвы, за что многократно благодаримъ вашу персону. О насъ же аще соизволите вѣдать, и мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть, чего до послѣдняго издыханія не престану желать, церкви святой и вашимъ молитвамъ предая себя ([1]). Piter.

2. Гр. Б. П. Шереметеву, изъ Преображенскаго (14 февраля 1705).

Min Her!

Письмо ваше я принялъ и выразумѣлъ, въ которомъ объявляешь о сборѣ непріятелей и что оные тщатся выбить нашихъ изъ Польши, а ты будто по указу нашему никуда итить не смѣешь. И о томъ зѣло удивляюсь. Ибо я писалъ вамъ прежде, чтобъ вы, какъ возможно, надъ непріятелемъ промыслъ чинили; противъ чего вы писали, что онаго за провіантомъ учинить невозможно: и для того я писалъ къ вамъ, чтобъ вамъ до указу не ходить. А что естьли какой удобный случай будетъ, а наипаче къ отпору или оборонѣ своихъ становищъ, сей указъ весьма недѣйственъ. И сіе подобно, когда слуга, видя тонущаго господина, не хочетъ его избавить, дондеже справится, написано ль

то въ его договорѣ, чтобъ его изъ воды вынуть.

Piter.

3. Гр. Өедору Алексѣевичу Головину, изъ Петербурга (7 апрѣля 1706).

Господинъ Адміралъ!

Понеже будущаго мѣсяца въ первый день будетъ великое солнечное затмѣніе, того для нѣкоторыя трубки и инструменты надобны: изволь прислать ихъ (по вложенной грамоткѣ англинскихъ математиковъ къ ихъ товарищу) сюда немедленно; такожъ изволь сіе поразславить въ нашихъ людѣхъ, что оное будетъ, дабы въ чудо не ставили: понеже когда люди про то вѣдаютъ, не есть чудо (2).

4. Меньшикову, изъ Петербурга (11 сентября 1706) (3).

Min Bruder!

По отъѣздѣ отъ васъ, пріѣхали въ Нарву 4 число сего мѣсяца, а во флотъ прибыли 7-ое число, а въ 8-ое сюда, гдѣ, слава Богу, покой отъ дороги получили (которая зѣло чувствуется во всемъ тѣлѣ, однакожъ по малу забываемъ). Каменное строеніе въ городѣ совершится отъ сего дня меньше двухъ недѣль и зѣло изрядно; казармы отъ половины Никиты Моисеевича (а) больверка едва не до самаго Гаврилы Ивановича (б) выгорѣли, но паки все сдѣлано. Правда, что явною милостію Божіею и заступленіемъ патрона своего сей городъ спасся, ибо по обѣимъ фасамъ Гаврила Ивановича болѣе 200 бочекъ пороху въ казармахъ было, и ежели бы добралось, то чаю, чтобъ едва не вся крѣпость взлетѣла; и для чего держали столь лишняго пороху, не знаю, и нынѣ велѣлъ развезть, который за погребами остался. Кронверкъ (в) былъ бы готовъ сего лѣта, ежели бы не помѣшала сія препона, которая отняла работниковъ. Крѣпость св. Александра такожъ въ совершенство приходитъ и уже казармы дѣлаютъ и прочія жилища солдатамъ; впрочемъ, милостію Вышняго, все добро, и какъ возможно, Богу помогающу, тщимся на предлежащій намъ подвигъ съ радостію; точію едина (о чемъ самъ знаешь), которое всегда прескожаетъ (г) нашему веселію. За симъ, вручая васъ Господу всѣхъ, пребываемъ. Пожалуй всѣмъ высшимъ и нижнимъ офицерамъ и рядовымъ отдай поклонъ.

Изъ парадиза (д) или Санктпетербурга въ 11 день сентября 1706 г.

Третьяго дня вѣтромъ вестъзюйдъ-вестомъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверхъ

а) Зотова.

б) Головкина (больверки именовались по фамиліямъ приближенныхъ къ царю особъ).

в) Укрѣпленіе, имѣющее два бастіонныхъ фронта съ крыльями.

г) Искажаетъ, препятствуетъ.

д) Рая: такъ Петръ I нерѣдко называлъ С.-Петербургъ.

полу 21 дюймъ, а по огороду и на другой сторонѣ по улицѣ ѣздили въ лодкахъ; однакожъ не долго держалась, меньше 3-хъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа, сидѣли не точію мужики, но и бабы; однакожъ хотя и зѣло велика была, но бѣды великой не сдѣлала.

P. S. Съ Волги водою привезли въ суднѣ 80 стерлядей.

5. Къ И. А. Толстому, изъ Жолквы (27 априля 1707), (4).

Господинъ Губернаторъ!

Рыбу, присланную отъ васъ, принялъ, за который подарокъ благодарствую. Такожъ предлагаю, по управленіи нужныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобы на Таганъ-Рогѣ (а) въ удобныхъ мѣстахъ (а лучше за городомъ) насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева, привезши съ Дону немалое число маленькихъ деревцовъ въ осень (по листопадѣ). Такожъ подалѣ отъ города въ удобныхъ же мѣстахъ нѣсколько десятинъ посѣять желудковъ для лѣсу жъ; такожъ при вышеописанныхъ рощицахъ виноградъ умножить и цвѣтники хорошіе завесть. Съ великимъ желаніемъ желалъ бы я самъ тамъ быть вскорѣ, но еще время не допускаетъ. Господину Савѣ Рагузунскому въ его торговомъ дѣлѣ чини всякое вспоможеніе. Piter.

———

а) Прежде Троицкъ, построенный 1698 и обращавшій на себя вниманіе Петра.

6. Конону Никитичу Зотову, изъ Воронежа (25 февраля 1709) (5).

Господинъ Зотовъ!

Книгу о Фортификаціи манера Блонделева, которую вы перевели, мы оную прочли; и разговоры зѣло хорошо и внятно переведены, но какъ учить Фортификацію дѣлать, также въ табелѣ мѣра не именована, футы ль или тоузы, то зѣло темно и непонятно переведено; который листъ переправя, вклеили въ книгу, а старый, вырѣзавъ, при томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность; и того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ какъ дѣлать и надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть.

Piter.

7. Меньшикову, изъ Петербурга (25 февраля 1710) (6).

Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли. Препарація къ обоимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ; ни въ чемъ остановки нѣтъ и только лошадей (которыя положены съ государства для сего похода) еще тихо приводятъ, однакожъ надѣемся исполнену и сему быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются: и сухари, и крупа, все

готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и что здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю. Только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ, и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ трудовъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ; чего отъ сердца желаю, ибо сіе мѣсто, истинно какъ изрядный младенецъ, что день—преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются.

Прошу, кому надлежитъ, мой отдать поклонъ.

8. Императрицѣ Екатеринѣ I, изъ Грейфсвальда въ Штетинъ (2 августа 1712) ([7]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь.

Петръ.

P. S. Корабль нашъ Святаго Петра сего дня сюды пришелъ, а двухъ ждемъ скоро; я чаю, скоро поѣду въ датскій флотъ, однакожъ долго тамъ мѣшкать не чаю.

9. Ей же, оттуда же и туда же (8 августа 1712) ([8]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мнѣ не безкучножъ; однако можешь разсудить, что дѣла на скуку мѣнять не надобно. Я еще отсель ѣхать скоро себѣ къ вамъ не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно итить въ Анкламъ; только для Бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на ста саженъ не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ Гафѣ (а) и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя. Петръ.

10. Ей же, изъ Берлина въ Грейфсвальдъ (2 октября 1712) ([9]).

Катеринушка, другъ мой, здравствуй! Объявляю вамъ, что я третьяго дня пріѣхалъ сюды и былъ у Короля, а вчерась онъ поутру былъ у меня, а въ вечеру я былъ у Королевы. Посылаю тебѣ сколько могъ сыскать устерсовъ, а больше сыскать не могъ для того, что въ Гамбургѣ, сказываютъ, явился пестъ (б), и для того тотчасъ заказали всячину оттоль сюды возить. Я сего моменту отъѣзжаю въ Лейпцигъ. Петръ.

11. Царевичу Алексѣю Петровичу (11 октября 1715) ([10]).

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ, которые не только

а) Заливъ.
б) Моровая язва.

ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцомъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ ихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышереченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва неравная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ самовольно непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ. Ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышати хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали на свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равномѣрныхъ намъ грековъ. Не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены? и желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ неконченаемую работу тираномъ отдалъ. Аще кладешь во умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять, но сіе воистинну не есть резонъ; ибо всякъ смотритъ на начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть. Ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе, хотя кому до обѣихъ дѣла нѣтъ. И до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ. А отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, кольми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ. Къ тому жъ, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши, и какъ доброму доброе воздать, и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить

не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышеупомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить самъ на досужихъ лошадяхъ; но, имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очьми имѣлъ, чего для никогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій (а), который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театрумъ и школою свѣта назвали. И не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ. Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая, ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеописанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще же и сіе воспомяну, какого злаго нрава и упрямаго ты исполненъ. Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ томужъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою, но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, толькобъ дома жить и имъ веселиться. Однакожъ всего лучше, всего дороже, безумный, радуешься своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать! (истину Павелъ святый пишетъ, како той можетъ церковь Божію управить, иже о домѣ своемъ не радитъ). Не точію тебѣ, но и всему государству, что все я, съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ (б) тебѣ написать, и еще мало подождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (в), и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ (г) и что я сіе только въ устрастку пишу: воистинно (Богу извольшу) исполню. Ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный. Петръ.

а) Людовикъ XIV.

Б. Воинскій уставъ (1716).

1. Обнародованіе его (д).

Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ, бла-

б) Завѣщаніе, увѣщаніе.

в) Членъ, пораженный антоновымъ огнемъ.

г) Писано до рожденія Петра Петровича (т.-е. до 28 октября 1715).

д) Обнародованъ 30 марта 1716, нап. 1717.

женныя и вѣчнодостойныя памяти, въ 1647 году началъ регулярное войско употреблять и уставъ воинскій изданъ былъ, и тако войско въ такомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны и едва не все польское королевство завоевано было; также купно и съ шведами война ведена была. Но потомъ оное не токмо умножено при растущемъ въ наукахъ свѣтѣ, но едва и не весьма оставлено, и тако что послѣдовало потомъ? не точію съ регулярными народы, но и съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чигиринѣ и Крымскихъ походѣхъ, умалчивая старѣе); и не только тогда, но гораздо недавно, какъ съ турки при Азовѣ, такъ и съ начала сея войны при Нарвѣ. Но потомъ, когда войско распорядили, то какіе великіе прогрессы, съ помощію Вышняго, учинили надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! и тако всякъ можетъ разсудить, что ни отъ чего инаго то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка. Ибо всебезпорядочный варварскій обычай смѣху есть достойный, и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли сію книгу—воинскій уставъ учинить, дабы всякій чинъ зналъ свою должность, и обязанъ былъ своимъ званіемъ, и невѣдѣніемъ не отговаривался. Еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено. Совершено же въ Данцигѣ, 1716 году, марта въ 30 день.

2. *О Генералиссимусѣ.*

Сей чинъ коронованнымъ главамъ и великимъ владѣющимъ принцамъ только надлежитъ, а наипаче тому, чье есть войско. Въ небытіи же своемъ оный команду даетъ надъ всѣмъ войскомъ своему генералъ-фельдмаршалу либо самовластно по случаю поступать, какъ онъ за благо изобрящетъ и государю своему въ томъ отвѣтъ дать можетъ, или съ воинскимъ совѣтомъ (что всегда надлежитъ чинить), или по данной ему инструкціи чинилъ, и кромѣ оной онъ ничего важнаго съ помянутымъ войскомъ предпринять могъ, но чинилъ бы прежде о томъ доношеніе своему государю и военному совѣту, и, не получа ихъ въ томъ благоизобрѣтенія и позволенія, главныхъ дѣлъ собою не чинилъ. Однакожъ, ежели чего въ инструкціи и не изображено, а увидитъ, что надежно возможно авантажъ получить, то съ воинскаго совѣта конечно чинить, и такого случая не пропускать. Впрочемъ первое главное дѣло есть, егда генералиссимусъ войну предпріять хощетъ, то надлежитъ имѣть попеченіе военному совѣту, дабы въ пропитаніи и содержаніи войска чрезъ устроенные порядочные магазейны въ способныхъ мѣстахъ, и во всемъ таковое учрежденіе учинить, дабы войско не токмо благовременно во всѣхъ потребностяхъ удовольствовать, но

дабы оное, елико возможно, достаточно было, и чтобъ всѣ войска охотны къ службѣ были и причины къ плохой службѣ не имѣли.

В. Морской уставъ (1720) ([11]).

1. *Предисловіе* ([12]).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархіи Россійской и ея почати, и что далѣе дѣда князя Владиміра (а) правдивой исторіи не имѣемъ; но, оставя сіе историкамъ, возвратимся къ состоянію. Оный вышереченный Владиміръ какъ владычествовалъ и храбростію своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведеніемъ своего отечества отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но, основавъ оную, вмѣсто назиданія и укрѣпленія, яму къ паденію учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сію монархію раздѣлилъ, отчего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары видя сію махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежелибъ милосердый Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли или басурманство; который Владимірово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки въ гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовавъ, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сія линія пересѣклась злодѣйствомъ Годунова, тогда черезъ смятеніе едва паки къ паденію не пришла, которую дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ (б) на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не воспослѣдовало, однакожъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблепла-

---

а) Т. е. прежде Игоря.

б) Село рязан. губ., на Окѣ, въ 52 верстахъ отъ Коломны.

ваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матросовъ, которые, сдѣлавъ корабль именемъ Орелъ и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а́ прочіе ушли въ Персиду и оттоль въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лѣкарь Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ и констапель Кастерсъ Брантъ, по усмиреніи бунта, возвратились къ Москвѣ, и лѣкарь присталъ къ доктору Симону Зомеру, а Каштенъ Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

2. *О качествѣ власти адмиральской.*

Генералъ-адмиралъ или аншефъ командующій есть репрезентація своего государя, которому должны быть всѣ послушны во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя къ пользѣ государя и государства касаются, съ достойнымъ респектомъ его персоны. Ему подобаетъ быть храбру и добраго кондуита (сирѣчь всякія годности), котораго бы квалитеты (или качества) съ добродѣяніемъ были связаны. Ибо командующій, не точію твердыми указы людей въ добрый порядокъ приводитъ, но паче образомъ своего житія, ежели благо поступитъ. Его храбрость сочиняетъ всѣхъ храбрыхъ. Его справедливость страшитъ всѣмъ поползновеніе, умножаетъ послушаніе. Его ревность сочиняетъ всѣхъ ревнительныхъ. Единымъ словомъ, вышній командиръ какъ душа въ тѣлѣ человѣка, безъ которой никакой удъ двигнутися не можетъ. Ему надлежитъ къ подчиненнымъ быть яко отцу, пещися о ихъ довольствѣ, жалобы ихъ слушать и во оныхъ правый судъ имѣть. Также дѣла ихъ накрѣпко смотрѣть, добрыя похвалять и награждать, а за злыя наказывать. Онъ долженъ репортовать о всемъ своего государя и воинскую коллегію, и за все отвѣтъ дать.

Указы всѣ не точію о какой надъ непріятелемъ экспедиціи, но и въ своей командѣ, ежели что важное, долженъ давать на письмѣ, а не на словахъ, дабы кто что противно учинитъ, яснѣе обличенъ, а исполнитель указа оправданъ быть могъ; равно же и репорты принимать.

Главныя дѣла и воинскія начинанія никогда не дерзаетъ чинить безъ консиліи письменной, развѣ нечаянно атакованъ будетъ отъ непріятеля, и сіе нападеніе не отъ его оплошки, но отъ законныя причины пріидетъ, яко въ ходу случается при подыманіи долговременно бывшаго тумана, или сему подобнаго, подъ лишеніемъ чина.

Тақожде надлежитъ частыя консиліи имѣть, сколько время и случай допуститъ, о управленіи дѣла врученнаго ему, и о порядкѣ лю-

дямъ, подъ штрафомъ вычету полумѣсячнаго жалованья.

Такожъ надлежитъ ему смотрѣть, дабы воинскіе суды право отправлялись, не маня кому, ниже посягая на кого. И когда какой неправый судъ учинится, тогда оныхъ судей судить надлежитъ. Ежели оный сіе пренебрежетъ, то самъ достоинъ будетъ такого наказанія, какъ тѣ винные.

И понеже корень всему злу есть сребролюбіе, того для всякъ командующій аншефъ долженъ блюсти себя отъ лихоимства. И не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольствоваться опредѣленнымъ, ибо многіе интересы государственные чрезъ сіе зло потеряны бываютъ. И такой командиръ, который лакомство великое имѣетъ, немного лучше измѣнника почтенъ быти можетъ, понеже онаго непріятель (хотя оный и вѣренъ) постороннимъ образомъ подарить и съ прямаго пути свесть легко можетъ: того ради всякому командиру надлежитъ сіе непрестанно въ памяти имѣть и отъ онаго блюстися. Ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть, или безчестное житіе купить.

Еще же другое зло случается, равное вышеписанному, то есть похлѣбство. Ибо оное многіе не только за худое дѣло, но и за добродѣтель вмѣняютъ, ставя въ милосердіе еже винныхъ легко судить, или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получить. Но таковый храмину свою на песцѣ созидаетъ безъ твердаго основанія и всегда готову къ паденію, понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда, которой примѣръ суть дѣти въ волѣ, безъ наказанія и страха возращенныя, которыя обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ. Тако и въ войскѣ командующіи суть отцемъ оныхъ, которыхъ надлежитъ любить, снабдѣвать, а за прегрѣшеніе наказывать, какъ прежде писано. А когда пославитъ, то тѣмъ по времени въ непослушаніе оныхъ приведетъ, и изъ добрыхъ злыхъ сочинитъ и нерадѣтельныхъ, и въ своемъ званіи оплошныхъ. И тако самъ себѣ гробъ ископаетъ, и государству бѣдство приключитъ. Чего такожде всякому командующему весьма отгребатися и яко смерти достойнаго страха опасатися надлежитъ.

[1]) Петръ изучалъ кораблестроеніе въ Амстердамѣ, на славнѣйшей изъ голландскихъ верфей — Остъиндской. Здѣсь, 9 сентября, заложилъ онъ фрегатъ во имя Св. Апостола Петра и Павла. Въ письмѣ къ патріарху Петръ показываетъ причину трудовъ своихъ. Адріану, вмѣстѣ со многими другими, не нравились ни пребываніе Царя за границей, ни то, что онъ работалъ, какъ простой работникъ.

[2]) Такъ какъ война съ Карломъ XII была тогда въ самомъ разгарѣ, и народъ, по суевѣрію своему, считая все ему непонятное чудомъ, могъ выдумать разные толки и

подвергаться пустому страху, то Петръ письмами къ начальствующимъ въ Польшѣ и Россіи предписывалъ поразславить о затменіи. Такимъ образомъ, говоритъ князь Щербатовъ, Петръ все предвидѣлъ и на все учреждалъ способы.—При этомъ письмѣ приложено письмо англійскихъ математиковъ къ ихъ товарищу Фергарсону, преподавателю въ Московской Навигаціонной школѣ (бывшему профессоромъ математики въ Абердинскомъ университетѣ и прибывшему въ Россію, по приглашенію Петра).

[3]) Изъ Кіева, по заложеніи крѣпости (15 августа), Петръ выѣхалъ 20-го, прибылъ въ Нарву 4-го сентября, отсюда во флотъ, стоявшій у Котлина острова, и наконецъ въ Петербургъ.

[4]) 15 декабря (1706) Петръ изъ Нарвы отправился къ войску въ Кіевъ, куда пріѣхалъ 24-го. Изъ Кіева прибылъ 28-го въ Жолкву, гдѣ находились Шереметевъ, Меньшиковъ и другіе генералы и министры русскіе, равно и нѣсколько польскихъ сенаторовъ. Въ Жолквѣ оставался по 30-е апрѣля 1707. Отсюда писалъ къ азовскому губернатору Толстому, не забывая, среди военныхъ трудовъ и безпокойствъ, заботиться объ устройствѣ внутреннемъ. Читая подобныя письма Петра I, необходимо припомнить слова о немъ Неплюева: „На что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ“.

[5]) Петръ прибылъ въ Воронежъ 14 февраля 1709 г. изъ Бѣлограда. Книга, о которой говорится въ письмѣ, есть переводъ съ франц. и напечатана 1711, подъ названіемъ: „Блонделева новая манера укрѣпленію городовъ“. (*Сопик. II*, 2270; *Смирд.* 4286). Она показана и Голиковымъ, въ спискѣ книгъ, изданныхъ при Петрѣ: „Блондіева новая манера укрѣпленію городовъ“ *(Дѣянія, IX)*. Переводчикъ ся—флота капитанъ Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисеевича.— Письмо это любопытно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно показываетъ неутомимую дѣятельность Петра, который, во время борьбы съ Карломъ XII, находилъ досугъ не только просматривать, но даже исправлять переводъ; во-вторыхъ, изъ него видно ясное понятіе Петра о томъ, какъ должно переводить съ иностраннаго: „Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, по точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“.

[6]) Выѣхавъ изъ Москвы 17 февраля (1710), Петръ прибылъ въ Петербургъ 21. Князя же Меньшикова изъ Москвы отправилъ къ Ригѣ, для осмотра мѣста между Ригою и Динаминдъшанцемъ. Чтобы удобнѣе перенимать съ моря непріятельскія суда, велѣно было ему на Двинѣ укрѣпить бревна съ цѣпями и, сдѣлавъ нѣсколько прамовъ (поромовъ), поставить на нихъ пушки.

[7]) Получивъ извѣстіе, что короли: датскій (Фридрихъ IV) и польскій (Августъ II), воевавшіе съ шведами въ Помераніи, вели тайные переговоры съ Карломъ XII, для заключенія отдѣльныхъ съ нимъ трактатовъ, Петръ I рѣшилъ самъ отправиться въ Померанію. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 12 іюня и прибылъ въ Нарву 20, куда пріѣхала также Екатерина. Изъ Кеслина Екатерина продолжала путь прямо къ арміи, стоявшей у Штетина, а государь въ Ландсбергѣ (21 іюля) видѣлся съ Августомъ. 24-го, въ мѣстечкѣ Гарцахъ, встрѣтилъ его Меньшиковъ, а при лагерѣ у Штетина царевичъ Алексѣй Петровичъ. Отсюда Петръ ѣздилъ въ Анкламъ, гдѣ стоялъ датскій флотъ, къ датскому вице-адмиралу Сегестету, и просилъ у него артиллеріи для дѣйствія противъ Штетина, который вмѣстѣ съ Стральзундомъ, принадлежалъ еще Карлу XII; всѣ же прочія мѣста шведской Помераніи заняты были союзными войска-

ми. Вице-адмиралъ соглашался исполнить желаніе Петра не прежде, какъ прибудетъ саксонская артиллерія. Тогда Петръ велѣлъ министру своему при Августѣ просить его о немедленной присылкѣ артиллеріи. Въ ожиданіи отвѣта онъ отправился въ Грейфсвальдъ. Письма, писанныя имъ отсюда, показываютъ крайнее его сожалѣніе о потерѣ времени вслѣдствіе медленнаго дѣйствія союзниковъ, равно какъ и о надлежащемъ выполненіи ими договоровъ. 2-го августа пришелъ корабль Св. Петръ, а 11-го и два другіе изъ Архангельска съ капитаномъ Рейсомъ. Письмо изъ Грейфсвальда отправлено къ Екатеринѣ въ Штетинъ, гдѣ она оставалась.

[8]) Петръ I оставался въ Грейфсвальдѣ до 14 августа и въ этотъ день прибылъ въ Вольгастъ. Отсюда писалъ онъ Екатеринѣ два письма: однимъ (14-го авг.) извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ; другимъ (17-го авг.) приглашалъ къ себѣ. Екатерина пріѣхала въ Вольгастъ 23-го авг.

[9]) Изъ Вольгаста Петръ I, вмѣстѣ съ Екатериной, прибылъ въ Грейфсвальдъ 24-го авг.; выѣхалъ въ Карлсбадъ, для пользованія водами, 28 сентября. На пути, 30 сентября, пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ конференціи съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I и откуда, 2 октября, отправился въ Лейпцигъ. Въ Карлсбадъ пріѣхалъ 8. Началъ пить воды 10-го, какъ видно изъ письма къ Екатеринѣ, отъ 11-го: „Мы вчерашняго дня начали пить воду въ сей ямѣ“. Лѣченіе продолжалось 16 дней: „Курсъ кончилъ вчерась; воды, слава Богу, дѣйствовали изрядно: какъ будетъ послѣ“ (письмо отъ 27-го). Выѣхалъ въ обратный путь 31-го.

[10]) Писано по смерти супруги царевича и отдано ему въ самый день ея погребенія.

[11]) Въ указѣ, при обнародованіи Морского Устава (13 января 1720), изображено: „Учиня уставъ воинскій сухопутный, нынѣ, съ помощію Божіею, приступимъ къ Морскому, которое такожъ прежде сего начинаемо было, а именно при блаженной и вѣчно достойной памяти Его Величества Государя Отца Нашего, для мореплаванія въ Каспійскомъ морѣ; но тогда чего ради тому не исполнитися, и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, оное оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. И понеже сіе дѣло необходимо нужное есть государству (по оной пословицѣ, что всякій потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ, обѣ руки имѣетъ), того ради сей Воинскій Морской Уставъ учинили, дабы всякій зналъ свою должность, и невѣдѣніемъ никтобъ не отговаривался. Которое выбрано изъ пяти морскихъ регламентовъ, и къ тому довольную часть прибавили, что потребно, еже все чрезъ собственный Нашъ трудъ учинено и совершено въ Санктпетербургѣ, 1720 года генваря въ 13 день (*Собр. Рос. Зак. т. VI, № 3485*). При составленіи Морского Устава вмѣстѣ съ Государемъ занимался контръ-адмиралъ Госселеръ (*Жизнеопис. рос. адмираловъ Берха, т. I*).

[12]) При изданіи Морского Устава, предисловіе значительно измѣнено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который многое исключилъ, а многое прибавилъ (*Ист. Петра I, Устрялова, II, 397*).

II.

БАСНИ ЕЗОПА (1700) [1]).

1. Старый человѣкъ и Смерть.

Старый человѣкъ, насѣкши нѣкогда дровъ, несяше далече; истомившижеся великими трудами, положи дрова на нѣкоемъ мѣстѣ и нача смерти призывать. Егда же смерть, пришедши, вопрошаше, для чего призываше ея, внезапу ужаснувшися старикъ, отвѣща, яко того ради призываше, чтобы дровъ помогла ты мнѣ нести.

Прилаганіе (а).

Притча знаменуетъ, яко всякому человѣку любезный есть животъ, аще же нищъ и окаяненъ бываетъ.

2. Курица, несшая золотыя яица.

Нѣкая жена имѣяше курицу, несящую золотыя яица. Мняше же, яко внутрь полна есть золота, убивши же курицу, обрѣте тако, яко и въ прочіихъ курѣхъ. И тако, имѣюще упованіе много обрѣсти богатства, и малаго лишилася.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, яко нужда есть настоящими довольствовать, а ненасыщенныя похоти богатствъ блюстися.

а) Смыслъ, нравоученіе басни (affabulatio).

3. Лисица и Левъ.

Лисица, никогда не видяше льва, по случаю же егда стрѣтеся съ нимъ, ужасеся, сице яко аки мертва бысть. Потомъ вторицею узрѣ, убояся, обаче же не тако. Третіе егда виде его, съ великимъ дерзновеніемъ приступивши къ нему, бесѣдоваше съ нимъ.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, обыкновеніемъ (б), яже страшна суть, доступна бываетъ.

4. Тати и Пѣтель.

Тати въ домъ нѣкій внидоша; ничесо же не обрѣтши, кромѣ кура (в), восхитивши того поидоша. Егда же убити его хотяша, проси ихъ да пустятъ его жива; сказываше имъ яко потребный и полезный есть людемъ, въ нощи будитъ ихъ труждатися. Они же отвѣщаша: того ради наипаче убіенъ будеши, егда убо ихъ будиши, — намъ красть не даешь.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ, яко сія лукавымъ людемъ суть тщетна, яже благимъ полезно.

5. Волкъ и Журавей.

Волку егда кость увязе въ

а) Привычкою.

б) Пѣтуха.

горлѣ, обѣща мзду жоравію, аще, вложивши главу, кость изынметъ. Онъ же, яко долгошій, изтя (а) кость и нача мзды просити. Онъ, посмѣваяся и остря зубы, рече: годѣ (б) тебѣ есть та едина мзда, яко отъ устъ волковыхъ здраву главу свою изъялъ еси.

Прилаганіе.

Притча на тыхъ людей, которіи, отъ бѣдъ избавлены своимъ благодѣтелемъ, сице воздаютъ.

6. Жена и Рабыни.

Жена вдова, и многотрудная (в), егда имѣяше рабыни, о пѣвняхъ (г) въ нощи возбуждаше ихъ къ дѣлу. Оны же, утруждены непрестанною работою, уставиша домоваго пѣвня убити, иже въ нощи возбуждаше госпожу. Приключися имъ, егда сіе содѣлаша, въ горшее впадоша зло: госпожа убо, егда не вѣдяше куровъ часа, ранѣи въ нощи ихъ возбуждаше.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ: многимъ людемъ совѣтъ виною есть всяческа зла.

7. Хвастунъ.

Человѣкъ нѣки, бывши въ чужой земли пришельцемъ, егда возвратися въ свою землю, хвастался предо всѣми, яко многа на многихъ мѣстѣхъ мужественно творяше; во градѣ же Родѣ (д) изрядно скакаше, и никто же тамо не умѣяше тако скакати. Къ тому сказываше, яко и послухи имать, которіи тамо быша и видѣша. Нѣкто же отъ стоящихъ тамо отвѣща ему: аще сія истина суть, къ чему же тебѣ послуси и свидѣтеле? се Родъ, се скаканіе.

Прилаганіе.

Притча знаменуетъ: аще нѣсть скораго вещи показанія, вся словеса праздна и суетна суть.

а) Извлекъ.

б) Достаточно.

в) Трудолюбивая.

г) Съ пѣніемъ пѣтуховъ.

[1]) „Притчи Эссоповы, на латинскомъ и русскомъ языкѣ, ихъ же Авіеній (е) стихами изобрази. Совокупно же брань жабъ и мышей Гомеромъ древне описана со изрядными въ обоихъ книгахъ лицами (ж) и съ толкованіемъ". (Въ Амстердамѣ напеч. у Ивана Андреева Тессинга, 1700). Въ книжкѣ 47 гравюръ. Первая представляетъ Езопа въ нѣмецкомъ платьѣ, окруженнаго звѣрями. Боги во французскихъ кафтанахъ. Ватрахоміомахія переведена Ильею Копіевскимъ, но съ пропусками. Первый извѣстный русскій переводъ Езопа сдѣланъ Гозвинскимъ 1609 г. съ греческаго; второй (1675) приписывается симбирскому ротмистру Каминскому.

д) Родосѣ.

е) Авіанъ латин. баснописецъ V-го в., смѣшивается нерѣдко съ Авіеномъ, латин. стихотворцемъ IV в.

ж) картинками.

III.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ (1703) [1].

Вѣдомости.

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400.

Тѣ пушки, ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ, гаубицы бомбами пудовыя и полупудовыя, мортиры бомбами девяти, трехъ и двупудовыя и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ и среднихъ къ литью пушекъ, гаубицъ и мортировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, больше 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы (а) умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили.

Въ математической штурманской школѣ (б) больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.

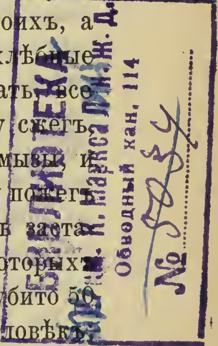
На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

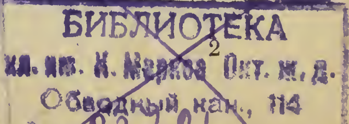
Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ немалую быть прибыль Московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца, попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскія ругозенскую, и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы, а на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шпагъ, фузей и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ попъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ, а достальные пожитки и хлѣбные запасы, коихъ не могъ забрать, все пожегъ. И соловскую мызу сжегъ, и около соловской многія мызы и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеописанныхъ заставахъ, по сказкѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы шведской убито 50 человѣкъ, пѣхоты 400 человѣкъ, ушло изъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска только ранено солдатъ два человѣка [2]).





а) Славяно-греко-латинская академія.

б) Навигаціонной, помѣщавшейся въ зданіи Сухаревой башни.

Изо Львова пишутъ декабря въ 14 день: Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются; вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войсками, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12,000 человѣкъ ([3]). Литовскій польскій гетманъ ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую Брестъ, войско шведское по сказкѣ секретаря Орухо частію въ Казимирѣ, частію въ Сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ, что черезъ великую Польшу въ прусскую землю пойдетъ. Подъѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ большую часть снесли, и нѣсколько въ ихъ платьѣ въ польскомъ обозѣ повѣсили ([4]).

Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ, и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежедневно 600 человѣкъ работаютъ ([5]).

На Москвѣ 1703 генваря въ 2 день.

[1]) „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ во оныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто отъ Христа 1703, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года“. Вѣдомости 1703 года печатались въ Москвѣ, въ 8 д. л. церковнымъ шрифтомъ. Полное изданіе состоитъ изъ 39-ти нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, вѣроятно по мѣрѣ накопленія статей, и различающихся, какъ объемомъ (отъ 2 до 7 листковъ), такъ иногда числомъ и длиною строкъ. Печатались вѣдомости въ числѣ 1000 экземпляровъ, что даетъ понятіе о потребности, которую ощущали современники въ изданіи подобнаго рода; а степень его занимательности для нихъ подтверждается рукописными того времени сборниками, въ которые составители ихъ очень часто переписывали отдѣльные нумера газетъ. Свѣдѣнія, относящіяся до Россіи, помѣщались прежде извѣстій иностранныхъ, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ двухъ газетъ, которыя получала тогда посольская канцелярія: „Breslauer Nouvellen“ и „Reichs - Post-Reuter“. Кромѣ того графъ Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю не только отдѣльные нумера газетъ, издававшихся въ Голландіи, но также любопытныя выписки изъ выходившихъ въ другихъ государствахъ. Все это вполнѣ или въ извлеченіяхъ помѣщалось въ вѣдомостяхъ, и въ нѣкоторыхъ нумерахъ передъ иностранными извѣстіями напечатано: „Вѣдомости изъ Гаги“. Изложеніе извѣстій, особенно когда они касались Россіи, безпристрастное и вмѣстѣ довольно полное, обличаетъ искуснаго составителя — можетъ быть графа Θедора Алексѣевича Головина, о которомъ А. Θ. Малиновскій въ своихъ рукописныхъ библіографическихъ свѣдѣніяхъ говоритъ, что онъ „завелъ изданіе газетъ“. Многія изъ отечественныхъ извѣстій сохраняютъ и до сихъ поръ полную занимательность; тако-

вы: свѣдѣнія о числѣ вылитыхъ въ Москвѣ пушекъ, объ успѣшномъ ходѣ обученія въ московскихъ школахъ, объ отысканіи мѣдной руды по рѣкѣ Соку, объ открытии такой же руды въ Олонецкомъ, квасцовъ, купороса и сѣры въ Козельскомъ уѣздѣ, объ основании Петербурга, о военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, и проч. Вѣдомости писаны довольно правильнымъ языкомъ, близкимъ къ разговорному того времени, но нерѣдко погрѣшаютъ противъ правописанія, не вполнѣ установившагося, и еще болѣе противъ употребленія знаковъ препинанія и удареній.

Полныхъ экземпляровъ Вѣдомостей 1703 г. сохранилось только два и оба они принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ, начальство которой издало ихъ 1855 г. и посвятило Московскому Университету въ день празднованія столѣтняго его существованія (Первыя русскія вѣдомости и пр. Нов. изд. 1855).

[2]) Шведы, въ числѣ 600, стояли на рубежѣ Карельскаго уѣзда; Окуловъ на четырехъ заставахъ: Рутозейской, Гиппонской, Сумерской и Керикурской, побилъ до 400 человѣкъ непріятельскаго войска.

[3]) Въ бытность Петра I-го подъ Канцами (Нейшанцемъ), 1702 года, пріѣзжали къ нему литовскіе послы съ просьбою о помощи, деньгами и войскомъ, противъ шведовъ. По ихъ же прошенію посланъ указъ къ гетману Мазепѣ, чтобы онъ „о возвращеніи отъ Палѣя Бѣлой церкви и о успокоеніи тамошнихъ бунтовъ чинилъ великое стараніе и Палѣя къ тому пристойными способы приводилъ, и престерегалъ бы того, чтобъ подданные къ Россіи принадлежащіе казаки къ тому бунту не приставали“ (*Журналъ П. В.*, *I*, 68—69).

[4]) Относительно расположенія шведскихъ войскъ на зимнихъ квартирахъ (1702 г.), въ Журналѣ сказано: „Когда наступила зима, то король шведскій войска свои разставилъ въ Варшавѣ, Яновцѣ, Казимирѣ и Сендомирѣ и около тѣхъ мѣстъ“. Въ шведскомъ войскѣ находились Волохи. Журналъ описываетъ, какъ однажды, заставивъ маневрировать роту Волоховъ, Карлъ XII жестоко расшибся (I, 49).

[5]) Получивъ извѣстіе, что шведскій флотъ готовится къ нападенію на Архангельскъ, Петръ I въ третій разъ отправился туда съ цесаревичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и съ пятью баталіонами гвардіи. По пріѣздѣ укрѣпилъ онъ устье рѣки Двины батареями и шанцами, а на взморьѣ заложилъ новую крѣпость и назвалъ ее Новою Двиною (*Голикова, Дѣянія Петра Великаго II. 77 Жур. I, 49*).

IV.

АРИѲМЕТИКА МАГНИЦКАГО ([1]).

1. Изъ стиховъ на гербъ.

Ону волю мы въ тебѣ зряще ([2]),
и паче всѣхъ тя быти мнящe,
Въ той же ревности есмы суще,
и нѣчто наукъ тѣхъ имуще,
Едину отъ всѣхъ тѣхъ избрахомъ

ариѳметику написахомъ.
Люботрудно ся въ ней потщавше,
изъ многихъ разныхъ книгъ собравше:
Изъ грецкихъ убо и латинскихъ,
нѣмецкихъ же и италійскихъ ([3]).
Чинъ (а) и порядокъ избирахомъ,
и вся странства (б) ихъ изыскахомъ.
Елико же въ нихъ изобрѣтохомъ,
въ достойныхъ мѣстѣхъ приплетохомъ.
Сличіемъ (в) добрымъ и изряднымъ,
еще мнится намъ быть пріятнымъ.
Тѣмъ сличіе то объявлено,
въ двѣ книги просто раздѣлено.
Въ первой общая вся гражданства
коего либо государства.
Ариѳметика обычайная,
въ купецкихъ дѣлѣхъ случайная (г).
Цѣну товаровъ обрѣтати,
и достойною исчисляти.
А не точію тому чину (д),
но и всѣмъ людемъ требна выну (е):
Ремесленникомъ и художнымъ,
подданнымъ всякимъ и вельможнымъ.
Яко бы рещи—всѣмъ обильно
творитъ всякія пользы сильно.
И сія паки раздѣлена,
и на пять частей разложена.
Сихъ первая есть въ числѣ цѣломъ,
ясно явлена самымъ дѣломъ.
Аще бо кто и безъ учителя,
творится въ ней обучителя.
Мню яко ни чимъ той погрѣшитъ,
токмо усердно да прилежитъ.
О ней же въ цѣлыхъ первой части,
умыслихъ ино что прикласти.
Деньги и вѣсы вѣковъ данныхъ,
великихъ царствъ и докторъ славныхъ.
Единой вещи сей примѣньше,
въ подобство зернамъ все приведше.
Ради сего въ томъ есть способность
обрѣсти древнихъ мѣръ подобность.
Желаему намъ, такожде и вѣсовъ,
равнѣ и всѣхъ рудъ безъ примѣсовъ,
Цѣлыхъ и чистыхъ просту тягость,
и между ими праву разность.
Аще бо кто вѣсть руды мѣру,
знаетъ и ину по примѣру,
По тягости тѣхъ величество,
а чрезъ то вѣсовъ количество.
Есть какъ и примѣсъ познавати,
сколько чего въ чемъ исчисляти (ж).
Таже ина часть яже въ дробныхъ,
зѣло въ наукѣ сей пригодныхъ,
Равнымъ тщаніемъ учреждена,
чинно и явно положена (з).
А о правилѣхъ яже о трехъ,

а) Связь.
б) Особенности.
в) Сличеніемъ, соглашеніемъ.
г) Случающаяся.
д) Сословію.
е) Во всякое время.

ж) Говорится о содержаніи 1-й части Ариѳметики—политики.
з) Содержаніе 2-ой ч., о дробяхъ, той же Ариѳметики.

въ третіей части быть усмотрѣхъ.
А въ ней не токмо о томъ тройномъ,
но съ пятернымъ и о семерномъ,
Лѣпотно она вся разчинихъ,
и такъ третію часть окончихъ.
Ей же восхотѣхъ то приложить,
что тремя частьми мочно творить.
Купецкая вся и иная,
яже въ мірѣ, къ тѣмъ сочиняя,
Сирѣчь вся дѣйства въ насъ сущая,
права правила имущая.
И колько могохъ вся изыскахъ,
и добрымъ чиномъ здѣ написахъ,
Еже бы всяко знать коварство,
что имать обще все гражданство (а)
Во четвертой же части ина
положена суть ради чина,
И разности дѣйствъ оныхъ правилъ,
якоже обычай ихъ уставилъ.
Чинъ неправильно содѣвати,
егда что кому обрѣтати.
А ради правилъ сихъ косвенныхъ,
четвертой части присвойственныхъ,
Вся фальшивая часть назвася,
отъ нихже древле та издася.
Сей же части чинъ инъ изъисскахъ,
зѣло кратокъ и тутъ же вписахъ,
Еже отняти трудъ великій,
хотящимъ разумъ взять толикій.

а) Содержаніе 3-ьей ч. (о тройныхъ правилахъ).

Яко да и всякъ тщится паче
къ наукѣ той по сей издачѣ (б).
Радиксовъ же всѣхъ чинъ пріятный,
въ пятой части есть всѣмъ поятный.
Они бо вси суть многогубы,
яко квадраты такъ и кубы.
Съ своимъ ихъ дѣйствомъ объявлены
преясно и всѣмъ предложены (в).

2 Изъ ариѳметики Практической.

Что есть ариѳметика?

Ариѳметика, или числительница, есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопоятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явльшихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное.

Что есть аддиціо?

Аддиціо, или сложеніе, есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень (г) совокупленіе.

Что есть субстракціо?

Субстракціо, или вычитаніе, есть имъ же малое число изъ большаго вычитаемъ и излишнее объявляемъ.

Что есть умноженіе?

Умноженіе есть, имъ же что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещемъ по множеству иныхъ

б) Содержаніе 4-й ч. (о правилѣ фальшивомъ).

в) Содержаніе 5-й ч. (о квадратахъ и кубахъ).

г) Сумма, итогъ.

вещей раздаемъ, и количество ихъ числомъ показуемъ.

Что есть дѣленіе?

Дѣленіе есть, имъ же большее число, или перечень, на равныя части меньшимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину числомъ же показуемъ.

Вопросная.

Единъ человѣкъ выпьетъ кадь питія въ 14 дней, а со женою выпьетъ тое же кадь въ 10 дней, и вѣдательно есть (а), въ колико дней жена его особно выпьетъ тое же кадь.

Единъ корабль пловяше отъ града въ домъ, а можетъ преплыти въ 4 дни. А иный корабль поплы отъ дому во градъ, а можетъ преплыти въ 3 дни. А поплыли оба та корабля отъ мѣстъ своихъ во единъ и той же часъ, и вѣдательно есть, въ колико время сойдутся оба корабля.

Вопроси нѣкто учителя нѣкоего, глаголя: повѣждь ми, колико имаши учениковъ у себе во училищи, понеже имамъ сына отдати во училище; и хощу увѣдати о числѣ учениковъ твоихъ. Учитель же, отвѣщавъ, рече ему: аще придетъ ми учениковъ толико же, елико имамъ, и полтолика, и четвертая часть, еще же и твой сынъ, и тогда будетъ у меня учениковъ 100.

[1]) „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на словенскій языкъ переведенная учителемъ математики Леонтіемъ Магницкимъ". Она напечатана славянскими буквами. Виньетка, на первомъ листѣ, изображаетъ храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано по еврейски имя Божіе, сидитъ женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ: это ариѳметика. Къ ея трону ведутъ пять ступеней; счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ: *тщаніемъ*, на другой: *ученіемъ*, поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: „Ариѳметика что дѣетъ, на столбахъ то все имѣетъ". Кромѣ виньетки, находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пиѳагора. За оглавленіемъ слѣдуетъ обширное предисловіе „къ трудолюбивому и миролюбивому читателю:" здѣсь авторъ разсуждаетъ о превосходствѣ человѣка предъ другими животными, исчисляетъ его внѣшнія и внутреннія качества. Данныя отъ Бога свойства человѣкъ обязанъ украшать: украшеніе ума составляютъ науки — „царственное удобреніе человѣческаго естества". Отъ наукъ вообще предисловіе обращается къ Ариѳметикѣ въ особенности, указывая на ея приложеніе къ жизни. Въ заключеніи Магницкій говоритъ о своей книгѣ, собранной изъ многихъ иностранныхъ и старопреводныхъ славянскихъ книгъ.

Ариѳметика Магницкаго раздѣлена на двѣ части: Ариѳметику Политику и Ариѳметику Логистику. Первая есть собственно Ариѳметика, содержащая въ себѣ пять отдѣловъ: о числахъ цѣлыхъ, о числахъ ломаныхъ, о правилахъ подобныхъ (тройныхъ), о правилахъ фальшивыхъ или гадательныхъ и о правилахъ радиксовъ квадратныхъ и кубическихъ. Вторая подраздѣляется на три отдѣла: объ

а) Требуется знать.

и толь невозможнѣе купно многимъ человѣкамъ подлинное провѣщаніе учинити; но онъ признаваетъ охотно, еже въ Книгѣ премудрости въ девятой главѣ, въ шестомъ-надесять стихѣ стоитъ: Мы едва́ разумѣваемъ иже на земли, и яже въ рукахъ—обрящемъ съ трудомъ, а яже на небеси кто изслѣди, волю же Божію кто увѣдѣ (а).

Боже, пріиди къ намъ съ милостію, избави насъ отъ всякаго зла, подаждь намъ, во удобное время и часъ, христіанскую блаженную кончину. Аминь.

„Календарь или мѣсяцословъ христіанскій. По старому штилю или исчисленію. На лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709. Отъ міробытія же 7127. Напечатанъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ. лѣта Господня 1708. Декабря въ 28 день“. Небольшая книжка въ 4 — гражданской печати. Содержаніе ея слѣдующее: знаки мѣсячные, знаки дней седьмичныхъ, хронологія важнѣйшихъ событій, святцы, о затменіяхъ, о началѣ года, о четырехъ временахъ года, о войнѣ и мирскихъ дѣлахъ, о плодоносіи и недородіи, о здравіи и болѣзняхъ, о кровопусканіи (т. е. въ какіе дни каждаго мѣсяца пускать кровь). „Обозрѣніе русскихъ календарей или мѣсяцеслововъ“, г. Перевощикова, см. въ 3 т. „Магазина землевѣдѣнія, изданнаго Н. Фроловымъ“. Составъ календарей, безъ сомнѣнія, извѣстенъ былъ намъ въ 17-мъ в.: въ одномъ изъ хронографовъ (Опис. руков. Румянц. муз., № CCCCLVII) помѣщена „повѣсть о Махметѣ, о началѣ ученія его и кончинѣ“ изъ нѣмецкаго календаря (на 1684) Ясана Фохта, математика и философа свейскаго (шведскаго) королевства.

VII.

АПОѲЕГМАТА (1712).

1. Платонъ.

Ученія его сія суть:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злые нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можетъ, дондеже воли своей не одолѣетъ.

Повѣда (б), яко душа его о трехъ вещехъ скорбѣла: о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ; о разумномъ, разума лишенномъ; и о честномъ, въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Месть всегда зла и есть вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакому отъ людей; аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

а) По исправленному переводу Библіи: „И едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ; а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? волю же Твою кто позна?“

б) Платонъ.

Аще не вдастъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

2. *Аристотель.*

Той вопрошаемый: какая бы ему была прибыль отъ философіи? отвѣща: азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же, обличаемый, яко даде милостыню злому человѣку, рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ, каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ, отвѣща: таковымъ, каковымъ хочетъ имѣти ихъ къ себѣ.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ также и ученикамъ:

Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія.

Повѣда (а), яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно; а, научась, на свою красоту употребляти и къ общему благу — вещь есть зѣло благопріятна.

Вопрошенъ, чѣмъ разнится умный отъ глупаго, отвѣща: яко живый отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ счастіи человѣку красота, въ несчастіи прибѣжище.

Также вопрошенъ: что есть пріятель? отвѣща: есть едина душа въ двухъ тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда, яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, а иніи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати, что есть надежда, на то отвѣщалъ: ничто же ино есть, токмо сонъ человѣка неспящаго.

а) Аристотель.

Апоѳегмата, то-есть: Краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей. Книги три, въ нихъ же положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, и пословицы и разговоры различныхъ древнихъ философовъ. Преведены съ польскаго на славенскій языкъ. Повелѣніемъ же Царскаго Величества напечатаны въ Москвѣ лѣта Господня 1712 въ февралѣ".— Этотъ сборникъ, появившійся первоначально на польскомъ языкѣ въ началѣ XVII вѣка, былъ въ томъ вѣкѣ переписанъ съ польскаго подлинника русскими буквами, подъ титуломъ: „Краткихъ и вензловатыхъ повіесцѣ всіе книги" (рук. Пуб. Б.). На русскій языкъ переведенъ также въ XVII в.: „Апоѳегматъ, сіе есть соплетенныхъ краткихъ повѣстей книга I". Во 2-й — словеса царей, королей, воеводъ, сигклитикъ и иныхъ старѣйшинъ; въ 3-й — повѣсти Лакедемоновъ; въ 4-й— гадательство честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ не простыхъ (рук. П. Б.). Послѣдняя часть не помѣщена въ печатныхъ изданіяхъ 1711 и 1722 г.

VIII.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ПРИЧИНАХЪ ВОЙНЫ СЪ КАРЛОМЪ XII, СОЧ. ШАФИРОВА (1717 Г.).

Хотя при начатіи сей войны межъ имперіемъ (а) Россійскимъ и Короною Шведскою съ обѣихъ странъ многія деклараціи (б), манифесты и универсалы (в) письменные выдаваны суть; однакожъ, понеже оные токмо по каждой страны интересу и по состоянію времени, и по потребности всегда коньюнктуръ (г), а особливо со стороны Его Царскаго Величества, токмо въ краткихъ опредѣленіяхъ были сочинены; и большая часть оныхъ въ отвѣтъ на многіе съ шведской страны ругательные, и Его Царскаго Величества собственной высокой особѣ и всего Россійскаго народа чести и славѣ съ поношеніемъ касающіеся, манифесты и универсалы, къ возмущенію Его Царскаго Величества подданныхъ, противъ всѣхъ христіанскихъ и политичныхъ (д) народовъ обычаю выдаванныхъ, учинены и публикованы суть. И того ради во оныхъ токмо ко опроверженію тѣхъ калумній (е) и поносовъ (ж), и ко очищенію обруганной славы Его Царскаго Величества, и его оружія, и къ содержанію подданныхъ его въ вѣрности писаны. И тако того, что ко объявленію правыхъ и законныхъ причинъ сей войны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, къ тому же оныя всѣ объявительныя грамоты и письма для народа Россійскаго, на россійскомъ языкѣ, и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ въ Польшѣ, и на польскомъ языкѣ писанныхъ. И тако въ прочихъ краяхъ европейскихъ мало или и весьма о оныхъ неизвѣстно. Противъ того же со стороны шведской, оныя всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языкѣ штилизованы (сочинены) и потомъ на иные языки, въ Европѣ употребляемые, нарочно для внушенія всѣмъ переважены и дивулгованы (разглашены), дабы тѣмъ Его Царское Величество, яко начинателя противъ Короны шведской войны, предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ, въ тотъ концептъ или мнѣніе привесть, будто Его Величество оную войну безъ правильныхъ и законныхъ причинъ началъ и оную

а) Имперіей.

б) Объясненіе иностраннаго двора по какому-нибудь случаю.

в) Циркуляръ одного двора ко всѣмъ другимъ.

г) Обстоятельствъ (conjoncture).

д) Образованныхъ.

е) Клеветъ.

ж) Поруганій, поношеній.

безпримирительно продолжаетъ: внеся въ оныя многія несносныя и межъ потентаты (а) христіанскими необыкновенныя клеветы. Отъ чего, а особливо, понеже всегда натурально есть человѣкомъ о бѣдствующихъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющихъ зависть имѣти, не смотря на причины, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первый терпитъ, виновенъ, якоже всѣмъ извѣстно есть, многіе, особливо же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сихъ обѣихъ Сѣверныхъ Коронъ о древнихъ и новыхъ ихъ исторіяхъ основательнаго извѣстія не имѣютъ, по тѣмъ шведскимъ внушеніямъ въ томъ мнѣніи и донынѣ пребываютъ, что сія война, на его королевское величество свейское (б) не токмо отъ Его Царскаго Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокихъ союзниковъ, безъ праведныхъ причинъ, для единаго токмо властолюбія, начата есть, и для его конечнаго опроверженія непримирительно продолжается. Того ради побужденъ нѣкоторый вѣрный патріотъ (отечества сынъ) изъ россійскаго народа, для оправданія своего Всемилостивѣйшаго Самодержца и правдолюбиваго Царя и Государя, въ начатіи сея войны отъ такихъ неправедныхъ клеветъ и шведскихъ внушеній, испросилъ у высокоупомянутаго Его Величества Всемилостивѣйшее соизволеніе, сіе разсужденіе на свѣтъ выдать и тѣмъ оному показать.

1) Правыя, важныя и законныя древнія и новыя причины, которыхъ ради Его Царское Величество, яко христіанскій монархъ и истинный отецъ отечества своего, не токмо долженъ, но и необходимо принужденъ былъ начать сію войну противъ Короны Шведской, яко изъ древнихъ лѣтъ и непремѣнно, даже и до счастливаго государствованія его, имперію россійскому непримирительной, враждебной преслѣдовательницы.

2) И что толь долговременному продолженію сей войны, и пролитію многой крови человѣческой, и разоренію земель, весьма не Его Царское Величество, но никто иной, кромѣ самого его королевскаго величества шведскаго, вина и причина есть.

3) Что со стороны Царскаго Величества во время сей войны со всякою умѣренностію, христіанскимъ милосердіемъ и отъ большей части по обычаю всѣхъ политичныхъ христіанскихъ народовъ поступлено, а ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отмщенія шведской жестокости къ Его Царскаго Величества и войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ учинено. Противъ тогожъ съ шведской страны оная война съ начала и до сего времени была не по обычаю политичныхъ народовъ, но со всякою суровостію, нелюдкостію и досадительствы ведена. И уповаемъ,

---

а) Владѣтельныя особы.

б) Шведское.

что мы все сiе съ такимъ основанiемъ и истиною докажемъ, что всякъ безпристрастный не можетъ укорить и доказать, чтобъ въ семъ объявленiи что обрѣтено было мимо самой истины, или по пристрастiю и по злобѣ къ шведскому народу, писанное.

„Разсужденiе, какiя законныя причины Его Величество Петръ Первый, царь и повелитель Всероссiйскiй, и проч., и проч., и проч., къ начатiю войны противъ Короля Карла 12 Шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ пoнтетатовъ, во время сей пребывающей войны, болѣе умѣренности и склонности къ примиренiю показывалъ, и кто въ продолженiе оной съ толь великимъ разлитiемъ крови христiанской и разоренiемъ многихъ земель виновенъ, и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христiанскимъ и политичныхъ народовъ болѣе ведена 1717“. Сочиненiе посвящено наслѣднику престола царевичу Петру Петровичу. Въ приношенiи, или дедикацiи, исчисляются безсмертныя дѣла Петра Великаго, который, по выраженiю автора, „сочинилъ изъ Россiи самую метаморфозисъ, или претворенiе“; это — краткое похвальное слово преобразователю нашего отечества. Разсужденiе, написанное въ опроверженiе сочиненiя одного ученаго шведа о Карелiи и Ингерманландiи, раздѣлено на 3 части: въ 1-й разсматриваются причины, по которымъ Петру I слѣдовало начать войну съ Карломъ XII; во 2-й доказывается, что долговременному продолженiю войны причиною былъ король шведскiй, а не Петръ I; 3-я показываетъ, что со стороны Россiи война ведена была съ умѣренностiю, по образцу просвѣщенныхъ народовъ. Заключенiе содержитъ въ себѣ пространный отвѣтъ на возраженiе нѣкоторыхъ: „не лучше ли было вмѣсто продолжительной и тягостной войны заключить миръ, хотя и съ уступкою“? Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ, а заключенiе (отъ словъ: „тако, любезный читателю“) все принадлежитъ его перу. Къ концу книги приложено пять документовъ, относящихся къ сношенiямъ Россiи съ Швецiею. Авторъ ея—баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ, пользовавшiйся большою довѣренностiю Петра.

IX.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО (1717).

Впервыхъ наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ нихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтенiемъ не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять,

подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матере; отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бываютъ, для того, что обычайно служители и челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великіе между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ: такъ что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ именнаго приказу родительскаго никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вѣжливо и учтиво.

3. У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ ихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать (а), но ожидать пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять; на столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

4. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды. Но все, что имъ говорить, имѣетъ быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокимъ лицемъ говорить случилось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

5. Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

6. Когда родители или кто другіе ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣщать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: „что изволите государь батюшка“, или: „государыня матушка“, или: „что мнѣ прикажете, государь“; а не такъ: „что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь?“ И не дерзостно отвѣщать: „да, такъ“, и ниже вдругъ наотказъ молвить: „нѣтъ“; но сказать: „такъ, мой государь, слышу, государь; я выразумѣлъ, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали“. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ, но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

7. Когда имъ говорить съ

а) Вмѣшиваться.

людьми, то должно имъ благочинно, учтиво, вѣжливо, разумно, а не много говорить; потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговорить и потомъ мнѣнiе свое, что достойно, предъявить. Ежели случится дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при такихъ быть печальну и имѣть сожалѣнiе; въ радостномъ случаѣ быть радостну, и являть себя весела съ веселыми. А въ прямомъ дѣлѣ и въ постоянномъ быть постоянну, а другихъ людей разсудковъ (а) отнюдь не презирать и не отметать, но ежели чье мнѣнiе достойно и годно, то похвалять и въ томъ соглашаться; ежели же которое сумнительно, въ томъ себя оговорить, что въ томъ ему разсуждать не достойно. А ежели въ чемъ спорить можно, то учинить съ учтивостiю и вѣжливыми словами и дать свое разсужденiе на то, для чего. А ежели кто совѣту пожелаетъ, или что повѣритъ, то надлежитъ совѣтовать сколько можно, и повѣренное дѣло содержать тайно.

8. Съ духовными должны дѣти вездѣ благочинно, постоянно, учтиво и вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять, но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не уничтожай (не стыди) и не срамоти, и ниже, дѣла своего возвеличивая, расширяй болѣе, нежели какъ оное въ подлинномъ дѣйствѣ состоитъ, и никогда роду своего и произванiя безъ нужды не возвышай, ибо такъ чинятъ люди всегда такiе, которые не вдавнѣ токмо прославились. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весьма не надлежитъ того дѣлать, но ожидать, пока съ стороны другiе похвалятъ.

10. Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся. Но ежели оные прилежны, такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того что они грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознаться было неможно, потому что такiе люди много приложить и прибавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ присутствiи ихъ почитай, и въ нуждѣ ихъ имъ служи, также и о умершихъ никогда зла не говори.

12. Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣниво, не бодро,

---

а) Разсужденiй, мнѣнiй.

а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изъ того добра никакого ожидать можно, кромѣ дряхлаго тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилеженъ и безпокоенъ (а), подобно какъ въ часахъ маятникъ, для того, что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: *каковъ игуменъ, такова и братія.*

Како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Въ первыхъ обрѣжь свои ногти, да не явится яко бы оные бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый въ блюдо, не жри какъ свинія и не дуй въ ушное (б), чтобъ вездѣ брызгало, не сопи егда яси. Первый не пій, будь воздерженъ и бѣгай пьянства; пій и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возьми часть изъ того; прочее отдай другому и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на тарелкѣ (в), ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай (рта) губъ рукою, но полотенцемъ, и не пей, пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь, ѣшь что предъ тобою лежитъ, а инде не хватай. Ежели передъ кого положить хощешь, не примай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли, надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напредь хлѣба и смотри, чтобъ при томъ не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти и не облизывай перстовъ, около своей тарелки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и прочаго. Когда перестанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лице, и выполощи ротъ.

„Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ.“ Здѣсь содержится: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славенскихъ, печатныхъ и рукописныхъ; слози двописьменніи и трописьменніи; право-

---

а) Постоянно дѣятеленъ.

б) Уха, въ смыслѣ супа вообще.

в) Тарелка (нѣм. Teller).

ученія отъ Священнаго Писанія по алфавиту избранныя; числа церковныя (славянскія), ариѳметическія (арабскія), и римскія; зерцало житейскаго обхожденія. Книжка эта, изданная по повелѣнію Петра I, пользовалась въ свое время почетомъ. Историкъ Татищевъ рекомендуетъ ее сыну своему въ духовномъ завѣщаніи: „Малая букварь, или юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить можетъ". Любопытно, въ правилахъ житейскаго обхожденія, употребленіе пословицъ, которыя императоръ Петръ I любилъ. „Зерцало" принадлежитъ къ одному разряду руководствъ для юношества съ „Домостроемъ", „Вождемъ по жизни" и проч. Подлинникъ его, вѣроятно, нѣмецкій: на этомъ языкѣ, въ началѣ XVIII в., часто издавались сочиненія подъ заглавіемъ „Spiegel für der Bildung". „Der goldne Spiegel" и др. *(Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ I)*.

X.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, САМУИЛА ПУФФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1718).

Филиппъ II, король испанскій.

Подъ Филиппомъ Вторымъ королемъ необычное монархіи Ишпанской величество умалятися начатъ. Ниже къ тому невозможно бяше вся государства прилучити, понеже бракъ Филипповъ, состоявшійся съ Маріею, королевою британскою, не токмо недолголѣтній, но и безплодный бысть. И сіе убо въ первыхъ по моему разсужденію зѣло ишпанскія силы оскорбило (а), яко, отдавши Фердинанду (б) брату страны нѣмецкія, послѣ Кароль (в) императоромъ его огласити повелѣлъ. Которою вещію не токмо силы народа своего сломанныя и разрушенныя сотворилъ, но и достоинство императорское отъ ишпановъ отъято. Аще же и хотяше послѣ, дабы Фердинандъ Филиппа наслѣдникомъ кесарства огласилъ, обаче сіе не восхотѣлъ сотворити, наипаче совѣтомъ Матѳея сына подтвержденъ, дабы полученное при себѣ задержалъ. Онъ въ началѣ господамъ нѣмецкимъ доброхотенъ былъ и любимъ, Филиппъ же ненавидимъ, понеже каковъ ни былъ, весь ишпанъ былъ и ниже языка нѣмецкаго умѣлъ. Прочее же Фердинандъ, и которые вскорѣ по немъ были наслѣдники, зѣло доброхотны были, ниже таки ишпановъ слушаху, но паче часто о намѣреніи и волй ихъ небрежаху. Наипаче же силы ишпанскія разорены суть бунтами бельгійскими, которые, аки не уврачеванная язва, яже ракъ именуемая, расширишися, яко частію безвременно завладѣти Ишпаніею имѣлъ препятіе, и небрежаше своимъ присутствіемъ зло оное воспятити, донелѣже зѣло

а) Ослабило.
б) Фердинандъ I.
в) Карлъ V (Carolus).

умножися, подобнѣ яко и отецъ его сотворилъ былъ, иже хотящи Гандаву (а) градъ единый усмирити, Францишкови, тяжчайшему своему непріятелю, подъ власть и послушаніе не усумнѣлъ датися; частію же, егда хотяше жестоко на бунтовщикахъ мститися, князя Албанскаго (б), человѣка жестоконравнаго, надъ белгами, отдревле подъ милостивымъ владѣніемъ жити пріобыкшими, поставилъ, который въ отчаяніе бѣдныхъ приведе: наипаче егда изъявлено бысть отъ истязателей святыхъ вопросовъ (в), яко не токмо бунтовщики и иконоборцы должны главою казнены быти, но и самые каѳолики, которые имъ не сопротивлялися. Тѣмъ же нѣкій начальникъ испанскій, именемъ Антоній Варгасъ, зѣло красно по латинѣ, аще Богомъ угодно, изрече (haeretici fraxerunt templa, boni nihil faxerunt contra, ergo omnes debent patibulare; сіе есть: еретики раззориша храмы, а сопротивъ ничтоже доброе сотвориша, убо всѣхъ подобаетъ повѣшати). Но еще неимовѣрно ишпановъ ненавидяху белги не точію ради обычаевъ несогласія, но такожде что оные у Короля 5, подобнаго имъ, зѣло въ великой чести бяху, противнымъ же образомъ Филиппъ токмо ишпановъ своихъ почиталъ, которые, нестерпимою гордостію вознесшіеся, хотяху белгомъ, которыхъ невоенныхъ мняху, сопротивитися.

а) Гентъ.

б) Герцогъ Альба.

в) Инквизиторы.

Такожде и о семъ скорбяху, яко белги вещи новыя замышляли, понеже едино сіе имъ бысть желаніе, дабы король преславныя и древнія Белгскія отринувши привилегіи, превеликое оное государство, ни которыхъ законовъ имущее, воспріялъ. И тако брань, въ иномъ мѣстѣ начавши, съ котораго французовъ и британовъ побѣждати возмогли бы, ишпанскую монархію къ превеликой чести и славѣ вознести хотяху. Но белги свободу свою сердечно защищаху, ниже сего хотяху попустити, дабы они въ сравненіи съ народами побѣжденными были. Егда убо Филиппъ, отъѣзжаючи изъ Белгіи, хотя усмирити ненависти, ишпанскія помощи и силы оставити хотяше, князя Авріатскаго и комита Эгмонданскаго (г) надъ ними поставити тщашеся, но они весьма сопротивишася, глаголюще: яко аще сицевымъ игомъ обтягчены будутъ, то не миромъ, но бранію подъ иго должны завоеваны быти: пограничные такожде, и въ первыхъ Елисавета, королева англійская, видя сицевыя смятенія, никакимъ образомъ хотяще сего случая опустити, дабы ишпанскія силы и богатства могли смирити; протестанты тожъ нѣмецкіе, ишпановъ зѣло ненавидящіе и смятеніемъ ихъ рады, помощь Авріатскому великую подаваху; императоры же токмо своя празднованія цѣло сохранити и како нѣмцомъ угодити паче тщахуся, нежели како помоществовати ближнимъ. И по тому

г) Принцъ Оранскій и графъ Эгмонтъ.

убо случаю бунтовъ бельгійскихъ, брань между Филиппомъ и Елисаветою королевою началася, которою не токмо всякими образы, имиже можаше, белгомъ помоществоваше, но такожде, половивши корабли Инди западной превеликіе, ишпановъ убытки сотворила. Драконъ (а), такожде преславный мужъ, самыя полуденныя Америки страны опустошаше. Филиппъ же, своими деньгами въ Гиберніи (б) бунтовщиковъ содержащи, много королеву оскорбляше. Наконецъ Филиппъ Британію въ конецъ разорити хотяше: сего ради чрезъ многія лѣта флотъ созидаетъ, которыйименованъ быстъ непобѣдимый (в), и даже до того времени нигдѣже флотъ равный тому обрѣташеся: состояшеся во стѣ и пятидесятъ корабляхъ, на которыхъ было пушекъ мѣдныхъ 1600, желѣзныхъ 1050, корабельниковъ 8000, воинства 20000, кромѣ благородныхъ и самовольныхъ (г). Къ содержанію же флота того, на всякъ день 30000 золотыхъ выходило, которые всѣ счисливши, сто двадесять кратъ сто тысящей издержано. Сикстъ же, папа римскій, проклявши Елисавету, королевство Филиппу присудилъ. Но въ ничто обратися пріуготовленіе толь великое, егда велія часть флота онаго ово отъ англичанъ и батавовъ (в), ово бурею и непогодами на окіанѣ нѣмецкомъ пагублена, тако, яко зѣло мало кораблей въ Ишпанію возвратишася. И не бяше сицевый домъ благородный, въ немъ же по своихъ погибшихъ гласы плачевные не слышахуся. Обаче удивитися мощно неудобовѣрному Филиппа великодушію, иже, неутѣшную воспріявши вѣсть, никаковаго скорби и печали на себѣ изъявилъ знаменія, токмо единъ сей глаголъ изрече: кое зло съ вѣтрами и волнами брань творити имъ повелѣ? лѣта 1588. Оттуда англичане, батавовъ въ союзство пріявши, флотъ ишпанскій при Гадесахъ (е) побѣждаютъ, кораблей, премного всякимъ припасомъ и вещами исполненныхъ, уловляютъ, и самый градъ плѣняютъ, который разоренный комитъ Эссексинскій (ж), вождь англійскій, съ великимъ безчестіемъ оставилъ, и аще бы сего не сотворилъ, веліе бы тамо пораженіе ишпановъ могло быти, лѣта 1596.

а) Дракъ, анг. мореплаватель.

б) Ирландія.

в) Армада.

г) Волонтеры.

д) Голландцы.

„Введеніе въ Гисторію Европейскую, чрезъ Самуила Пуффендорфія на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, также чрезъ Іоанна Фридерика Крамера на латинскій преложенное, нынѣ же повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Перваго, Всероссійскаго Императора на Россійскій съ латинскаго переведенное. Печатано въ Санктпетербургѣ, 1718, декабря въ 5 день“. Переводчикъ, Гавріилъ Бужинскій, посвятилъ свой переводъ Петру I, по возвращеніи его, въ 1717 г., изъ заграничнаго путешествія. Въ предисловіи выражается радость о возвращеніи Госу-

е) Кадиксъ.

ж) Графъ Эссексъ.

даря, который возвелъ Россію на такую ступень величія, что всѣ европейскіе народы принуждены измѣнить о ней свое мнѣніе и признать ея могущество. Какой же видимый знакъ душевнаго веселія принести отцу отечества? переводчикъ приноситъ ему переводъ, уподобляя даръ свой чашѣ воды, предложенной персидскимъ поселяниномъ своему государю, который принялъ ее „паче всѣхъ пребогатыхъ дарованій“. Слѣдуетъ потомъ описаніе пользы историческихъ книгъ и примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіею. Далѣе говорится о самомъ переводѣ, который сдѣланъ съ латинскаго Крамерова перевода, а не съ подлинника, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Бужинскій не зналъ. Въ заключеніе переводчикъ снова обращается къ Петру. Книга Пуффендорфа (историка и юриста, 1632—1694), „сладостно отъ всѣхъ чтомая“ была, какъ и другія его сочиненія, въ великомъ уваженіи: „мнози князи и начальницы учителемъ чадъ своихъ книгу сію толковати повелѣваху, наставляюще ихъ и поучающе отъ исторіи благаго правленія“. Достоинство ея предисловіе полагаетъ въ томъ, что она кратко, разумно и въ порядкѣ излагаетъ дѣянія государствъ, чуждаясь „фабулъ, басенъ и забабоновъ“ (вздорныхъ, нелѣпыхъ росказней). Продажа этой книги, запрещенная при Аннѣ, разрѣшена при Елисаветѣ.

XI.

О ДОЛЖНОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА, САМУИЛА ПУФФЕНДОРФА, ПЕРЕВ. БУЖИНСКАГО (1726).

Изъ главы 2-й: о правилѣ дѣйствъ человѣческихъ или о законѣ общемъ и о правдѣ.

1. Понеже дѣйствія человѣческая отъ воли происходятъ; воли же каждаго человѣка не всегда себѣ подобныя, но разныхъ въ разная идутъ: того ради для благочинія и изрядства въ родѣ человѣческомъ потребно было правилу нѣкоему быти, которому бы оныя волѝ согласовалися. Инако бо, аще бы въ таковой свободности воли, и въ такой приклонности (а) и хотѣніи различности, всякъ безъ разсужденія ко извѣстному правилу, еже бы хотѣлъ—творилъ, невозможно было бы не быти великому смѣшенію и безчинію въ родѣ человѣческомъ.

2. Правило оное именуется законъ, который есть декретъ, или установленіе, которымъ начальствующій подчиненнаго своего обязуетъ, дабы по оному уставу свои дѣйствія согласовалъ.

3. Сіе правила опредѣленіе дабы лучши уразумѣлося, вѣдати надобно: что есть обязательство? и откуду происходитъ? кто пріяти обязательство, и кто тоежде другому положити можетъ? обще убо глаголется обязательство союзъ права (б), которымъ по нуждѣ

а) Наклонности.

б) Т. е. обязательствомъ называется союзъ права (vinculus jurim).

привязуемся повелѣнное исполняти: то-есть, налагается чрезъ оное аки нѣкая узда свободности нашей, что хотя бы весьма воля наша чего ни захотѣла и разнствовала, обаче онымъ обязательствомъ, аки внутреннимъ движеніемъ, познаваетъ, что аще положенному уставу дѣйствіе ея не будетъ согласно, то оное не добрѣ учинила; и тако аще кое отъ того зло человѣку приключится, то праведно себѣ оное долженъ вмѣнять. Ибо аще бы правило сохранялъ, могъ бы отъ онаго зла ухранитися.

4. А яко къ воспріятію обязательства человѣкъ способенъ, двоякая сего вина есть. Первая: что человѣкъ волю имѣетъ, которая къ разнымъ вещамъ склонна есть, того ради и къ правилу можетъ пристати. Вторая: понеже человѣкъ отъ власти начальствующаго не свободенъ есть; ибо гдѣ дѣлающаго силы по естеству къ единообразному нѣкоему дѣйствію суть привязаны, тамъ не свободное есть дѣйствіе; и таковому всуе полагать правило, который онаго ниже познати, ниже къ оному пристати можетъ. А когда кто не имѣетъ надъ собою начальствующаго, то для того самаго никто таковъ сыскатися не можетъ, кто бы ему обязательство правильно могъ наложити: ибо хотя онъ въ дѣйствіяхъ правильно поступать будетъ и отъ нѣкоторыхъ дѣйствій постоянно воздержится, однакожъ оное не по обязательству нѣкоему, но собственнымъ изволеніемъ своимъ тое дѣлаетъ. Слѣдуетъ отъ сего, что оный къ обязательству есть способенъ, кто имѣетъ начальствующаго, и правило предложенное можетъ разумѣти, и волю къ различнымъ вещамъ имѣетъ приклонную, которая, познавши правило, отъ начальствующаго предложенное, поразумѣетъ, что неправильно отступаетъ отъ онаго. И таковъ по естеству своему есть человѣкъ.

5. Налагается же обязательство умамъ человѣческимъ собственно отъ начальствующаго, то-есть таковаго, который не токмо имѣетъ власть нѣкое бѣдство противляющимся содѣлать, но который имѣетъ праведныя причины, для чего, по мнѣнію своему, воли нашея свободности хощетъ употребляти (a). Такова бо власть аще въ которомъ есть, тогда аще изволеніе свое объявитъ, то подобаетъ, дабы умъ человѣческій со страхомъ и почтеніемъ къ тому присталъ: со страхомъ для власти, а съ почтеніемъ, разсуждая причины, которые бы и безъ страха подвизать должны ко исполненію и воспріятію воли его. Кто бы ни единой причины показать не можетъ, для чего мнѣ, и не хотящу, обязательство хощетъ наложити, кромѣ единаго насилія; той менѣ устрашити можетъ, дабы зла вящшаго удаляяся, ему повиновался. Но когда страхъ минуетъ, тогда все могу паче по

---

a) Ограничить (circumscribere).

моей волѣ, нежели по его дѣлать. Противнымъ же способомъ (а) кто причины имѣетъ, для чего оному я долженъ повиноватися, а силы не имѣетъ бѣдствіе нѣкое мнѣ учинить, онаго повелѣнія безбѣдно могу пренебрещи: развѣ сильнѣйшій кто за честь его пренебреженную вступится. Причины же, для которыхъ кто праведно требовать можетъ, дабы другой былъ ему подчиненъ, сія суть: аще отъ того сему великія благодѣянія явлены; аще явится, что той благожелаетъ ему и о немъ смотрѣніе вящшее имѣетъ, нежели бы онъ о себѣ моглъ имѣть; такожде аще самымъ дѣломъ подъ его правленіемъ долженъ быть, и егда самъ себѣ добровольно подчинилъ и подъ правленіемъ тѣмъ быть восхотѣлъ.

„О должности человѣка и гражданина по закону естественному. Книги двѣ, сочиненныя Самуиломъ Пуффендорфомъ, нынѣ же на россійскій съ латинскаго переведенныя повелѣніемъ благочестивѣйшія великія государыни Екатерины Алексіевны, императрицы и самодержицы всероссійскія, благословеніемъ же святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода“. Спб. 1726. Переводчикъ (Гавріилъ Бужинскій) посвятилъ свой переводъ Екатеринѣ I. Въ посвященіи объяснено, что книга эта должна бы была показаться „на россійскомъ горизонтѣ“ — украшенною именемъ Петра, но кончина его тому воспрепятствовала; затѣмъ исчислены заслуги преобразователя Россіи — въ военномъ искусствѣ, по внутреннему устройству и особенно по изданію книгъ; потомъ разсказано, какъ Петръ, узнавъ, что во многихъ академіяхъ „аки алфавитъ употребляютъ въ наученіи юношъ книгу преславнаго юристы Пуффендорфа“, пожелалъ видѣть ее на русскомъ языкѣ, вручилъ ее синоду для скорѣйшаго перевода, во время котораго нетерпѣливо спрашивалъ, скоро ли онъ будетъ оконченъ; что, не дожидаясь конца его, пожелалъ видѣть нѣкоторыя части и, получивъ 10 главъ 1-й книги (всѣхъ главъ 35), во многихъ мѣстахъ самъ исправлялъ ихъ и лично отдалъ въ типографію для печатанія; что при собраніяхъ сенаторовъ, во дворцѣ, на асамблеяхъ восхвалялъ эти 10 главъ, называя автора мудрымъ юриспеританомъ (законознателемъ). За посвященіемъ слѣдуетъ „Правдолюбивому россійскому читателю“: здѣсь кратко говорится о Пуффендорфѣ и его книгѣ и о переводѣ. Переводчикъ отклоняетъ отъ себя упреки читателя за темноту нѣкоторыхъ мѣстъ: „егда чтый увидиши что неудобопонятное или реченіе кое примрачное, вѣждь, яко сему въ переводѣ потрудивыйся невиновенъ есть; но трудности оныя суть вины, яко въ малую сію книгу авторъ толико вещей собралъ, яже въ превеличайшихъ волюминахъ (книгахъ) едва вмѣститься могутъ“. Далѣе предложенъ реестръ реченій неудобно прелагаемыхъ съ лат. на русскій яз.; напр. spontaneitas — самоволіе, imputatio — вмѣненіе, norma — правило, injuria — безправіе или обида, hypothetica — виновныя или подпричинныя, conditio — прилогъ, cognatio — сродство, agnatio — свойство, factio — согласіе злое, interregnum — междугосударство, и проч.

а) Напротивъ.

XII.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.

А. Слова и проповѣди. ([1]).

1. Слово о побѣдѣ подъ Полтавою въ 1709 г.

Вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете, и будетъ вамъ (Марк. XI, 24).

Радуйтеся и веселитеся, Христоименитые людіе! Ликуй и торжествуй Церковь Христова и православная великороссійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопріятно: уже бо лютая зима прейде, скорбное преста бездедріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непріятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и воздыханія мимо идоша; цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей великороссійской. Нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдные благополучно собраны; плевелы же нечестивыхъ шведовъ лютѣ пожаты, и иніи въ снопы связаны, а иніи сожжены. Процвѣте скипетръ державнѣйшаго Государя и плодъ принесе не сторичный, но безчисленный, коимъ всю свою державу насытилъ есть и вселенную всю безсмертною славою наполнилъ. Радуется убо Россійская держава, яко таковую Господь посла милость свою и побѣду Монарху нашему, какові отъ начала міра не было: исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе царево — членовныя (а) льву шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ; яко обѣща намъ, тако и сотвори, рече: просите и дастся вамъ, вся елика аще молящеся просите (Марк. XI, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святѣй, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша, яко хвалитесь ей съ Давидомъ Святымъ: растерзалъ еси вретище (б) мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ, спасе мя отъ устъ львовыхъ (Псал. XXIX, 12)... Лютый оный звѣрь левъ, король шведскій, рыскаше и зіяше устами своими, хотя поглотити Россію; но прехрабрый Сампсонъ нашъ, Государь Царь, заградилъ есть уста тому льву, паче же растерза льва шведскаго. Побѣдилъ есть отъ колѣна Іудова побѣдитель Христосъ чрезъ Христа нашего Царя. Се большая сила орла царскаго, неже львова! Горняя сей мудрствуетъ, а не земная. Орелъ — царь есть воздушныхъ, левъ же земныхъ; орелъ отъ вышнихъ всѣхъ вышши воз-

---

а) Члены тѣла вообще; здѣсь же въ особенности челюсти.

б) Одежда изъ грубой ткани.

вышается, левъ паки по земли ползаетъ; орелъ свѣтло очи своя и зѣницы къ солнцу всегда обращаетъ, несмеженно на лучи солнечные смотритъ, а наипаче къ присносіяющему солнцу, еже есть Христосъ: Азъ есмь свѣтъ міру; левъ по пустынямъ, по вертепамъ крыется. Яко орелъ, Государь нашъ покры гнѣздо свое, царство свое, Церковь Христову, льва же растерза. Яряшеся левъ сей, гордяшеся и хваляшеся Церковь святую и государство наше поглотити, но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти (а) быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся (Псал. XIX, 9).

Хваляшеся прегордый онъ Голіаѳъ на новаго Божія Израиля и глаголаше: мечъ мой снѣсть мяса. Утну (б) мечемъ моимъ, пообладаетъ ихъ рука моя; не возвращуся, дондеже скончаются: но прехрабрый Царь Петръ, яко кроткій Давидъ, пращею Духа Святаго и каменемъ Христомъ, побѣдилъ есть. Мечи ихъ сломи, оружія сокруши, щиты сожже, иже имать мечъ исходящій отъ устъ своихъ Христосъ. Святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ: и видѣхъ изъ моря звѣрь исходящь, имущь главъ седмь, и роговъ десять: а на главахъ его имена хульна, и звѣрь, его же видѣхъ, бѣ подобенъ рыси, и нозѣ его, яко медвѣдя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змій силу свою, и видѣхъ едину отъ главъ его, яко заколену въ смерть (Апок. XIII, 1—3).

Звѣрь изъ моря есть король шведскій, имѣяй главъ седмь главнѣйшихъ генераловъ, который, пройдя Польшу, Литву, разорилъ домы Божія и обнажилъ, и дерзнулъ окаянный внити въ державу Государеву; но Господь, сокрушаяй брани, левъ отъ колѣна Іудова, побѣдоносный орелъ сокруши главы морскаго звѣря того, и самого уязви язвою смертоносною, еже пребудетъ неисцѣльна на вѣки.

Но и той съ клевреты своими, который поклонился тому звѣрю, пріиметъ казнь и погибель свою, сице глаголетъ Писаніе: иже аще кто поклонится звѣрю, и иконѣ (в) его, и пріиметъ начертаніе на челѣ своемъ, или на руцѣ своей, и той имать пити отъ вина ярости Божія, вина нерастворенна въ чаши гнѣва его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ предъ Ангелы святыми, и предъ Агнцемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходити (Апок. XIV). Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко тако будетъ.

Звѣрь той, иже хотяши пожерти (г) жену, то есть невѣсту Христову, Церковь святую, ятъ будетъ. Скорѣйшій орелъ, нежели звѣрь левъ, постигнетъ ихъ и

а) Низвергнуты.
б) Поражу.
в) Образу.
г) Пожрать.

поперетъ ногами, главы сокрушитъ гордыя, роги сотретъ. Святый пророкъ глаголетъ: видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскіе, и мимоидохъ, и се не бѣ, и взыскавъ его, и не обрѣтеся мѣсто его (Псал. XXXѴI, 35).

И сей лютый звѣрь, паче же бездѣльный, превозносяшеся, яко кедры Ливанскіе, и крѣпляшеся, аки дубъ; но, противляяйся гордымъ, Господь низложи гордыню его, посѣче тыя гордые кедры, сломи дуба мнящагося быти крѣпка и непреодолѣнна. Се исполнися Іоанново прореченіе: всякое древо не творящее плода и пр. (Іоан. XѴ, 2). Образъ сего предивный зѣло и весьми страшный видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, царь вавилонскій: видѣхъ бо, и се дубъ среди земли, высота досязаше до небесъ, и кореніе его въ концѣхъ всея земли, листвіе его красно, и плодъ его многъ, и пища всѣхъ въ немъ, и подъ нимъ веселяхуся вси звѣріе дивіи (а), и въ вѣтвѣхъ его живяху вся птицы небесныя, и отъ него питашеся вся земля. Веліе воистину и пречудное сіе древо! но егда только вознесся, абіе смирися, ибо видѣ Ангела вопіюща: посѣцыте дубъ, и обейте вѣтвія его, и обрушите листвіе его, и разсыплите плодъ его. Оле (б) паденія великаго, превысокаго древа до небесъ! Что исполнилося на самѣмъ же Навуходоносорѣ (Дан. IѴ).

Не тако ли и сей Навуходоносоръ шведскій гордяшеся и возношашеся до небесъ? но сѣкирою, о ней же Іоаннъ: се уже и сѣкира при корени древа лежитъ и пр. (Мат. III, 10), то есть силою Божіею и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго Монарха посѣченъ есть. Обиты вѣтви, то есть генералы и полководцы; обрушены и побиты листвія, то есть оружницы; разсыпаны плоды, побраны корысти, знаменія, воинскія потребы. Се коль великое дуба сего паденіе, намъ же возстаніе! Тіи спяти быша и падоша. Вопрошенъ бысть нѣкто отъ риторовъ: что Богъ на небеси дѣетъ? Отвѣщавъ, рече: играетъ съ тварію своею, гордыя смиряетъ, смиренныя возвышаетъ. Но не играетъ то Богъ, о риторе! но Правдолюбецъ правду дѣетъ, о ней же Петръ святый: Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (I Петр. Ѵ, 5). Сице гордящагося Голіаѳа смири и погуби чрезъ Давида смиренна, который каменемъ побѣди. Сице смири гордость Филистиновъ чрезъ Сампсона, Мадіама чрезъ Гедеона, Гаваониты чрезъ Финееса и Іисуса Навина, который побѣди пять царей амморейскихъ со многими тысящами. Славна та бысть побѣда, яко въ то время на прошеніе и моленіе Іисуса Навина ста солнце и мѣсяцъ среди небеси, и пособствоваше сіяніемъ своимъ побѣдити пять оныхъ царей. Но

а) Дикіе.
б) О!

славнѣйшая здѣсь побѣда надъ шведами. Тамо безсловесные свѣтила повелѣніемъ Божіимъ стали и помогали; здѣсь же мысленныя свѣтила: самъ Христосъ Спаситель, иже есть солнце, и луна—пресвятая Дѣва Марія, стали и пособствовали побѣдити гордаго сего. Тамо только солнце и мѣсяцъ стояли, а здѣсь и звѣзды, то-есть россійстіи чудотворцы и апостолы святіи и вси святіи помогали. Благополучное убо сіе есть время—мѣсяцъ іюнь, въ онь же дарова побѣду Господь: въ семъ бо мѣсяцѣ солнце входитъ въ знаменіе дѣвицы. Солнце Христосъ вниде во знаменіе Дѣвицы, юже видѣлъ Святый Іоаннъ въ Апокалипсисѣ; знаменіе веліе явися на небеси: жена облечена въ солнце и луна подъ ногами ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяти. Сладко воспѣваше со сверстницами своими сестра Моисеева Марія, восклицающи съ гусльми и тимпаны и иными мусикійскими органы, егда Моисей пройде море и погрузи въ немъ Фараона со всѣмъ воинствомъ; несравнительно сладкіе нынѣ гимны Марія—Церковь святая и Россія, егда скипетродержавецъ нашъ погрузи аки въ морѣ въ ихъ же крови шведа, воспѣваютъ и славятъ, глаголя: славою и честію вѣнчалъ еси, Господи, Царя нашего, и покорилъ еси подъ нозѣ его вся востающіе на ны, и будутъ величати и прославляти сицевую побѣду, сицевый подвигъ, донелѣже рѣки въ море плыти будутъ.

Кіими убо вѣнцы похвальными вѣнчаемъ Тя, Монархо нашъ Петре? Недоумѣемъ. Се самъ Царь небесный, вѣнчавый Тя за труды твоя толикіе, безсмертною вѣнчаетъ тя славою и честію, глаголя: достоинъ еси пріяти славу, и честь и силу. Побѣждаяй не имать вредитися отъ смерти: побѣждающему и соблюдающему дѣла моя до конца дамъ ему власть надъ языки, и упасетъ я жезломъ желѣзнымъ, и яко сосуды скудельничи сокрушатся; побѣждающаго сотворю столпъ, и дамъ сѣсти со мною на престолѣ моемъ, яко же азъ побѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моемъ на престолѣ Его. И дамъ ему ясти отъ манны сокровенныя (Апок. II). О которомъ благополучіи благодаряще мы, сынове россійстіи, Господа, церковь святую, долженствуемъ непрестанно молити, да сохранитъ тя, Государя нашего, цѣла, покоритъ всю силу вражію льва, расширитъ государство и миромъ оградитъ на вѣки. Аминь.

Б. Камень вѣры (1728) (2).

Изъ увѣщанія къ архіереямъ, іереямъ и міряномъ.

Что есть Церковь Святая?

Церковь Христова есть градъ Царя великаго, въ немъ же и ты живеши. Почто убо о семъ градѣ попеченія не имаши? И въ градѣ

убо вещественномъ егда видиши огнь домы поядающъ, абіе мятешися, и ярость огня бурнаго всячески тщишися угасити, да и не тебе пламень постигнетъ. Почто убо сицеваго благодѣянія граду Царя великаго, въ немъ же обиталецъ еси, не твориши?

Церковь Христова есть корабль, въ немъ же и ты плывеши въ пристанище небесное. Чесо ради убо о семъ корабли твоемъ душеспасительномъ небрежеши? И аще случится вѣтромъ и волнамъ на корабль устремитися, почто о семъ не радиши? О сокровищахъ твоихъ всячески промышляеши, но и тыя кораблю погибающу, погибнутъ, аще не прежде о корабли попечительство воспріимеши.

Церковь есть тѣло Христово, его же и ты еси членъ. И аще убо тѣлу сему случится какойлибо недугъ, почто врачевства не ищеши? О цѣлости тлѣннаго тѣла своего всячески попечительство имаши; а о тѣлѣ Христовомъ, отъ него же всю силу духовную воспріемлеши, не радиши.

Церковь есть мати твоя, яже тя духомъ породи, въ крестильной купѣли и млекомъ догматовъ православныхъ воспита. Таже и твердыя пищи тѣла и крове Христовы тебѣ вкусити даде, и нынѣ тя на лонѣ своемъ пѣстуетъ матерски, донелѣже при сосцахъ ея сладчайшихъ, яко любимое чадо, сномъ блаженнымъ уснеши. Почто убо аще случится досада нѣкая и безчестіе матери твоей, ты о семъ не радиши? О безчестіи плотскія матери твоея гнѣвомъ разъяряешися, о досадахъ же и укоризнахъ духовныя матере твоея (оле неблагодарствія!) подобныя ревности не имаши.

Церковь Христова есть домъ Божій, его же и ты еси домашнимъ: долженъ убо еси о семъ домѣ твоемъ всячески радѣніе имѣти, и отъ татей, подкопывающихъ и крадущихъ того, опасно хранити.

Церковь есть невѣста Христова, женихъ ея есть Христосъ. Мы яко слузи тѣхъ есмы. Предлежитъ убо намъ честь господей нашихъ всячески хранити, и на сицево дѣло трудовъ и здравія не щадити.

[1]) Проповѣди Стефана Яворскаго, 3 ч. Москва. 1804 — 1805 гг. Похвальное слово по случаю полтавской побѣды, выражая чувство радости, почти все состоитъ изъ сравненій, которыми показывается превосходство Петра I предъ Карломъ XII. Оно исполнено символовъ. Король шведскій изображенъ въ видѣ льва, Голіаѳа, морского апокалипсическаго звѣря, дуба, видѣннаго во снѣ Навуходоносоромъ. Семь главъ звѣря и вѣтви дуба суть шведскіе генералы, листья—воины, плоды разсыпанные—знамена и воинскіе доспѣхи. Императоръ Петръ Первый представленъ въ видѣ орла, которымъ растерзанъ левъ, новаго Давида, поразившаго Голіаѳа, сѣкиры, посѣкающей гордое древо.

[2]) „Камень Вѣры православнымъ Церкве Святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканіи и соблазна на востаніе и исправленіе". Въ началѣ книги помѣщено „Сказаніе о творцѣ книги"—небольшая біогра-

фія Яворскаго: потомъ идетъ „Вина и случаи писанія книги"—появленіе, 1713 г., въ Москвѣ, между нѣкоторыми Русскими послѣдователей кальвинизма. Далѣе слѣдуетъ „Предисловіе къ читателю": здѣсь объясняется смыслъ изреченій Св. Писанія, въ которыхъ Спаситель называется камнемъ Вѣры, камнемъ созиданія и въ то же время камнемъ соблазна. Христосъ и Божественныя словеса его были камнемъ претыканія роду іудейскому, еллинамъ (язычникамъ), еретикамъ древнимъ и новѣйшимъ. Въ исчисленіи главнѣйшихъ ересей говорится особенно о Лютерѣ. Отсюда объясняется названіе книги и вытекаетъ ея содержаніе и раздѣленіе: состоитъ она въ разсмотрѣніи различныхъ догматовъ, и каждый догматъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ въ первой „писано отъ камня Вѣры и созиданія духовнаго на утвержденіе православнымъ, а во второй обнаруживается камень претыканія на опасеніе и сохранное блюденіе правовѣрнымъ".

XIII.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

А. Слова и проповѣди.

1. *Изъ Слова въ день рожденія в. к. Петра Петровича (1716)* (1).

(Сравненіе древней Россіи съ новою).

. . . . Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣ устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній: воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бы была Россія прежде такъ недолгаго времени, и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія—дивные вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію (а), каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи не умытный (б), желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статьи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь! Уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже

а) На самомъ дѣлѣ.

б) Неподкупный.

ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры (а) хитрости умножаются. Что жеречемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ. Аще и самое, то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы воистину никіи же мастеры совершити сего, всуе бо было тектонское (б) искусство и труды, аще бы не предстала здѣ монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый Промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати и свести матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, еже бо не жалѣти толикихъ иждивеній; аще бо не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикаго и толь труднаго, а еще новаго дѣла; аще бы не воспланулося (в) здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и въ семъ не попустити отъ иныхъ прочихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, единоглавнѣйшее изречемъ, на таковый сей трудный, новый, преславный заводъ не довольно было никоеже имѣніе, ни лѣсы дубравые, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ, самая правда на бреги Ингріи (г) и Кареліи хищеніемъ льва свѣйскаго давно отъятые; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная и прогна далече звѣря онаго полунощнаго, протяже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію: се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничто же было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора (д) твоего? идѣже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ стран-

---

а) Воинской и гражданской.
б) Строительное.
в) Воспламенилось.
г) Ингерманландія.
д) Основатель.

ныхъ (а) здѣ пришедъ и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіесть, тщательствомъ Монарха нашего испразднися опая древняя пословица сарматская (б): не разомъ Краковъ будовано (в). Или великое бо время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: „кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю“. А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарсѣ тщета была бы, а не похвала, сіе пригласити (г); исповѣсти (д) бо воистину подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ, и внутреннимъ видомъ украси; зданіи, крѣпостьми, правилми и правителми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

А аще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій (аще и тако уже того минути мы не возмогли), и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикермень (е), разруши Азовъ и дракона асійскаго (ж) устраши, возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Ингріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кареліи, въ Финляндіи и въ чуждихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Елбингѣ Прусскомъ, и на мѣстахъ прочихъ; дерзнувша же встрѣтися на полѣ ратномъ преславно побѣди подъ Калишемъ; на Черной Напѣ (з), подъ Пропойскомъ (и), подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ? Не довлѣютъ воистину преславной оной викторіи (і) тысяща устъ риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многіе, донелѣже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочая пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было бы, аще бо кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити?

А что въ первыхъ воспомянути подобало и что всей толикой славѣ основаніе есть регула (к) воин-

---

а) Иностранцевъ.

б) Польская.

в) Не вдругъ построенъ Краковъ.

г) Произнести.

д) Исповѣдать, признать.

е) Каза или Кизы-Кермень, турецкій городъ, взятый въ 1695 г.

ж) Турцію.

з) Рѣчка въ Литвѣ. Побѣда одержана кн. Голицынымъ 1708 г., августа 29.

и) Мѣстечко, гдѣ Меншиковъ, 1708 г., разбилъ шведовъ, послѣ сраженія при деревнѣ Лѣсной.

і) Побѣда.

к) Правило.

ская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ. Чрезъ сіе дѣло, что либо и гдѣ либо россійскимъ оружіемъ достохвальное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо; за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ-то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всихъ, аще и кратное именованіе есть свѣтлое и извѣстное россійскаго счастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуда происшедшія пользы домашнія, да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ; не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ: бѣхомъ у политическихъ (а) мнимые варвари, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче было мнѣніе таковое, и изобличила была то неединократно Россія своимъ оружіемъ, но не довольно и не совершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ, честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества, не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла пресвѣтлый нашъ Монархъ? то что которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которые безчестили—славятъ, которые грозили—боятся и трепещутъ, которые презирали—служити намъ не стыдятся; многія въ Европѣ коронованныя главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотны, но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчествіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежнія свои о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати и писать начали: вознесла главу Россія свѣтлая, красная, сильная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, но истиннымъ словомъ все сіе: зависть славою Россійскою побѣждена есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣры уже въ свѣтѣ не обрящетъ, точію имать грызти персты своя и утробою снѣдатися.

2. *Изъ слова въ недѣлю осьмуюнадесять (1717)* (2).

(Польза путешествія для человѣка вообще и для Царя въ особенности).

Якоже бо рѣка, далѣй и далѣй проводя теченіе свое, больше и больше растетъ, получая себѣ прибаву изъ припадающихъ потоковъ, и тако походомъ (б) своимъ умножается, и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чегожъ много прибавляетъ?

а) Образованныхъ.

б) Шествіемъ, теченіемъ.

тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ, прочіимъ убыточно есть. Чего же иного? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе—искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллинскій Оміръ въ началѣ книгъ своихъ, Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вождя греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа, многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божіе: невидимая его отъ созданія міра твореньми видима познаемая суть (а) и присносущная сила его и Божество (Рим. I, 20). И сію-то философію свою сказалъ быти Антоній Великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: сія есть книга моя. Молю же (б): той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Что есть ли бы не иную какую давано пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокія, которымъ вѣдѣніе лучше всякаго сокровища стяжется. Но отъ сего познанія твари восходитъ мысль, яко же рѣхъ, къ познанію Творца, и толико выше къ познанію Бога восходитъ, елико множайшая созданія познаетъ. О единомъ плаваніи морскомъ, что глаголетъ Псаломникъ: Исходящіи на (в) море въ корабляхъ, творящіи дѣланія въ водахъ многихъ. Тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его во глубинѣ. Рече, и ста духъ буренъ, и вознесоша волны его. Восходятъ до небесъ, и нисходятъ до безднъ (Пс. CVI, 23—26). Аще же отъ единаго сего дѣла чудная Божія познаются, кольми паче показуетъ то странствіе, обоихъ путій (г) искусившее.

Сверхъ того перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая лучшая и живая честная политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію, обычаи и поведенія народовъ; егда тое жъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хощетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется; много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно

а) Во исправл. переводѣ Библіи: помышляема видима суть.

б) Спрашиваю же.

в) Исправл. переводъ: „Сходящіи въ...

г) На землѣ и на морѣ.

познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе-то, самымъ искусствомъ увѣдавъ, древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стихотворцевъ и историковъ книгѣ добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопонесъ и Аттику, что нынѣ Мореею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій, не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи; кольми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голыя только древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и самыя народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы ясно видимъ. Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости; видитъ вины благополучій, и учится правила; видитъ вину заключеній, и учится бодрости и оберегательства; зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа, и исправленія и недостатки; сами бо себе въ самѣхъ же насъ (не вѣмъ какъ то) не ясно познаемъ; и такъ аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи, странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтняя старость.

Особенно же дѣламъ военнымъ изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе. Молю да не во грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учительски сказую, но точію, поелико и простый догадъ постизаетъ, нѣчто воспоминаю, твердое разсужденіе искусныхъ въ томъ оставляя. Кому же, и легко сіе разсуждающему, не явѣ есть? аще бо географическія карты много къ походу военному пользуютъ, кольми паче свѣдати самыя страны, и грады, и народы. Не видимъ на картѣ, какая сія или оная крѣпость, въ чемъ оной надежда и въ чемъ боязнь, каковое искусство людей и каковыя сего и онаго народа сердца; не видимъ на картахъ, которыя угодныя и которыя трудныя мѣста къ переходу, къ переправѣ, къ положенію стана, къ дѣйствію баталій и прочая симъ подобная. Странствованіе едино все тое какъ на дланѣ показуетъ и живую географію въ памяти написуетъ, такъ что человѣкъ не иначе свѣданныя страны въ мысли своей имѣетъ, аки бы, на воздусѣ летая, имѣлъ оныя предъ очима.

3. Изъ похвальнаго слова о флотѣ Россійскомъ (1720) (3).

(Необходимость заведенія флота).

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки, а источники, не

толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи) (а), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное дружелюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды житію нашему потребные произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ, едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже невозможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда; видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но ненужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нужный и полезный есть морской флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей (б), не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ (в) нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить и отъ нападенія непріятельскаго опаситися, не токмо что оборонитися?

а) Шестодневъ или о шести дняхъ творенія.

б) Южными и сѣверными морями обладающій.

в) Вымыслахъ.

Земный непріятельскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ: есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ томъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, и узрѣвше ихъ, немощно бы уготовать трактаментъ (а) для нихъ. Какъ же но такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія (б), единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи города, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разоренни, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть, морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его, не начаешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебѣ благословеніемъ благостыннымъ, и невозбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго (в) духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разоре-

а) Угощеніе, пріемъ.

б) Смятеніе.

в) Тщательнаго.

ніе; и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждее себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми счастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣла еси неимущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны.

4. Слово на погребеніе Петра Великаго (1725) (4).

Что се есть! до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки изъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или, паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійсти сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ, смертѣхъ, жить нѣчто (а) начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы Тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть; видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменѣнъ есть. Но что намъ умножать жалости и сердоболія, которыя утолять, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли великіе его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистину толь печальной траты развѣ бы летаргомъ (б) нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бы мы, и каковаго и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову (в); засталъ воинство въ дому вредное и въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно возвращеніемъ отъятыхъ

а) Только что.
б) Усыпленіемъ.
в) Крѣпкую, какъ адамантъ

земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же возстающія на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе такъ выше удивленія всея вселенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала (а) правды и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясные—свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сигклитъ (б) и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и къ обличенію свирѣпыхъ? Воистину оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія хитрости и мастерства; еще же и чины и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутрь и отвнѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло — правительство синодальное, его попеченіе—пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія и невѣжествѣ пути спасеннаго! коликія ревности на суевѣрія, и лестническіе (в) притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго

а) Ограды, стѣны.

б) Собственно собраніе, верховное правительство, здѣсь сенатъ.

в) Обманчивые.

въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ обымемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить и стенать понуждающая. Негли (а) со временемъ нѣчто (б) притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о „дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ, бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весьма же, о Россіяне, изнемогаемъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быть не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же, во своемъ въ вѣчная отшествіи не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его подобонравнаго владѣтеля по смерти его. Тебя, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и различныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что сдѣланная отъ него утвердишь, недодѣланная сотворишь, и все въ добромъ состояніи удержишь? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть нестерпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилась она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери (в) и аки жестокая рана но-

а) Развѣ.

б) Немного.

в) Натальи.

вымъ уязвленіемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудахъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе всякаго чина и сана сынове россійстіи, вѣрностію и новиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несомнѣннымъ познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да, яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей Государынѣ нашей и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ и всей высокой фамиліи отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ, милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе, видя, кто и каковый тебе оставилъ, виждь — и какову оставилъ тебѣ. Аминь.

Б. Духовный регламентъ (1720) (5).

Объ ученіи.

Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе (а) велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ Первый, обучилъ оное изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ, и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ.

И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи Церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію, и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ.

Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей (б); ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ, Валентиновъ, Маникеовъ, Каѳаровъ, Евитовъ, (в), Донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурости описуютъ Ириней, Епифаній, Августинъ, Ѳеодоритъ и иные, — наши же русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ерисіархи, яковый былъ Арій, Несторій и нѣцыи иные; но ересь въ оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній ра-

а) Свыше чаянія.

б) Ханжа Критонъ, въ 1-ой сатирѣ Кантемира говоритъ: „расколы и ереси науки суть дѣти“.

в) Евхитовъ.

зумѣнія, а возросла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ совѣсти своей. И хотя отъ ученія своего имѣли они силу сочинять софизмы, сіесть коварные мудрованій своихъ доводы: обаче кто бы сіе зло восписывалъ просто ученію, тотъ бы понужденъ былъ говорить, что когда и врачъ опоитъ кого отравою, того ученіе врачевское виновно есть; и когда ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское. И если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Не спесивились такъ епископи до четыресотнаго лѣта, какъ послѣ возгордѣлися, наипаче константинопольскій и римскій; ибо тогда было ученіе, а послѣ оскудѣло. И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы и запрещали бы инымъ учиться; а то видимъ, что и учились вси древніи наши учители не токмо Священнаго Писанія, но и внѣшней (а) философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а именно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащимся младенцамъ, Златоустый въ книгахъ о монашествѣ, Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана Апостата (б). Но много бы говорить, аще бы о единомъ семъ нарочное слово было.

Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкве, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобъ было ученіе доброе и основательное.

Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе.

Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица (в)? И когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи,—за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не всѣ добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою: кольми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ.

Вѣдати же подобаетъ, что отъ пятисотнаго до четыренадесятьсотнаго году, то есть чрезъ девять сотъ лѣтъ, во всей Европѣ вся почитай ученія въ великой скудости и неискусствѣ были, такъ

а) Свѣтской.

б) Отступникъ.

в) Такой-то.

что у самыхъ лучшихъ авторовъ, во оныя времена писавшихъ, остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. По четыресотномъ надъ тысящу годѣ почали появлятися любопытнѣйшіе и потому искуснѣйшіе учители, и помалу многія академіи гораздо великую и почитай отъ древнихъ оныхъ Августовыхъ лѣтъ большую силу возъимѣли: многія обаче училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторики, и философи, и прочихъ ученій имена точію суть, а дѣло не тое. Причины того различны суть, которыя здѣ за краткость не воспоминаются.

Таковаго же, тако рещи, привидѣннаго (а) и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіе бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учитися. Когда вопреки прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ.

Се же вельми бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и Церкви; предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ; и если кто во ученіи похваляемь есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія. Когда богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себѣ, что не все знаютъ. А мудріи мужи сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе.

а) Призрачнаго, пустого.

[1]) Произнесено 28 октября 1716 г., напеч. 1717. Послѣ краткаго вступленія, проповѣдникъ выражаетъ *предложеніе* рѣчи: сыны царскіе не для однихъ родителей своихъ рождаются, но для всего народа своего, для всего отечества; на нихъ утверждаются надежды наши; отъ нихъ ожидаемъ того, чего не имѣемъ, отъ нихъ надѣемся продолженія, умноженія и утвержденія того, что имѣемъ. Рѣчь *дѣлится* на двѣ части. Первая разсматриваетъ, „коликое счастіе есть отъ царскаго чадородія государствамъ чина монаршескаго, наипаче же тѣмъ, въ которыхъ по наслѣдію преходитъ скипетръ, а не по избранію предается, и сіе какъ Россіи, такъ и всѣмъ монархіямъ подобнымъ есть общее“ *(выгоды наслѣдственной монархіи)*. Вторая показываетъ, „коликое благополучіе монархіи, егда некоего либо царя, но царя по сердцу Божію, царя храбраго, премудраго, добраго и всякими государственными

талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе“. *(Счастіе отечества, основанное на наслѣдникѣ Царя Великаго).* — Слова и рѣчи Прокоповича, отдѣльно печатавшіяся, изданы вмѣстѣ въ 3 ч. (1760—1765).

²) Слово въ недѣлю осьмую надесять произнесено 23 октября 1717 г. въ присутствіи Петра I-го, по долгомъ странствованіи возвратившагося (10 окт. 1717), на текстъ: „якоже преста глаголя, рече къ Симону: поступи во глубину“ (Лук. V, 4). Проповѣдникъ объясняетъ смыслъ этого велѣнія Господа. Поступить во глубину озера значило не держаться Апостоламъ въ одной Іудеѣ, какъ при брегѣ, но идти во глубину всего міра, странствовать въ далекихъ краяхъ, проповѣдать Евангеліе всей твари. Отсюда переходъ къ Императору Петру, не безъ смотрѣнія Божія носящему имя Верховнаго Апостола: „Не у брега мѣшкаетъ и твой Петръ, Россіе, но во глубинѣ ищетъ корыстей твоихъ; такъ устремленъ къ странствованію, аки бы ему речено было: поступи во глубину. Колика же его польза, коликая прибыль народу нашему, и легко разсудивши, всякъ познаетъ“.

³) Слово произнесено 8 сентября 1720 г., въ присутствіи Императора, по случаю морской побѣды, одержанной 27 іюля кн. Голицынымъ при островѣ Гренгамѣ, надъ шведской эскадрой. Оно дѣлится на двѣ части: въ первой показывается „милостивое къ намъ Божіе смотрѣніе, водныхъ викторій виновное“, т. е. что благовременнѣ подвигнулъ Богъ державнѣйшаго Государя нашего къ устроенію морскаго флота *(похвала русскому флоту);* вторая изображаетъ самую побѣду.

⁴) Произнесено 1-го марта 1725 г. Оно выражаетъ чувство скорби, поразившей все отечество, и величіе народной утраты. Здѣсь нѣтъ полнаго исчисленія талантовъ и дѣяній Петра: „краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая только проливать слезы и испускать стенанія“. Поэтому слово ограничивается краткими и отрывочными похвалами, въ которыхъ просвѣтитель Россіи сравнивается съ Сампсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ.—Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій монархъ и отецъ оставилъ насъ не совершенно нищими и сирыми: при насъ безмѣрное богатство силы и славы—Россія, которую онъ сдѣлалъ любимою, грозною и славною; при насъ его супруга, искушенная, какъ злато въ горнилѣ, сообществомъ его мудрости, трудовъ и бѣдствій.

⁵) „Регламентъ, или Уставъ Духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, такожъ и мірскихъ лицъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ, и притомъ въ отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣетъ“.1720. Раздѣляется на три части, по числу трехъ духовныхъ нуждъ, вѣдѣнія достойныхъ и управленія требующихъ: 1) описаніе и важныя вины таковаго правленія, 2) дѣла управленію сему подлежащія, 3) самыхъ управителей должность, дѣйство и сила. Основанія управленію: Законъ Божій, въ Св. Писаніи предложенный, каноны или правила соборныя святыхъ отцевъ, и уставы гражданскіе, Слову Божію согласные.—Чтеніе Духовнаго Регламента слушалъ Императоръ Петръ I, онъ разсуждалъ о немъ и исправлялъ его 1720 февраля 11; потомъ, февраля 23 того же года, слушали, разсуждали и исправляли архіереи, архимандриты и сенаторы.

XIV.

ПОСОШКОВЪ.

Книга о скудости и о богатствѣ (1724) (1).

Изъ главы о купечествѣ: важность его; торговля должна быть производима одними купцами; мѣры противъ обмановъ купеческихъ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы ни малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди — купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купеческій человѣкъ не потребенъ былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ (а) блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество ихъ иночинные (б) люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать торгъ имъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ русскому купечеству свободный, чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы къ торгу русскимъ людемъ помѣшательства нималаго бъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи (в). Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ разночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ оставить и записаться въ купе-

---

а) Подобаетъ.

б) Другихъ званій, сословій.

в) Счисленіе, число.

чество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить, такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще онаго званія человѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: единъ рабъ не можетъ дву господинамъ служити (Матѳ. VI, 24). Тако и воину и инаго чина человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прильпнутися, то въ военномъ дѣлѣ солгать будетъ. Самъ же Спаситель рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А святый Павелъ апостолъ глаголетъ (II, 41): яко ни кто воинъ, обязуйся куплями, угоденъ будетъ воеводѣ. А по простонародному реченію есть глаголъ (а) приличенъ сему, еже глаголется: одно взять—либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписаться надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчиныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству невозможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ.

А аще Господь Богъ у насъ въ россійскомъ царствѣ устроитъ сице: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, но токмо ихъ отъ обидниковъ защищать; также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатомъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ; такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступали жъ; а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы; такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣетъ, то бы записался

а) Поговорка.

въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ (а), а уже пахоть ему не пахати и крестьяниномъ не слыть, но слыть купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣдѣніемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина платить, въ мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколомъ (б), то такъ тому платить и неизмѣнно.

А дворяне ради себя пасли бы своихъ крестьянъ не отложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасались бы, и никогда бы даромъ, ни лѣтомъ, ни зимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ засѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибытку своего не покупалъ бы; а буде купитъ хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможню, извѣститъ, то у того торгаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о семъ донесетъ, дать десять осьминъ. А буде кто купитъ для продажи десять четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадетъ охота къ купечеству, чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бы въ магистратѣ и сказалъ, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вящше, то указомъ Его Императорскаго Величества взятъ будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество и такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вящше.

Потому что нынѣ торгуютъ бояре, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество провозятъ безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралася, да и собрать ее не мочно аще не оставить во всемъ (в) торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ

а) Въ друг. спискахъ по старинѣ.

б) Отъ „уколоть, отколоть“, какъ въ Рус. Правдѣ—„присопъ“ отъ „присыпать“.

в) Вовсе.

вступятся и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники (а) и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти (б) имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ ни по деньгѣ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да, закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ продаютъ, и въ убожество вящшее приходятъ, и тако вси отончеваютъ.

А еще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еще добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую, настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишніябъ цѣны ни у какого товара нето, что взять, но и не припрашивалибъ и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ; и въ коей лавкѣ сидитъ сотскій, то надъ дверьми лавочными прибить дощечька окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотскій; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямо ль отвѣсилъ или обмѣрилъ, и товаръ добрый или плохой, и настоящуюль цѣну взялъ.

А буде взялъ цѣну непротиво настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ и высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредь такъ не дѣлалъ; а буде въ другой разъ также учинитъ, то доправить штрафъ сугубо и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ

а) Присяжные продавцы, сборщики казенныхъ пошлинъ.

б) Шести.

требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому жесточае чинить наказаніе, и штрафъ противно товарныя цѣны взять десятерично.

А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотскій, или пятидесятскій, или десятскій, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятками смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику попоровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакого товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, добрый за добрый, середній за середній, а плохой бы за плохой, и вѣсили бы и мѣрили самою правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камки и прочія парчи мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ ни пришелъ, богатъ или убогъ, аще разуменъ или ничего не смыслящъ, всѣмъ единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублевъ единыя копейки не имали и не припрашивали бы.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе, не отлагая до инаго дня; когда кто провинится, тогда бы и платили; и, принявъ штрафу, записывали бъ въ закрѣпленную книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія командира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ вторично: за всякій взятый рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли командира своего, по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

„Книга о скудости и о богатствѣ сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“. Въ ней девять главъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествахъ (о промышленности мануфактурной), о разбойникахъ (объ уголовномъ

дѣлѣ), о крестьянствѣ, о дворянствѣ и землѣ, о царскомъ интересѣ.

Содержаніе главы о „купечествѣ" слѣдующее: „Важность купечества; необходимо его поддерживать и защищать; торговля должна быть занятіемъ только купцовъ; мѣры противъ обмановъ купеческихъ; какъ поступать съ иностранцами и какъ опредѣлять цѣну нашимъ товарамъ: какъ принудить иностранцевъ принять установленныя цѣны; необходимость нашихъ товаровъ; описаніе иностранныхъ товаровъ и ихъ негодности; о тарифѣ; о цѣнѣ денегъ; противъ роскоши; необходимость разрядовъ въ одеждѣ по званіямъ, о щегольствѣ монашескомъ; объ употребленіи иностранныхъ винъ, о табакѣ; о торговыхъ товариществахъ".

XV.

Гр. А. А. МАТВѢЕВЪ (1).

А. Дневникъ путешествія изъ Гаги въ Парижъ (1705) (2).

Представленіе Матвѣева Людовику XIV.

Въ 28 день (а) посолъ обослался изъ Парижа въ Фонтенебло чрезъ дворянина Зотова, тогда въ Парижѣ обрѣтавшагося, королевскаго величества французскаго съ статскимъ министромъ, секретаріемъ королевскимъ чужестранныхъ дѣлъ, съ господиномъ съ маркизомъ де Торціемъ (б), требуя прилежно королевскаго дозволенія и указа, когда на пріѣздъ и гдѣ у его высокоупомянутаго величества быть господину послу. Тотъ министръ по обсылкѣ его посольской учинилъ отповѣдь черезъ дворянина Зотова, что король, его государь, во время своего бытія въ Фонтенебло не забавляется въ дѣлахъ звычайныхъ (в) развѣ въ самыхъ нужныхъ совѣтахъ войны или своего государства; къ тому жъ за нѣкоторою его большою болѣзнью времени не достаетъ. И этотъ пріятный совѣтъ имѣетъ господинъ посолъ за нѣкоторый видъ королевской воли, хотя онъ (г) и собою говоритъ, что его превосходительству не есть случай нынѣ пріѣхать въ Фонтенебло.

По возвращеніи королевскомъ изъ Фонтенебло до Версаліи и по обсылкѣ посольской вновь съ маркизомъ де Торціемъ, назначена ему, послу, яко инкогнито присланному, отъ короля аудіенція приватная сего октября въ 25 день въ Версаліи. По назначенію тому прибылъ посолъ изъ Парижа въ Версалію и введенъ былъ отъ вышепоименованнаго статскаго секретарія къ королю въ самый

а) Сентября 1705 г.

б) Торси (Torçy), министръ иностранныхъ дѣлъ.

в) Необычайныхъ.

г) Торси.

его королевскій внутренній кабинетъ, гдѣ его величество, кромѣ принцевъ высокихъ и посла, никому приватныхъ аудіенцій по тотъ часъ не давывалъ и гдѣ всегда отъ него, короля, тайные совѣты отправляются. То введеніе послу было отъ него статскаго секретарія безъ всякихъ публичныхъ церемоній, для того, что онъ, посолъ, присланъ былъ къ королю инкогнито.

Въ кабинетѣ его королевское величество стоялъ при столѣ у окна, въ кафтанѣ французскомъ суконномъ темно-лимоннаго цвѣту, шитомъ мѣстами золотомъ, безъ шляпы. Вшедши и учиня его величеству посолъ по чину европейскому три обычайные поклона въ поясъ, отправлялъ послѣдующую рѣчь, въ которое время король стоялъ. По отправленіи посольской рѣчи, Его Царскаго Величества грамоту присланную выслушавъ, не только почтенно, но зѣло пріятельски къ себѣ присланную грамоту у посла изъ его рукъ принялъ съ прямымъ дружескимъ видомъ. Потомъ его королевское величество изволило само ему, послу, говорить, что отъ Его Царскаго Величества та къ нему его, посла, присылка зѣло есть угодна и что онъ все учинитъ къ царской угодности такъ, что въ его возможности будетъ. Также и особѣ посольской особливо сказалъ король себя быть весьма удовольствована.

При той аудіенціи, во время рѣчей королевскихъ, титла достойная Его Царскаго Величества съ высокимъ почтеніемъ всегда упоминилась и въ отвѣтахъ маркиза де Торція. Также этотъ министръ при самой бытности королевской въ ту аудіенцію послу давалъ въ своихъ и отъ короля въ словахъ почтеніе превосходительства, какъ то посламъ публичнымъ отдается безъ всякой разности, хотя онъ, посолъ, присыланъ тогда инкогнито.

Король есть великаго роста, дебелости изрядной и умѣренной, глазъ остроту и въ словахъ зѣло ласковъ, учтивъ и пріятенъ; говоритъ громко и склонности много. Имѣлъ тогда 67 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, однако гораздо еще бодраго состоянія въ здравіи своемъ находится. Великое воздержаніе въ яствахъ и питіѣ имѣетъ и всегда для осторожностей состоянія своего на всѣя мѣсяцы принимаетъ лѣкарства; также и для обученія плоти повседневно ѣздитъ на свои охоты и забавы въ ближайшія селы.

Онъ, король, приписуетъ себѣ именованіе Людовика Великаго за свои счастливыя дѣла, преславныя побѣды и чрезвычайныя благополучія въ дѣлахъ при правленіи монархіею, какъ въ его королевствѣ, такъ и по всей Европѣ.

Б. Исторія Стрѣлецкаго бунта, 1682 г. (3).

Въ 15 день іюня мѣсяца (а), оба братья, Государи Цари Іо-

а) 1682 г.

аннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ рукою Іоакима, патріарха московскаго, по древнему чину царскому, въ соборной великой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, царскимъ вѣнцомъ были вѣнчаны.

Бунтовое-жъ то время человѣкоугодницы придворные скрывая, называли смутнымъ временемъ. Въ ту же пору онъ вышеименованный бояринъ Милославскій (а), прозорливыми усмотря очами внутренняго коварства изъ придворнаго въ немъ лютаго коварства съ общниками своими, яко перводѣйствительный сочинитель всего того стрѣлецкаго воровства и онаго бунта, и всегда остротою совѣсти безпокойной своей проназенъ былъ, отъ сего въ высокомъ кабинетѣ злоконечно предостерегалъ себя, ради необходимаго впредь ожидаемаго ему въ Россійской Имперіи и въ будущихъ со временемъ новыхъ перемѣнъ въ неукоснительномъ времени по его злой заслугѣ воздаянія. Умыслилъ при томъ же еще бунтѣ отъ всего того прежняго учиненнаго вышеупомянутыми стрѣльцами соединенія въ сторону уклоняяся, тайно представилъ ей царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ, чтобъ тогда все правленіе то стрѣлецкое поручить бывшимъ боярамъ: князю Ивану Андреевичу и сыну его князю Андрею Ивановичу Хованскимъ, изъ которыхъ первый всенародно „Таруемъ“ называемъ былъ тою причиною, что онъ, гдѣ при полкахъ воеводою ни служилъ, вездѣ непостоянствомъ и безумною трусостію не токмо благополучный случай къ находкѣ надъ непріятелями бывшими, а именно надъ поляками и шведами, упускалъ, но и разныхъ россійскихъ людей рядомъ вездѣ-жъ терялъ. Вышепоименованный же сынъ его сомнительный былъ человѣкъ, токмо по фамиліи своей княжеской вся-каго властолюбія суетнаго желалъ, но высокоумно безосновательную голову имѣлъ. Вмѣсто же ожидаемаго впредь большаго имъ себѣ благополучія, они оба до горшаго сами себя злосчастія и великой погибели довели, о чемъ въ своемъ мѣстѣ покажется.

Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ, всегда нижеименованный Милославскій вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна пожелала каштана, то есть нѣкотораго плода съ древесъ меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испекши, изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда, поймавъ та обезьяна кошку и взявъ лапы ея кошачьи въ свои руки, скоро оный плодъ выбравъ, въ желаемую себѣ сладость получила и ими удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ онъ господинъ Милославскій людей тѣхъ, безразсудливыхъ Хованскихъ князей, равно

а) Иванъ Михайловичъ, врагъ Нарышкиныхъ.

какъ обезьяна, въ свои лукавыя руки, яко кошекъ помкнулъ (а) и сдѣлалъ участниками гнусныхъ тѣхъ прежде бывшихъ своихъ дѣлъ. И то все правленіе велѣно вѣдать имъ боярамъ князьямъ Хованскимъ и стрѣлецкій приказъ, которую власть они съ лѣпотою любочестія своего приняли, ко многому себѣ яко бы почтенію со всемѣрнымъ удовольствіемъ. Отъ чего они князья Хованскіе со дня на день въ славѣ и той ихъ стрелецкой радости превосходить начали, и во всемъ имъ стрѣльцамъ больше отъ безумія своего любительно снисходили и слѣпо угождали, что уже стрѣльцы его стараго князя Хованскаго, лукаво любя, „батюшкомъ“ своимъ называли, и завсегда за нимъ ходили и бѣгали въ безчисленномъ множествѣ, и куда онъ ни ѣхалъ, во всѣ голоса передъ нимъ и за нимъ кричали: „большой!“ И въ такой великій кредитъ тѣмъ своимъ безумнымъ поведеніемъ они князья Хованскіе къ нимъ стрѣльцамъ вошли, что они стрѣльцы всѣхъ бывшихъ полковъ въ собственной ихъ князей Хованскихъ волѣ и во власти были. Въ ту жъ пору старый князь, за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его, вдову, за себя замужъ идти; сынъ же его князь Хованскій такъ высоко разгордился, что многимъ особамъ знатнымъ публично ими стрѣльцами смертнымъ убійствомъ угрожалъ. Тогда за такимъ великимъ страхомъ ихъ стрѣлецкимъ имъ князьямъ Хованскимъ ничего вопреки никогда прямо говорить никто не смѣлъ. И такимъ порядкомъ оное время еще при той скоропостижной и тщетной власти въ Москвѣ продолжалося. Держава же ея царевны Софіи Алексѣевны внутренно у выборныхъ и сильныхъ стрѣлецкихъ тѣхъ полковъ людей повсемѣрно и сильно приростала, и во всемъ укрѣплялася, и тайные выходы и сношенія и совѣты съ ними непрестанно умножалися. Хотя она жъ царевна ихъ Хованскихъ князей властію тою стрѣлецкаго правленія ради вышеупомянутыхъ причинъ повысила тогда, наибольше за видностную токмо особую ихъ фигуру, но до времени вѣдала, что ихъ Хованскихъ князей правленію слабому и природному долгостоятельному быть не можно.

Тогда-жъ они князья Хованскіе, угождая стрѣльцамъ, многія суммы денегъ изъ царской казны имъ роздали, какъ бы заслуженное; тако-жъ, побитыхъ бояръ и иныхъ чиновъ пожитки забравъ, продавали, а деньги имъ-же стрѣльцамъ въ раздачу раздавали, хотя быть ими любимыми и чрезъ ихъ вышнюю честь охраненіе тѣмъ получить.

Содержалъ же онъ старый князь Хованскій тайно у себя Капитонскаго (б) еретическаго раскола ста-

а) Схватилъ.

б) Послѣдователи Капитона, монаха самопостриженника,

рыхъ раскольниковъ, Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятыя Богородицы, что въ Китаѣ городѣ въ Москвѣ, и сообщниковъ его распопъ (а), такихъ же раскольниковъ, которые уже за этотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ хулы сожжены были.

Тогда жъ объявилися въ стрѣльцахъ многіе раскольники. Получа своему зломыслію угодное (б) время, начали сѣтовать, „какъ бы имъ расколъ свой паки вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретичеству противную, разорить и правовѣрныхъ побить“. Того ради избрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго, и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту распопа, прозваніемъ Пустосвята, и чернцовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ. Оный же Никита, отъ той своей ереси преждеотступникъ, уже было покаялся подъ лицемѣріемъ, какъ давній неистовый Арій, и на свои прежнія блевотины (в), тому же подобно, возвратился. И вмѣстѣ они мятежники капитоны начали общему народу на площади и по улицамъ свою проповѣдь чинить: „чтобъ въ церковь не ходили, святаго креста и святыхъ иконъ новописанныхъ не почитали, и всѣхъ таинствъ церкви Восточной совершаемыхъ гнушались бы и не принимали, книгъ же новоисправныхъ не чли, а держали бы старую, ими называемую капитонскую вѣру“. Оные же, недавно пришедшіе премногіе простецы мужики, не зная совершенно древняго устава въ законѣ, чарованьми (г) лютыми у лжеучителей своихъ наученые, по лѣсамъ временному и вѣчному огню себя безразсудно на сожженіе предавали, страждуще горше проклятаго Арія, не вѣдая ни писанія, ни истины Божія. И почелобитью тому-жъ раскольничью, чрезъ помощь его князя Хованскаго, уже подущено было о семъ томъ и пренію у нихъ стрѣльцовъ, и капитоновъ лжеучителей о вѣрѣ съ самимъ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ и со архіереи соборно въ грановитой палатѣ положено быть.

Мѣсяца іюля въ 5 день, собралися въ грановитую благочестивые Государи Цари, и благовѣрныя Царицы, благовѣрныя Царевны, святѣйшій патріархъ со освященнымъ соборомъ, царскій синклитъ и прочіе правовѣрные народы; въ то-жъ время пришли и мятежники тѣ стрѣльцы, со всѣми лжеучители капитоны и прочимъ своимъ прельщеніемъ, и съ прельщающимъ, богопротивнымъ сонмищемъ, любомятежнымъ, нося предъ собою свѣщи возженныя и налой; многіе же отъ нихъ вошли напившися вина, чтобъ имъ или неистово тогда по своему злому

а) Разстриженный попъ.

б) Удобное.

в) Гнусности (выраженіе, взятое изъ 2-го Посл. ап. Петра II, 22).

г) Чарованьями.

умыслу возмутиться, или дерзновенно на побіеніе неповинныхъ устремляться, ибо едва не у всѣхъ пазухи каменіемъ были наполнены.

По прочтеніи поданнаго отъ нихъ буесловнаго, а не благословеннаго письма, просто зовомыя челобитныя, патріархъ и архіереи начали по чину обличать ихъ отъ Божественнаго писанія, показывая древнія книги во свидѣтельство. Но они, ни мало тѣмъ не вразумляяся, тотчасъ въ смятеніе пришли, какъ пьяные, великимъ воплемъ восшумѣли, свои безумныя, необыкновенному ихъ бунту приличныя рѣчи на воздухъ испущать дерзали.

При томъ же соборѣ былъ одинъ изъ архіереевъ Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій и важскій (а), мужъ слова и разума зѣло доволенъ, прежде придержащійся оныхъ расколовъ, размотрѣвъ же опасно ихъ лживые и безумные забабоны, того ради отъ оныхъ къ Восточной церкви обратися, явился крѣпкій православія защитникъ, и тотчасъ началъ ихъ капитоновъ лживыя изобрѣтенія и уничтоженные забабоны изобличать и яко стрѣлами уязвлять.

Они же, не могшіе истиннаго изобличенія его стерпѣть, на него устремилися неистово убить его. Увидѣвъ же все то благочестивые Государи Цари, таковой неукротимый раскольниковъ на людей, паче же на церковь святую мятежъ, встали и со гнѣвомъ изъ палаты вышли, зѣло скорбя о такомъ возмущеніи междоусобномъ. Тогда-жъ прочіе стрѣльцы, не имѣвшіе раскола, познавъ самую неправду раскольниковъ, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ. Нечестивый Пустосвятъ, идучи яко бы съ побѣдою и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симонъ волхвъ, всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ. И съ той поры они стрѣльцы свою братію почали отъ раскола того по малу усмирять. Послѣ того же вскорѣ онаго Пустосвята отдали церковному суду, и на утрѣ онъ казненъ былъ смертію на Болотѣ; а тѣ чернцы, бродяги пять человѣкъ, разосланы по разнымъ епархіямъ, въ вѣчное заточеніе. Прочіе же стрѣльцы подъ совѣстію своею, и не хотя умолкнули, безпомощне остася; но изъ сердецъ злобы той своей отнюдь не искоренили.

а) Вага (Шенкурскъ). До построенія Архангельска и до учрежденія въ немъ епархіи, архангелогородскіе архіереи именовались холмогорскими и важскими.

[1]) Графъ А. А. Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артемона Сергѣевича, въ 1699 г. былъ отправленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ въ Голландію, гдѣ и оставался до 1712 г. Въ это время Петръ I вызвалъ его въ Дрезденъ и назначилъ полномочнымъ министромъ при австрійскомъ дворѣ. По возвращеніи въ Петербургъ (1715) возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи. Кромѣ Записной книги всякимъ вѣдомостямъ (1700—1702), т.-е. донесеніямъ Петру I о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ (рукопись въ

И. П. В.), есть „Дневникъ“ его, веденный имъ въ 1705 на пути изъ Гаги въ Парижъ, куда онъ былъ отправленъ для заключенія торговаго договора съ Франціею. Онъ же написалъ Исторію стрѣлецкаго бунта 1682 г. (Ркп. Румянц. Муз. №№ CLXXVIII и CLXXIX, изданную Туманскимъ въ 1 ч. „Собранія разныхъ записокъ“ (1785) и Сахаровымъ въ „Зап. Рус. людей“.

²) Торговый договоръ, для заключенія котораго отправленъ былъ гр. Матвѣевъ въ Парижъ, не состоялся. Людовикъ XIV дозволилъ только нашимъ купеческимъ кораблямъ свободный въѣздъ во французскія гавани. Содержаніе „Дневника“ слѣдующее: объясненіе причинъ поѣздки, описаніе мѣстъ, лежащихъ на пути къ Парижу, описаніе Парижа, аудіенція у Людовика въ Версали, о высшемъ французскомъ обществѣ, о воспитаніи, занятіяхъ и пр. См. ст. Пекарскаго: „Поѣздка гр. Матвѣева въ Парижъ“ (Соврем. 1856, № 6).

³) Содержаніе отрывка слѣдующее: Коронованіе государей (Петра и Іоанна Алексѣевичей); Милославскій упрашиваетъ Царевну Софію ввѣрить Хованскимъ управленіе стрѣльцами; характеры Хованскихъ; потворство стрѣльцамъ; старый Хованскій укрываетъ у себя раскольниковъ; Никита Пустосвятъ возмущаетъ народъ; преніе патріарха Іоакима въ Грановитой палатѣ съ раскольниками; Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій; стрѣльцы изгоняютъ изъ палаты раскольниковъ; казнь мятежниковъ.

XVI.

ЗАПИСКИ НЕПЛЮЕВА.

Отправленіе Неплюева резидентомъ въ Царьградъ.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ (а) для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали; и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ Государь сидѣлъ еще за столомъ. Государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ (б) отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ (в) говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда: этому помочь можно скоро; но кто тотъ такой? Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: вотъ онъ за тобою стоитъ. Да ихъ стоитъ за мною много, сказалъ Государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: твой хваленый, что у галернаго строенія. Онъ оборо-

а) Большой обѣдъ во дворцѣ.

б) Второй сынъ Канцлера гр. Г. И. Головкина († 1760).

в) Генералъ-адмиралъ, гр. Апраксинъ.

тился и, поглядѣвъ на меня, изволилъ сказать: это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть. Я поклонился Государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня въ оную посылку назначить, и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ Государю. Я упалъ ему Государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде хорошъ будешь—не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою. Въ началѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставить тебя. Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: кого жъ я возьму на его мѣсто? и съ тѣмъ словомъ отпустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную, и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой, Григорій Петровичъ (а), меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова.

25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки резидентомъ ко двору Султана турецкаго въ Константинополь. 26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ Государь тысячу рублей; а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26 числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступить со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію, и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться. О разговорахъ, притомъ бывшихъ, не описую, потому что запамятовалъ съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ, съ нимъ Государемъ прощаясь. Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ; былъ я так-

а) Генералъ-аншефъ гр. Чернышевъ. Неплюевъ называетъ его благотворителемъ, потому что Чернышевъ рекомендовалъ его и Куракина, какъ такихъ гардемариновъ, которые достойны управлять галерою.

же у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича (а) просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности. Онъ мнѣ на сіе только сказалъ: дуракъ! Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ тоже слово—дуракъ! На что я уже не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ: „съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? вѣдь имъ только что по міру ходить. Для чего ты не просилъ Государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованье?“ Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ, а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: потому-то ты и дуракъ. Да добро—помиримся и простимся съ тобою! коли будешь хорошо служить, такъ Государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала; сколько ей будетъ надобно, я и деньгами ссужать буду. Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. Ну такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адмиралъ: я всякую ей помощь сдѣлаю. Простясь съ нимъ, для того жъ пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву. Сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ надлежащею вѣрностію, а прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ (б) у Государя въ отмѣнности, а я де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ, и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать. А сверхъ того и таковое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень замосковныхъ Ерополецъ былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка во всемъ могу положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который принялъ меня также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

Изъ Санктпетербурга выѣхалъ

а) Матвѣй Измайловичъ, вице-адмиралъ.

б) По отношеніямъ съ иностранными державами.

я и при мнѣ сынъ мой, Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го числа 1721 года, и заѣхалъ въ деревню мою въ сельцо Поддубье, и тутъ, 2 дня пробывъ, оставилъ жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, а самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марѳу, коя умерла вскорѣ. Пріѣхавъ въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное, и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

1721 года сентября 8-го числа прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го числа имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Даниловымъ аудіенцію у султана турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрующую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима. Тогожъ году октября 22 числа Его Царское Величество Петръ Первый Самодержецъ Всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ „Императоромъ“. 1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядькою вышеписаннаго Аѳанасія Еропольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года Его Императорское Величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бунтовщиковъ Лезвовъ за учиненныя отъ нихъ убивства и убытки россійскимъ купцамъ въ Шамахѣ; тѣмъ походомъ взятъ городъ Дербентъ. Въ началѣ 1723 года прислано ко мнѣ отъ Его Императорскаго Величества полная мочь трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медіаціею (а) французскаго посла марки де Бонака, по причинѣ начатой Его Величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору россійскому посланникъ Капиджи-Паша тоже и Мехметъ Ага. Тогожъ года мѣсяца іюля умеръ сынъ мой Иванъ 7 лѣтъ отъ роду. Въ семъ же году взятъ персидскій городъ Баку. Сентября 12 числа тогожъ года Его Величество заключилъ трактатъ съ персидскимъ шахомъ Тахмасебомъ; въ слѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ турецкими министрами Рейсъ Ефендіемъ Мегметомъ, да Хаджи Мустафою Эфендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 году іюня 27 дня заключилъ я, Неплюевъ, подъ медіаціею того посла марки де Бонака, о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ Пашою, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и

а) Посредничество.

мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману слѣдующаго содержанія:

Милостивый ко мнѣ Государь
Григорій Петровичъ!

Вашепревосходительство—первая причина моего благополучія, и я по милостивому вашему предстательству пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахожусь, отпуская сего курьера, и во ожиданіи, какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ; и если оныя къ несчастію моему неугодны окажутся Его Императорскому Величеству, то по истинѣ я жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду.

Милостивый Государь
Андрей Ивановичъ!

При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашею протекціею; а какъ нынѣ, при полученіи сего курьера, вамъ, Милостивый Государь, къ тому есть пространный случай, то о показаніи вашея ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать его Императорскому Величеству угодное, но какъ принято будетъ и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь, и потому васъ, Милостивый Государь, покорно прошу оказать ко мнѣ и ту милость—увѣдомить меня не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ (а), а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ.

Августа 25 числа получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы (б) вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ коллегіи тогожъ дня въ присутствіи Императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить и поздравить, что Его Императорское Величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи

а) Увѣдомленіе изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не можетъ откровенно и подробно изъяснить, доволенъ ли государь или нѣтъ.

б) Трактатъ съ персидскимъ шахомъ.

вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте-же мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а себѣ испросить у васъ время ко оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи.

Сіе письмо получилъ я будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа начало проходить мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дня заключенія трактата. Августа 29 числа получилъ я указъ, что Его Императорское Величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцевымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловать: 1) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2) деревнями въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиралтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и прочимъ наукамъ. Съ ратификацією на оной трактатъ къ Портѣ прислалъ генералъ-майоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ (а).

„Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, имъ самимъ описанная". (Рус. Архивъ 1871, № 4 и 5, съ предисловіемъ и съ примѣчаніями Л. Н. Майкова). — И. И. Неплюевъ (р. 1693, ум. 1773) взятъ на службу 1715 г. и учился сначала въ Москвѣ; потомъ переведенъ въ петербургскую школу, которую содержалъ французъ Баро, и затѣмъ отправленъ на корабль, въ Ревель, гардемариномъ. Въ числѣ 30 гардемариновъ онъ посланъ былъ учиться мореплаванію въ Венецію и Францію. Изъ Венеціи пріѣхалъ въ Испанію: здѣсь, въ Кадиксѣ помѣщенъ былъ въ Военную Академію для изученія артиллеріи и другихъ предметовъ. Воротился въ Петербургъ 1720 г. Выдержавъ экзаменъ въ присутствіи Государя и начальниковъ: гр. Чернышева и Зміевича, назначенъ былъ смотрителемъ надъ строившимися судами. Петръ I, узнавъ его способности и усердіе, отправилъ его резидентомъ въ Царьградъ, гдѣ онъ оставался до 1735 г. Въ 1739 году Неплюевъ управлялъ кіевскою губерніею, а потомъ и всею Малороссіею. При вступленіи на престолъ Елисаветы, былъ отставленъ за близкія отношенія къ Остерману; оправданный (1742), получилъ начальство надъ оренбургской экспедиціей. Болѣзнь заставила его выдти въ отставку, въ которой онъ и оставался до 1760, а въ этомъ году пожалованъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. При восшествіи Екатерины II на престолъ, когда она съ войскомъ двинулась въ Петергофъ, Неплюеву было ввѣрено управленіе Петербургомъ. Послѣдніе годы жизни (съ 1764 по 1773) провелъ въ деревнѣ. Неплюевъ былъ истый воспитанникъ Петра I, проведенный имъ, какъ онъ самъ говоритъ, „сквозь огнь и воду". Когда Екатерина II не соглашалась уволить его отъ службы, прежде чѣмъ онъ не представитъ ей, вмѣсто себя, другаго съ такими же достоинствами, Неплюевъ отвѣчалъ ей: „Нѣтъ, Осударыня, мы Петра Великаго ученики; проведены имъ сквозь огнь и воду; инако воспитывались, инако мыслили и вели себя,

---

а) Отецъ Петра А. Румянцова, фельдмаршала.

а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться". Записки Неплюева обнимаютъ всю его жизнь. Послѣднія двѣ страницы (о болѣзни и смерти) написаны кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ къ нему. (Словарь достоп. людей Русск. земли, Бантышъ Каменскаго, т. 2, и Русскіе мемуары XVIII вѣка, Пекарскаго, въ Соврем. 1855, № 4).

XVII.

ЗАПИСКИ КРЕКШИНА.

Изъ Предисловія.

Егда же благоволи Богъ изъ тьмы возсіяти свѣту, и возсіяти въ сердцахъ сыновъ россійскихъ, даровалъ свѣту Петра Великаго, посади на престолѣ блаженной Россіи, на престолѣ отецъ, его вѣнча славою и честію, разумомъ просвѣщеннымъ, премудростію, вѣдѣніемъ, помаза миромъ, милостію и щедротами, запечатлѣвъ печатію дара Духа Святаго, царя великаго въ царяхъ честныхъ, посади того по имени и величеству блаженныхъ дѣлъ перваго въ царяхъ великаго россійскаго, въ вѣкъ обѣща ему милость свою: ненавидящихъ уничтожить, враговъ истребить, злые ихъ совѣты аки прахъ возмести, да видятъ всѣ живущіи на земли, яко самъ Вышній благословилъ Россію. И тогда даде начало славы, начало побѣдъ, начало блаженствъ.

Той отецъ нашъ Петръ Великій Вышняго святою волею положилъ основаніе всѣхъ благъ блаженной Россіи, на томъ основаніи Вышняго строителя зиждетъ и исполняетъ, еже жела сердце Петра Великаго. Той отецъ нашъ Петръ Великій всякое невѣдѣніе и неразумѣніе просвѣти, и всякое суевѣріе истреби, надѣли премудрымъ знаніемъ, здравымъ совѣтомъ, политическимъ обхожденіемъ, кроткимъ нравомъ, воскреси Россію полумертвую, воздвиже спящую, слабую въ силѣ, малочувственную по имени своему сотвори камени (а) подобную, возведя отъ тьмы ко свѣту, отъ незнанія къ знанію, отъ обезчестія къ славѣ. Бысть на землѣ колеблема сила наша, а нынѣ она и на морѣ крѣпка, аки стѣна. Все, что видимъ цвѣтущее и славимое въ Россіи, все сіе заботы, труды и дѣла Петра Великаго. Сей великій императоръ многое, чудное и

а) „Петръ" на греч. яз. значитъ „камень".

великое руками своими создалъ на четырехъ моряхъ флоты великіе кораблей и галеры, состроилъ великія гавани, создалъ каналы, аки рѣки великія и многополезныя, содѣлалъ чины, и степени, и порядки, и благочиніе семейнаго обхожденія, и благопріятные обычаи въ Россіи насадилъ, и прочими безчисленными благодѣяніями обогатилъ и прославилъ.

И аще мы толикое его въ Россіи явленное благодѣяніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ обличенію каменносердечія нашего, что толикое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и данные намъ отъ него таланты на ѳеатронъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не изнесли, и коснимъ яко черепокожніи въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго.

Чуждіи народы и не суть присніи (а) рабы, и тіи блаженныя дѣла его, елико возмогли собрать, печати предали, и тіи блаженныя дѣла его прославляютъ и преславнымъ дѣяніямъ его удивляются; мы же не точію присніи раби его, но отеческою къ намъ щедротою сыны любезные нареченные быхомъ, а благодарствія сыновня не воздахомъ. Съ воздыханіемъ сердецъ возглаголемъ: „отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи, и отъ всѣхъ порицаеми невѣждами, ничтоже имущи, ничтоже знающи, ничтоже вѣдущи, кромѣ истинныя Вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори искусными въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ (б), мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицаютъ первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было наше мѵро благовонное, благоухавъ славу Россіи въ концахъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи“.

Не въ насъ ли всѣ дѣянія его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженные труды его? Не его ли трудами вся Россія обновлена и престолъ царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимся — всюду труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго. Аще въ насъ и предъ очію нашу Великій Петръ основа и созда, то для чего благодѣтелю своему за благодѣяніе благодаренія не воздадимъ? Или хощемъ уподобиться роду іудейску, не возблагодарившему благодѣтеля своего? Гдѣ не скажутъ, что дотолѣ Россія толикаго государя не имѣла. Гдѣ не засвидѣтельствуютъ, что отъ того славный и высокоименитый содѣялся народъ россійскій? Богъ, дивный судьбами своими, благословилъ державнымъ Петромъ Россію и просвѣти разумомъ просвѣщеннымъ знаніемъ премудрости, мужествомъ, крѣпостію, регулами и прочими блаженствами.

а) Близкіе, всегдашніе.

б) Правило, уставъ.

Малыя капли дождя наводняютъ великія рѣки, а рѣки великія моря: тако и сношеніемъ дѣлъ Петра Великаго самое море великое преславныхъ дѣлъ его собратися можетъ. Азъ рабъ сего благочестиваго Императора, мній всѣхъ, но милость его на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, и что могъ собрать отъ дня рожденія его, то есть отъ 1672 по 1696 годъ, та блаженныя дѣла его, то въ сей первый томъ къ общему сношенію написахъ. Прошу не вмѣнить мнѣ сіе въ продерзость, яко сіе по долгу рабства воздаю.

Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (род. 1684, ум. 1763) былъ комиссаромъ въ Кронштадтѣ, смотрѣвшимъ за производившимися тамъ работами и принимающимъ казенныя вещи по подрядамъ. Лѣтъ 20 трудился онъ надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петра I, наполнилъ 200 тетрадей разными выписками и извлеченіями и въ 1742 поднесъ императрицѣ Елисаветѣ 1-ый томъ, содержащій въ себѣ описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Часть этого тома (съ 1672 по 1696) напечатана, но съ исключеніемъ многихъ мѣстъ, г. Сахаровымъ, въ „Запискахъ русскихъ людей“ (1841). Отсюда взятъ отрывокъ въ Хрестоматію. Г. Вороблевскій издалъ „Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на престолъ Петра Великаго“ (1787): это начало 1-ой части (всѣхъ частей въ 1-мъ томѣ четыре) сочиненія Крекшина (здѣсь разсказъ доведенъ до 1683 г.). То же издано г. Туманскимъ въ 1-мъ т. „Собранія разныхъ записокъ“. Въ государственномъ архивѣ, говоритъ Устряловъ, хранятся только три первыя части, съ поправками Крекшина: событія въ нихъ доведены до 1706 г.; отрывокъ изъ 4-ой ч., въ видѣ подробнаго журнала 1709, есть въ Акад. Наукъ. Въ Библіотекѣ для чтенія (1849, № 10) помѣщенъ журналъ Крекшина, заключающій въ себѣ 1709 г.: это такъ называемая 28-ая книга Записокъ Крекшина (всѣхъ рукописныхъ его Записокъ о Петрѣ извѣстно было 27 книгъ). Посвящая свои Записки императрицѣ Елисаветѣ, Крекшинъ пишетъ: „Азъ рабъ того благочестиваго Императора (Петра I), мній всѣхъ, милость того на себѣ имѣхъ, и дѣлъ блаженныхъ его нѣкоихъ самовидецъ быхъ, того ради, по долгу рабства и любви, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзаю. Не буде то въ дерзновеніе моему худоумію, яко недостоинъ отрѣшити и ремень сапога его, и не имамъ толикаго разума, но собрахъ яко малѣйшія крупицы отъ великія трапезы, или яко почерпнувъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всеміpнаго дождя капли павшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго Государя Петра Великаго елико могъ собрать, и что видѣхъ, и вспомянухъ, то и написахъ, по слову блаженнаго пророка: „той заповѣда отцемъ нашимъ сказати я сыновомъ своимъ, яко да познаетъ родъ ихъ и сынове родящіеся, и возстанутъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ“.

XVIII.

ЯДРО РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ, А. МАНКѢЕВА (1715).

О родѣ, санѣ, поступкѣ Гришки Отрепіева, лживаго Димитрія.

Изъ русскихъ служивыхъ города и уѣзда галицкаго, или Галича, въ Великой Руси, дворянскій сынъ Замятня Отрепіевъ имѣлъ двухъ сыновъ: одинъ звался Смирной, другой Богданъ. Богдану родился сынъ Георгій или Юрьи Отрепіевъ, который остался по смерти отца своего молодъ, съ матерью своею, и отъ ней наученъ былъ грамотѣ. Потомъ отшелъ отъ матере своей и жилъ въ Москвѣ, гдѣ черезъ игумена вятскаго города Хлынова успенскаго монастыря совѣтъ постригся, бывши старъ лѣтъ четырнадцати; въ иноцѣхъ именованъ Григорій. Постригшись, отошелъ въ суздальскій монастырь Евфиміевъ Святаго Спаса, а потомъ къ Спасу на Куксу въ томъ же уѣздѣ. Оттоль, по многихъ монастырехъ волочившись, воротился къ Москвѣ, и живши въ Чудовѣ монастырѣ, по изволенію тамъ бывшаго архимандрита Пафнутія, поставленъ въ діаконы рукоположеніемъ патріарха московскаго Іова, и у него жилъ за книгописателя. Чрезъ такой случай и свое исканіе такъ онъ писалъ (а) и грамотѣ научился, что каноны и прочія службы, къ церковному дѣлу сличные (б), славенскимъ языкомъ складывалъ. Что ему быть было мучителю и начальстволюбному кровопріятелю, Іона, митрополитъ ростовскій, который въ одно время на Москвѣ случился и Гришку видѣлъ, по лицу его и поступкѣ (в) узналъ напредъ и предрекъ, что онъ есть самого діавола сосудъ; о чемъ какъ патріарху было донесено, а отъ патріарха царю Борису Годунову, царь на Соловки осудилъ Гришку послать, чтобъ ему тамъ жить вовсе. Розстрига, то свѣдавъ, ушелъ въ Галичъ на желѣзный борокъ, а оттоль по времени воротился паки къ Москвѣ въ Чудовъ монастырь и, тамъ нѣсколько времене поживъ, перешелъ въ обитель Николы на Угрѣшѣ, гдѣ онъ будучи, думать началъ, какъ бы ему царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ назваться, и лице его и санъ на себя взять. А о убіеніи царевича Димитрія очень прилежно провѣдывалъ отъ другихъ своихъ братей чернцовъ, и часто въ разговорѣхъ то имя себѣ (Димитрія царевича сіесть) присвоялъ,

а) Перо, здѣсь же письмо, умѣнье писать.

б) Приличные, согласные.

в) Поступь. Слово „поступка“ означало также и „поведеніе“, и просто „поступокъ“.

чему товарищи его, смѣявшись, плевали и ему бѣшенство приписывали. Пришедши Гришка Отрепіевъ изъ монастыря Николы на Угрѣшѣ къ Москвѣ въ году отъ Р. Х. 1601, въ великій постъ, на другой недѣлѣ во вторникъ, сговоряся съ двумя чернецами, Мисаиломъ Повадинымъ и Варлаамомъ, изъ иконнаго ряду, пошли за Москву рѣку, и нанявъ подводы до Болхова, изъ Болхова до Карачева, а оттоль до Новогородка Сѣверскаго, и тамъ взявъ вождя Ивана Семенова, пошли въ Стародубъ, а оттоль въ Кіевъ, гдѣ въ Печерскомь монастырѣ жили 3 недѣли. Оттуда пошедъ, пришли въ городъ Острогъ на Волынѣ къ тамошнему князю Василію Острожскому, и тамъ все лѣто пробыли. А какъ осень пришла, и князь Василій Острожскій чернцовъ Мисаила и Варлаама въ свой древлянскій монастырь Живоначальныя Троицы послалъ, тогда Гришка Отрепіевъ поѣхалъ въ городъ Гощею къ польскому одному господину, зовомому Готскій, гдѣ, скинувъ чернеческое платье, мірское вздѣлъ, и въ школѣ грамоты и языка польскаго учиться сталъ. Научася польскаго языка, Гришка свободнѣе поступать почалъ, и послѣ пасхи былъ въ городѣ Брачинѣ у князя Адама Вишневецкаго, гдѣ онъ притворился быть боленъ, и призвавъ попа римскаго будто къ исповѣданію, просилъ того, чтобъ, какъ умретъ, погребенъ былъ по царски, зане онъ самъ есть сынъ царя Ивана Василіевича московскаго царевичъ Димитрій. Попъ, то услышавъ, думаючи вещь быть велику и удивленія достойну, не медливъ то князю Вишневецкому донеслъ, который, бывши простоуменъ, удобь тому повѣрилъ и, принявъ Розстригу честно, возилъ его по иныхъ великихъ людехъ въ богатыхъ каретахъ и на конехъ, ведучи и почитаючи его какъ сына царскаго. Въ Вышневцѣ у того князя Гришка Отрепіевъ лѣтовалъ и зимовалъ. На другое лѣто князь Вишневецкій повезлъ Розстригу въ Краковъ къ королю польскому Зигизмунду, гдѣ, пришедъ Гришка передъ короля, зѣльно плакалъ и доводилъ про себя, что онъ подлинный царевичъ Димитрій, и Богъ его сохранилъ отъ измѣнниковъ, которые были присланы его убить, что они иного вмѣсто его убили, и такъ онъ дивнымъ Божіимъ провидѣніемъ отъ ихъ рукъ спаслся. Притомъ королю свидѣтельствовали и клялися о томъ, что онъ есть прямой царевичъ Димитрій Углицкій, пять братовъ Хрипуновы, Петрушка Истоминъ да Ивашка, который былъ вожатый, и посадскіе люди кіевляне, по которому ихъ свидѣтельству король повѣрилъ тому дѣлу быть праведну и обѣщался Гришкѣ помогать; а за то Гришка королю обѣщалъ уступить изъ русской державы подъ польскую Смоленскъ и Сѣверскую землю всю. Простившись у короля, Розстрига лживый Димитрій и князь Виш-

невецкій поѣхалъ въ городъ Самборскъ къ воеводѣ сендомирскому Юрью Мнишку. Межъ тѣмъ временемъ пришелъ къ королю польскому чернецъ Варлаамъ, который съ Отрепіевымъ купно съ Москвы самой пошелъ, и хотячи толь великому смятенію, какого изъ того чаять было можно, забѣжать (а), королю Зигизмунду доносилъ, что тотъ, который королю царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ быть сказался, не есть царевичъ, но чернецъ, его товарищъ, именемъ Григорій, прозваніемъ Отрепіевъ; и притомъ же обличалъ Гришку въ томъ же дворянинъ Яковъ Пыхачевъ, и королю также доводилъ. Король однакъ и сигклитъ польскій, тому не повѣривъ, послали съ письмомъ къ воеводѣ сендомирскому и Гришкѣ Отрепіеву того Варлаама старца и Пыхачева, въ которомъ письмѣ все на Гришку Розстригу обличеніе было описано. То письмо выразумѣвъ Гришка и тѣхъ обличителей увидѣвъ, отвѣчалъ: сіи люди присланы сюда отъ царя Бориса Годунова съ тѣмъ, чтобъ меня не признать за царевича и убить меня. А самъ тотчасъ Якова Пыхачева казнить велѣлъ: но Пыхачевъ ажъ до самой смерти неересталъ обличать Розстригу. Чернецъ Варлаамъ раздѣтъ съ платья старческаго и бывши битъ и мученъ, окованъ по его приказу, въ тюрьму посаженъ. Потомъ съ воеводою сендомирскимъ сдѣлалъ договоръ такой, что воевода Розстригѣ долженъ будетъ помогать въ доступленіи короны московской людьми, деньгами и совѣтомъ; а противъ того, когда Гришка престолъ улучитъ московскій, долженъ будетъ отдать Воеводѣ Сендомирскому весьма (б) во владѣніе городы русскіе, Новгородъ и Псковъ, со всѣми къ нимъ надлежащими пригородки и волостьми, взять за себя въ жену воеводину дочь Маринку. И сіи статіи письмами на обѣ стороны подтвердилъ. Послалъ такожде Розстрига къ папѣ римскому просить, дабы папа помогъ ему достичь московскій престолъ, а онъ воздаятельно за то обѣщался принять со всею русскою землею вѣру римскую. На то обѣщаніе склонившись, папа лживому Димитрію Гришкѣ прислалъ много золота и денегъ. Кіевляне и казаки запорожскіе и донскіе тому повѣривъ, приложилися къ Отрепіеву и къ нему пришли въ Польшу. Король польскій Зигизмундъ, видѣвши, что лживаго Димитрія счастіе растетъ, и подлинную правду то быть подумавъ, войска польскаго, сколько Розстригѣ быть надобно казалося, далъ. И такъ Гришка Отрепіевъ, польскія войска съ казацкими совокупивъ, пошелъ прямо къ рубежамъ русскимъ двѣма дорогами: одна часть войска его шла на Кіевъ, а другая по крымской дорогѣ. Въ году отъ Р. Х. 1604, ноября въ 26

а) Предупредить.

б) Непремѣнно, вовсе.

день, Гришка Отрепіевъ, пришедъ подъ Морынь городъ, послалъ грамоты лестныя отъ себя въ Черниговъ, въ Курскъ и въ иные къ воеводамъ и приказнымъ, посадскимъ и всякимъ служивымъ и чернымъ людямъ, называючи себя царевичемъ Димитріемъ, законнымъ ихъ государемъ, полагаючи измѣну на Бориса Годунова и обѣщаючи имъ, когда его пріимутъ, всякою милостію ихъ взыскать. Граждане въ тѣхъ городѣхъ помянутыхъ, Черниговѣ, Морынѣ, Рыльскѣ, Стародубѣ, Курскѣ и въ Комарицкихъ волостяхъ тому повѣривъ и чаявъ то быть правду, къ нему приклонилися и поддалися; а иные городы, то слышавъ, вороты свои ему отворяли, съ покореніемъ и дарами его встрѣчаючи. Войску его, которое по крымской дорогѣ шло, всѣ русскіе городы сдавалися съ уѣздами, селами и деревнями. Отрепіевъ, пріятное себѣ счастіе видѣвъ, упрямымъ сердцемъ съ войски своими пошелъ къ Новогородку Сѣверскому, гдѣ сидѣли воеводы русскіе, князь Никита Романовичъ Трубецкой и Петръ Басмановъ, которые, обѣщавши ему поддаться и вороты градскіе отворивъ, его обманули, зане, вооруженныхъ людей въ городѣ у воротъ поставивъ, противиться войскамъ Отрепіева стали, и до четырехъ тысячъ людей его убито.

„Ядро Исторіи Россійской ко угожденію проискательныхъ“, рукопись начала 18 в. Оно издано въ 1770 г. Миллеромъ, приписавшимъ его князю Андрею Яковлевичу Хилкову, ближнему боярину и стольнику царскому, который 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію, съ самаго открытія войны съ Карломъ XII содержался подъ крѣпкою стражею и ум. въ городѣ Вестерасѣ, на Меларѣ, 1718 г. По найденнымъ впослѣдствіи древнимъ спискамъ, въ которыхъ посвященіе подписано буквами А. М., и по статьѣ кн. Оболенскаго: „Свѣдѣнія объ авторѣ Ядра Россійской Исторіи“ (Библіограф. Записки 1858, № 2) оказалось, что сочинитель книги — Алексѣй Ильичъ Манкѣевъ, секретарь или переводчикъ, проведшій въ шведскомъ плѣну 18 лѣтъ и состоявшій при кн. Хилковѣ съ 1704 по 1716 г. Манкѣевъ былъ происхожденія польскаго (настоящая его фамилія Манкевичъ) и род. въ Ярославлѣ. По освобожденіи изъ плѣна, онъ поступилъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; въ 1720 г. ѣздилъ съ А. П. Румянцовымъ въ Стокгольмъ, въ 1721 г. на нейштатскій конгрессъ, а въ 1722 — 23 гг. съ полномочными коммиссарами на рубежъ, для разграниченія земель между Россіей и Швеціей; ум. въ 1723 г. „Ядро Россійской Исторіи“ состоитъ изъ 7 книгъ; каждая книга дѣлится на главы. Послѣдняя (седьмая) глава 7-ой книги не полная и оканчивается возведеніемъ на престолъ Іоанна Алексѣевича. Въ другомъ спискѣ, принадлежащемъ также Румянц. Музею, есть 8-ая глава: „Самоначальство царя Петра Алексѣевича“, доведенная до 1712 г.; изложеніе событій весьма краткое.

XIX.

ТАТИЩЕВЪ.

А. Исторія Россійская ([1]).

Польза Исторіи.

О пользѣ Исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ; однакожъ, какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣдственно въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности Исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось; и для того я заполезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.

Въ началѣ разсудя то, что Исторія не иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнимъ или недавнимъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая Исторія, которая насъ ово отъ своихъ собственныхъ, ово отъ другихъ людей дѣлъ учитъ о добрѣ прилежать и зла остерегаться. Напримѣръ, какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака, рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтша, то я конечно имѣю въ мысли нѣкоторое понужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилежать; или какъ я видѣлъ вчера татя или другаго злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня конечно страхъ отъ такого дѣла, подверженнаго погибели, удерживать будетъ. Равномѣрно всѣ читаемыя нами исторіи такъ дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали.

Посему можно кратко сказать, что никаковъ человѣкъ, ни единъ станъ (а), промыслъ, наука, ниже какое либо правительство, меньше (б) человѣкъ единственный безъ знанія оной совершенъ, мудръ и полезенъ быть не можетъ. Напримѣръ, о наукахъ взявъ, первая и вящшая есть Богословіе, т.-е. знаніе о Богѣ, его премудрости, всемощности, еще единственно къ будущему блаженству насъ ведетъ и проч., но не можетъ никакой богословъ мудрымъ назваться, ежели онъ не знаетъ древнихъ дѣлъ божескихъ, объявленныхъ намъ въ Письмѣ Святомъ, якоже когда, съ кѣмъ, о чемъ въ догматахъ или исповѣданіи преніе было, чимъ что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви нѣкоторые уставы или порядки премѣнены,

а) Состояніе.

б) Тѣмъ меньше.

отставлены и новые введены; слѣдственно имъ исторія божественная и церковная, а къ томужъ и гражданская, необходимо нужны, о чемъ Гуецій (а), славный французскій богословъ, достаточно показалъ.

Вторая наука—юриспруденція, которая учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, естьли не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ. И какъ можетъ судья право дѣла судить, естьли древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ премѣненіямъ неизвѣстенъ? Для того ему нужно исторію о законахъ знать.

Третія—медицина, или врачевство, которая наука въ томъ состоитъ, чтобъ здравіе человѣка сохранить, и утраченное возвратить, или по малой мѣрѣ болѣзни умножаться не допустить. Сія вся зависитъ отъ Исторіи, ибо должно ему отъ древнихъ знаніе получить, отъ чего какая болѣзнь приключается, какими лѣкарствами и какъ пользована, какое лѣкарство какую силу и дѣйство имѣетъ, чего собственнымъ испытаніемъ и дозназніемъ никто бъ ни во сто лѣтъ познать не могъ. А опыты надъ больными дѣлать есть такая опасность, что можетъ душею и тѣломъ погибнуть, хотя то у нѣкоторыхъ невѣждъ нерѣдко случается. О многихъ прочихъ частяхъ философіи не упоминаю, но кратко можно сказать, что вся философія на Исторіи основана и оною подпираема, ибо все, что мы у древнихъ правыя или погрѣшныя и порочныя мнѣнія находимъ, суть исторіи къ нашему знанію и причина къ исправленію.

Политика жъ въ трехъ разныхъ качествахъ состоитъ, яко въ правительствѣ внутреннемъ, или экономіи, разсужденіяхъ внѣшнихъ и дѣйствахъ воинскихъ. Всѣ сіи три не меньше Исторіи требуютъ и безъ нея быть совершенны не могутъ; яко въ экономическомъ правительствѣ нужно знать, какіе отъ чего прежде вреды приключились, какимъ способомъ отвращены или уменьшены, какія пользы и чрезъ что пріобрѣтены и сохранены, по которому о настоящемъ и будущемъ мудро разсуждать можетъ. Для сея-то мудрости древніе латины короля ихъ Януса съ двума лицы изобразили, понеже о прошедшемъ обстоятельно зналъ и о будущемъ изъ примѣровъ мудро разсуждалъ.

Иностранныхъ дѣлъ правительству необходимо нужно знать не токмо о своемъ, но и о другихъ государствахъ, въ какомъ которое прежде состояніи было, отъ чего въ какую перемѣну пришло, и въ какомъ нынѣ состояніи находится, съ кѣмъ, когда, какое преніе или войну о чемъ имѣло, какими договоры о чемъ поставлено и утверждено, и потому благоразумно

а) *Huet* (1630—1721).

могутъ въ настоящихъ свои поступки учредить.

Военнымъ вождямъ весьма нужно знать, какимъ кто устроеніемъ или ухищреніемъ великую непріятельскую силу побѣдилъ или отъ побѣды отвратилъ и пр., какъ то видимъ Александръ Великій книги Омеровы о войнѣ Троянской въ великомъ почтеніи имѣлъ и отъ нихъ поучался. Для сего многіе великіе воеводы дѣла свои и другихъ описали; между всѣми знатнѣйшій прикладъ (а) Юлій Кесарь: свои войны описавъ, оставилъ, дабы по немъ будущіе воеводы могли его поступки военные въ примѣръ употреблять, въ чемъ многіе сухопутные и морскіе знатные воеводы писаніямъ ихъ дѣлъ послѣдовали. Многіе великіе государи, если не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобъ ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилежали. Что собственно о пользѣ Русской Исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ; однакожъ должно и то завѣрно почитать, что безъ знанія иностранныхъ своя не будетъ ясна и достаточна: 1) что пишущему свою исторію въ тѣ времена, какъ то дѣлалось, все помогающее или препятствующее отъ постороннихъ извѣстно быть не могло; 2) писатели за страхъ нѣкоторыя весьма нужныя обстоятельства настоящихъ временъ принуждены умолчать, или перемѣнить и другимъ видомъ изобразить; 3) по страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще дѣлалось, описываютъ, а у постороннихъ многократно правильнѣе и достаточнѣе находится. Какъ здѣсь о древности русской за недостаткомъ тѣхъ временъ писателей сія первая часть изъ иностранныхъ большею частью сочинена, а въ прочихъ частяхъ неясности и недостатки тако-жъ отъ иностранныхъ изъяснены и дополнены. И хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того, что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны, а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдующіе согласуютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемненія истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли; какъ-то: о построеніи Кіева, о строеніи Новаграда Славеномъ и проч. Но я еще точно и ясно скажу, что всѣ европейскіе преславнѣйшіе исто-

а) Примѣръ.

рики, сколько бы о русской исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланехъ, Гунахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; яко же о всѣхъ Скиѳахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и прехожденіяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Есседоновъ, Архинеевъ, Комановъ и проч., гдѣ они были и какъ нынѣ зовутся, ни мало не знаютъ, развѣ отъ Исторіи Русской изъясненной неоспоримую истину обрѣсти могутъ. Наипаче же нужна сія Исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія лжи къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся.

Сія-то есть потребность Исторіи. Но что всякому человѣку нужно знать, что можно легко уразумѣть, что въ Исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмышленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другаго избѣжать.

Б. Духовное завѣщаніе (1733) (²).

1. Главнѣйшее есть Вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставливанъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ Законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностію о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего: зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна, еже ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ. Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать Письмо Святое, то есть Библію и Катехизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катехизисъ (а), а малая Букварь, или Юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе слу-

---

а) Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича „Букварь славенскій съ толкованіемъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы Отче нашъ и блаженствъ евангельскихъ“ (1724).

жить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно.

—

Потомъ, когда довольно въ Законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныхъ нашей Восточной Церкви книги лютерскія, кальвинскія и папижскія читать для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до Вѣры принадлежащіе, входимъ: и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь, а особливо отъ папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ, остерегаться; и невѣдущему довольно Закона съ ними въ такіе разговоры вступать не безопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ, и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ призываніи святыхъ, въ поклоненіи иконамъ и въ постахъ кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе Закона Божія легко обманываются.

2. Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право и складно писать; за тѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація и прочія части математики, также нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно для извѣстія о состояніи государства нашего (а); исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать, и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географія русская, которую всему шляхетству (б) русскому знать нужно; ее никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончить не надѣюсь: ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества: и для того конечно въ младости надобно тебѣ Уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, яко же и толкова-

---

а) Нѣм. языкъ въ то время имѣлъ большое значеніе. Иностранныя вѣдомости приходили преимущественно изъ Германіи; въ нихъ печатались извѣстія и о нашемъ отечествѣ.

б) Дворянство

нію законовъ, не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

3. Почтеніе родителей есть первое въ любви ближняго по закону Божію, яко въ десяти заповѣдяхъ положено: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли; а злоречай родителей смертію да умретъ. И далѣ: проклятъ есть, кто отца или матерь злоречитъ. Соломонъ учитъ: сыне, послушай наказанія отца твоего и не преслушай повелѣнія матере твоея; сынъ премудръ веселитъ отца, а безуменъ печаль матери. Сирахъ цѣлую главу о должности дѣтей написалъ; паче же отъ Христа и Апостолъ о томъ довольно повелѣнія имѣемъ. И если бъ ты видѣлъ въ родителяхъ какіе пороки, не долженъ ты быть Хамомъ, презрѣвшимъ должность, и посмѣяться родительницѣ; но буди, яко Симъ, прикрывая твоею одеждою наготу слабости ея. И если ты понадѣешися на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно, то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ, какъ то пагуба Авессалома, сына Давидова, тебя удостовѣриваетъ; и то еще сказано: не презри отца и заступи въ старости его.

4. А въ службѣ Государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и Государю, яко отъ Бога постановленной надъ собою власти, честь и повиновеніе отдавать; яко и Господь самъ учитъ: воздаждь Богу божіе, а Царю царево. А потомъ Павелъ повелѣваетъ: властямъ повиноватися такъ за очи, какъ во очи, равно какъ самому Богу; Петръ же еще и то повелѣваетъ: раби должны повиноваться властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Посему, если на тебя случится гнѣвъ Государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по невинному оклеветанію отъ кого терпишь, и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи, яко той же Павелъ поучаетъ рабовъ: въ онь же звани бысте во единомъ тѣлѣ и благодарны бывайте. И хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сомнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса Христовы суть, яко самъ рекъ: слушаяй васъ мене слушаетъ (а о твердости словесъ своихъ сказа: небо и земля мимо идетъ, словеса же мои не прейдутъ); однакожъ мы иногда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ,

нежели на Законѣ утверждаемся; и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались. И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ. Равно же и надъ другими видѣлъ. Что же къ вѣрности и ревности въ службѣ къ Государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ ненависть и клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ: какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ Ихъ Величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожъ напослѣдокъ отъ Его Величества вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились. И для того, въ томъ не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни, и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь Государя до послѣдней капли крови защищай, съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть Монарха уменьшить никогда не согласуйся: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ.

5. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можетъ. Хотя рѣдкій, кто бы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва имѣлъ-ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико возможно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь.

А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большимъ челобитчикамъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ; и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь

подать и великій вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

Наипаче же всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили и не ввергнули бы въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотъ часъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить, да пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать; изъ нихъ рѣдкій, ктобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; естьли не склонятся, то не одного изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ признать должно; токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того не потребно имена объявлять, естьли дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненный, не алчный и справедливый человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, естьли товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно съ начала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно удер-

живаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, наединѣ, или когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай; а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать не очень прилично: лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать.

6. Прошу тебя, не имѣй съ богомерзкими и жадными подлецами обхожденія: какого бы они чина и званія ни были, знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ. Поучаетъ насъ Божественное Писаніе: благіе нравы тлятъ бесѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я.

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду, и хранятъ присягу, хотя бъ они и низкой породы были; справедливый человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ, только такихъ адамантовъ и фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотябъ ты и знатный господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничѣмъ нельзя; они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность, правду и присягу хранятъ.

[1]) „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная“, состоитъ изъ 5 книгъ. Содержаніе первыхъ четырехъ книгъ: а) извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ: Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 г.; б) сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 г. до нашествія Татаръ; в) отъ нашествія Татаръ до Іоанна III; г) отъ Іоанна III до царя Михаила. Подлинная рукопись сгорѣла. Сынъ автора подарилъ Москов. Университету неисправный ея списокъ, который поручено было Миллеру, исправивъ, напечатать. Первая книга напечат. 1768 — 69; вторая 1773; третья 1774; четвертая, оканчивающаяся 1462 г., издана уже не Миллеромъ, въ 1784 г. Пятая книга, открытая Погодинымъ, помѣщена, съ предисловіемъ г. Бодянскаго, въ 4, 5 и 9 кн. „Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Рос.“ (годъ 3); она оканчивается 1577-мъ г., затѣмъ слѣдуетъ жизнь царя Ѳеодора Іоанновича, написанная патр. Іовомъ. Остались неизданными Записки о царствованіи Годунова, Лжедимитрія, царей Михаила и Алексѣя, хранящіяся въ Москов. Глав. Архивѣ Минист. Иностр. дѣлъ. О значеніи Исторіи Татищева см. статью С. Соловьева: Русскіе Историки 18 в., во 2 т. „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“.

[2]) „Духовная“ Татищева (р. 1686, ум. 1750) сыну его Евграфу Васильевичу, сочиненная въ 1733 г., издана 1773 г. Сергѣемъ Васильевичемъ Дру-

ковцовымъ, авторомъ многихъ экономическихъ книгъ, сыномъ Друковцова, который былъ секретаремъ у Татищева. Она содержитъ въ себѣ, кромѣ введенія, 12 статей: о Вѣрѣ, о изученіи наукъ и языковъ, о почтеніи къ родителямъ, о женитьбѣ, о разныхъ родахъ службы, о жизни въ отставкѣ, объ устройствѣ деревенскаго хозяйства. Въ Христоматіи помѣщены отрывки изъ статей: о Вѣрѣ, объ изученіи наукъ, о почтеніи къ родителямъ, объ обязанностяхъ службы, о выборѣ друзей. Новое, болѣе близкое къ подлиннику изданіе „Духовной“ сдѣлано А. Н. Островскимъ 1885 г. въ Казани. Въ журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (1886, апрѣль) нап. предсмертное „увѣщаніе Татищева сыну“, по своему содержанію имѣющаго много общаго съ „Духовной“. О значеніи Татищева см. рѣчь Н. А. Попова (Ученые и литер. труды Т—ва, Ж. М. Н. Пр. 1886, іюнь).

XX.

ЗАПИСКИ КН. Н. Б. ДОЛГОРУКОЙ ПИСАНЫ (1767 г.).

Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло (а), которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, ктобъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились. Господи! дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда бъ не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала. Государь нашъ (б) скончалъ животъ свой; паче чаянія моего сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать; отняли милостиваго государя, и великъ былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго: однако, какъ скоро проснулась, вижу, у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они не стереглись, только видно

а) Сговора. До этого отрывка, описывающаго переворотъ въ судьбѣ Долгорукихъ, „Записки“ говорятъ о жизни Н. Б. въ родительскомъ домѣ и о ея сговорѣ.

б) Петръ II.

было. Хотя я и знала, что государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ, пропала, пропала! Не слышно было инаго ничего отъ меня, что пропала. Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни уговорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала, какъ со мною сдѣлалось: потому хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя, но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ (а) былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть. А въ то время правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу (б). Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое раз-

а) Неприкосновенъ.

б) Выраженіе изъ книги Іова (II, 10).

сужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или, можетъ быть, меня жалѣли. Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; притомъ разсказывалъ объ смерти жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ и съ нимъ прощался. И такъ говоря, плакали оба и присягали другъ другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече мене сташа; всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ стрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучшебъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ (а).

—

Тутъ (б) мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было, должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако не такъ случилось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ, все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, когда намъ надобно ѣхать. Людей намъ дали для услуги десять человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку, всего пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мнѣ отговорили; для себя включили въ то число свою, а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ: ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала: пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ я хорошо собралась: ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла оная моя воспитательница при себѣ денегъ, мнѣ отдала: сумма не очень была велика, шестьдесятъ рублевъ, съ тѣмъ

а) Послѣ этого описаны: похороны Петра II, въпествіе Анны Іоанновны въ Москву, приказъ ѣхать въ дальнія деревни; выѣздъ изъ Москвы, прибытіе въ деревню А. Г. Долгорукаго (отца Ивана Алек.), гдѣ объявлено Долгорукимъ мѣсто ихъ ссылки—Березовъ.

б) Въ первомъ городѣ, гдѣ остановились Долгорукіе на пути въ ссылку.

я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна или ѣхали; недалеко рѣка была отъ нашего дома; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я въ свой каютъ; увидѣла, какъ онъ прибранъ; сколько можно было помогала моему бѣдному состоянію. Пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе; тутъ же и прощаться, что я ее уже въ послѣдній разъ вижу: ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ: лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ. Я вскочила съ постели, бѣгу въ верхъ, думаю—еще хотя разъ увижу: ниже мѣста того знать, далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ: знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было—не до него; жизнь тратится—такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ: буря на рѣкѣ, громъ, молнія—гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ; какъ громъ грянетъ, такъ и попадаютъ люди. Золовка меньшая очень боялась: та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе: принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна проводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла; мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою. Когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою — вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была, и осетръ со мною. А когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться: тогда выведутъ меня на верхъ на палубу, и положатъ на вѣтру, и я до тѣхъ поръ безъ чувствъ лежу, покамѣстъ погода утихнетъ, и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла: все тошнилось.

Однажды что съ нами случилось. Погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто бъ зналъ гдѣ глубь, гдѣ мель; и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ. А такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ, куда вѣтеръ несетъ; а темно уже становится, ночь близко, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ. Якорь бросили середи рѣки въ самую глубь—якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ на верхъ: боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ не за-

давили. Люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло. Я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы: никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ. На одномъ берегу все березникъ, такъ какъ надобно рощѣ не очень густой. Стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ зашумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ къ верху подыметъ, и въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго. Думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода: надобно думать, что озеро. Когда бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно бъ намъ въ томъ озерѣ быть; вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать и землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды—выѣхали на свѣту на свой путь, изъ залива въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ; однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на большія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ (а).

—

Доѣхали до провинціальнаго города (б) того острова (в), гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою, и тутъ будетъ перемѣна: офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизона офицеру, съ командою двадцати четырехъ человѣкъ солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ. И такъ мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать.—Какъ исправились съ судномъ, новый командиръ повелъ насъ на судно. Процессія изряд-

а) Затѣмъ описывается прибытіе въ городъ, изъ котораго до Тобольска надобно было ѣхать сухимъ путемъ.

б) Губернскаго (Тобольска).

в) Березовъ.

ная была: за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками; я уже шла внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла: великая разница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое. Такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропасть: тогда мы назывались арестанты, инаго имени не было—что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли, насквозь дыры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрипѣть. Оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное: никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова: да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать--какое случилось, такое и дали. А можетъ быть, и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться. Всѣ способы искали, какъ бы его приласкать—не могли найти. Да въ комъ и найтить? Дай Богъ горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Изъ крестьянъ да выслужилъ чинъ капитанскій. Онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить, однако со всею своею спесью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите эго одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, туфли на босу ногу; и такъ съ нами сидитъ. Я была всѣхъ моложе и невоздержна: не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что ему смѣюсь—или то удалось ему примѣтить—говоритъ, смѣяся: „теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ“. Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому было препоручено, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда бъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша: думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая (род. 1714, ум. 1771), дочь знаменитаго сподвижника Петрова гр.

Б. П. Шереметева, лишилась отца на 6, а матери на 15-мъ г. и жила съ старшимъ своимъ братомъ. Она вышла замужъ за кн. Ивана Алексѣевича Долгорукаго, любимца Петра II. При обрученіи, 1729 г., которое совершалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, присутствовали: императорская фамилія, иностранные министры, придворные чины и весь генералитетъ. За такимъ блистательнымъ и повидимому счастливымъ началомъ судьбы наступило совершенно другое время. При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны Долгорукіе пострадали. Они сосланы были въ Березовъ, Тобольской губ., слишкомъ за 4000 верстъ отъ Петербурга. Наталья Борисовна не оставила своего мужа: она отправилась съ нимъ въ мѣсто ссылки, твердо перенося всевозможныя лишенія и бѣдствія. Черезъ 8 лѣтъ жизни въ Березовѣ (въ 1739), мужъ ея, вмѣстѣ съ другими ея родственниками, былъ привезенъ въ Новгородъ и казненъ. Наталья Борисовна три года не знала его участи. Императрица Елисавета возвратила ее въ Петербургъ (1742 г.), гдѣ она поселилась въ домѣ брата, гр. П. Б. Шереметева, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, Михаиломъ и Дмитріемъ, прижитыми ею въ Березовѣ. Въ 1757 г., когда подросъ ея младшій сынъ, она оставила свѣтъ и постриглась во Фроловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, принявъ имя Нектаріи и облекшись потомъ схимою. По желанію сына своего Михаила, она, въ 1767 г., написала записки, которыя начинаются разсказомъ о жизни въ домѣ родителей и оканчиваются извѣстіемъ о пріѣздѣ въ Березовъ. Вѣроятно, дальнѣйшія событія были такъ тяжелы ея сердцу, что она, при всей душевной твердости, не могла говорить о нихъ. Записки эти, по просьбѣ И. В. Лопухина, доставлены были ему внукомъ Нат. Борисовны, извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ кн. И. М. Долгорукимъ, и напеч. въ Другѣ юношества (1810, № 1). Въ примѣчаніи къ нимъ, Лопухинъ говоритъ: „Много я наслышался объ ней (Н. Б. Д—ой) отъ моей матери, которая имѣла честь быть ея другомъ, живши нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ, гдѣ отецъ мой былъ въ должности губернатора. Помню особенно разсказъ о томъ, въ какой борьбѣ христіанскаго великодушія съ нѣжностью сердечной страсти, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житья въ монастырѣ, наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное — она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое“. „Я ее знала“, пишетъ въ запискахъ своихъ Н. Б. Д—ая, „что счастье мною поиграетъ... Благополучіе мое продолжалось отъ декабря 24 *(дня сговора)* по 18 день января *(день смерти Петра II)*. За 26 дней благополучныхъ 40 лѣтъ по сей день стражду. За каждый день по два года придетъ безъ малаго: еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее? можетъ быть, они и дополнятся, когда продолжится страдательная жизнь моя“. Вполнѣ съ подлинной рукописи Записки напеч. въ Рус. Арх. 1867 г. Козловъ изобразилъ судьбу знаменитой страдалицы въ стихотворной повѣсти: Н. Б, Долгорукая. См. еще: Словарь достоп. людей, т. II; Записки кн. И. М. Долгорукова (въ Собр. его сочиненій) и Отеч. Зап. 1858, № 1, по поводу вышедшей въ 1857 г. въ Лондонѣ книги: „The and life and times of Nathalia Borissovna, Princess Dolgorookov“.

XXI.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА. БАРСКАГО (1723—1747).

О Патмѣ, островѣ прослутомъ.

Патмосъ по Греческу, а по Руску Патмъ, есть островъ меншій отъ предреченнаго (а), и древесами, и овощами и виногради оскуднѣйшій, обаче (б) честію и славою богать и прослуть, не токмо тамо въ окрестнихъ странахъ, но и въ далечайшіи западніи, понеже тамошніи жители суть искусніи въ купечествѣ, имутъ своя корабля и отпливаютъ въ Венецію, въ Римъ и въ иніи латинскіи страни, и суть искусни въ бесѣдѣ разнихъ язиковъ. Обикоша облачатися въ одежди тонкіе и лѣпіе, наипаче же жени, иже вси, отъ мала до велика, натираютъ твари (в) бѣлиломь, отъ древняго обичая; не токмо же жени безчестни, но и честни то творять, сице бо вкоренися оное злое обыкновеніе яко аще и отъ многихъ учителей наказовахуся многажди, но не исправишася. Мужіе облачатся обще вси, яко же и въ иннихъ островахъ морскихъ, въ краткихъ одеждахъ съ завивалы (г) на главахъ; нѣціи же отъ нихъ облачатся въ одѣянія долга, съ калпаками на главахъ, яко же есть обичай и въ нашихъ странахъ; жени же носятъ фартухи, яко пядію и выше отъ земля, краткія, на главахъ же завивала баволняніи (д) и шелковіи, зѣло тонкіи и распространенніи округъ зѣло широко, яко болше обіимуетъ кругъ главній, нежели плещи. На ономь островѣ ни единъ агарянинъ или иновѣренъ или еретикъ не обрѣтается, точію единовѣрни православни христіане; не имуть же различныхь весей, но вси вкупѣ въ единомь селѣ обитаютъ, еже есть великое, яко градъ, и стоитъ на мѣстѣ прекрасномъ, на единой високой горѣ, посредѣ острова, идѣже многіи церкви прекрасни съ главами каменнозданни и внутрь лѣпо иконописанни, и всякь храмь имать звонь единь или два, и звонять на всякь день вь время пѣнія церковнаго, якоже и во иныхъ христіянскихъ странахъ. Сутъ же числомъ церковь въ жителствѣ ономь яко 50; еще же при горахъ сѣмо и овама, на распутіяхь и холмѣхь, на виноградѣхь и вертоградѣхь. Повѣствуютъ, яко вь всемь островѣ ономь обрѣтаються церковь, малихъ же и великихъ, яко близъ 300 и вящше, понеже всякь свою имать церковь, или отъ прародителей своихь оставл-

а) Леро.

б) Однако.

в) Лица (словарь Даля).

г) Чалмы.

д) Хлопчато-бумажные (отъ нѣм. baumwollen).

шую, или своимъ коштомъ зданную, храмолюбни бо суть дозѣла. Сутъ же нѣкіи богатіи домовладики, отъ нихъ же нѣціи имутъ по 5 и по 10 храмовъ зданнихъ отъ рода въ родъ; но мало суть храмовъ великихъ, точію всюду мали и простозданіи. Обикоша же тамо здати церкви на разнихъ мѣстѣхъ: на распутіяхъ, въ садѣхъ, въ виноградѣхъ, на нивахъ, на поляхъ, на горахъ, на островахъ, на брегахъ морскихъ, на холмѣхъ, въ пещерахъ, и вездѣ, камо либо кто приходитъ, храми разніи на пути мимоходитъ. Обаче тіи храми суть мали зданіемъ, яки часовнѣ или каплицы, якоже обичай есть Россомъ именовати. И въ тихъ малихъ и далече отъ веси отстоящихъ не часто литургія биваетъ, токмо единою или дважди въ мѣсяцъ; цѣлое же пѣніе не совершается, развѣ единожди въ годъ, по случаю праздника коегождо храма, или аще кто по случаю сотворитъ обѣтъ отъити на поклоненіе, и сице вземши съ собою единаго отъ священникъ, и шедъ, медлитъ отъ вечера до утра; даже сотворши цѣлое пѣніе церковное и препочивши, возвращается въ домъ. Сіи убо храми, на распутіяхъ, далече отстоящіи, не имутъ ни звоновъ, ни клепаловъ (а). Внутръ же веси церкви суть лѣпотни отъвнѣ и отъвнутръ, каяждо съ единимъ или двома колоколи, отъ нихъ же суть многи съ главами сверху, и со иконописаніемъ внутръ по стѣнамъ, отъ глави до ногъ. Есть она весъ велика, стоящa посредѣ гори острова, на високой горѣ, на прекрасномъ мѣстѣ, отонюду же всюду окрестъ зрится море, и ини различніи острови, и кораблѣ, издалече пловущіи. Бистъ же тамо домовъ яко 500, иже суть лѣпи и крѣпки зданіемъ, найпаче же внутръ украшенни многими сосуди, зерцали и иконами, якоже тамо обичай естъ. Отъвнутръ сутъ чисти и бѣли, отъвнѣ же сутъ черни, но не отъ нечистоти, но отъ черна естествомъ каменя, отъ него же сутъ зданни, понеже весъ островъ черній раждаетъ каменъ. Тамо иной вѣри не обрѣтаются людіе, точію христіяны благочестиви, и вся, яже къ христіянству прилично, свободно и невозбранно совершаютъ. Ибо аще и подъ Турецкою властію сутъ и данъ ему обичную даютъ, обаче, Божіимъ изволеніемъ, агаряне (б) тамо не обикоша обитати. Есть бо островъ нагъ, мало поля имущъ, точію все гори каменіи, сухіи и безъдревніи и мало отъ древа, садовнаго и отъ сѣменъ раждаетъ, прочія же вся приносятся отъ инныхъ, окрестъ обстоящихъ островов. Еще же озлобляютъ (в) частѣ и отъ пиратовъ, си естъ отъ разбойниковъ морскихъ, обаче мало что страждутъ, ибо въ время гоненія заключаются въ монастиръ, иже стоитъ посредѣ веси, иматъ стѣни тверди и врата

а) Клепало (било)—доска, въ которую ударяли, созывая христіанъ на молитву.

а) Магометане.

б) Причинять зло, оскорбить.

желѣзомъ покровенни (о немъ же послѣди), и сице не могуще что сотворити, разбойницы отпливаютъ на море; христіане же паки возвращаются въ доми своя. Обаче пирати не часто приходятъ, понеже островъ неплоденъ естъ, къ тому же боятся, да отъ агарянъ да уловленни будутъ. Островъ же весь окружаетъ осмнадесять стадій, или верстъ, якоже повѣствуется. Раствореніе воздуха здраво есть; води текущой мало тамъ обрѣтается, точію кладяжна и дождевна, юже обще вси пьютъ, понеже есть здрава и чиста, отъ крововь домашнихъ (а) и церковнихъ собираема. Улицы же тамо суть тѣсни и полни смѣтія (б), якоже обичай въ весехь, понеже сутъ многа свинія, свободно ходящія; сего ради въ лѣтѣ множество блохъ тамо раждается. Островь весь окрестъ иматъ многа мѣста удобна къ пристанищу, обаче едино началнѣйшое пристанище иматъ великое, и широкое, и глубокое, и безмолвное, къ востоку зрящое, идѣже обще обикоша приплИвати корабля. Мужіе тамо ино дѣло не имутъ, точію, въ различніи странни по морю отпливающе, куплю дѣютъ, жени же вси отъ (в) баволна панчохи (г) и шкарпѣтки соплѣтаютъ и приходящимъ тамо отъинуду купцемь продаютъ, къ тому же суть искусни къ вишиванію квѣтъ (д) на платнѣ; ихъ же одежди сутъ честніи, съ долгими фартухами, албо лѣтниками (е), и со закровеніемъ персей и вый, точію главы суть нелѣпозрачніи, понеже до избитка великіи завивала носятъ, яко множае большая глава зрится отъ плещей ихъ. Завивала же сутъ тонкіи шелковіи, драгоцѣнны, хитони (ж) же обикоша многими шелковими квѣтами вишивати и оздобляти (з), твари же натираютъ, якоже предрекохь; обаче подвижни сутъ къ постомь и къ церковному пѣнію. Сицеви убо сутъ жени, мужіе же кратко облачайтся, якоже и вь инних островахъ; сутъ же нѣціи отъ богатихъ, облачащіися въ долгіи одежди.

„Пѣшеходца Василія Григоровича—Барскаго—Плаки—Албова, уроженца кіевскаго, монаха антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніи кн. Г. А. Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ В. Рубана. Спб. 1778“. Григоровичъ (р. 1701, у. 1747) обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ львовской. Изъ Львова отправился (1724) на востокъ для обозрѣнія св. мѣстъ. Послѣ 10-ти лѣтняго странствованія по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, былъ постриженъ въ Дамаскѣ въ монахи (1734) и по собственному его желанію уволенъ для продолженія наукъ на островъ Патмосъ, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ. Въ 1743 г. вызванъ въ Константинополь русскимъ резидентомъ Вешняковымъ, у котораго прожилъ цѣлый годъ. Потомъ отпра-

а) Домовыхъ кровель.
б) Соръ, нечистота.
в) Изъ.
г) Чулки.
д) Цвѣтовъ.
е) Легкая одежда подъ платьемъ.
ж) Нижняя мужская (одежда).
з) Украшать.

вился снова на Аѳонъ, гдѣ около года занимался описаніемъ монастырей и другихъ достопримѣчательныхъ предметовъ. Отсюда ходилъ въ греческія области и въ 1746 г. воротился въ Царьградъ, гдѣ уже не засталъ въ живыхъ Вешнякова; преемникъ его, Неплюевъ, неблагосклонно принялъ Григоровича, который по приказанію его воротился въ отечество. Во время путешествія, Григоровичъ часто мѣнялъ свое названіе, называясь иногда „Барскимъ“ по волынскому городу Бару, гдѣ жили его предки, иногда „Кіевскимъ“ по родинѣ, иногда по-гречески „Плакою“ или по-латинѣ „Альбовымъ“ (отъ фамиліи Бѣляевъ). Рубанъ приложилъ къ изданію своему предисловіе, съ краткой біографіей Барскаго и обзоромъ его путешествія, извѣстія изъ иностранныхъ путешественниковъ, пополняющія его сказанія и переводъ граммать, данныхъ ему въ разныхъ мѣстахъ. Митр. Евгеній справедливо обвиняетъ издателя за исключеніе изъ подлинника многихъ разсказовъ потому только, что таковые находятся въ другихъ книгахъ. Путешествіе Барскаго издавалось неоднократно, какъ любимое чтеніе многихъ классовъ публики. Въ настоящее время „Странствованія“ Барскаго издаются Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, подъ редакціею Н. П. Барсукова. Изданіе это, котораго вышло уже 27 выпусковъ, производится по подлинной рукописи, принадлежавшей покойному графу А. С. Уварову. Мѣста, измѣненныя и исключенныя въ прежнихъ изданіяхъ, восполняются по спискамъ, принадлежащимъ Археографической Комиссіи, Михайловскому Златоверхому монастырю и Казанскому университету. Обстоятельная біографія Барскаго написана Н. О. Барсуковымъ и издана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ въ 1885 году.

XXII.

САТИРЫ КАНТЕМИРА (1729—1739) (1).

1. На хулящихъ ученіе (къ уму своему) (1729) (2).

(По печатной редакціи)

предисловіе къ читателю.

(Изъ начальной редакціи сатиръ).

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдуя, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба хулить, охота (а) принудили меня осмѣять осмѣющихся (б) ученіемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. И такъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ, хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдали бъ, что я никогда партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ, характеры, въ сей сатирѣ содержащіе (в), и слушая злонравіе—

а) Ни охота.

б) Смѣющихся надъ ученіемъ.

в) Содержащіеся.

не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помнилъ бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцомъ (а) не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы (б) проклали,
Девять сестръ (в). Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится (г),
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ (д) надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ (е) славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣвъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,—
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,

а) Авторомъ.
б) Бѣдныя.
в) Музы.
г) Чуждается.
д) Петръ II, которому было только 14 лѣтъ.

е) Монарха, почитающаго свиту Аполлона (музъ), т.-е. науки.

Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишнюю чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ (а) то есть дѣло;
Знатнымъ полно (б) подтверждать иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силы и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хоть грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе — все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять (в) хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года

а) Людей не дворянскаго рода.
б) Достаточно.
в) Яти—взять.

Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично (а) людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.

Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали (б),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ (в).
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки (г);
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ (д) двухъ денегъ Вергилій не стоитъ;
Рексу (е), не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;

а) Прилично.

б) Человѣкъ созданъ для общежитія.

в) Предыдущіе пять стиховъ подражаніе Горацію (книги 1-й посланіе 5-е).

г) Предыдущіе четыре стиха подражаніе Овидію (7-я элегія).

д) Сапожникъ въ Москвѣ.

е) Портной въ Москвѣ.

Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши (а)
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ, такъ бы то быть должно;
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ томужъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя (б),
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣе.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою:
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ називати (³).
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а на нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ (в) съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,

а) Клуша (польское сл.)—галка.
б) Краткости ради.
в) Парикъ.

Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы (а);
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство — мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то (б), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать (в), разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ (г) пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты;
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ не велика,
Седми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Злотоустѣ (д) не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ (е),
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ (ж),
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме! не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится

а) Перебирать, читать множество дѣлъ.

б) Невѣжество.

в) Играть въ карты.

г) Косая флейта (flûte traversière), которая была въ великой модѣ и всѣ молодые люди учились играть на ней.

д) Толкованіе Евангелія, Златоуста.

е) Не командуетъ.

ж) Что онъ не судья.

Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую (а),
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

2. На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ (1729) (4).

Предисловіе къ читателю.

(По начальной редакціи).

Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе, которые, лишь прочтутъ титулъ сатиры, возбунтуются на бѣднаго сатирика. „Чтоже?“ скажутъ: „ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ. Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники; теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, чтобъ по его мнѣнію можно бы правильно сдѣлать. Кто его поставилъ надъ нами судьею?“ У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливо выслушали короткіе мои резоны, которые я имъ представить имѣю; неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой сатирѣ моей если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышелъ изъ правды предѣловъ; защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? ибо я не благородіе хулить намѣреваюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ всякое благонравіе защищаю. Въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами, что темнотою злонравія всякаго благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышнія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себя, коли оные чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое препровождать, но потомъ и мозольми въ пользу отечества до-

а) Пользу.

ставить себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ на меня правильно гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми злонравіями опятнанъ, которыя обличаю. Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta—всѣ сіи боятся стиховъ, ненавидятъ стихотворцевъ (a). Имъ непріятна добродѣтелей похвала и противна хула злонравій: имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше сожалѣю тѣхъ, которые на меня сердитовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу—пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но, предуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человѣка дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, что можетъ его подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ; коли добро дѣлаютъ—ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ—боятся наказанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ одобряетъ.

a) Книги 1-й сатира 4-ая.

Филаретъ и Евгеній.

Филаретъ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати ([5])?
Цугомъ ли ([6]) запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова:

Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ты,. сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдно и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, „сальные“, крича, „ясно свѣчи
Горятъ“, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ, на высоку степень вспрыгнувши, блистаетъ (а);
А благородство мое во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги (б).
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги (в)
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы:
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы (г).
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду (д) обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ: какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.

а) Намекъ на кн. Меншикова.
б) Пользы.
в) Жены Игоря.
г) Брали приступомъ города.
д) Наказаніе, гнѣвъ.

Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги
И, шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра крестова (а) набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости; иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину!

Филаретъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты—
Лесть, похлѣбство не люблю; но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ, то сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.
Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ одобряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивый
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно (б), ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣсню и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель (в).
Презрѣвъ покой (г), снесъ ли ты самъ труды военны?

а) Горница, гдѣ были иконы и кресты и гдѣ отправлялись молитвы.

б) Дворянство.

в) Стихъ Ювенала: Nobilitas sola est atque unica virtus (сатира 8).

г) Слѣдующіе 14 стиховъ—подражаніе Буало (5-ая сатира).

Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди,
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счеться Гектору иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Маложъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша (а), таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему, отречется трожжи (б);
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, таже плоть, тѣжъ кости.
Буквы, къ нашимъ именамъ приданныя (в), злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ;
Но бѣдно блудитъ (г) нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу (д).
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли,
И черпать вольно тебѣ; но нужно чтобъ были

а) Генералъ-маіоръ, пріятель Кантемира, великій охотникъ до пива.

б) Трижды.

в) Титла князя, графа и проч.

г) Заблуждается.

д) Хилу.

И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу: сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та (а) надлежитъ ихъ дѣламъ и праву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги валы попраны,
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Естьлибъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару (б) не знати.
Потрись на оселку, другъ; покажи въ чемъ славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ: тогда войско выводили
На поле предки твои (в); а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. Когда дни пребѣгутъ двѣ доли—
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ, другой, нѣжишься, ожидая
Пойла, что шлетъ Индія иль везутъ съ Китая (г);
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину:
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты (д),
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть (е), часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ (ж). Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя; потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу,
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу (з).
Не столько стоитъ народъ римлянов пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Шить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:

а) Слава
б) Въ поту.
в) Подражаніе 8-й сатирѣ Ювенала.
г) Кофе или чай.
д) Тупей.
е) Волосы, на вискахъ завитые.
ж) Пучекъ, который назади закладывался въ мѣшокъ.
з) Богатый кафтанъ, стоящій цѣлой деревни.

Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны годы (а),
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ тебѣ по образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты,
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, что полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И, глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки).
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ (б) не спускаешь.
И мечешь горстью, твоихъ мозольми и потомъ
Предковъ скоплено, добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку

а) Правила щегольства обращали вниманіе на время года и возрастъ: человѣку за 20 лѣтъ не позволялось употреблять матерію краснаго и особенно розоваго цвѣта.

б) Карты.

Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу,
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу;
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день (а) и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не малый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что, копая
Воинъ предъ собой ведетъ (б), укрываясь, къ валу;
Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ грозно, разсѣдшися, земля вдругъ пожрала (в);
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ (г)
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искусствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты (д),
О обильности въ своемъ таборѣ (е) печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ,
Не спѣшитъ дѣло начать; начавъ, производитъ
Смѣло и скоро: не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты знаній,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.

а) Остальное время сутокъ.

б) Траншея.

в) Гдѣ стѣна разрушена ядрами или взорвана подкопомъ.

г) Въ каре.

д) Замыслы.

е) Лагерѣ.

Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь: гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нея доска, толста пальца лишь въ четыре (а):
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть (б) тебя дрожать заставляетъ.
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ неоскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе, лучами своими
Свѣтила небесныя—желѣзце, не многу
Отъ дивнаго камня взявъ силу—намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны (в);
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцевъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный—
Трудъ не малый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣже
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снились трубы и компасъ, нежъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнью склонно, и рѣчиста (г)
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа

а) Предъидущіе 4 стиха—подражаніе Ювеналу (сатира 12).

б) Изображенная на картинѣ.

в) Два способа направлять корабль: наблюденіе надъ небесными свѣтилами и компасъ.

г) У лакомыхъ судей деньги всякаго довода сильнѣе и потому названы рѣчистыми. К-ръ.

Равны въ судѣ, и одна правда превосходна.
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячей,
Чтобъ, чрезъ руки прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава,
Мудры не спускаютъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей одналична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть конецъ скорой.
Арабскаго языка права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.
Есть ли въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю—
Не хуже Клита носить ключъ золотой знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постелѣ застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остороженъ, свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей (а) дружбу весть не рдится (б),
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,

а) Простыхъ, которые дослужились знатныхъ чиновъ.

б) Не краснѣетъ.

Идучи упрямо въ цѣль; Клиту счастье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому оно дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ (а).
Короткій языкъ, лице и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Въ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался.
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ.
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный,
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.

а) Сатирикъ уподобляетъ государя солнцу, а неловкаго придворнаго Икару, который поднялся къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ.

Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо.
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древня начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала.
Еще бъ можно извинить, есть ли знатный тужитъ
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,

Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудомъ ихъ нѣчто воспрiяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древнiе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался:
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллiй былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребiй былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ—
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

[1]) Всѣхъ Кантемировыхъ сатиръ извѣстно теперь девять: восемь изданы 1762 г. (Сатиры и другiя стихотворческiя сочиненiя кн. Антiоха Кантемира съ историческими примѣчанiями и съ краткимъ описанiемъ его жизни); девятая, открытая Н. С. Тихонравовымъ, помѣщена въ 3 № Библiогр. Записокъ 1858 г. Изъ нихъ первыя пять, написанныя въ Россiи, въ теченiе 1729 — 31 гг., прiобрѣли тогда же заслуженную извѣстность и ходили во многихъ спискахъ между любителями литературы; другiя три сочинены въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ Кантемиръ находился посланникомъ; когда явилась девятая — неизвѣстно. Сатиры и другiя стихотворенiя Кантемира напечатаны со списка, исправленнаго самимъ авторомъ за границей и присланнаго имъ Ѳеофану Прокоповичу 1743 г., какъ видно изъ „Письма стихотворца къ прiятелю“ (т. - е. Прокоповичу): „За нѣсколько лѣтъ предъ симъ вы требовали отъ меня вѣдать, упражняюсь ли я еще въ сочиненiи стиховъ, и буде какiе вновь сочинилъ, желали, чтобъ я оные къ вамъ переслалъ. Истинно въ то время я вамъ отвѣтствовалъ, что, вступая въ новую должность *(посланника при лондонскомъ дворѣ)*, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишнiе часы прилежать позволено. Потомъ удалось мнѣ три новыя сатиры, нѣсколько пѣсенъ, басенъ и другихъ малыхъ творенiй составить; но, усматривая слогъ ихъ весьма различный отъ прежнихъ моихъ сочиненiй, которыя, до отъѣзда моего изъ отечества и безъ моей воли, въ люди вышли, принялся сiи исправить. Не мало въ томъ труда я положилъ, находя въ нихъ многiя несовершенства и недостатки, много въ нихъ

отмѣнилъ, много прибавилъ, больше же убавилъ, и могу сказать, что почти всѣ снова передѣлалъ. Понеже вамъ, государю моему, прежде сего мои сочиненійцы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленныя и новыя, всѣ въ одну книжку собранныя, при семъ къ вамъ отправить больше для исправленія, нежели для прочитанія, и чтобъ лишнихъ моихъ часовъ употребленіе вамъ было извѣстно". Такимъ образомъ существуютъ двѣ редакціи первыхъ пяти сатиръ: одна, начальная, не преданная печати, другая, вторичная или исправленная, напечатанная 1762 г. Онѣ различаются между собою и текстомъ, и примѣчаніями. Рукописи сатиръ начальной редакціи уцѣлѣли до нашего времени во многихъ библіотекахъ: Императорской Публичной, Новгородской Софійской, Московской Глав. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ, Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Аѳанасьева. Послѣдній, въ ст. „Сатиры Кантемира въ первоначальномъ видѣ" (Библ. Зап. 1858 №№ 19—21), сличилъ обѣ редакціи, рукописную и печатную, представивъ изъ первой обширныя выписки.

[2]) Это — первая сатира, направленная противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки; почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: „На хулящихъ ученіе". Но это названіе, заимствованное отъ содержанія, замѣнено потомъ другимъ: „Къ уму своему", взятымъ отъ формы. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ видимо подражалъ девятой сатирѣ Буало: „A son esprit", въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самого себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные пріемы сообщаютъ сатирику ловкій способъ изображать людскіе пороки: онъ какъ бы умываетъ руки въ изрекаемыхъ имъ приговорахъ и уликахъ. Сатира начинается обращеніемъ къ „недозрѣлому уму, плоду недолгой науки". Авторъ проситъ его успокоиться, не понуждая къ перу руки: ибо авторство — самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ „нетрудными путями". За введеніями слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжда и суевѣрный: онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. Завистливый (Сильванъ, старинный дворянинъ), который думаетъ только о доходахъ съ имѣнія, вооружается противъ науки, какъ такого предмета, который не приноситъ никакой матеріальной пользы. Третій хулитель ученія, пьяница Лука, говоритъ, что наука разрушаетъ содружество людей, удаляетъ ихъ отъ общества. Наконецъ выведенъ щеголь Медоръ, представитель того класса людей, которые только по внѣшности усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ сужденій невѣждъ, авторъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, одобряетъ похвала; а если вмѣсто того и другого терпишь хулу, тогда не стоитъ трудиться. Возраженіе ума, что щеголь, скупецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчи ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. При томъ же четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ число весьма велико. Они преслѣдуютъ знанія не одними словами, но и дѣйствіями. Поэтому въ заключеніи авторъ, снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе и знать про себя пользу наукъ.

[3]) Характеръ епископа хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ списанъ, однако много сходства имѣетъ съ

Д*** (Георгіемъ Дашковымъ, архіепископомъ ростовскимъ, въ 1731-мъ году лишеннымъ сана и посланнымъ въ заточеніе въ вологодскій Спасокаменскій монастырь), который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ. *Кантемиръ.*

[4]) Вторая сатира: „На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ“ имѣетъ разговорную форму. Разговоръ происходитъ между Аретофилосомъ (въ печ. ред. Филаретомъ: оба имени означаютъ *любителя добродѣтели)* и дворяниномъ (въ печ. изд. Евгеніемъ, т.-е. *благороднымъ).* Цѣль ея — осмѣять тѣхъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ знаніемъ и завидуютъ счастію другихъ, которые своими заслугами входятъ въ знать. Она — подражаніе 8-й сатирѣ Ювенала, или 5-ой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу.

[5]) Извѣстно есть всѣмъ высокомысліе бывшаго архіепископа Р*** (ростовскаго, Георгія Дашкова), который ничего такъ не желалъ, какъ быть главнымъ церкви россійской (въ *печ. ред.* прибавлено: „а для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ“); но по обыкновенію тѣхъ, которые высокаго ищутъ того не доставъ, въ заточеніи жизнь провождать принужденъ былъ.

Кантемиръ.

[6]) Знатное дворянство и безъ нужды, будто для чести, впрягаютъ въ каретахъ своихъ по шести лошадей, что, ежели бъ запрещено было, многимъ изъ нихъ было бъ не безъ печали, за нѣкакій знакъ своего надъ прочими преимущества, то себѣ вмѣняя. Въ Спб. цугомъ ѣздить отъ Петра Великаго запрещено было.

К—ръ.

XXIII.

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

А. Ѣзда въ островъ любви (1730) ([1]).

Изъ предисловія къ читателю.

На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (а) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій у насъ есть языкъ церковный; а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе его наши читая не разумѣютъ: а сія книга есть сладкія любви, того ради

а) Книгу.

всѣмъ должна быть вразумительна. Третія, которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскимъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать.

Ежели вамъ, доброжелательный читателю, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить, а коли же не учинилъ, то безсиліе меня не допустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и для того только, что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она хотя не велика, да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которые чли ея на французскомъ, а наипаче оные, которые для справки похотятъ ее отвѣдать перевесть. Къ тому жъ, въ чемъ со мной всякъ не можетъ не согласиться, переводя вирши французскіе на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало не потерять весьма разума французскаго сладости и силы; а всегда имѣть русскую риѳму. Можетъ статься, что вы не будете довольны разумомъ моихъ виршей; того ради, прошу, хотя оныхъ риѳмы за благо принять, ибо они весьма во всемъ прямыя русскія, въ чемъ и ссылаюсь на всѣхъ Спасскаго моста стихотворцевъ (а), даромъ что они немного мнѣ могутъ пользы учинить чрезъ свое освидѣтельствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи и въ родѣ стиховъ, для того, что они, излагая свои рацеи, на тѣ правила не смотрятъ, а чтобы сказать да не солгать, можетъ быть и не знаютъ. Но я уповаю, что знающіе имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь, доброжелательный читателю, сами извольте разсуждать, чего мой трудъ достоинъ, и по тому смотря, ласково или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе вамъ предложить, ежели бъ желали вы видѣть оный благопріятнымъ окомъ; ибо тѣмъ, безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить на другое полезнѣйшее дѣло взяться, а учтивостію вашею всегда хвалиться.

Б. Ода на сдачу города (Гданска 1734) (2).

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое Парнасса убранство.
Музы! не васъ ли я вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;

а) Преподавателей и воспитанниковъ Заиконоспасскихъ школъ.

Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославить хощу Анну.

Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность преславныхъ,
Пиндаръ, Горацій несравненны
Взнеслися до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ орлы, быстры, дерзновенны.
Но судебъ ревности сердечной,
Что имѣетъ къ Аннѣ жаръ вѣчной,
Моея гласъ лиры сравнился;
То бы и самъ Орфей ѳракійскій,
Амфіонъ купно бъ и ѳивійскій
Сладости ея удивился.

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну, то есть, благополучну,
Къ вящему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну.
О ея и храбрость, и сила!
Ò всѣхъ подданныхъ радость мила!
Страшитъ храбрость все побѣждая,
Въ дивный восторгъ радость приводитъ,
Печальну и мысль намъ отводитъ,
Всѣ наши сердца расширяя.

Не самъ ли Нептунъ строилъ стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ (а)?
Нѣтъ ли троянскимъ къ нимъ примѣны (б),
Что хотѣли быть долго въ спорѣ,
Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильнымъ,
И съ воиномъ въ бои неумильнымъ?
Всѣ Вистлою нынѣ рѣкою
Не Скамандръ ли называютъ (в)?
Не Идѣ ль имя налагаютъ
Стольценбергомъ тамо горою (г)?

То не Троя басней причина:
Не одинъ Ахиллесъ воюетъ;
Всякъ Ѳетидина воинъ сына
Мужественнѣе тутъ штурмуетъ.
Чтожъ чуднымъ за власть шлемомъ блещетъ?
Не Минерва ль копіе мещетъ?
Ясно, что отъ небесъ посланна,
И богиня со всего вида,
Страшна и безъ щита эгида (д)?
Императрица есть то Анна.

И воинъ то россkій на мало
Окружилъ Гданскъ городъ противный,
Марсомъ кажда назвать пристало,
Въ силѣ жъ всякъ паче Марса дивный;
Готовъ и кровь пролити смѣло,
Иль о Аннѣ побѣдить цѣло:
Счастіемъ Анны всѣ крѣпятся.
Анна токмо надежда тверда;

а) Аполлонъ и Нептунъ построили троянскія стѣны при царѣ Лаомедонѣ.

б) Какъ греки не вошли въ Трою, такъ и Данцигъ не хотѣлъ впустить русскихъ.

в) Висла, при устьѣ которой Данцигъ уподобляется Скамандру (Ксанѳу), близъ Трои.

г) Стольценбергъ уподобляется горѣ Идѣ, близъ Трои.

д) Щитъ Минервы.

И что Анна къ нимъ милосерда,
На ея враговъ больше злятся.

Европска неба и азійска
Солнце красно, благопріятно!
О Самодержица россійска!
Благополучна многократно!
Что тако подданнымъ любезна,
Что владѣешь толь имъ полезна!
Имя ужъ страшно твое свѣту,
А славы не вмѣститъ вселенна,
Желая ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвѣту.
Но что вижу? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулеса противу,
Подъемля бровь гордо высоко,
Хочетъ стать всего свѣта къ диву!
Гданскъ, то есть, съ помысломъ не умнымъ,
Будтобъ упившись питьемъ шумнымъ,
Противится, и уже явно,
Императрицѣ многомочной;
Не видитъ бездны, какъ въ тмѣ ночной,
Разсуждаючи неисправно.

Въ нутръ самый своего округа,
Ищущаго дважды корону (а),
Станислава (б) беретъ за друга;
Уповаетъ на оборону
Чрезъ поля льющася Нептуна;
Но боясь жъ росска перуна,
Ищетъ и помощи въ народѣ,
Что живетъ при берегахъ Секваны (в);
Тотъ въ свой проигрышъ барабаны,
Се Вексельминды (г) бьетъ къ пригодѣ (д).

В. Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ (1735) [3].

1. Два предмета въ поэзіи.

Въ поэзіи вообще двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Первое: матерію или дѣло, каковое піита предпріемлетъ писать. Второе: версификацію, то есть способъ сложенія стиховъ. Матерія всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что нѣкоторый оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо правила поэмы эпическія не больше служатъ греческому языку въ Гомеровой Иліадѣ и латинскому въ Вергиліевой Энеидѣ, какъ французскому въ Вольтеровой Генріадѣ, итальянскому въ Избавленномъ Іерусалимѣ у Тасса, и аглинскому въ Мильтоновой поэмѣ о потеряніи рая. Но способъ сложенія стиховъ весьма есть различенъ по различію языковъ. И такъ авторъ славенскія Грамматики, которая обще называется большая и Максимовская [4], желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою про-

а) При Петрѣ I, какъ соперникъ Августа II, и при Аннѣ, какъ соперникъ Августа III.

б) Лещинскій, тесть франц, короля Людовика XV.

в) Сена. На помощь Станиславу, находившемуся въ Данцигѣ, была отправлена франц. эскадра.

г) Иначе Мюнда, крѣпость.

д) Потреба, польза, какъ безгода—несчастіе, бѣдствіе.

содію количественную смѣшно написалъ, что сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ непрестанно. Ежелибъ онъ тогда разсудилъ, что свойство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей грамматикѣ.

Другіе въ сложеніи нашихъ стиховъ донынѣ правильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ стихѣ полагая, пресѣкая оный на двѣ части и приводя согласіе конечныхъ между собою слоговъ (а). Но и таковые стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть прозою, опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ стихъ поется и разнится отъ прозы, то есть отъ того, что не стихъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо разсудилось, много прежде положивъ труда къ изобрѣтенію прямыхъ нашихъ стиховъ, сей новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ издать, которые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего стихъ стихомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежъ каковой недостатокъ и въ семъ найдется, то покорно просятся благоразумные и искусные люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію (б), которое всячески потщится или сомнѣнія ихъ въ разсужденіи стиховъ разрѣшить, или недостатки, находящіеся въ сихъ новыхъ, исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи россійскихъ стиховъ также двѣ вещи должно знать, то есть свойственное званіе при стихѣ употребляемое и способъ какъ слагать, или сочинять стихъ; того ради свойственныя при стихѣ званія опредѣленіями объявятся, а на способъ къ сложенію стиха кратчайшія и ясныя правила положатся.

2. Свойства новаго стихосложенія.

Нѣкоторые, но нѣсколько, или лучше, весьма неосновательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаясь говорили, сочетаніе стиховъ не будетъ введено въ новое твое стихосложеніе; то новое твое стихосложеніе не совсѣмъ будетъ походить на французское. Сіи господа знать конечно думали, что я сіе новое стихосложеніе взялъ съ французскаго; но въ томъ они только далеко отстоятъ отъ истины, коль французское стихотвореніе отстоитъ отъ сего моего но-

а) Говорится о стихосложеніи силлабическомъ.

б) Учреждено 1735 г., при Ак. Н. президентомъ Корфомъ. Тр—ій произнесъ рѣчь въ первомъ его засѣданіи (14 марта 1735).

ваго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые французское стихотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что французское стихосложеніе ничѣмъ, кромѣ пресѣченія и риѳмы, на сіе мое новое не походитъ.

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, по истинѣ, всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ оныхъ выше объявленныхъ двосложныхъ тоническихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи; но самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. Итакъ всякъ разсудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублями. Однако Франціи я долженъ и за слова, но искреннѣйше благодарю россіанинъ Россію за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ стихосложеніи нашемъ нельзя быть сочетанію стиховъ, то слѣдовательно, и смѣшенно риѳмѣ: ибо риѳма въ стихѣ, какова бъ рода и каковъ бы стихъ ни былъ, состоитъ токмо въ ладѣ звона, который можетъ положиться подобенъ первому чрезъ стихъ, или чрезъ два. Поляки, у которыхъ стихотвореніе во всемъ сродное нашему, кромѣ паденія и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную риѳму въ своихъ стихахъ, которую уже и я употребилъ въ одѣ моей о сдачѣ города Гданска и въ другихъ многихъ стихахъ.

Г. Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще (1752) (5).

Различіе между поэзіею и стихотворствомъ.

Какъ живописна картина, такъ поэзія: она есть словесное изображеніе. Преизрядно, послѣ Горація (а), уподобляется поэзія живописи; но стихъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краской, весьма есть различно отъ нея; равно и поэзія всеконечно есть не стихъ: сей есть какъ краска, а поэзія какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эризій Путеанскій

а) Въ его Ars poëtica.

написалъ основательно: иное быть пiитомъ, а иное стихи слагать. Но много есть мнѣнiй о первоначалiи поэзiи, а о началѣ стиха почитай нѣтъ ни единаго: ибо многiе, пишучи о первоначалiи поэзiи, иногда сливали ее съ стихами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда поэзiю называетъ стихотворенiемъ, хотя впрочемъ прямое понятiе о поэзiи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Творенiе есть расположенiе вещей послѣ оныхъ избранiя; вымышленiе есть изобрѣтенiе возможностей, то есть не такое представленiе дѣянiй, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ или долженствуютъ; а подраженiе есть слѣдованiе во всемъ естеству описанiемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобiю правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: творенiе, вымышленiе и подражанiе есть душа и жизнь поэмы (а); но стихъ есть языкъ оныя. Поэзiя есть внутреннее въ тѣхъ трехъ; а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствiя стихами. Первое сдѣлалъ Iоаннъ Барклаiй въ своей Аргенидѣ и Фенелонъ въ Телемакѣ; а другое Луканъ въ описанiи Фарсалическiя брани: посему первые оба пiиты, хотя и прозою писали, но послѣднiй есть токмо стихотворецъ, даромъ что онъ пѣлъ стихами. Сiе разумѣнiе есть Аристотелево; онъ въ своей Поэзiи, переведенной Александромъ Павiйскимъ, въ главѣ 7 опредѣляетъ: „Стихъ и проза не различаютъ историка съ пiитомъ: ибо хотя Геродотова исторiя и стихами будетъ сочинена, однако она всегда будетъ, какъ и прежде, исторiею. Но симъ они между собою разнятся, что историкъ дѣянiя какъ были, а пiитъ, какъ оныя быть могли—предлагаетъ“.

Отъ сего, что пiитъ есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, чтобъ онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти, то есть когда или разумъ прямо не знаетъ, такъ ли есть то, что языкъ говоритъ, или когда совѣсть точно извѣстна, что то не такъ, какъ уста говорятъ. Но пiитическое вымышленiе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть или долженствовала. Пiитъ также есть и не мастеровой человѣкъ: всякiй художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ пiита. Творить по пiитически есть подражать подобiемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другiя художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состоянiи находились. „Возможность пiитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя

а) Поэтическаго произведенiя.

повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется". Впрочемъ, піиты называются еще и прорицателями. Древніе предали, что они о будущемъ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда божественнымъ духомъ.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе. Но той и другому было между человѣками начало. Видно по всему, что поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Цицеронъ въ словѣ за Архія піита утверждаетъ, говоря, „что піитъ отъ самаго естества силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ ума возбуждается и какъ нѣкоторымъ божественнымъ одушевляется духомъ". Ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять и подражать, всежъ то иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что стихъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различіе обыкновенному ихъ слову. Къ сему могли найтись многія побужденія, а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія.

Д. Предъизъясненіе объ ироической піимѣ (1766) (6).

Сему (а) вообще надлежитъ имѣть смѣлые узоры реченій и цѣлыхъ рѣчей; быть благолѣпну и различну образами, ясну, пламенну, стремительну, сильну, сразмѣрну чувственностямъ изображаемымъ, то есть съ скорымъ дѣйствомъ вещей спѣшну, а съ медленнымъ косну; иногда грозну, иногда любезну, всегда сладостну, и нѣчто такое содержащу въ знакахъ мыслей и въ мысляхъ самихъ, которое однимъ токмо естествомъ преподается. Никогда оно да не будетъ преизбыточно надменное, напыщенное преизлишно, идущее какъ на ходуляхъ, или какъ гигантовское и колоссальное, подобящееся стуку тимпанному или сонмищному крику, но да восклицаетъ рѣзкою трубы проразностію (б), или какъ лебединымъ, ярко напряженнымъ гласомъ. Должно ему имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ сложныхъ и преложныхъ, какъ полтора и полтретья аршинныхъ существительныхъ именъ и прилагательныхъ, да и не упадать никогда въ повторенія: а предлагающу тѣ жъ самыя вещи, не представлять отнюдь тѣхъ же самыхъ видовъ, и еще меньше тѣми жъ самыми ознаменованіями. Всѣмъ его періодамъ или округамъ надобно слухъ наполнять, при опредѣленномъ ономъ числѣ стопъ, плавнымъ, гладкимъ и сцѣпляющимся паденіемъ, преносящимъ же иногда смыслъ изъ

а) Гексаметру.

б) Рѣзкій звукъ, отъ слова „проражать, проразить".

стиха въ стихъ, да и прелагающимъ, свойственно языку, чинъ сочиненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ начала въ средину и въ конецъ, изъ средины въ конецъ и начало, и изъ самаго конца въ начало и средину цѣльныя рѣчи. Притомъ, ничего бъ въ немъ досаждающаго, жестокаго и притворственнаго не было; но да течетъ описуемое сіе слово не единственныя словесности (а) ради, ниже просто для угодности токмо: каждой бы рѣчи заставлять мыслить, а мыслямъ всѣмъ клониться бы только къ содѣланію насъ добрыми.

Вкратцѣ, съ начала самаго до конца, достоитъ теченіе слова ироическаго литься всеконечно непресѣкаемымъ нигдѣ и ни отъ чего потокомъ. Оно есть рѣка, но рѣка подобная Волгѣ: сперва несется струею, потомъ ручіемъ, потомъ рѣчкою, вскорѣ послѣ рѣкою; возрастая жъ впадающими съ сторонъ водами, влечетъ уже токъ свой быстрый, глубокій, обширный, полный превеликимъ и предолгимъ Ниломъ, даже до самаго своего устія въ море, то есть до окончанія. Сей многотечный Евфратъ иногда есть видомъ кристальный и прозрачный, чистый и свѣтлый, а иногда шумящій, пѣнящійся и возносящійся выспрь; въ обоемъ же случаѣ, многажды, отъ осіянія зареносныхъ лучей, распещряющійся въ капляхъ своихъ радужными всепріятными различно цвѣтами, но всегда непрерывно къ предѣлу катящійся: ничто его удержать не можетъ, ни самые катаракты, или пороги, сквозь и на днѣ, и на срединѣ, и на верху проницаемые отъ струй онаго; нигдѣ не застаивается, не плѣснѣетъ, не горкнетъ, всегда и всюду протекаетъ, и отъ всего чистится, и всякаго медленною своею и млечною сладостію напоаетъ. И да на отрѣзъ скажу, теченіе слова въ ироической піимѣ долженствуетъ быть всеконечно и всемѣрно бахарское (б).

Кому жъ изъ читателей, свѣдующихъ въ семъ дѣлѣ силу, не чувствительно, что стихи, оканчивающіеся риѳмами, отнюдь не способны къ произведенію такого, какое теперь описано, теченія въ словѣ? Риѳмическіе стихи, состоящіе впрочемъ и стопами двусложными, отнюдь не могутъ продолжать непрерывнаго такого шествія, каковаго требуетъ ироическая піима, кольми жъ паче стихи не имѣющіе стопъ, кромѣ риѳмы, какъ-то: италіанскіе, аглинскіе, ишпанскіе, французскіе и польскіе. Ибо каждый стихъ сего состава, не терпя переносовъ изъ предыдущаго стиха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіе стихи суть не рѣка, текущая съ верху въ низъ, непрестанно и безпреломно,

---

а) Выраженія.

б) Отъ „бахарь" (разскащикъ)—повѣствовательное, эпическое.

къ удаленному своему предѣлу: они студенецъ нѣкій, бьющій съ низу въ верхъ и дошедшій до своея близкія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки, такъ что всякій стихъ свой порогъ собственный имѣетъ, и шумитъ на ономъ. Коль бы стихи съ риѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною трубою; но на концѣ пищатъ токмо и врещатъ дѣтинскою сопѣлкою. Согласіе риѳмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужескихъ слуховъ. Вымыслъ сей оледенѣлый есть готическій (а), а не еллинское и латинское, благорастворённымъ жаромъ блистающее и согрѣвающее окончательство.

Е. Тилемахида (1766) (7).

1. Описаніе пещеры, или входа въ адъ (8).

Въ сей тугѣ (б) предпріялъ сойти онъ въ Тартаръ подземный
Славномъ при храмѣ, не бывшемъ весьма отдаленномъ отъ стана.
Именованіе мѣсту тому Ахеронтіа (в) было,
Тѣмъ что самая страшная тутъ находилась пещера,
Изъ которыя сходъ на брега лежалъ Ахеронта,
Коей боги рѣкой заклинаться сами боялись.
Храмъ стоялъ на горѣ дикокаменный, очень высоко,
Какъ орлино гнѣздо на вершину древа вознесено.
При подошвѣ горы тоя пещера зіяла,
Къ коей страшливы смертные тамъ приближаться не смѣли.
Пастыри тщались всегда отвращать оттуду въ даль стадо.
Сѣрная мгла изъ Стигійскаго блата (г), дыша непрестанно,
Чрезъ отверстіе то весь воздухъ вкругъ заражала.
Окрестъ же не расло ни былинки, ни травочки малы;
Не было тамъ никогда зефирныхъ вѣяній сладкихъ,
Ни благолѣпностей новыхъ тѣхъ, что весна возраждаетъ,
Ни богатыхъ даровъ, подаемыхъ отъ есени (д) плодны.
Гнусной на сухости тамъ земли ничего не родилось;
Видимъ былъ нѣгдѣ рѣдкій кустарникъ терновника гола,
Да кипарисики, тамъ и тутъ, смертоносные зрились,
И въ дали кругомъ не давала богиня Гимитра (е)
Потнымъ оратаямъ жатвъ обильныхъ златоспѣлыхъ.
Всуе Вакхъ плоды всегда свои обѣщаетъ:

а) Средневѣковой и нѣмецкій.

б) Горесть.

в) Городъ въ Апуліи, расположенный на горѣ; при подошвѣ ея находилась пещера, въ которую вливался Ахеронъ и которую поэты называли входомъ въ адъ.

г) Озеро или рѣка (Стиксъ), которой ядовитая вода умерщвляла всѣхъ, ее пившихъ.

д) Осень.

е) Церера.

Кисти гроздовъ засыхали тамъ, а не созрѣвали,
Чистыми не текли струями водъ бѣдны Наяды:
Волны ихъ всегда ліются и горьки и мутны.
Птички притомъ никогдажъ не поютъ на землѣ той безплодной
И не находятъ рощицъ себѣ къ убѣжищу на ночь:
Пѣть отлетаютъ любовь свою подъ небо кротчайше.
Краканій голосы слышимы тутъ отъ врановъ единыхъ,
Да отъ совъ еще завыванія страшно плачевны.
Тамъ и трава горька всегда, и стада, ту ядуща,
Не имѣли того никогда веселія сладка,
Кое приводитъ ихъ къ утѣшнымъ по зелени скокамъ.
Самъ телецъ отъ телицы бѣжалъ; а смущенный воловикъ (а)
Позабывалъ цѣвницу свою и сопѣль рѣзкогласну.

Изъ пещеры тоя исходилъ, временамъ-то по разнымъ,
Черный дымъ и густой, содѣвавшій нощь посредѣ дня.
Ближніе жители жертвы тогда тамъ усугубляли,
Да утолить тѣмъ возмогутъ они гнѣвъ божествъ преисподнихъ.
Но тутъ многажды люди, сущіе юности въ цвѣтѣ,
Тѣмъ божествамъ бываютъ пожертвы язвой тлетворной.

а) Волопасъ, пастухъ.

2. Изображеніе Плутона и другихъ адскихъ предметовъ.

Былъ Плутонъ на престолѣ сѣдяй изъ чернаго древа;
Блѣденъ зракъ его и суровъ, сверкающи очи,
Тѣжъ и впадши еще; а чело и браздисто и грозно.
Видѣть ему человѣка жива такъ ненавистно,
Какъ досаждаетъ свѣтъ глазамъ всѣхъ оныхъ животныхъ,
Кои изъ логовищъ не исходятъ, какъ нощію токмо.
Посторонь отъ него сидѣла тамъ Персефона (б),
Коя взоры его одна на себя привлекала,
И, казалось, нѣсколько сердце его умягчавша,
Новую та всегда красоту на лицѣ стяжавала;
Но къ пріятностямъ божескимъ тѣмъ придавша, являлась
Нѣчто жестокое, что воспріяла она отъ супруга.
Тамъ на низу, при престолѣ, стояла смерть цвѣтоблѣдна,
Дивище мозгло (в), мослисто (г), и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Та въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кою еще изощряла оселками всю непрестанно.
Окрестъ ея летали черны и мрачны Печали;

б) Прозерпина.
б) Хилое, болѣзненное.
г) Костисто, отъ „мосолъ“, „мослякъ“.

Лютыя и Недовѣрности (а); кровь истощающи Мести,
Тѣжъ изранены всѣ; и Ненависть несправедлива;
И Сребролюбіе, кое само себя угрызаетъ;
И Отчаянность, рвуща себяжъ своими руками:
И Любочестіе со Властолюбіемъ гордымъ безумно,
Кои ниспровергаютъ все и преобращаютъ;
Тутъ и Предательность хитрая, сильно жаждуща крови,
А не могуща себѣ получить ни малыя пользы;
Зависть притомъ свой смертный ядъ изблевающа гнусно
И въ бѣсноту приходяща, вредить что не возмогаетъ;
Се и Нечестіе пропасть себѣ бездонну копаетъ,
Само въ котору стремглавъ низвергается, ставъ безъ надежды;
Мерзки страшилища и весьма привидѣнія страшны,
Мертвыхъ собой представляющи, да живыхъ испужаютъ;
Тщетныя и сновидѣнія и безсонницы люты,
Тожъ по толику, сны по колику опечаляютъ.
Сіи смертельны призраки всѣ окружали Плутона
И наполняли палату, въ которой онъ обитаетъ.

[1]) „Ѣзда въ островъ любви". Переведена съ французскаго на русскій, чрезъ студента Василія Тредьяковскаго. Напечатана 1730 г. Подлинникъ ея—Voyage de l'ile d'Amour, ou la Clef des coeurs, 1663", 2 ч. стихами и прозой. Это — аллегорическое сочиненіе, описывающее прелести и опасности любви. Здѣсь являются и миѳологическія божества и олицетворенныя отвлеченныя понятія: любовь, разумъ, чувство, почтеніе, предосторожность, безпокойство и проч. Островъ Любви помѣщенъ близъ береговъ Африки, на Атлантическомъ океанѣ. Главное дѣйствующее лицо — Аминта. Авторъ книжки—Paul Tallemant, сочинившій ее на 19-мъ году отъ роду, выбранъ былъ за то въ члены французской академіи, куда не поступали еще ни Лафонтенъ, ни Расинъ (уже авторъ нѣсколькихъ трагедій), ни Буало (уже авторъ семи сатиръ): такъ сильно былъ развитъ вкусъ къ аллегорическимъ повѣствованіямъ. Поэтому Тредьяковскій въ предисловіи говоритъ, что книжка „учинила великую своему творцу славу, которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность *(въ Парижѣ, 1728—30 г.)* была памятна. Переводъ посвященъ кн. Куракину, посланнику нашему во Франціи, которому Тредьяковскій былъ много одолженъ.

[2]) Посвящена Бирону. Къ ней приложено Разсужденіе объ одѣ вообще, заимствованное значительною частію изъ сочиненія Буало: „Discours sur l'ode". Написанная силлабическими стихами, она впослѣдствіи переложена на тоническій размѣръ, и въ этомъ видѣ явилась въ Сочиненіяхъ и переводахъ Тред-го, 2 ч. (1752). Стихотвореніе это—близкое подражаніе одѣ Буало: Sur la prise de Namur; нѣкоторыя строфы (1, 2, 3 и 4)—почти чистый переводъ. Гданскъ—Данцигъ, осажденный русскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Миниха, во время польской войны, сдался 19 іюня 1734 г.

[3]) „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ знаній. Спб. 1735". Тред—ій, первый,

а) Недовѣріе, сомнѣніе.

далъ правила тоническаго стихосложенія.

„Способъ" начинается различеніемъ двухъ предметовъ въ поэзіи: матеріи (или дѣла) и версификаціи. Затѣмъ слѣдуютъ опредѣленія, содержащія въ себѣ свойственное званіе, при стихѣ употребляемое (т. е. объясненіе общихъ принадлежностей стиха), и правила, излагающія способъ къ изложенію стиховъ русскихъ; далѣе о вольности стихотвореній, о риѳмѣ и о сочетаніи стиховъ. Въ заключеніи помѣщены примѣры на новые стихи. Впослѣдствіи Тредьяковскій значительно передѣлалъ свое сочиненіе, которое и напеч. въ 1-мъ т. Сочиненій и переводовъ (1752).

[4]) Грамматика Мелетія Смотрицкаго (1619), изданная также въ Москвѣ 1648 г. Максимовскою называется она потому, что въ концѣ московскаго изданія приложено издателями разсужденіе Максима Грека о пользѣ грамматики, реторики и философіи. Смотрицкій, какъ извѣстно, хотѣлъ ввести къ намъ древнее греколатинское (метрическое) стихосложеніе.

[5]) Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ, помѣщенное въ 1-мъ т. Сочиненій и переводовъ, Тред—ій называетъ своимъ, хотя въ немъ есть выписки изъ Фонтенеля и Ролленя.

[6]) „Предъизъясненіе объ ироической піимѣ", помѣщенное передъ Тилемахидой и содержащее въ себѣ господствовавшую въ то время теорію героическаго эпоса, есть почти чистый переводъ франц. сочиненія: „Discours sur poёme épique", которое печаталось передъ Телемакомъ въ нѣкоторыхъ его изданіяхъ. Написано оно Рамсаемъ (Ramsay), членомъ лондонскаго королевскаго общества, шотландцемъ, который, прибывъ во Францію, перешелъ, по совѣту Фенелона, изъ англиканизма въ католицизмъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался жаркимъ поклонникомъ творца „Телемака" и былъ издателемъ его сочиненій. Сообразно тогдашнимъ воззрѣніямъ, Рамсай ставитъ Телемака, за его нравственно-христіанское направленіе, выше поэмъ Гомера. Но разсужденія объ эксаметрѣ или принадлежатъ самому Тред—му или заимствованы имъ изъ другихъ источниковъ.

[7]) Содержаніе или („перечневую силу") Тилемахиды Тред—ій изложилъ слѣдующимъ образомъ: „Тилемахъ, возбужденный любовію къ отечеству и отцу, отбылъ изъ дому, и отправился моремъ искать невозвратившагося изъ брани троянскія своего родителя, коего отсутствіе было причиною многихъ и великихъ несчастій домочадству его и царству. Подвергается путешествующій сынъ всякороднымъ бѣдствіямъ; отмѣняетъ себя и въ славу приводитъ ироическими добродѣтелями; да и отрицается отъ царствованія и отъ престоловъ знаменитѣйшихъ придворнаго. Въ томъ проходя многія незнаемыя и чужія земли, научается всему, что потребно къ державствованію нѣкогда по благоразумію Одиссееву, по благочтивости Еніевой, и по мужеству обоихъ, какъ мудрому политику, государю боголюбивому, и какъ ирою совершенному".

[8]) Изъ 18-ой книги (всѣхъ книгъ 24), содержаніе которой слѣдующее: Телемакъ, увѣренный сновидѣніями, что отецъ его, Одиссей, не находится уже на землѣ, рѣшился искать его въ подземномъ царствѣ. Въ сопровожденіи двухъ критянъ, тайно выходитъ онъ изъ стана и достигаетъ храма, построеннаго близъ пещеры, въ которую Ахеронъ вливалъ свои воды. Онъ вступаетъ въ пещеру и приходитъ на берегъ Стикса, откуда Харонъ перевозитъ его въ Тартаръ. Здѣсь Телемакъ видитъ мученія, которымъ подвергаются неблагодарные, клятвопреступники, лицемѣры и злые цари.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

XXIV.

ЛОМОНОСОВЪ.

А. Изъ оды на взятіе Хотина (1739) ([1]).

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ ([2]),
Ведетъ на верхъ горы высокой (а),
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ (б) молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится.
Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ (в) жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды,
Умой росой Кастальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.
Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ:
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы татаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ.
Чтожъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.
Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку,
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ, гонитъ страхомъ:
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ, извившись, сильнымъ махомъ.
Ни мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ

а) Пиндъ.
б) Кастальскій источникъ.
в) Отъ рѣки Пермеса (въ Віотіи), воды которой вдохновляли поэтовъ.

И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы (а),
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябь,
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь (б),
Что камни съ береговъ сдираетъ (в);
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи—равенъ путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ (г) тамъ полки орлины.

Пускай земля, какъ Понтъ, трясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы! васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь татаръ
И путь отворенъ вамъ пространный.

а) Агари (отсюда агаряне).
б) Т. е. грабь, Стамбулъ за холмами, за Тигромъ.
в) Тигръ теченіемъ своимъ уноситъ съ береговъ камни.
г) Доступятъ.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ татарамъ.
Изъ лывъ (д) густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ турецкій полкъ.
Иной, въ послѣдни видя зорю,
Закрой, кричитъ, багряной видъ
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ!
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю!

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ?
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь,
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытый кровію мечемъ
Гоня враговъ, герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны (е)?
И персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны (ж)?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ;
Какъ къ готскимъ (з) приплывалъ брегамъ,

д) Лыва—густой лѣсъ.
е) Стѣны Азова, взятаго Петромъ I.
ж) Походъ Петра въ Персію.
з) Шведскимъ.

Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.
Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.
Герою молвилъ тутъ герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.
Крутитъ рѣка татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже, тряхнувшись, легкій листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстро (³) сквозь воздухъ ядръ летящихъ.
Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль росская ужасна сила.
Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь, волнами Турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу,
И что земля его носить
Не хочетъ, что (а) не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.
Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злится,
Какъ тигръ на россій полкъ скакалъ,

а) Которую.

Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

Б. Ода, выбранная изъ Іова (гл. 38—41) (4).

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
„Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ (а)
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ?
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

а) Порядкѣ.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный (б) вѣтръ направить,
Чтобъ къ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?
Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста?
Стѣсняя вихремъ облакъ (в) мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ (г)
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
Твоей ли хитростью (д) взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ (е) видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ

б) Попутный, благопріятный.
в) Пер. слав. муж. рода.
г) Стихъ звукоподражательный.
д) Искусствомъ.
е) Отъ облаковъ.

Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?
  Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?
  Ты можешь ли Левіаѳана (а)
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ,
Для крѣпости великихъ силъ;
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.
  Когда ко брани устремится,
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль, въ горнилѣ раскаленный;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?
  Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ перстъ я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?“
  Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть;
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

а) Крокодилъ.

В. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ (1743).

  Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло;
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
  Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
  Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
  Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.

О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
  Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполнены твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
  Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
  Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

Г. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія (1743) (5).

  Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
  Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
  Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества
Тамъ равна (а) сила естества.
  Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ (б) странъ встаетъ заря (в)!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
  О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
  Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?
  Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,

а) Одинаковы.
б) Сѣверныхъ.
в) Сѣверное сіяніе (Aurore boréale).

Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей намъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Д. На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы (1747) (6).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ;
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно (а) тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ (б) пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:

а) Довольно.
б) Море.

Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами—
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ недавно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная (а) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ одного пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ (б) рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой гордости Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ.
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,

а) Недоумѣвающая.

б) Внявъ.

Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ;
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Не требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе (а) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.
Коль многи, смертнымъ неизвѣстны,
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону (б)
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ;
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ

а) Искусство.

б) Завѣсу.

Одежду нѣжныя весны:
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
  И се Минерва (a) ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.
  О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.
  Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

---

a) Минерва никогда не растворяла подземнаго убѣжища Плутонова. Это приписываютъ Нептуну. Вмѣсто Плутона слѣдовало бы поставить Плутуса (бога богатства и драгоцѣнныхъ металловъ).

  Тебѣ, о милости источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

Е. Изъ похвальнаго слова Императрицѣ Елисаветѣ (1749) (7).

1. Приступъ.

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о сладчайшемъ ея имени, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея владычества и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы, коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ обильною жатвою благословенныхъ, при моряхъ

отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею самодержицею хвалятся! Тамъ, со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню, чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы; индѣ, по совершеніи жатвы при собранныхъ безмятежно рукоятѣхъ (а) ликуя, скачутъ земледѣльцы и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, достигая безопаснаго пристанища, въ радости волненіе воспоминаютъ и пестрые знаки празднества надъ колеблющимися водами распростираютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое ея лице обращается и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи сіяющія видимъ и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія на-

а) Рукоять—снопъ.

укъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное общество, несказаннымъ ея великодушіемъ обновленное (а)? Начертаннаго въ душахъ нашихъ божественнаго ея зрака ни горы, ни лѣсы закрыть не могутъ. Обращаются предъ нами живо ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ сокровищъ; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному представителю изъ своихъ ближайшихъ (б) есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи наукъ и превознося великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день, пресвѣтлому ея тезоименитству посвященный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется? Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить монаршескія ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Великое дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но, разсудивъ прилежно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой, щедротами ея ободренный, удобнѣе обращаться; когда голосъ мой, великодушіемъ ея укрѣпленный, громче возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя ея достоинства? Не сисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ или пестрымъ преложеніемъ рѣчей украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово; но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою кра-

---

а) Ак. Наукъ, получившая новый уставъ въ 1747 г.

б) Гр. К. Г. Разумовскому, президенту Ак. Наукъ.

соту отъ прекрасныхъ ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія въ ней искреннія ревности приметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради; приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ея преславныя побѣды: приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ея злодѣевъ; приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія; приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуютъ матернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость; приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ кровію еще необагренный; приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ. Во пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны. Изо всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтельми виноградъ произрасши процвѣтаетъ. Изо всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ ея величества, нежели кровь оныхъ къ ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго разоренные храмы, собирающаго расточенныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго Алексѣя, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь истребле-

ніемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я Петра, именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ героиню прекрасную августѣйшую Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ, премудрому государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившагося россійскаго Геркулеса на рамена пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощитъ всю свою силу, не исчисляя подробно, но токмо знатнѣйшія представляя.

2. Польза наукъ.

Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ, поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать его величество, премудрость и силу? къ сему отворяетъ Астрономія пространное рукъ его зданіе, весь видимый міръ сей, и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость. Физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? сіе ясно показуетъ Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? сіи приводитъ на память Исторія и Стихотворство, которое, прошед-

шія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ; обоими прехвальныя дѣла великихъ государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію (а), укрощаетъ человѣческія страсти и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? сіе исполняетъ Философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? обои сіи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ, и знанія внутренняго вещей сложенія? сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣянія въ Россіи умножатся, процвѣтутъ и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго родителя дщери, прекрасное премудрости древо, возрастетъ и вѣтви свои распрострετъ по всей вселенной. Отверста богатою ея величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ, во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ея величества державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій, гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ, великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верхахъ и въ нѣдрахъ горъ, выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ, полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ Елисаветиною державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимою ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе

а) Истинный путь волѣ.

отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! о коль вождѣленно благополучіе ваше, россійскіе юноши, которые, толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что августѣйшая императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ россійскихъ состоящую желаю (а); поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Неописаны еще дѣла моихъ предковъ, и невоспѣта по достоинству Петрова великая слава: простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію и ревностно старайтесь заслужить мою милость. Сіе щедрое ея величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ россійскій съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись.

а) Относится къ тому положенію новаго академическаго устава, по которому адъюнкты долженствовали быть всѣ изъ русскихъ.

Ж. Ода благодарственная Императрицѣ Елисаветѣ (1750) (8).

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Чтожъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей

Великолѣпной колесницей,
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
Когда нетщетнымъ сномъ я льщусь!

Престань сомнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Неложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дщерь
Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты, муза, лиру пріими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ, древнимъ именемъ Славена (а)
Гордяся, пролились струи,
Тамъ, видя Нимфа изумлена
Украшены луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ,
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ.
Но, кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть (б).

Рекла—и, влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна, во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ травѣ.

а) Рѣка Славянка, впадающая въ Неву. Л—въ производитъ ея имя отъ Славена.

б) Елисавета, въ 1744 г., перестроила по новому плану Царское Село. Л—въ заставляетъ р. Славянку разсказать Невѣ объ этомъ преобразованіи, объ украшеніи города садами и произведеніями искусствъ. Разсказъ заключается въ 9 строфахъ.

Во храмъ, сіяющій металломъ,
Предъ тронъ, украшенный кристалломъ,
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ (в), вѣщаетъ, облеченной
Владычицѣ россійскихъ водъ:

„Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченіемъ Елисаветъ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій (г),
Который изъ рая течетъ.

Мои источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;
Поля, гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ,
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошствуетъ природа,
Искусствомъ рукъ побуждена.
Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Увидѣвъ то, чѣмъ Индъ пестрится
Обильно при моихъ ключахъ.

в) Виссонъ—драгоцѣнная ткань.

г) Преданіе полагало истокъ Нила въ раю.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Гдѣ вѣтви преклонясь зелены,
Въ союзъ взаимный сопряженны
Отводятъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!
Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода
И орошать скаканьемъ поля;
Однако ежель оной воля
Охоту ободритъ мою,
Великой въ похвалу богинѣ
Я воду обращу къ вершинѣ,
Речетъ—и къ небу устремлю.
Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь (а).
Какъ если зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковѣрнымъ
Стремленьемъ древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
„Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елисавета
Красу приличну небесамъ.
Великія Семирамиды
Разсыпана окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ,
Хотябы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли,
Вамъ не было бы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь зиждетъ само божество.
Великолѣпными верхами
Восходятъ храмы къ небесамъ,
Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
Елисаветъ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,
И на-единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой,
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой“.
О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынь Парнассъ,
Какъ ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему!
Что дымъ и пепелъ отрыгая,

а) Описаніе охоты, которую любила Елисавета, почему въ началѣ она и сравнивается съ Діаной.

Мрачилъ вселенну Энцеладъ,
Реветъ подъ Этною рыдая
И тѣломъ наполняетъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ,
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрытъ горою,
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится возстать (а).
Такъ варварство твоимъ перуномъ
Уже повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ музъ твой слухъ звучитъ.
Востокъ и западъ наполняетъ
Хвалой твоей и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы, счастливыя науки!
Прилежно простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ,
Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ дщери соверши.
Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И, что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой;
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ (б);
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.
Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу Ей
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространства свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.
Наука легкихъ метеоровъ,
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй:
Чтобъ ратай могъ избрати время,
Когда землѣ повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы, не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальни шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.
А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ счастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,

а) Въ борьбѣ съ гигантами, Юпитеръ на Энцелада навалилъ Этну.

б) Т. е. производи, силою своею, предметы въ томъ видѣ и цвѣтѣ, въ какихъ производитъ ихъ природа.

И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

3. Изъ программы физики (1750) (9).

Смотрѣть на роскошь преизобилующія натуры, когда она, въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ; когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаньемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ есть чудное и восхищающее увеселеніе. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви и руку господина своего уже къ себѣ привлекающіе, есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда. Собирать полныя рукоятіи (a) благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою, и тѣми наполнять гумна и житницы свои, вожделѣнное и безопасностію огражденное есть удовольствіе. Но высшее всего и сердце и умъ нашъ къ небу возводящее спасительное есть дѣло—представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей, на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить Его щедротѣ.

Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя, и которыми, можетъ быть, и нынѣ нѣкоторыя, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь пріятны, вожделѣнны, полезны и святы; однако могутъ приведены быть въ несравненно высшее достоинство, чего должны искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и самую причину движенія, не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на

---

a) Снопы.

внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя дѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы; натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она почти умерщвленная отъ зимняго хладу древа весною паки оживляетъ, какъ обогащаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ и прочія удивительныя дѣйствія производитъ: коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ (а). Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ, въ гражданскихъ или домостроительскихъ предпріятіяхъ, въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ оканчиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей (б). Но кто притомъ представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижима Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе; тотъ не токмо легкими крылами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе приходитъ (в).

а) Пріятность доставляемая наукой.

б) Практическая польза естествознанія.

в) Святость естественныхъ наукъ, согласіе знанія съ чувствомъ религіознымъ.

И. Изъ слова о пользѣ химіи (1751) (10).

Вступленіе.

Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, слушатели, не нахожу того совершеннѣе, какъ ежели кто пріятными и безпорочными трудами пользу приноситъ. Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ; которое, никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце; умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое пріВ

ятное, безпорочное и полезное упражненіе гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогащающійся никого не обидитъ: за тѣмъ что неистощимое и всѣмъ обще предлежащее сокровище себѣ пріобрѣтаетъ. Въ немъ труды свои полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ. Все сіе коль справедливо, и коль много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе европейскихъ жителей, снесенное (а) со скитающимися въ степяхъ американскихъ. Представьте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ: другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинство языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ: другой не токмо черезъ величину тягость безъ вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на земли неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ, но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстро текущее движеніе, и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни, или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ: другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ. Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ: другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу. Поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣянномъ злототканными одеждами и украшенномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней, поставьте поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при снабдѣнномъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ, и мол-

а) Сличенное.

ніи и грому подражающими махинами. Поставьте за востроватымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ потомъ едва претирающаго, при употребляющемъ сильныя и хитросложенныя махины къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на пловущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его же самого бѣгущемъ, и вмѣсто вождя камень по водамъ имѣющемъ; не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приноситъ ученіе пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ, толь пріятно есть красоты его наслажденіе!

I. Изъ письма къ Шувалову о пользѣ стекла (1752) (11).

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той (а) съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь.
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.
И какъ я, оное хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю:
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,

а) Для пользы: извѣстно, что Л—въ завелъ фабрику разныхъ стеклянныхъ издѣлій.

И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса,
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна въ правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть;
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.
Отворенному вдругъ и запертому быть —
Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?

По долговременномъ теченьи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,

Что Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!

К. Письма къ И. И. Шувалову.

1 (а).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ

а) Письмо по поводу опасеній Шувалова, что Л—въ, получивъ въ награду имѣніе, станетъ меньше заниматься науками. Онъ прекрасно выражаетъ врожденную любовь къ знанію, которой не могли заглушить никакія препятствія.

самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ (а), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьные малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотриде, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ заморе и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежено, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнилибъ, что музы... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боиля (б), который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа (в), который лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана (г), въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлин-

а) Заиконоспасское училище въ Москвѣ.

б) Англійскій физикъ.

в) Философъ, у котораго Л—въ учился въ Марбургѣ.

г) Ирландскій медикъ.

говъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Ломоносовъ. Изъ Санктпетербурга. Маія 10 дня 1753 года.

2 (a).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ, оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ-подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе, и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ? Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ

---

a) Отвѣтъ на письмо Шувалова, который удостовѣрился, что Л—въ наукъ не оставитъ. Л—въ, благодаря за эту увѣренность, представляетъ вмѣстѣ и отчетъ о своихъ занятіяхъ.

охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе, примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію (а), то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ, что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и Исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Впрочемъ, удостовѣрясь многократно, коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электриче-

а) Ораторія (см. предисловіе къ Риторикѣ Л—ва).

скіе шарики, по вашему желанію, пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость, такъ что для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего дворца столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ канцелярію академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что всѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣла. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю всепокорнѣйшій и вѣрный слуга Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга. Маія 31 дня 1753 года.

3 (а).

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля въ 26 число въ первомъ часу пополудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни мало признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною спорывалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобъ я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щти простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: профессора громомъ за-

а) Писано по случаю смерти профес. Рихмана. Въ томъ же году Л—въ сочинилъ „Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ“, въ которомъ упоминаетъ о несчастномъ событіи.

шибло. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ, я увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно, однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и Вашего Превосходительства всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ Михайла Ломоносова.

С.-Петербургъ. 26 Іюля 1753 года.

4.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Су-

мароковымъ! то есть сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и мы сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера (а) для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизни защитникъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ передъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Господинъ Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякаго вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома, и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтовни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую, дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти: постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая

а) Таубертъ—совѣтникъ академической канцеляріи; Миллеръ—академикъ.

отъ васъ справедливаго отвѣта, съ древнимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Высокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

1761 года Января 19 дня.

Л. Изъ похвальнаго слова Петру Великому (1755) ([12]).

1. Предложеніе предмета слова и раздѣленіе.

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями; давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толиками праздиественными восклицаніями; наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевождelѣнный залогъ своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оные явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизчетныхъ и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа пріиму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчис-

литъ, если бы только исчислить возможно было (а).

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

2. *Устройство флота.*

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели: посмотримъ тамъ дѣла Господни и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы россійской; индѣ другой Тифисъ (б) между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, съ мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюб-

---

а) Отъ словъ: „Того ради“ подражаніе Плинію Младшему, написавшему похвальное слово Траяну.

б) Сынъ Нептуна, кормчій корабля Арго, на которомъ плыли Аргонавты.

ныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности и ни отъ кого излишества свыше силъ не требовать: подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и силою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего царскаго дома, при знатныхъ чинахъ россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря, увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства и, сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу приключившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать, но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ воз-

будилось, когда увидали, что не простой то былъ россіянинъ, но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ. Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки; я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и пóтомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготовленные члены, нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады? Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждалися стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, а усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, одобреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ! Представивъ сего величество, красоту, могущество и славная дѣйствія и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутоми-

мой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравнененъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

3. Дѣятельность Петра.—Заключеніе.

За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная (а), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба (б), Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ (в) и прочія, скажите сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите: я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Ка́къ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ, такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ межъ многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики, однако предъ Петромъ малы. Иной за-

а) Западная и Сѣверная.
б) Одеръ, Эльба.
в) Темза, Рейнъ.

воевалъ многія государста; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его и потекутъ воды; прикоснется горамъ—и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю (а).

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцемъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, всемилостивѣйшую государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ, Боже, награди, Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ къ России благодѣянія награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

М. Изъ Слова о происхожденіи свѣта (1756) (б).

Испытаніе натуры трудно, слу-

а) Отъ словъ: „Иной завоевалъ...“ подражаніе Плинію.

б) Это слово излагаетъ теорію свѣта, который, по мнѣнію Л—ва, происходитъ отъ колебательнаго движенія эѳира.

шатели, однако пріятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ. Небеса повѣдаютъ славу Божію. Селеніе свое положилъ онъ въ солнцѣ; то есть, въ немъ сіяніе божества своего показалъ яснѣе, нежели въ другихъ тваряхъ. Оно, по неизмѣримой обширности всемірнаго строенія, за далечайшія планеты сіяетъ безпрестанно, распростирая, превосходящею мечтаніе человѣческое скоростію, непонятное лучей множество. Сіи безпрестанные и молній несравненно быстрѣйшіе, но кроткіе и благопріятные вѣстники творческаго о прочихъ тваряхъ промысла, освѣщая, согрѣвая и оживляя оныя, не токмо въ человѣческомъ разумѣ, но и въ безсловесныхъ, кажется, животныхъ возбуждаютъ нѣкоторое божественное воображеніе. Что жъ о таковомъ безмѣрномъ свѣта океанѣ представлять себѣ тѣ должны, которые во внутреннее натуры святилище взираютъ любопытнымъ окомъ и посредствомъ того же свѣта большую часть другихъ естественныхъ таинствъ усердствуютъ постигнуть? Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенныя. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи и въ чистое небо далече проникли. Но какъ чувственное око прямо на солнце смотрѣть не можетъ, такъ и зрѣніе разсужденія притупляется, изслѣдуя причины происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты. Чтожъ намъ оставить ли надежду? отступить ли отъ труда? отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ? никакъ! развѣ явиться желаемъ нерадивыми и подвига толикихъ въ испытаніи натуры героевъ недостойными? Посмотримъ, коль великую громаду матерій на сіе дѣло они собрали, или, какъ о древнихъ сказываютъ исполинахъ, гору великую воздвигли, дерзая приближаться къ источнику толикаго сіянія, толикаго цвѣтовъ великолѣпія. Взойдемъ на высоту за ними безъ страха; наступимъ на сильныя ихъ плечи и, поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ сколько возможно остроумія и разсужденія, очи дли испытанія причинъ происхожденія свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты.

Н. Изъ Слова о рожденіи металловъ (1757) (13).

Когда ужасныя дѣла натуры въ

мысляхъ ни обращаю, слушатели, думать всегда принужденъ бываю, что нѣтъ ни единаго изъ нихъ толь страшнаго, нѣтъ ни единаго толь опаснаго и вреднаго, которое бы купно пользы и услажденія не приносило. Божественнымъ нѣкоторымъ промысломъ присовокуплены пріятнымъ вещамъ противныя быть кажутся, дабы мы, разсуждая о противныхъ, большее услажденіе чувствовали въ употребленіи пріятныхъ. Ужасаемся волнъ кипящаго моря; но вѣтры, которыми оное обуревается, нагруженные богатствомъ корабли къ желаемымъ берегамъ приносятъ. Несносна многимъ здѣшней зимы строгость и намъ самимъ не рѣдко тягостна; однако ею удерживаются зараженныя повѣтріемъ куренія, ядовитые соки и угрызенія тупѣютъ. Хотя жъ часто сокровенны передъ нами бываютъ отъ противныхъ вещей происшедшія угодія, которыми пользуемся въ жизни нашей; однако они подлинны и велики. Такъ черезъ многіе вѣки трепетъ одинъ токмо наносили громы человѣческому роду и не иначе какъ токмо бичъ раздраженнаго Божества всѣхъ устрашали. Но счастливые новыми естественныхъ таинъ откровеніями дни наши сіе дали намъ недавно утѣшеніе, что мы большее изліяніе щедроты, нежели гнѣва небеснаго отъ оныхъ черезъ физику уразумѣли. Наги бы стояли поля и горы, древъ и травъ великолѣпія, красоты цвѣтовъ и плодовъ изобилія лишенны; желтѣющія нивы движеніемъ класовъ не увѣряли бы сельскихъ людей надеждой полныхъ житницъ; всѣхъ бы сихъ довольствій намъ не доставало, когда бы громовою электрическою силою наполненныя тучи продолжительное растущихъ прозябаніе плодоноснымъ дождемъ и яко бы нѣкоторымъ одушевляющимъ дыханіемъ не оживляли. Истина сего дѣла (котораго издревле престарѣлымъ земледѣльцамъ, хотя и не ясно, однако уже на мысль приходило) дѣйствіемъ электрической силы, рукою рачительныхъ натуры испытателей произведенной, чрезъ ускореніе ращенія травъ, такъ изъяснена и доказана, что нѣтъ больше мѣста ни единому сомнѣнію.

И такъ, когда откровеніемъ естественныхъ таинъ сіяетъ такое просвѣщеніе къ великому нашему утѣшенію и радости, а особливо, гдѣ прежде, чрезъ закрытіе происходящія пріятности, едино обращалось предъ нами противнаго изображеніе: того ради за весьма полезно быть разсудилось, чтобъ новымъ доказательствомъ присовокупить по силѣ моей новую сей правдѣ важность.

Видѣли мы, слушатели, превеликое въ нѣдрахъ земныхъ огня множество и нужное къ его питанію сѣры изобиліе, довольное къ земному трясенію и къ произведенію перемѣнъ великихъ: бѣдственныхъ, но и полезныхъ; страш-

ныхъ, но и услажденіе приносящихъ. Уразумѣли мы, что поглощенныя животныхъ и прозябающихъ тѣлъ части служатъ къ рожденію металловъ, коихъ красоту къ великолѣпію, твердость къ долговѣчности, жестокость къ защищенію служащія себѣ представляемъ. Но обращается въ мысляхъ вашихъ ужасный видъ трясущагося лица земнаго! Отвратите, отвратите отъ того мысленныя очи ваши и сверхъ металловъ прилежно разсмотрите воздвигнутыя трясеніемъ горы съ прохлаждающими и врачующими насъ источниками, изъ нихъ протекающими, собирающимися въ рѣки къ напоенію насъ и служащихъ намъ животныхъ, и къ сообщенію многоразличныхъ человѣческаго рода потребностей. Посмотрите на благословенное свое отечество и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Не Альпійскими или Пиренейскими суровыми верхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верхней атмосферѣ, возвышены; ниже глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши: но пологія восхожденія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя притомъ металловъ, распростираются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испускающими растерзанное, по зеленѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенныхъ дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которыя едва когда у насъ слыханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся. О коль блаженна сими свойствами Россія!

О. Согласіе естествознанія съ религіею (1761) (14).

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени Астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, хотя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его

превышаетъ—человѣка, себѣ подобно сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, естьли бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію.

Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты (а), скажетъ кто: подумать-де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря; произрастаютъ вездѣ разныя прозябанія; ими питаются животныя. И сіе-де подобно Коперниковой системѣ: противно-де закону.

Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10 стихъ 12, въ точномъ грамматическомъ разумѣ, и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ.

Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ христіанскихъ учителей. Древніе астрономы еще задолго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ призналъ дневное земли около своей оси обращеніе; Филолай годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако эллинскіе жрецы и суевѣры тому противились и правду на много вѣковъ погасили. Первый, Клеантъ нѣкто, доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу; дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ Нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ: циклы и эпициклы (круги и побочные круги) (*).

а) Венеры.

(*) Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ, какъ слѣдующій:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля, вертясь, вкругъ солнца ходитъ;
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ, что въ томъ Коперникъ правъ:
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по землестоятельной системѣ отнюдь достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое ученіе; но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями; и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громчае его прославляемъ.

Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но не рѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ святый Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ и въ бесѣдахъ своихъ на Шестодневникъ ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о земли, обще пишетъ: „Аще когда во псалмѣхъ услышиши: „азъ утвердихъ столпы ея", содержательную тоя силу столпы речени быти возмни" (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіе: „и рече Богъ", и другія, слѣдующее объявляетъ: „Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты?" (бесѣда 2). Явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3) тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: „Въ проклятствѣ, Израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно. Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ". Упоминающіяся часто въ Библіи Божія чувства толкуя, такъ пишетъ: „И видѣ Богъ яко добро: не само тое утѣшенное нѣко зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очима бо зритъ доброты зданія Творецъ, но неизглаголанною премудростію видитъ бывающая". Не довольно ли здѣсь великій и святый сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть несходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А бла-

---

Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

горазумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними. междоусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви, которому согласуясь, Дамаскинъ святый, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи Православныя вѣры, кн. 2, гл. 6); ибо упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: „Обаче аще же тако, аще же инако, вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася“, то-есть: физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. То же и въ слѣдующихъ утверждаетъ: „Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя: воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече Апостолъ. Аще же и седмь поясы седмь небеса пріяти восхощеши, ничто же слову истины враждаетъ“, то есть: хотя кто и древнія эллинскія мнѣнія о седми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: „Яко бо скудельникъ, отъ того же художества тлѣнные создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего Содѣтель, не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превосходящую, мгновеніемъ хотѣнія единѣмъ во еже быти приведе величества видимыхъ“.

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались: соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О естьли бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; естьли бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями, какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ, ежелиде на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные,

какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать или ихъ обратить и крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому слову („не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапогъ, ни жезла") туда пойдетъ. И какъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть поѣдетъ для того жъ и на Венеру. Только бы трудъ его не былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили, и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. „Многи пути ко спасенію. Многи обители суть на небесѣхъ".

При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ творенія Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая,—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркуломъ. Таковъ же и богословія учитель, естьли онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи или химіи.

Толкователи и проповѣдники Священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изъискиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не только изъ эллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ (а) о паденіи Руфи-

а) Латинскій стихотворецъ въ царствованіе Ѳеодосія.

новѣ (а) объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ, для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду (б) все течетъ,
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ.
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя ни имѣло, христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6 о бытіи свѣтилъ): „Аще симъ научимся: себе самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся, Владыцѣ поработаемъ, Отца прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашея насущія и будущія поклоняющеся не престанемъ“.

[1]) „Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова, книга первая“. Спб. 1751. Хотинъ сдался Миниху послѣ пораженія турокъ при мѣстечкѣ Ставучанахъ (28 августа 1739 г.). Ода начинается выраженіемъ восторга, внушаемаго важнымъ событіемъ; потомъ слѣдуетъ описаніе битвы русскихъ съ турками и татарами и пораженія враговъ нашихъ; далѣе представляются униженіе Порты и слава Россіи въ царствованіе Анны.

[2]) Обычное начало торжественныхъ одъ, состоящее въ искусственномъ выраженіи лирическаго восторга. У Буало, въ одѣ на взятіе Намура:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?

То же въ одѣ Тред—го на взятіе Гданска.

[3]) Сумароковъ, въ критическихъ замѣткахъ на оды Ломоносова, упрекалъ его въ перемѣнѣ ударенія *(быстрд вм. бы́стро)*. Разсказываютъ, что Ломоносовъ отвѣчалъ Сумарокову на такое замѣчаніе: „бы́стро или быстро̀, однако это ничуть не о́стро и не остро̀“.

[4]) „Собр. сочиненій, 1751 г.“ Ломоносовъ не держался въ точности подлинника, но дозволялъ себѣ болѣе свободную передачу содержанія. Такъ переданы имъ не всѣ, а нѣкоторые только предметы природы, возвѣщающей всемогущество и премудрость Создателя: онъ опустилъ изображенія дикаго осла, страуса, коня. Первая и послѣдняя строфы прибавлены, какъ обращеніе къ человѣку, въ несчастіи ропщущему на Бога, и поученіе, ему же выведенное изъ рѣчи Божіей къ Іову. Средина, или главная часть стихотворенія, заключаетъ въ себѣ эту рѣчь, выражающую съ одной стороны всемогущество Бога, съ другой — ничтожество человѣка.

[5]) „Собр. Сочин. 1751“. Ода эта, сочиненная Лом—мъ въ 1743 г. и явившаяся въ его Риторикѣ (1748), есть лучшее его стихотвореніе. Содержаніе

а) Министръ Ѳеодосія и Аркадія.
б) Порядку.

ея имѣетъ тѣсную связь съ физическими занятіями автора, особенно съ его „Словомъ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“ (1753 г.). Здѣсь онъ излагаетъ свою теорію сѣвернаго сіянія, по которой это явленіе происходитъ отъ электричества, возбуждаемаго въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющагося въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Шестая и седьмая строфы содержатъ поэтическое указаніе разныхъ гипотезъ о сѣверномъ сіяніи. Стихи:

Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

опровергаютъ особую гипотезу о сѣверномъ сіяніи и объясняются слѣдующимъ мѣстомъ „Слова“: „Всѣ сѣвернаго сіянія виды не могутъ быть пары или облака, какимъ-нибудь блистаніемъ освѣщенные“ (Соч. Лом., изд. Смирд. II, 91). Слово о явленіяхъ воздушныхъ цитуетъ „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ (ib. 89) подъ именемъ „Оды о сѣверномъ сіяніи“, въ доказательство того, что мнѣніе Ломоносова о причинѣ явленія составлено независимо отъ сочиненія Франклина (Писемъ его) и что оно относится еще къ 1743 г. Ломоносовъ въ дѣтствѣ многократно видалъ это великолѣпное явленіе на Сѣверномъ океанѣ, въ которомъ, по собственному его свидѣтельству, доходилъ до 70 градусовъ широты (ib. 70), потомъ часто наблюдалъ его, какъ ученый, въ Петербургѣ (ib. 91): слѣд. на этой одѣ отражаются и впечатлѣнія первоначальныхъ лѣтъ, и восторгъ, произведенный ученымъ разсматриваніемъ природы. Здѣсь кстати припомнить стихи Батюшкова о Ломоносовѣ (въ „Посланіи къ И. М. М. А.“):

Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
Дрожащій хладный блескъ полуночной Авроры!

[6]) Содержаніе оды: изображеніе благодатныхъ слѣдствій мира (Слово Елисавета означаетъ *миръ* или *тишину)*. Ломоносовъ, для котораго науки составляли первое благо, славитъ миръ, видя въ немъ „питателя наукъ“. Онъ часто обращается къ нему и въ одахъ и въ ученыхъ словахъ своихъ. Первая строфа оды начинается также описаніемъ „возлюбленной тишины, отрады царей и царствъ“. Заботясь о русскомъ просвѣщеніи, Лом—въ желаетъ, чтобы науки изслѣдовали наше обширное отечество, богатое всякаго рода произведеніями; онъ увѣренъ, что онѣ дадутъ Россіи средство найти у себя всѣ произведенія природы, со многими издержками получаемыя изъ отдаленныхъ странъ, и что она способна рождать „собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“. Похвала наукамъ выражена въ строфѣ: „Науки юношей питаютъ“, которая есть стихотворное переложеніе одного мѣста изъ Цицероновой рѣчи (pro Archia). Но Россія одолжена наукой Петру 1-му: отсюда весьма естественныя похвалы монарху, наполняющія три строфы.

Строфа: „Толикое земель пространство“... относится къ горному дѣлу, которое должно открыть сокровища Россіи. Стихи:

Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ,

указываютъ на пользу науки при добываніи металловъ. Двѣ строфы: „Се мрачной вѣчности закону“... и „Тамъ тьмою островов посѣянъ“... предрекаютъ будущую славу отечественнаго мореплаванія. Извѣстенъ проектъ Ломоносова „о проходѣ Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“, пред-

ставленный имъ в. к. Павлу Петровичу и напечатанный г. Соколовымъ въ 1854 подъ названіемъ: „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова". Мысль о русскихъ Колумбахъ сильно интересовала Лом—ова: онъ выразилъ ее и въ поэмѣ „Петръ Великій", заставивъ своего героя говорить слѣдующее:

Колумбы русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

[7]) Содержаніе Слова, произнесеннаго на праздникъ тезоименитства Государыни въ собраніи Ак. Н. 6 сентября 1749 г., заключается въ изображеніи добродѣтелей Елисаветы. „Приступъ" показываетъ веселіе обитателей Россіи, празднующихъ восшествіе на престолъ Императрицы. Академія также радуется и приноситъ августѣйшей покровительницѣ своей благодарность, состоящую въ прославленіи ея добродѣтелей („переходъ къ содержанію Слова"). „Раздѣленіе" кратко исчисляетъ тѣ добродѣтели, которыя ораторъ намѣренъ прославлять: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, милосердіе и щедрость. „Главная часть" говоритъ о каждой добродѣтели порознь; слѣдов. въ ней столько же частей, сколько исчислено добродѣтелей. Въ „Заключеніи", обращаясь къ Императрицѣ, Лом—въ выражаетъ желаніе, чтобы она украшалась всѣми добродѣтелями, какъ великими дарами Вышняго, и увеселялась своими божественными благодѣяніями. Тоже слово произнесено было 26 ноября 1749 г. на день восшествія на престолъ Елисаветы (25 ноября), почему варіанты большею частію объясняются различіемъ обстоятельствъ, по которымъ говорилось Слово.

[8]) Императрица Елисавета, въ награду за похвальное ей Слово, подарила автору дачу Короволдай (Усть-Рудицы) на Финскомъ заливѣ. Покровительство наукѣ, въ лицѣ ея усерднаго служителя, внушаетъ стихотворцу похвалу наукамъ: онъ показываетъ пользу, которую готовятъ отечеству Механика, Химія, Астрономія, Географія, Физика, Поэзія. Сличи эти строфы съ раскрытіемъ пользы наукъ въ словѣ Елисаветѣ.

[9]) По уставу Петра Великаго, академики, кромѣ самостоятельныхъ изслѣдованій въ наукахъ, обязаны были читать лекціи молодымъ людямъ. Чтенія эти происходили на иностранныхъ языкахъ. Но когда въ Академію поступили нѣкоторые русскіе профессоры, то президентъ ея, графъ К. Г. Разумовскій, предписалъ Лом—ву открыть публичный курсъ опытной физики по руководству Вольфа, съ объясненіями опытовъ на языкѣ отечественномъ. Вслѣдствіе этого, Ломоносовъ началъ свои лекціи 20 іюня 1751 года. Программа физики, объясняющая пользу и важность этой науки, служила вмѣстѣ и приглашеніемъ любознательныхъ слушателей на ея уроки. Вѣрный своему взгляду на пользу знаній, особенно естествознанія, Лом—въ заключаетъ программу слѣдующимъ выводомъ: блаженства человѣческія увеличены и въ высшее достоинство приведены быть могутъ яснѣйшимъ и подробнѣйшимъ познаніемъ натуры, котораго источникъ есть натуральная философія, обще называемая Физика". Эти истинныя блаженства рода человѣческаго „пріятны", „полезны" и „святы". Тоже самое сказано Лом—мъ въ началѣ „Слова о происхожденіи свѣта": „испытаніе натуры пріятно, полезно, свято". Отрывокъ, помѣщенный въ Хрестоматіи, состоитъ изъ двухъ частей: первая показываетъ пріятность, пользу и святость разсматриванія природы, безсознательно испытываемыя

человѣкомъ; вторая излагаетъ важность тѣхъ же самыхъ предметовъ, когда человѣкъ безсознательное приводитъ въ сознаніе, возвышаетъ его достоинство наукою.

[10]) Содержаніе слова—польза Химіи. Вступленіе указываетъ выгоды ученія вообще и различіе между человѣкомъ образованнымъ и необразованнымъ. Такъ какъ знанія, пріобрѣтаемыя человѣкомъ, двоякаго рода: науки и художества, то главная часть разсматриваетъ пользу Химіи для наукъ (физики, медицины, металлургіи и проч.) и для художествъ. Въ заключеніи Ломоносовъ благодаритъ Всевышняго за дарованную человѣку способность познавать и Петра I за водвореніе наукъ въ Россіи: это своего рода похвальное слово преобразователю нашего отечества.

[11]) Случай, по которому явилось „Письмо о пользѣ стекла", разсказанъ г. П. К. въ Москвитянинѣ (1845, № 1). „Лом—въ, обѣдая однажды у И. И. Шувалова, былъ въ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда носили. Кто-то изъ гостей, петиметръ того времени, замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно уже не въ модѣ. Лом—въ со свойственною ему горячностію отвѣчалъ, что, не слѣдуя модѣ, онъ предпочитаетъ ихъ металлическимъ и всякимъ другимъ и всегда будетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу. Вслѣдъ за этимъ онъ началъ исчислять пользы, доставляемыя стекломъ въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ, наукахъ и проч. Разсужденія Ломоносова показались такъ важны хозяину, что онъ просилъ своего гостя описать ихъ въ стихахъ. Слѣдствіемъ того было Посланіе „о пользѣ стекла".

Начальные стихи:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

показываютъ отношеніе къ бывшему спору о стеклѣ.

Содержаніе „Посланія" — изобрѣтеніе и многоразличная польза стекла; изъ него приготовляются сосуды для напитковъ, зеркала, стекла, бисеръ, очки, зрительныя трубы, барометръ, электрическая машина. Кромѣ того, есть эпизоды, имѣющіе отношеніе къ злодѣяніямъ испанцевъ въ Америкѣ, и опроверженіе суевѣрной мысли, считающей преступнымъ ученое изслѣдованіе природы. Послѣдній эпизодъ весьма важенъ; онъ показываетъ, какъ разумѣлъ Ломоносовъ отношеніе науки къ религіи. Въ заключеніи похвала Елисаветѣ и Шувалову.

[12]) Въ этомъ словѣ Лом—въ прославляетъ подвиги просвѣтителя Россіи. Вѣнчаніе на Царство Императрицы Елисаветы (по случаю чего произносилось Слово) столько же дивно, сколько дивно было ея рожденіе, ознаменованное Полтавскою побѣдою. Принявши скипетръ, она явилась истинною наслѣдницею дѣлъ Петровыхъ: слѣдов., похваляя Петра, похвалимъ Елисавету. Развитіе этой мысли образуетъ „приступъ". Истинная похвала великимъ людямъ заключается въ вѣрномъ исчисленіи ихъ подвиговъ,—и потому ораторъ раздѣляетъ свое слово на три отдѣла: въ первомъ должно изобразить важнѣйшія дѣла Петра; во второмъ препятствія, имъ преодолѣнныя; въ третьемъ добродѣтели, которыя были необходимы для совершенія важныхъ подвиговъ (раздѣленіе). — Каждый отдѣлъ разсмотрѣнъ особенно въ „главной части слова". Къ дѣламъ Петровымъ принадлежатъ: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска, военные подвиги на сушѣ и моряхъ, гражданскія учрежденія. Къ преодолѣннымъ препятствіямъ относятся: опасности путешествія, внутренніе непріятели (стрѣльцы, раскольники, предательство ближнихъ), внѣшніе враги (шведы, поляки, крымскіе татары,

персіяне, турки). Для побѣжденія трудностей необходимы были доблести и добродѣтели (переходъ къ третьему отдѣлу главной части), которыя суть: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе. Представивъ потомъ разнообразные труды Петровы въ одной картинѣ, Лом—въ оканчиваетъ Слово краснорѣчивымъ заключеніемъ, въ которомъ уподобляетъ великаго монарха божеству, называетъ его человѣкомъ богоподобнымъ.

[13]) Содержаніе „Слова", краткій обзоръ землетрясеній и разныхъ видовъ ихъ; дѣйствія, производимыя ими на земной поверхности; причины ихъ; мѣста, въ которыхъ находятся металлы; способъ рожденія металловъ. Приступъ выражаетъ мысль, что всѣ ужасныя явленія и дѣйствія натуры вмѣстѣ со вредомъ и опасностью приносятъ пользу и услажденіе. Къ числу этихъ ужасныхъ явленій принадлежитъ землетрясеніе. Поводомъ къ выбору такого предмета служили съ одной стороны занятія Лом—ва металлургіею, съ другой—„города недавно поверженные землетрясеніемъ, земли опустошенныя, цѣлые почти народы искорененные" (здѣсь разумѣется въ особенности разрушеніе Лиссабона 1755 г.).

[14]) Изъ Прибавленія къ разсужденію: „Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-П-бургской И. Ак. Н. мая 26 дня 1761 г." Лом—въ наблюдалъ явленіе Венеры на солнцѣ съ физической стороны, тогда какъ адъюнктъ астрономіи Красильниковъ и поручикъ Кургановъ (подмастерье математическихъ и навигацкихъ наукъ) производили астрономическія наблюденія. Наблюденія Лом—ва привели его къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры. Къ краткому извѣщенію объ этомъ феноменѣ присоединено „Прибавленіе", назначенное для отстраненія мыслей, которыя бываютъ у малосвѣдущихъ людей относительно астрономическихъ явленій. Люди непосвященные, говоритъ Лом—овъ, съ ужасомъ внимаютъ, что про различныя „небесныя явленія пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои во весь свой долгій вѣкъ и имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, хотя сугорбясь". Такой страхъ легковѣрія достоинъ презрѣнія. Другое замѣчаніе Лом—овъ относитъ къ грамотѣямъ, которые, превратно понимая нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, хотятъ осудить ученіе астрономіи, говоря: „противно-де закону". Лом—въ объясняетъ словами Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, какъ и съ какимъ разумомъ должно читать и разумѣть Св. Писаніе.

XXV.

СУМАРОКОВЪ.

А. Изъ трагедіи: Хоревъ (1747) ([1]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Кій и Хоревъ.

Кій. О Князь, наслѣдникъ трона!
Жезлъ старости моей, страны сей оборона!
Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.

Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай, и побѣди, и возвратися славно,
Какъ въ скиѳскія войны подъ лаврами недавно.
Но кая темна мысль теперь твой взоръ мрачитъ?

Хоревъ. Никая, я готовъ куды мой князь велитъ.
Ты съ юности моей отцемъ мнѣ назывался
И въ милостяхъ прямыхъ родителемъ казался.
Въ наукѣ бранной ты мнѣ самъ наставникъ былъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала!
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ! колико душъ взялъ адъ!
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ—
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея—
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я;
А если безъ того возможно пребывати,
Почто, скажи, почто безъ нужды умирати?

Кій. Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Иного средства нѣтъ спокойство получить.

Хоревъ. Онъ дщери своея одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ,
Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ?

Кій. Нѣтъ, князь, нейтить на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь;
Я вижу мысль твою и чту въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь, въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла.

Хоревъ. Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобъ намъ въ спокойствіи, а ей въ свободѣ жить,—
Желаньемъ симъ могу ль тебя я прогнѣвить?

Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ
И человѣчество въ герояхъ оставляетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ.
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство почитаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убивство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы въ вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, человѣкъ?
Почто вы такова его природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ его вы созидали?
Ахъ! нѣтъ, не можетъ быть: конечно, божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество;
Но нѣкая ему противящася сила
Толико мерзко насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ буйный, стонъ несчастливой души
Оснельдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,
Воскликни истину въ селеніяхъ воздушныхъ
И жалобой трони боговъ великодушныхъ.

Кій. Она Завлоху дщерь, весь родъ ихъ истребленъ,
А ею можетъ быть опять возстановленъ.
Кто знаетъ, что она отмщеніе забудетъ?
И, можетъ быть, супругъ ея таковъ мнѣ будетъ,
Какъ иногда ты былъ трепещущимъ ордамъ,
Бѣгущимъ отъ тебя по блатамъ и лѣсамъ.

Хоревъ. Народъ нашъ наученъ надежно побѣждати;
Какой опасности отъ нихъ намъ ожидати?

Кій. Не внемлю ничего, въ сей часъ за градъ;
Какъ хочешь мечъ простри—напредъ или назадъ.
Коль хочешь измѣнять, такъ измѣняй скорея,
Когда врагъ общества тебѣ всего милея.

Хоревъ. Какая вышла рѣчь ко мнѣ изъ устъ твоихъ?
Я подозрѣніевъ достоинъ ли такихъ?
За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, чтобъ ты на мя озлился?
Не жди, о государь, Хоревовыхъ измѣнъ:

Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ иду изъ градскихъ стѣнъ.
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Узришь мя подъ стѣной съ Завлоховой главою.
Разгнѣванный перунъ, къ чему я приведенъ!
Смущается мой духъ, и умъ мой раздѣленъ.

Кій. Ступай и оправдись, въ чемъ я подозрѣваю;
Я жизнь тебѣ и честь еще вручить дерзаю.

Хоревъ. Ты вскорѣ разберешь, о князь! вину мою,
Когда я за тебя всю кровь мою пролью;
Увидишь, знала ли душа моя обманы,
Какъ станешь исчислять мои кровавы раны,
И будешь отмщевать тому, кто насъ смутилъ
И прежней милости твоей меня лишилъ.

Б. Епистола о русскомъ языкѣ (1748) (2).

Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И, помощію словъ пространна языка,
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока.
Описываемъ все: и чувствіе и страсти,
И мысли голосомъ дѣлимъ на мелки части.
Пріявъ драгой сей даръ отъ щедраго Творца,
Изображеніемъ вселяемся въ сердца.
То, что постигнемъ мы, другъ другу сообщаемъ
И въ письмахъ то своихъ потомкамъ оставляемъ.
Но не такіе такъ полезны языки,
Какими говорятъ мордва и вотяки;
Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ,
Какой у римлянъ былъ, и, слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французскій,
Иль, наконецъ сказать, каковъ способенъ русскій.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу (а),
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И, взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь

а) Намекъ на Ломоносова.

Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ (а),
Тотъ прозой скаредной стремится къ небесамъ
И хитрости своей не понимаетъ самъ;
Тотъ прозой и стихомъ ползетъ, и письма оны,
Ругаючи себя, даетъ писцамъ въ законы.
Хоть знаетъ, что ему во мзду смѣется всякъ,
Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.
Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ,
То сердца моего нимало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю; на что мнѣ похвала!
И знаю то, что я искусенъ до зѣла.
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой, ты искусенъ,
Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ.
Когда не вѣришь мнѣ, спроси хотя у всѣхъ:
Всякъ скажетъ, что тебѣ перомъ владѣти грѣхъ.
Но только ли того? не можно и помыслить,
Чтобъ враки мнѣ писцовъ подробно всѣ исчислить.
Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ;
Но многіе писцы о томъ не разсуждаютъ:
Довольны только тѣмъ, что рѣчи составляютъ.
Несмысленны чтецы, хотя ихъ не поймутъ,
Дивятся имъ и мнятъ, что будто тайна тутъ,
И разумъ свой покрывъ, читая, темнотою,
Невнятный складъ писца пріемлютъ красотою.
Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,
Съ отсутствующими обычну рѣчь ведетъ,
Быть должно безъ затѣй и кратко сочиненно,
Какъ просто говоримъ, такъ просто изъясненно,
Но кто не наученъ исправно говорить,
Тому не безъ труда и грамотку сложить.
Слова, которыя предъ обществомъ бываютъ,
Хоть ихъ перомъ, хотя языкомъ предлагаютъ,
Гораздо должны быть пышняе сложены,
И риторски бъ красы въ нихъ были включены,

а) Противъ Тредьяковскаго.

Которыя въ простыхъ словахъ хоть необычны,
Но къ важности рѣчей потребны и приличны
Для изъясненія разсудка и страстей,
Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
Намъ въ ономъ счастлива природа путь являетъ,
И двери чтеніе къ искусству отверзаетъ.
Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ.
Имѣетъ въ слогѣ всякъ различіе народъ:
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
Въ спряженіе рѣчей его ты не вдавайся
И свойственно себѣ словами украшайся.
На что степень въ степень послѣдовать ему?
Ступай лишь тѣмъ путемъ и область дай уму.
Ты симъ, какъ твой творецъ письмомъ своимъ ни славенъ,
Достигнешь до него и будешь самъ съ нимъ равенъ.
Хотя передъ тобой въ три пуда лексиконъ,
Не мни, чтобъ помочь далъ тебѣ велику онъ,
Коль рѣчи и слова поставишь безъ порядка:
И будетъ переводъ твой нѣкая загадка,
Которую никто не отгадаетъ въ вѣкъ;
То даромъ, что слова всѣ точно ты нарекъ.
Когда переводить захочешь безпорочно—
Не то—творцовъ мнѣ духъ яви и силу точно.
Языкъ нашъ сладокъ, чистъ и пышенъ, и богатъ,
Но скупо вносимъ мы въ него хорошій складъ:
Такъ чтобъ незнаніемъ его намъ не безславить,
Намъ должно весь свой складъ хоть нѣсколько поправить.
Не нужно, чтобы всѣмъ надъ риѳмами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога?
Затворена къ нему въ ученіи дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра златы ключи (3).
Подъячій говоритъ: писаніе тутъ нѣжно,
Ты будешь человѣкъ, учися лишь прилежно.
И я то думаю, что будешь человѣкъ;
Однако грамотѣ не станешь знать во вѣкъ.
Хоть лучшимъ почеркомъ, съ подъяческа совѣта,
Четыре литеры сплетай ты въ слово „лѣта“,

И вычурно писать научишься „конецъ“:
Повѣрь, что никогда не будешь ты писецъ.
Перенимай у тѣхъ, хоть много ихъ, хоть мало,
Которыхъ тщаніе искусству ревновало
И показало имъ, коль мысль сія дика,
Что не имѣемъ мы богатства языка.
Сердись, что мало книгъ у насъ, и дѣлай пени:
Когда книгъ русскихъ нѣтъ, за кѣмъ идти въ степени?
Однако больше ты сердися на себя
Иль на отца, что онъ не выучилъ тебя;
А еслибъ юность ты не прожилъ своевольно,
Ты бъ могъ въ писаніи искусенъ быть довольно.
Трудолюбивая пчела себѣ беретъ
Отвсюду то, что ей потребно въ сладкій медъ,
И, посѣщающа благоуханну розу,
Беретъ въ свои соты—частицы и съ навозу.
Имѣемъ сверхъ того духовныхъ много книгъ;
Кто виненъ въ томъ, что ты Псалтыри не постигъ,
И, бѣгучи по ней, какъ въ быстромъ морѣ судно,
Съ конца въ конецъ разъ сто промчался безразсудно?
Коль *аще, точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?
А что изъ старины понынѣ неотмѣнно,
То можетъ быть тобой повсюду положенно.
Не мни, что нашъ языкъ не тотъ, что въ книгахъ чтемъ,
Которы мы съ тобой нерусскими (4) зовемъ;
Онъ тотъ же, а когда бъ онъ былъ иной, какъ мыслишь,
Лишь только отъ того, что ты его не смыслишь,
Такъ чтожъ осталось бы при русскомъ языкѣ?
Отъ правды мысль твоя гораздо вдалекѣ.
Не знай наукъ, когда не любишь ихъ, хоть вѣчно,
А мысли выражать знать надобно конечно.

В. Четыре отвѣта (1759).

Ты спрашиваешь меня, мой другъ, и задаешь четыре мнѣ вопроса: что бы я дѣлалъ, 1) ежели бы я былъ малый человѣкъ и малый господинъ; 2) ежели бы я былъ великій человѣкъ и малый господинъ; 3) ежели бы я былъ великій человѣкъ и великій господинъ; 4) ежели бы я былъ малый человѣкъ и великій господинъ. На первый вопросъ я отвѣчаю: всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ и сильныхъ властію людей; не пропустилъ бы ни одного праздника, чтобъ не обѣжать города, разнося поздравленіе; ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпочкахъ и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ; научился бы въ

карты играть во всѣ игры, ибо, играя въ карты, можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто, чтобъ говорить, весьма низко нагибаяся: доношу вашему Высокопревосходительству о такомъ и о такомъ дѣлѣ, сказать ему приободрившись: у васъ тринадцать, а у меня четырнадцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему свѣту, какъ тотъ и тотъ знатный господинъ со мною милостиво поговорилъ, а ежели бы когда не достало истины, такъ я бы дополнялъ ложью; да и ничто не украшаетъ такъ рѣчи, какъ ложь: стихотворцы тому свидѣтели. А наконецъ покорствомъ и лестію испросилъ бы я себѣ нажиточное мѣсто, а лучше всего поѣхалъ бы я на воеводство; ибо сія должность нажиточна, почтенна и легка. Нажиточна, что всѣ дарятъ; почтенна, что всѣ кланяются: легка, что очень мало дѣла, да и то обыкновенно исправляетъ секретарь или съ приписью подъячій, а они также люди присяжные и положиться на нихъ безо всякаго сумнѣнія можно. И подъячій отъ того же созданъ Бога, отъ котораго чоловѣкъ: такъ суемудренно сіе мнѣніе, что подъяческая душа не можетъ имѣть добродѣтели. Я думаю, что между человѣка и между подъячаго разности мало, и гораздо меньше, нежели между подъячаго и между другой какой твари. — Ежели бы я былъ великій человѣкъ и малый господинъ, — я бы, по многомъ моемъ стараніи показывать моему отечеству и свѣту услуги, никого бы никакою докукою не отягощалъ, и полагалъ бы надежду на достоинство свое и на заслуги отечеству; а когда бы въ томъ обманулся, такъ бы я по многомъ своемъ терпѣніи сошелъ съ ума и былъ бы такой человѣкъ, какіе не только ничего не дѣлаютъ, но и ни о чемъ не думаютъ.—Ежели бы я былъ великій человѣкъ и великій господинъ,— я бы неусыпно старался о благополучіи моего отечества, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о утоленіи пороковъ и о истребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взятки, грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгоненіи суевѣрія, о уменьшеніи ненадобнаго обществу великолѣпія, о уменьшеніи картежной игры, чтобъ она не отымала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищей, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, петиметерства и искорененіи тунеядства. А ежели бы я былъ малый человѣкъ и великій господинъ, — такъ бы жилъ великолѣпно: ибо такое великолѣпіе рѣдко великой душѣ

свойственно бываетъ; а чтобы я дѣлалъ, этого я не скажу.

Г. Письмо (1759).

Утѣсненная Истина пришла нѣкогда предъ Юпитера и, жалуяся на приказныхъ служителей, просила, чтобъ онъ истребилъ изъ нихъ тѣхъ, которые до взятокъ охотники, ради народнаго спокойства. Юпитеръ отрекался и говорилъ ей, сколько вдовъ и сиротъ останется, и сколько прольется слезъ, сколько нищихъ умножится ходящихъ по міру и просящихъ милостыни. Нѣтъ, отвѣчала она, нищихъ будетъ меньше, ибо меньше грабительства будетъ; или развѣ тебѣ больше угодно, чтобъ невинныхъ людей, ими ограбленныхъ, жены, дѣти и они сами слезы проливали и по міру таскались? Сверхъ того рѣдко бываетъ, чтобы по мужней смерти жена, или по смерти отцовой сынъ или дочь послѣ приказнаго человѣка по міру ходили: всегда послѣ ихъ имѣнія остается довольно; развѣ покойникъ чаще бывалъ на кабакѣ, нежели въ приказѣ. По долгомъ ея прошеніи согласился наконецъ Юпитеръ ударить громомъ, но клялся Стиксомъ, что онъ того въ другой разъ не сдѣлаетъ: лучше, говорилъ онъ, ихъ исправлять, нежели истреблять. И хотя Истина и увѣряла его, что удобнѣе петиметра удержать отъ нарядовъ, нежели подъячаго отъ взятокъ; однако Юпитеръ согласился однажды только громомъ ударить и сказалъ: хотя бы я и не клялся,—я бы въ другой разъ не сдѣлалъ сего, убѣгая пореканія; беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большинству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ, но политика тебя почтенняе: безъ тебя на свѣтѣ обойтися удобно, а безъ нея никакъ невозможно. Истина не имѣла большой нужды усиливать Юпитера о будущихъ послѣ истребленіяхъ, имѣя надежду, что, по единственномъ истребленіи приказнаго рода, такого грабительства уже не будетъ, и была обѣщаніемъ его довольна. Ударилъ Юпитеръ—повалилися подъячіе и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей осталися цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей! вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подъячіе! я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ! говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (а), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ.

а) Чирики, чирки—коты, ботики.

Д. Басни ([5]).

1. Протоколъ.

Укралъ подъячій протоколъ;
А я не лицемѣрю,
Что этому не вѣрю.
Впадетъ ли въ таковой расколъ
Душа такого человѣка!
Подъячіе того не дѣлали въ вѣкъ вѣка.
И можетъ ли когда имѣть подъячій страсть,
Чтобъ сталъ онъ красть!
Нѣтъ, я не лицемѣрю,
Что этому не вѣрю:
Подъяческа душа
Гораздо хороша.
Да правда говоритъ гораздо краснорѣчно:
Увѣрила меня, что было то конечно;
У правды мало вракъ;
Не спорю: было такъ.
Судья того приказа
Былъ добрый человѣкъ;
Да лишь во весь онъ вѣкъ
Не выучилъ ни одного указа.
Однако осудилъ за протоколъ
Подъячаго на колъ.
Хоть это строго,
Да не гораздо много.
Мнѣ жалко только то: подъячій мой
Оттоль не принесетъ полушечки домой.
Подъячій нѣсколько въ лицѣ перемѣнялся
И извинялся,
На милосердіе судью маня.
И говорилъ: попуталъ чортъ меня.
Судья на то: такъ онъ теперь и оправдался;
Я право этого, мой другъ, не дожидался—
За протоколъ
Его поймать и посадить на колъ.
Однако ты, судья, хоть городъ весь изрыщешь,
Не скоро чорта сыщешь;
Пожалуй справокъ ты не умножай,
Да этого на колъ сажай.

2. Совѣтъ боярскій.

Надежныхъ не было лѣсовъ, луговъ и пашни,
Доколѣ не былъ данъ
Россіи Іоаннъ,
Великолѣпныя въ Кремлѣ воздвигшій башни.
Въ Россіи не было спокойнаго часа:
Опустошались нивы
И были въ пламени лѣса;
Татары, бодрствуя, несясь подъ небеса,
Зря, сколь лѣнивы
Идти во праздности живущіе на брань,
И тѣ съ насъ брали дань,
Которые уже воззрѣть тогда не смѣютъ,
Какъ наши знамена явятся и возвѣютъ.
Они готовы нынѣ намъ,
Какъ мы имъ были, во услугу.
Не все на свѣтѣ быть единымъ временамъ.
Несутъ татара страхъ россійскимъ сторонамъ,
И разорили ужъ и Тулу и Калугу;
Предъ Россами они въ сіи дни грязь и прахъ,

Однако нанесли тогда Россіи страхъ,
Уже къ Москвѣ подходятъ,
И жителей Москвы ко трепету приводятъ.
Татара многажды съ успѣхами дрались.
Бояра собрались
Ко совѣщанію на разные отвѣты,
И дѣлаютъ совѣты;
Въ совѣтѣ томъ бояринъ нѣкій былъ:
Отъ старости сей мужъ, гдѣ Крымъ лежитъ, забылъ.
Бояра
Внимаютъ мужа стара;
А онъ спросилъ у нихъ: отколь идутъ татара?
Съ полудни, говорятъ.—Гдѣ полдень? я не знаю.—
Отъ Тулы ихъ походъ. — Я это вспоминаю:
Бывалъ я нѣкогда съ охотой псовой тамъ,
И много заяцовъ весьма по тѣмъ мѣстамъ.
Я вамъ вѣщаю
Въ отвѣтъ,
И мнѣніе свое вамъ ясно сообщаю:
Въ татарской мнѣ войнѣ ни малой нужды нѣтъ,
И больше ничего сказать не обѣщаю.
Меня татаринъ не сожжетъ
И мнѣ не сдѣлаетъ... увѣчья
Среди Замоскворѣчья.
Распоряжайте вы, а мой совѣтъ такой:
Мой домъ не за Москвой рѣкой.

3. *Двѣ дочери подъячихъ.*

Подъячій былъ, и былъ онъ добрый человѣкъ,
Чего не слыхано во-вѣкъ:
Умъ рѣзвый
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвый,
И сверхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель этому, конечно, не повѣритъ
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ;
Что хамово то племя
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подъячіе бѣсамъ—
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подъячаго вѣкъ минулъ,
Хотя подъячій сей работалъ день и ночь;
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь его въ вѣкъ по міру таскаться.
Другой подъячій былъ и взятки бралъ,
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ;
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти:
Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.

Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

Е. Хоръ къ превратному свѣту (1763) ([6]).

Прилетала на берегъ синица
Изъ-за полночнаго моря,
Изъ-за холодна Океана.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ;
За носъ тамъ судей писцы не водятъ;
Сахаръ подъячій покупаетъ;
За моремъ подъячіе честны;
За моремъ писать они умѣютъ,
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ;
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Чтобы не стонало государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ,
За моремъ почетные люди
Шеи назадъ не загибаютъ,
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ.
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брюзгливы;
Четокъ они хотя не носятъ,
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ противно указу
Росту заказнаго не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Бредить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрые люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избъ не выносятъ.
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки;
Тамъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ-де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны и бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ некстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ;
Стихотворцы вирши ни кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны.
За моремъ невѣжа не пишетъ,

Критика злобой не дышетъ,
Ябеды за моремъ не знаютъ.
Лучше тамъ достоинство наука,
Лучше приказнаго крюка.
Хитрости свободны тамъ почтенняй,
Нежели невнятные экстракты.
Тамъ купецъ—купецъ, а не обманщикъ.
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лести за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно,
Ложь тамъ велико беззаконье.
За моремъ нѣтъ тунеядцевъ:
Всѣ люди за моремъ трудятся,
Всѣ тамъ отечеству служатъ;
Лучше работящій тамъ крестьянинъ,
Нежель господинъ тунеядецъ,
Лучше не расчесаны кудри,
Нежели парикъ на болванѣ.
За моремъ почтенняе свиньи,
Нежели безстыдны сребролюбцы
. . . .
Пьяные по улицамъ не ходятъ,
И людей на улицахъ не рѣжутъ.

Ж. Изъ трагедіи Димитрій Самозванецъ (1771) (7).

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ 1.

Георгій и Ксенія.

Георгій. Языкъ мой долженъ я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, если царь неправеденъ и злобенъ.
Ксенія. Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни!
Георгій. О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ;
Дни свѣтлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ Папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ Россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всю написты обагрили,

Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ Папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ ([8]).

Ксенія. Всѣ силы пагубны: Димитрій, Климентъ, адъ,
Изъ сердца моего тебя не истребятъ.
О небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксеніи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ—
Едино только то, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера позметала.
Кавказъ тебя родилъ, Ирканія питала ([9]).
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россіи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ!
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ!
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой
И мужа украси достойна діадимой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Димитрій *(одинъ)* ([10]). Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ, и всей странѣ.
Гласятъ граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
Унылы вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста:
Во преисподнюю зрю мрачныя степени
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геенне я и въ пламени горю;
Воззрю на небеса—селенье райско зрю:

Тамъ добрые цари природы всей красою,
И ангели кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Въ вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги... кого бѣжать?.. себя?
Не вижу никого другаго предъ собою.
Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою.
Убійца здѣсь—бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!.. кому?.. себѣ... себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?.. того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ.
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую—и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ; живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ V.

Димитрій *(одинъ)*. Блаженная душа идетъ въ объятье Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдня ночь — ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса,
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило...
Помедли въ небеси, горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій *(одинъ)*.

(Занавѣсъ подымается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ, возлѣ него столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ):

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій;
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ,

И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(Слышенъ колоколъ).
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина?
(Возстаетъ).
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ... сего не зналъ я прежде...
Объятъ отчаяньемъ — и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ...
О Боже!.. но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибѣжища... не зрю... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества...
Весь воздухъ восшумѣлъ; враги вооруженны;
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля...
Все, все противъ меня: и небо и земля...
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

[1]) „Хоревъ, трагедія Александра Сумарокова. Спб. 1747“. Представлена, въ первый разъ, 1750 г., кадетами Сухопутнаго Шляхетнаго корпуса. Дѣйствующія лица: Кій, русскій князь, Хоревъ, братъ его и наслѣдникъ, Завлохъ, бывшій кіевскій князь, Оснельда, дочь Завлохова, Сталверьхъ, первый кіевскій бояринъ, Велькаръ, наперсникъ Хоревовъ, Астрада, мамка Оснельдина. Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ и состоитъ въ слѣдующемъ: Кій овладѣлъ Кіевомъ, разбивъ Завлоха и взявъ въ плѣнъ Оснельду. Завлохъ подступаетъ къ городу съ войскомъ. Кій хочетъ освободить плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда желаетъ и не желаетъ свободы: она влюблена въ Хорева, который также питаетъ къ ней взаимную страсть. Не смотря на то, онъ долженъ, по повелѣнію своего брата и государя, сражаться съ отцемъ ея. Сталверьхъ возбуждаетъ въ Кіи подозрѣнія на счетъ Хорева, разсказывая ему, что послѣдній любитъ дочь врага своего брата. Послѣ побѣды надъ Завлохомъ, Велькаръ освободилъ одного плѣнника изъ темницы и послалъ его съ письмомъ Оснельды въ непріятельскій станъ. Кій заключаетъ Оснельду въ оковы и рѣшается отравить ее. Велькаръ является къ Кію съ мечемъ Завлоха, взятаго въ плѣнъ: тогда Кій, увѣренный въ невинности брата, соглашается на бракъ его съ Оснельдой, но посланный къ ней съ извѣстіемъ объ этомъ согласіи находитъ ее ужъ мертвою. Наконецъ, приходитъ Хоревъ съ Завлохомъ, который прежде запрещалъ дочери любить Хорева, но который теперь разрѣшаетъ запрещеніе. Сталверьхъ, видя свои замыслы открытыми, оканчива-

етъ жизнь самоубійствомъ. Хоревъ также закалывается, узнавъ о смерти Оснельды.

²) „Двѣ епистолы, Александра Сумарокова. Въ первой предлагается о русскомъ языкѣ, а во второй о стихотворствѣ", 1748 г. Спб. Другое изданіе епистолы: „Наставленіе хотящимъ быть писателями, отъ Александра Сумарокова" (1774). Въ совѣтахъ своихъ Сум—въ видимо хотѣлъ подражать Буало (l'art poëtique). Они были уважаемы стихотворцами; по крайней мѣрѣ, Херасковъ, въ піесѣ своей: Поэтъ (1805), рекомендуетъ юнымъ писателямъ слѣдовать Горацію, имѣть въ памяти Буалову науку о стихахъ и не забывать правилъ Сумарокова.

³) Презрительный отзывъ о литературѣ народной. Писатели, воспитанные на французскихъ понятіяхъ объ искусствѣ, не могли оцѣнить ее и дать ей надлежащее мѣсто въ исторіи русской словесности.

⁴) Т.-е. не русскими, а славянскими. Сумароковъ не различаетъ этихъ двухъ языковъ, какъ не различали ихъ многіе и до него, и послѣ него.

⁵) „Притчи Александра Сумарокова". 3 книги: 1-ая и 2-я 1762 г., 3-ья 1769. Въ Полн. Собр. Сочиненій шесть книгъ басенъ (т. VII). Форма и самое содержаніе многихъ басенъ Сумарокова совершенно отходятъ отъ условій этого рода произведеній. Въ нихъ нѣтъ аллегоріи: это скорѣе сатиры и посланія, въ которыхъ авторъ, безъ всякаго покрова, выражаетъ какую-нибудь мысль. Главный предметъ сатирическихъ нападокъ басни Сумарокова — ябеда, подъячіе-крючкотворцы, которыхъ онъ часто называлъ „крапивнымъ сѣменемъ".

⁶) Хоры къ разнымъ группамъ большаго маскарада, устроеннаго въ Москвѣ 1763 г. въ коронацію Екатерины II (Собр. Соч. VIII). Хоръ къ превратному свѣту — весьма удачная и злая сатира на общество, совершенно противоположное, по своимъ недостаткамъ, идеальному обществу, изображенному въ утопіи.

⁷) „Димитрій Самозванецъ, трагедія Александра Сумарокова. Представлена въ первый разъ въ 1771 году февраля 1 дня на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ. Печатано при Импер. Ак. Н". Съ портретомъ Самозванца и надписью къ портрету:

Сей мужъ отечества смертельная былъ рана,
Зримъ въ образѣ его убійцу и тирана.
За варварство злодѣй утратилъ наконецъ
Безвременно жизнь, скипетръ и вѣнецъ.

За примѣчаніемъ касательно портрета слѣдуетъ характеристическое объясненіе слова: „публика" и особыхъ драматическихъ пьесъ, „новаго и пакостнаго рода слезныхъ комедій" (comédie larmoyante). Оно написано по поводу перевода и представленія комедіи Бомарше: „Евгенія" (1770). Къ нему приложено отвѣтное письмо Вольтера къ Сумарокову, который жаловался фернейскому отшельнику на упадокъ вкуса въ драматическомъ искусствѣ. Вольтеръ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Сум—ва, что заставило послѣдняго сказать: „Неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели господину Вольтеру и мнѣ?" Переводчикъ Евгеніи названъ подъячимъ потому, что служилъ въ канцеляріи гр. Салтыкова, московскаго главнокомандующаго. Послѣ Вольтерова письма помѣщено „Разсмотрѣніе содержанія Евгеніи", выраженное грубо и насмѣшливо. Переводчикъ,

принадлежавшій къ лучшему московскому обществу, рѣшился отмстить критику. Случай къ мщенію скоро представился. Бельмонти, содержатель московскаго театра, несмотря на контрактъ съ Сумароковымъ — не играть трагедій безъ позволенія автора — далъ „Синава и Трувора“, по приказанію гр. Салтыкова. Актеры и зрители уронили піесу: одни умышленно играли ее дурно, другіе умышленно шумѣли и грызли орѣхи. Въ страшной досадѣ, Сумароковъ послалъ энергическую жалобу Екатеринѣ II и получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Г. Сумароковъ! Чрезвычайно удивило меня письмо ваше отъ 20 генваря, а еще больше письмо 1-го февраля. Какъ мнѣ кажется, и въ томъ и другомъ заключаются жалобы на Бельмонти, который однако только исполнилъ повелѣніе гр. Салтыкова, желавшаго видѣть представленіе одной изъ вашихъ трагедій. Это дѣлаетъ вамъ честь; вамъ бы слѣдовало сообразоваться съ желаніемъ перваго правительственнаго сановника въ Москвѣ. Но если ему заблагоразсудилось приказать, чтобы эта трагедія была играна, то надлежало исполнить его волю безпрекословно. Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать подобныхъ преній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведенія вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ“. — Самозванецъ является въ трагедіи Сум—ва сверхъестественнымъ злодѣемъ. Онъ хочетъ жениться на Ксеніи, дочери Шуйскаго, хотя уже имѣетъ супругу, и въ оправданіе своего желанія говоритъ:

Закономъ та Римлянка:
Благочестивая потребна Россіянка.

Но Ксенія любитъ Георгія, князя галицкаго, котораго сперва заключаютъ въ оковы, а потомъ, по ходатайству Пармена, Димитріева наперсника, освобождаютъ. Боясь Димитріевой злобы, Шуйскій притворно уступаетъ: втайнѣ же возмущаетъ народъ. Лжедимитрій, въ отчаяніи, поражаетъ себя кинжаломъ.

[8]) Говорится о замыслахъ Димитрія и папы Климента VIII ввести въ Россію католическую вѣру. Самозванецъ признается въ нихъ Пармену (дѣйств. I, явл. 1). Жестокое обращеніе христіанъ-европейцевъ съ дикарями-язычниками новаго свѣта возбуждало сильное негодованіе всѣхъ просвѣщенныхъ умовъ 18-го вѣка. Въ „Письмѣ Л—ва о пользѣ стекла“ есть цѣлая тирада, осуждающая поведеніе испанцевъ въ Америкѣ.

[9]) Ксенія обращается къ Димитрію съ тѣми же укорами, какъ Дидона выговаривала Энею, въ 4-ой пѣснѣ Энеиды: „Кавказъ произвелъ тебя на свѣтъ въ своихъ скалахъ; тигрица гирканская кормила тебя молокомъ“. Сличи также слова Дидоны въ трагедіи Княжина того же имени:

...Лютый тигръ тебѣ далъ видѣть свѣтъ:
Въ утробѣ ты зачатъ свирѣпѣйшія львицы.

[10]) Подражаніе монологу Ричарда III, въ трагедіи Шекспира того же имени (дѣйств. V, явл. 3).

XXVI.

АМВРОСІЙ ЮШКЕВИЧЪ (а).

Изъ слова въ день рожденія Императрицы Елисаветы (1741) ([1]).

Славитъ Писаніе Священное Іудиѳь прехрабрую за то, что она своею премудростію, а наипаче твердымъ на Бога упованіемъ, главному врагу Олоферну, вождю вавилонскому, сама одна голову отсѣкла и все воинство его преславно побѣдила. Воспоминаетъ Іаиль, жену также мужественную, которая князя моавитскаго Сисару умертвила. Прославляетъ народъ израильскій даже до сего дня Есѳирь пречудную за ея превеликое, въ крайней бѣдѣ, заступленіе, которое она весьма ревностно показала въ то время, какъ намѣрено было весь народъ израильскій до единаго человѣка погубити; ибо она съ великимъ сокрушеніемъ сердца молила Господа: нынѣ, Господи Боже Царю, пощади люди твоя, яко зазираютъ намъ въ погибель и возделѣша погубити наслѣдіе Твое. И хотя явственную смерть въ глазахъ видѣла, однако, любовію народа своего побѣждаемая, дерзнула внити предъ царя Артаксеркса и просить о избавленіи отъ погубленія людей своихъ, что и получить благополучно удостоилась.

Большія похвалы достойна наша всероссійская героиня: ибо оная народъ свой свободила отъ враговъ токмо внѣшнихъ и явныхъ: наша же преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тягчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше разоряли. И смотри, какую діаволъ далъ имъ придумать хитрость. Во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ, истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси жъ: за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобы во вся въ Россіи истребить священство православное и завесть свою новомышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо

а) Архіепископъ новгородскій и с.-петербургскій († 1745).

о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнаюлцій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Были ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государева, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную (а) похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего ихъ обмана народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили, разоряли и вовся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь человѣкъ иностранный незнаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такого, говорю я, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штабы и жалованія опредѣлить многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніе наши враги! такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ каза-

а) Тайная канцелярія.

лось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь Христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, въ нищету и въ крайнее разореніе.

Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую (а): сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколькожъ сотъ тысячъ церковниковъ [2] и другихъ рекрутъ перебрали! а всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили, но тѣ все то дѣлали притворно, подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамо иные въ банки, иные въ проценты многіе милліоны полагали. Кто жъ имъ со Христомъ евангельскихъ словъ не воспишетъ: идѣже сокровище ваше, ту есть и сердце ваше! Ежели кто сему не хощетъ вѣровать: поиди въ Голландію, въ Англію—тамо лучше увѣдаетъ. И отъ таковыхъ-то тайныхъ разорителей отечества нашего чрезъ вторую Іудиѳь, Всемилостивѣйшую Государыню нашу, Господь Богъ свободилъ насъ. О коль премного должны мы благодарить Ему за такое превеликое Его благоутробіе, что Онъ не по дѣломъ нашимъ судилъ намъ и наказалъ насъ, но по своей неизреченной милости сотворилъ съ нами, и умилосердился надъ нами, и помиловалъ насъ, и даровалъ намъ нынѣ полное отъ помянутыхъ враговъ свобожденіе.

а) 1736—1739 гг., стоившая большихъ потерь людьми и деньгами. Русскимъ войскомъ командовалъ Минихъ.

[1]) Слово въ день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, декабря 18 дня 1741 года, развиваетъ мысль, что „Богъ еще въ рожденіи Елисаветы назначилъ и опредѣлилъ ей державу россійскаго престола“. Въ этомъ развитіи исчисляются дѣла Петра Великаго и Екатерины I, говорится о притѣсненіяхъ, испытанныхъ Елисаветою по смерти родителей, наконецъ прославляется вступленіе ея на престолъ и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ. Большая часть духовныхъ словъ, отъ вступленія Елисаветы на престолъ (25 ноября 1741 г.), въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія, имѣетъ предметомъ одну и ту же тему—возстановленіе Петрова племени и освобожденіе Россіи отъ враговъ внутреннихъ, подъ которыми разумѣлась иностранная или, вѣрнѣе, нѣмецкая партія въ администраціи и при дворѣ, преимущественно Биронъ, Остерманъ и Минихъ. Время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны имѣло для проповѣдниковъ значеніе печаль-

наго историческаго промежутка, неблагополучной школы отечества, наказанія его „бѣдами, перемѣнами, страхами, пожарами, ужасными войнами, тяжкими многотрудными гладами, напрасными смертями и прочими безчисленными бѣдствіями“. Духовенство считало себя особенно въ правѣ столько же радоваться перемѣнѣ царствованія, сколько оно огорчалось прежнимъ правленіемъ. Причины и огорченія и радости изложены ясно Дмитріемъ Сѣченовымъ въ Словѣ въ день Благовѣщенія, 1742 г. Между ними важное мѣсто занимаетъ запрещеніе книги Яворскаго: „Камень Вѣры“ и судъ надъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, одобрившимъ ее къ изданію. Въ дѣйствіяхъ Бирона по этому случаю справедливо видѣли покровительство лютеранству и униженіе православія. Елисавета освободила Ѳеофилакта изъ заключенія и сняла запрещеніе съ книги Яворскаго. Поэтому въ проповѣди на ея вшествіе въ Москву (28 февраля 1742 г.), Амвросій, между прочимъ, говоритъ: „Книгу Камень Вѣры, во тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла“... „Вѣдали они *(внутренніе непріятели)*, что наша вѣра есть крѣпка и непобѣдимая, понеже стоитъ не на простомъ человѣкѣ, но на твердомъ краеугольномъ камени, т. е. на Христѣ, Сынѣ Бога живаго. Инако ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у нея оборону, оружіе и мечъ духовный, т. е. Слово Божіе, вѣру хранящее и защищающее. И какъ задумали, такъ и сдѣлали: готовыя книги во тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили... Не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли; и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся. Что же сдѣлалъ Господь милосердый? Услышалъ молитву вѣрныхъ рабовъ своихъ, призрѣлъ на слезы и воздыханія ихъ, и вдругъ всѣ ихъ замыслы, всѣ хитрости и коварства разрушилъ, уничтожилъ и въ прахъ развѣялъ. О радости всего православія! О торжества несказаннаго всея Церкви Христовой! Возрадовались о семъ ангели, небеса восторжествовали и вси святіи радостную пѣснь воскликнули: „нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего и область Христа его, яко низложенъ бысть сатана и вси аггели его съ нимъ“.

[2]) См. Указы 28 сентября 1736, 6 февраля и 7 сентября 1737 г. (Пол. Соб. Зак. №№ 7070, 7169 и 7364). Первымъ велѣно учинить перепись дѣтямъ лицъ духовнаго званія и малолѣтнихъ отдать въ школу, а другихъ опредѣлить въ службу „для нынѣшней нужды въ комплектованіи арміи и гарнизоновъ“, вслѣдствіе чего и набрано 6557 человѣкъ. По второму указу церковнослужители, для освобожденія себя отъ военной службы, могли ставить вмѣсто себя рекрутовъ или вносить 200 руб.; при поставкѣ рекрута брали съ нихъ на жалованье ему, на мундиръ, ружье и аммуницію по 30 руб. Третій указъ строжайше подтверждалъ кончить перепись неположеннымъ въ подушный окладъ въ половинѣ октября и всѣхъ, отъ 15 до 40 лѣтъ, безъ разбора взять въ военную службу; для замѣщенія же церковныхъ чиновъ употреблять изъ малолѣтнихъ церковническихъ дѣтей, а равно изъ тѣхъ, кому свыше 40 лѣтъ.

XXVII.

ДИМИТРІЙ СѢЧЕНОВЪ (а).

Слово въ день явленія чудотворной иконы Казанской Божіей матери (1742).

Осмотримся, какъ мы любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряные; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканныя завѣсы, одѣяла; а страшныя Христовы тайны, крашенинннымъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю; а въ церковь никогда и волошскаго галенка (б) не посылалъ. Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суесловить, хвастать, веселиться, забавляться день и нощь — легко, нескучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церкви съ умиленіемъ и страхомъ Божіимъ постоять — право, въ суетахъ и помолиться некогда. Люблю Христа: друга, или патрона, или сродника за прошеніе или за пріятіе даровъ; надѣйся—дѣло твое готово, сегодня приговоръ закрѣпимъ, а заутра и указъ получишь. А бѣдный вопіетъ: сотвори милость Бога ради, Христа ради, Божія Матери ради— и смотрѣть не хощу, со гнѣвомъ отвѣтствую: не шуми, теперь не до тебя, много дѣлъ государственныхъ. Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? три дня и нощи веселюся, піянствую; а пріидетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главныя спасенія нашего вины, за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церкви не былъ; скорбитъ, что кого дома не засталъ, а о томъ и печали нѣтъ — не успѣлъ, рано стали благовѣстить. Люблю Христа: словомъ надѣюсь на Него, весь въ волю Его предаюся, да будетъ, глаголю, воля Твоя; а самою вещію чрезъ патроновъ, стряпчихъ, ябедниковъ, чрезъ деньги, ласкательство и другіе коварны способы желаемыхъ себѣ вещей проискиваемъ. Се ли воля Божія? Словомъ, въ противныхъ (в) случаяхъ на Бога уповаемъ, той намъ помощникъ въ скорбехъ; а дѣломъ противникомъ нашимъ

а) Митрополитъ Новгородскій (1709—1767).

б) Волошское вино. *Галенокъ* (Gallon)—англійская мѣра вина.

а) Несчастныхъ.

грозимъ не на Бога уповающе: или не вѣси, онсица (а) сенаторъ, президентъ, губернаторъ, воевода, секретарь, такое знатное лице — мнѣ благодѣтель, сродникъ, другъ; узриши, что тебѣ будетъ. А сего не вѣмы, что утро патрона или чести лишатъ, или ко гробу понесутъ, и самъ себѣ помощи не возможетъ. О суетно упованіе и спасеніе человѣческо! православніи христіане есьмы, любимъ Бога; а мнози отъ насъ и Бога едва знаютъ, а праведнаго Его суда и отмщенія ниже думаютъ. Иные, за кабаками, за торгомъ, за ябедами, за работою церквей не знаютъ, о покаяніи ниже помышляютъ, таинъ святыхъ не причащаются. Отче нашъ, Богородице Дѣво прочитать не умѣютъ, а другаго писанія ниже спрашивай; а у всякаго вмѣсто писанія во устѣхъ хула, клевета, сквернословіе, на языкѣ обманъ, сердце исполнено коварства, помышленій лукавыхъ, во очесѣхъ зависть, руцѣ грабленіемъ слячены (б), нозѣ скоро шествуютъ на зло. Се ли любовь ко Богу? се ли христіанская должность?

А о любви ближняго и спрашивать нечего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй; а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было, да и въ будущемъ бы вѣцѣ покою не обрѣсти. Словомъ обѣщаетъ: я твой истинный другъ, всегдашній любитель, вѣрный слуга, а дѣломъ враждую, ненавижду, злодѣйствую; и таковымъ лукавствомъ подъ образомъ любви души незлобивыя, благочестивыя, христіанскія, которыя коварства познать не могутъ, уловляются и въ ровъ погибели ввергаются. Люблю ближняго: а аще малымъ чимъ мене оскорбить или словомъ досадить — во вѣки злобствуемъ, во вѣки не примирительны, до гроба не забываемъ, готовы за едино слово погубить. А часто бываетъ, что ближній мой ничимъ меня оскорбилъ, благочестно живетъ, никого ни обидитъ, должность свою изрядно правитъ; а мы завистію горимъ паче огня геенскаго, славу его терзаемъ, честь его поносимъ, криво о немъ толкуемъ; только вины, что славенъ, честенъ, Богъ его произвелъ; гдѣ бы радоваться и Бога хвалити, что братъ нашъ прославляется — тако сѣтуемъ, тоскуемъ, печалимся о чуждемъ добрѣ; ради бы, что бы имя его не помянулося: и симъ ядомъ наполненные, глаголю, завистію, самыхъ ядовитыхъ звѣрей лютѣйшіе, ибо самихъ себе снѣдаемъ, ни сродныхъ познаемъ, ни благодѣянія помнимъ, ни достойнаго почитаемъ, ни заслуженному честь воздаемъ, ни добродѣтельнаго хвалимъ, но всякаго добраго имя руганіемъ, клеветою терзаемъ, угрызаемъ, на словѣ

а) Такой-то.

б) Отъ слящати (сгибать, скорчивать) — согнуть.

убиваемъ, всегда чуждые пороковъ сучки ломаемъ, а своихъ беззаконій цѣлыхъ бревенъ не видимъ. Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иный конецъ, токмо благотворить ближнимъ, помощи бѣднымъ, заступити обидимыхъ, защитить правду; сего и не мыслитъ, и говорити съ бѣднымъ не хощетъ, но аки Фараонъ гордится, честію тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутитъ, вертитъ, а сего не слышитъ—всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: изсше трава и цвѣтъ ея отпаде. Правосудіе ли тамъ присмотримся? въ передней избѣ часовъ пять постой, да заутра пріиди, больше не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы одерутъ: не срачицу, но и кожу готовы снять; а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь. А сего не помнитъ, что единаго естества, единаго Создателя дѣло, единыя вѣры, братъ нашъ, удъ (а) нашъ, единыя благодати удостоенъ, равно кровію Христовою искупленъ, но за муху вмѣняютъ. Какъ таковый со псаломникомъ возглаголетъ: милость и судъ воспою тебѣ, Господи? а ему же судъ безъ милости, не сотворшему милости, готовится. Мечъ творящаго судъ обидимымъ надъ главою его виситъ. Но что еще постраждетъ въ день страшнаго суда, егда открыетъ праведны судія дѣянія, совѣты, помышленія, возопіютъ вси презрѣнніи, обижденніи, милости лишенніи: доколѣ, Владыко святый, не мстиши обиды нашея? О горѣ! о лютѣ! абіе (б) декретъ (в) оный изречется неключимому (г) рабу: свяжите руцѣ и нозѣ, и ввержите во тьму кромѣшную, идѣже будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ. Люблю ближняго: а богатство кому попадется—не знаетъ, что не его злато, не его серебро, но Божіе, онъ токмо строитель Божіяго имѣнія поставленъ, да помогаетъ въ нуждѣ сущимъ, и за сіе мзду экономства своего въ день судный воспріиметъ, и желаемый оный гласъ услышитъ: благій рабе и вѣрный, о малѣ ми былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа твоего. А онъ, какъ неключимый рабъ, такими стѣнами и замками оградитъ, не токмо кому подать, но и посмотрѣть никого не сподобитъ, рубля безъ процента не дастъ, полушки бѣдному въ руки не вложитъ, и самъ хлѣба въ сладость не вкуситъ, дрожитъ, ночи не спитъ, какъ бы утраты не сдѣлалося; а сего не слышитъ: безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ? Православніи христіане, любимъ Бога,

а) Членъ.

б) Немедленно.

в) Приговоръ.

г) Недостойному.

любимъ ближняго; а колико между нами лихоимцевъ, грабителей, сребролюбцевъ, обидчиковъ, ябедниковъ, славолюбцевъ, ласкателей, воровъ, раскольниковъ, прелюбодѣевъ, волшебниковъ, костоводовъ (а), обманщиковъ, клеветниковъ, убійцевъ, гордыхъ, немилостивыхъ, лестцовъ, родителей не почитающихъ, еретиковъ, безбожниковъ! Таковіи вси противницы Богу и враждебницы ближнему, таковыхъ христіанъ довольно будетъ въ геенской безднѣ, довольно будетъ въ тартарскихъ мѣстахъ. Се ли христіанская должность! се ли Евангельская жизнь! се ли Апостольская проповѣдь! се ли святыхъ отецъ ученіе! Вси знаютъ, что Евангеліе гремитъ, пророческія книги вопіютъ, Апостольская посланія истинной христіанской жизни обучаютъ, отеческія писанія во нравѣхъ христіанскихъ утверждаютъ,—никто не слушаетъ, никто не внимаетъ. Добрѣ Христосъ Господь у Луки святаго глаголетъ: аще кто (Луки гл. 16) отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры. А я уже всуе простираю слова: аще Христу, Апостоломъ не вѣрятъ; а мнѣ, послѣдней спицѣ въ колесницѣ, а не проповѣднику, кто повѣритъ? Лучше молчать: кто меньше правды говоритъ, милѣе живетъ.

Но прошло уже, слышателіе, тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и Слово Божіе вязалося (б), и путь въ царствіе небесное заключался, истинные догматы, ведущіе въ жизнь вѣчную, не слышалися, а соблазны и блеванія на православную церковь въ погибель многимъ всюду прославлялися, пастыріе молчали, проповѣдницы боялися (в). А нынѣ златыя времена, времена Θеодосія царя благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины, царицъ защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна, и дщерь и внука и правнука императоровъ благочестивыхъ, воистину греческаго исповѣданія. Только пріиде къ намъ, а съ нею пріидоша вся благая; пріиде къ намъ, абіе устраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе—уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди—всюду истинно глаголется, всюду правда не молчится. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама всепресвѣтлѣйшая монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утружденна, всегда слово Божіе слышати желаетъ, и слушая не скучаетъ: вѣдаетъ, что словеса Господня — словеса чиста, сребро разженно,

а) Играющій въ кости.

б) Связывалось, лишалось средствъ дѣйствовать свободно.

в) Отношеніе къ предыдущему времени—господству нѣмецкихъ сановниковъ.

очищено земли, искушено (а) седмерицею; вѣдаетъ, что законъ устъ Господнихъ благъ есть паче тысящъ злата и сребра; вѣдаетъ, что глаголы Христовы — глаголы суть живота вѣчнаго; вѣдаетъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ будетъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Сіе мы видѣвши, что сама глава наша раченіе о словѣ Божіи, ревность ко правдѣ имать, въ сіе ли благополучное время умолчимъ? да не будетъ. Но аще мы умолчимъ, камени возопіютъ.

„Слово въ день явленія чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы въ градѣ Казани“. Характеръ его рѣзко-обличительный, какъ и всѣхъ другихъ проповѣдей Сѣченова, о которыхъ еще Карамзинъ, въ Пантеонѣ росс. авторовъ, такъ отозвался: „Достоинство ихъ состоитъ не въ искусствѣ ораторскомъ, но въ чистомъ христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи двора громогласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ вельможъ, для которыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ“. Содержаніе „Слова о появленіи иконы Божіей Матери въ Казани“ Сѣченовъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ:

Еще начинается только второй лѣтній мѣсяцъ (слово произнесено 8-го іюля), а мы уже совершаемъ третье торжество Божіей Матери: первое происходило 23 іюня (Владимирская), второе 26 іюня (Тихвинская), третье происходитъ теперь, т. е. 8 іюля (Казанская). Достойно и праведно величати Ту, которая защищала русскихъ царей, была страхомъ для варваровъ и увеселеніемъ для христіанъ. Поэтому желалъ бы и я восхвалить и благодарить Ее, но въ умъ и сердце мое приходятъ недоумѣніе, страхъ и трепетъ: я слышу, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, разсуждая о неизреченныхъ добродѣтеляхъ Божіей Матери, восклицаетъ: „Любити убо намъ, яко безбѣдно страхомъ удобѣе молчаніе, любовію же, Дѣво, пѣсни ткати спротяженно сложенныя—неудобно есть“. Если толикій всего міра свѣтильникъ, философіи и богословіи преславный кавалеръ, монашескихъ ликовъ генералъ, пустынныхъ жителей верхъ и доброта, ангелъ во плоти, неизреченныхъ таинъ истолкователь, Божія Матери особливый служитель, ужасается, начиная ублажать ее, и совѣтуетъ любить молчаніе; то я ли скверный языкъ мой къ похвалѣ оныя простерти могу, весь къ земнымъ попеченіямъ привязанъ, всегда временныхъ ищу, всегда земная мудрствую, весь міра сего прелестьми ослѣпленъ, всю жизнь въ сластехъ и страстехъ, аки свинія въ блатѣ, валяюся, не монахъ, но соблазнъ, аки тьма отъ свѣта отъ такого свѣтильника разнствую, мерзкими нравами безсловесныхъ скотовъ, звѣрей превосхожу, не токмо говорити, но ниже помыслити о таковомъ превысокомъ дѣлѣ дерзаю. — Впрочемъ надобно понимать истинный смыслъ словъ Дамаскина: онъ не запрещаетъ прославлять Пречистую, а только совѣтуетъ осмотрѣться на немощь естества нашего, на недостоинство наше и совѣсть, грѣхами оскверненную, и потому говоритъ: „Яко одушевленному Божію кивоту, да ни какоже коснется рука скверныхъ, но душами чистыми и несквернымы устнами, пріидите возвеличимъ Пречистую Матерь Еммануилову“. Разсмотримъ же, согласно ли Христову имени живемъ мы: такъ ли мы любимъ Бога и ближняго, какъ предписываетъ намъ Евангеліе?—Слѣдуетъ за симъ объясненіе истинной любви къ Богу и истинной любви къ ближнему (пер-

---

а) Испытано.

вый отдѣлъ главной части Слова). Эти толкованія христіанскихъ обязанностей, какъ общій элементъ проповѣди, прилагаются къ разсмотрѣнію нашей жизни, составляющему ея частный элементъ. Предложеніе, выражающее живое отношеніе Слова къ современности, по имени христіанской, по дѣламъ противохристіанской, и образующее второй отдѣлъ главной части, помѣщено въ хрестоматію. Заключеніемъ Слова служитъ молитвенное обращеніе къ Божіей Матери и похвала Елисаветѣ.

XXVIII.

ГЕДЕОНЪ КРИНОВСКІЙ (1)

Слово о случившемся въ 1755 году въ Европѣ и Африкѣ ужасномъ трясеніи (2).

Днесь аще гласъ услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ (Псаломъ 94, ст. 7—8).

Получаемыя со дня на день нами нынѣ иностранныя вѣдомости возбудили во мнѣ охоту нѣкоторыя сочинить теперь на нихъ нравоучительныя примѣчанія, слышатели благочестивые. Вѣдомости сіи ничего почти добраго намъ не возвѣщаютъ. Богъ знаетъ, бывали ли когда непріятнѣйшіи паче нынѣшнихъ на земли случаи. Въ толь краткое время толь многія зло пострадали государства. Тамъ видимъ разверзающуюся и страшный съ шумомъ пламень изъ нѣдръ своихъ испущающую землю; тамъ море необычно разливающееся и поглощающее народа множество; тамъ прекрасные грады въ страшныя превращенны пустыни; тамъ превысокія горы въ глубокіе рвы и долины сотворшіяся; тамъ многія тысящи человѣкъ живыхъ погребенныхъ; тамъ полумертвыхъ безъ пищи, безъ покрова ужасно воплящихъ. И что-жъ сіе, слышатели? Какого вы разсужденія о такихъ вѣдомостяхъ? Не хочете ли все то приписать натурѣ? Не думаете ли, что селитряныя и другія нѣкія сухія и легко загараемыя частицы, въ потаенныхъ земныхъ каналахъ собравшися и съ нѣкоторыми водяными частицами стираяся, горячесть, а потомъ и пламя произведши, и тѣмъ тончайшій, въ убѣгающихъ отъ очей нашихъ земныхъ трубахъ находящійся воздухъ въ возмущеніе приведши, потрясли такъ землю и воду? Пусть такъ будетъ; я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совсѣмъ опровергать силъ, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, не въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура?

Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли; случаемъ Португалія, Гишпанія, Франція и многія Нѣмецкія и другія различныя земли подпали сему злу. А мы, напримѣръ, Россіаны ни труса земли, ни восхожденія необычнаго воды не чувствовали? Но гдѣ жъ (а) будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца небеснаго не погибаетъ (Матѳ. X, 30; Лук. XII, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели! не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждяй зло, по писанію (Исаіи XLѴ, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему предѣлы; Онъ и сдѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный видъ на себе приняло; Онъ, говорю, то есть который призираетъ на землю и творитъ ю трястися, по Псаломнику (Псал. СШ, 32), и котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѳ. ѴШ, 26), привелъ въ такое смущеніе обѣ сіи стихіи (3). А понеже Богъ и естество ничего напрасно не дѣлаютъ, какъ то и самые языческіе признали философы, то уже слѣдуетъ намъ помышлять, что непремѣнно и помянутыя печальныя руки Божіей дѣйствія нѣкоторую у себе имѣютъ причину. И въ семъ-то состоять будутъ сегодняшнія краткія мои примѣчанія (4). Впрочемъ я не намѣренъ пущаться въ глубину сію безъ разсужденія. Я не смѣю испытывать совершенно, что единому Богу извѣстно; но только хочу сказать, что все сіе сдѣлано ради того, чтобъ устрашить насъ грѣшныхъ и отвесть отъ беззаконій нашихъ, которыя такъ сильно укоренились и разумножились въ насъ, что, кажется, вси прошедшіе вѣки въ томъ уступить настоящимъ должны. Чего ради и въ заглавіи сей моей бесѣды за благо разсудилось мнѣ положить оныя Давидовы слова: „Днесь аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ!“ Ежели бо толь громкій и грозный гласъ Божій, гласъ, говорю, сокрушающій каменіе и стрясающій горы, нечувствителенъ сердцамъ нашимъ сдѣлается; то уже конечно не можно будетъ насъ почитать за человѣковъ, но развѣ за нѣкоторую самыхъ нечувственныхъ вещей нечувственнѣйшую тварь.

Но надобно мнѣ напередъ васъ увѣрить, что грѣхи наши подали причину, чтобы такія зла навелъ Богъ на землю. А чѣмъ же бы я самъ увѣрилъ? Увѣряю живымъ и дѣйствительнымъ словомъ Божіимъ, то есть священнымъ писаніемъ. Посмотрите вы, въ книгѣ Второзаконія, въ гла-

а) Куда.

вѣ 30, что тамъ Богъ говоритъ чрезъ Моисея ко Израилю? Аще, говоритъ, послушаешь ты заповѣдей Господа Бога твоего, поживеши и умножишися, и благословитъ тя Господь; аще ли же не послушаете, возвѣщаю вамъ, яко погибелію погибнете. И въ книгѣ Левитской, въ главѣ 28, говоритъ: Аще не послушаете мене, положу вамъ небо аки желѣзно и землю яко мѣдяну, и во ничто будетъ вся крѣпость ваша. Чтожъ и Давидъ? Многи, говоритъ, раны грѣшному. Да и дѣйствительно, испытайте и виждьте, что навело страшный оный при Нои потопъ на вселенную: не грѣхи ли человѣческіе? Что Содому и Гомору попалило: не грѣхи ли? За что Даѳана и Авирона земля пожерла: не за грѣхи ли? За что Іерусалимъ невозвращаемому разоренію подпалъ? также не за грѣхи ли? И сіе я говорю о причинѣ золъ всякихъ вообще. Слышите жъ и что особливо о землетрясеніи сказалъ Златоустъ святый? Какъ однажды приключившееся во времена его землетрясеніе уже престало, вскорѣ онъ послѣ того имѣлъ къ народу прекрасную бесѣду о причинѣ зла сего, и въ ней между прочимъ сказалъ такъ: „Другіе вси ради землетрясенія страхомъ объяты были, а я ради вины землетрясенія. Они боялись, чтобъ градъ не палъ и не погиблъ; а я, что Богъ на насъ гнѣвался, содрогалъ. Вина бо землетрясенія есть Божій гнѣвъ, гнѣва же Божія вина суть грѣхи наши". Вотъ что Златоустъ говоритъ! и требуемъ ли еще мы яснѣйшаго предложенной истинѣ свидѣтельства?

Но не подумалъ бы уже кто, послушая сего, что тѣ люди, которые погибли совсѣмъ или нѣкоторый хотя вредъ претерпѣли при помянутыхъ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ, одни грѣшныи были, а мы праведныи, что сохранились цѣлы отъ зла? Нельзя сказать, чтобъ тотъ пророкъ, котораго Богъ льву на растерзаніе отдалъ за одно то, что противъ приказа его совратился съ пути своего откушать хлѣба у другаго пророка (3 кн. Царствъ, XIII), или Оза, который за неподобающее прикосновеніе къ кивоту Божію палъ предъ всѣми внезапу мертвъ (2 Царствъ, VI), грѣшнѣйшіе были паче тѣхъ, которые повседневно преступаютъ заповѣди Божіи и касаются дерзновенно языкомъ своимъ завсегда не только вещей какихъ божественныхъ, но и самой чести Божіей, однакожъ не умираютъ того же самаго времени, ниже львы, исходя изъ пустыни, растерзаютъ ихъ. Такимъ образомъ не можно утвердить, и чтобъ несчастливыи оныи люди достойнѣйшіи паче насъ были такого наказанія Божія. Но думать намъ надобно, что, можетъ быть, для того здѣсь насъ Богъ не наказываетъ, понеже блюдетъ на вѣчное мученіе, по силѣ оныхъ словъ Петровыхъ: Вѣсть Господь нече-

стивыя на день судный мучимы блюсти (2 Петр. II, 9), или что, можетъ быть, уже и подъ нами подводятся тѣ подкопы, которые подорвали бѣдныхъ тѣхъ жизнь или благополучіе? Можетъ быть, уже и на насъ простерта страшная рука Божія, которую на себѣ почувствовали прочіе краи, но ждетъ еще, не устрашимся ли мы ихъ примѣровъ и не пробудимся ли отъ сна нашего стукомъ, которой потрясъ толь великую часть вселенныя.

Внемлемъ, что сказалъ Христосъ іудеемъ, когда они пришли къ нему и разсказывали о галилеанахъ (которыхъ побивши Пилатъ за нѣкоторое бунтовство, смѣсилъ кровь съ жертвами ихъ), какъ о достойныхъ такой казни грѣшникахъ. Не думайте, сказалъ, будто сіи галилеаны паче всѣхъ грѣшнѣйшіи были, что такъ пострадали; но знайте, что ежель и вы, смотря на нихъ, не покаетесь, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 2 — 3). Тамъ же приводитъ онъ и другой еще имъ примѣръ. Какъ вы разсуждаете, говоритъ, и о тѣхъ осьмнадесяти человѣкахъ, которыхъ паденіемъ своимъ умертвилъ столпъ Силоамскій? Не мните ли, яко тіи должнѣйшіи бяху паче всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? ни, глаголю вамъ; но аще не покаетеся, вси такожде погибнете (Лук. XIII, 4—5). Которое мѣсто, толкуя нѣгдѣ, святый Златоустъ говоритъ такъ: Показываетъ вотъ здѣсь намъ Христосъ явственно, что оныи осьмнадесять человѣкъ уставлены были отъ Бога прочимъ въ примѣръ и устрашеніе! Наказывается бо (придаетъ) всякъ за свои собственныя беззаконія, но бываетъ то самое инымъ спасенія виною; то есть, чтобъ отъ наказанія другаго безумный премудрѣйшимъ сдѣлался. Понеже бо Богъ не всѣхъ здѣсь наказываетъ, но даетъ время на покаяніе; однакожъ не всѣхъ и до будущей казни блюдетъ, чтобъ многіи промысла Его не отметали. Видимъ убо мы здѣсь явственно, что и прочіи іудеи не лучшіи были отъ побитыхъ столпомъ тѣмъ; но хотѣлъ ихъ Богъ не вдругъ казнить, но по части для того, чтобъ до которыхъ еще казнь не дошла, устрашенны погибелію своихъ ближнихъ, могли обратиться къ нему, чего Онъ единственно отъ всякаго грѣшника желаетъ по оному: не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему. И коль же мы счастливы, примѣтьте отсюды, слышатели! что Богъ въ показаніе праведнаго своего суда избралъ сосуды иные, а не насъ; намъ еще оставилъ время, чтобъ могли ихъ примѣромъ пользоваться. Не моглъ ли бо онъ насъ на то употребить, чтобъ тѣхъ устрашилъ? какъ теперь съ ними поступилъ, чтобъ мы въ страхъ пришли—сами разсудите!

Но убо смотри жъ ты всякъ, кто бъ ты таковъ ни былъ, помилованный въ семъ случаѣ грѣшникъ! Не неради о такомъ бо-

гатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, показанномъ на тебѣ! Когда тебѣ Богъ столь прилежно зоветъ къ покаянію, не ожесточай день отъ дня сердца твоего, да не соберешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва, подобный собывшемуся на несчастливыхъ оныхъ, или и того еще ужаснѣйшій. Вѣдь то всякому, чаю, нимало не сумнительно, что мы вси равныи у Бога дѣти; равно Богъ печется о всѣхъ какъ о единомъ, говоритъ Августинъ. Ежели убо Богъ погибшихъ оныхъ людей не пощадѣлъ, конечно и наши беззаконія жесточайшею нѣкою казнію наказать во гнѣвѣ своемъ не преминетъ (Лук. XXI). Убойся убо, и паки я говорю: убойся, человѣкъ, праведнаго суда Божія! убойся тѣхъ казней, которыя на другихъ видишь, да и не на тебѣ тѣжде искусишь!

Буде ли жъ мало кому сего ко устрашенію нечувственной души его, то можетъ еще и иное на сіи вѣдомости сдѣлаться примѣчаніе, которое лишь только хочу я воспомянуть, страшусь сердцемъ, ужасаюся мыслію, трепещу всѣми удами. А что оно такое? А вотъ то, что сіи трусы и пагубы, о которыхъ теперь намъ рѣчь, еще суть явственнымъ знаменіемъ скораго на землю пришествія Христова. Тако бо сказалъ Христосъ во Евангеліи о своемъ пришествіи, когда спрашивали его ученики, какое предъ тѣмъ знаменіе будетъ. Будутъ, рече, тогда трусы велики по мѣстамъ, и глады, и пагубы; будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ, звѣздахъ и на земли туга (a) языкомъ отъ нечаяннаго шума морскаго и возмущенія (Матѳ. XXIV). Я разумѣю, что нѣкоторые теперь стали помышлять въ сердцахъ своихъ. Они хотятъ мнѣ противъ сего примѣчанія сказать, что и прежде сего трясенія земли и разлитія водъ морскихъ бывали; однакожъ Христосъ еще и доднесь не пришелъ. Но бывали, правда, трясенія и возмущенія морскія, да не таковыя. Смотрите теперь, сколько селъ, сколько городовъ, сколько и цѣлыхъ островов или совсѣмъ погибло, или крайне повредилось въ толь краткомъ времени! Довольно ли того, что сами тѣ, которые, можетъ быть, о послѣднемъ разореніи міра сего никогда не думали, принуждены теперь признавать, будто вся натура пришла въ безпорядокъ, и слѣдовательно грозитъ паденіемъ и совершеннымъ своимъ разрушеніемъ? Впрочемъ, не можетъ никто за тѣмъ усумнѣваться о истинѣ евангельскаго предвозвѣщенія, что, напримѣръ, третій уже мѣсяцъ тому, какъ помянутыи начались въ Европѣ и Африкѣ трясенія, а Христова еще пришествія нѣтъ, понеже и самъ Христосъ не называетъ ихъ такими знаками, за которыми непосредственно слѣдуетъ кончина вѣка. Вся, рече, сія еще суть на-

---

a) Печаль.

чало болѣзнямъ, а не у (а) кончина. Но только говоритъ, что не укоснитъ уже послѣ сего судъ его. Отъ смоковницы, рече, научитеся притчи, егда уже вѣтвіе ея будетъ зелено и израститъ листвіе: знакъ есть, что близь есть жатва; тако и вы, егда сіи трусы и пагубы видите, вѣдите, яко близь есть при дверехъ день мой (Матѳ. XXIV, 32—33) (5). Памятуимъ мы сіе, слышатели, и поступаимъ, какъ требуютъ такія отъ насъ примѣчанія! Ежель кого не устрашаетъ первое, да устрашитъ второе! ежели не второе—первое! А болѣе ничего вамъ я теперь не скажу; только еще повторю, ради памяти, оныя пророческіи слова: Днесь аще гласъ Господа, зовущаго васъ на покаяніе, услышите, о люди, не ожесточите сердецъ вашихъ! И тѣмъ кончу днешную мою бесѣду (6). Аминь.

1) Гедеонъ Криновскій р. 1728 въ Казани, обучался въ тамошней семинаріи, а потомъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе И. И. Шувалова. За произнесенную проповѣдь 1754 г., въ присутствіи Императрицы Елисаветы, которая находилась тогда въ Москвѣ, былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1755 г. посвященъ въ архимандриты Саввина Сторожевскаго монастыря и пожалованъ членомъ Синода. Въ 1758-мъ переименованъ въ архимандриты Троицкой Сергіевской Лавры, но продолжалъ проповѣданіе при Дворѣ. Въ 1761 г. посвященъ въ епископа псковскаго, оставаясь присутствующимъ въ Синодѣ. Въ 1763 г. отправился въ свою епархію и, не доѣхавъ до Пскова, умеръ.

2) „Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ, при Высочайшемъ Дворѣ Ея Императорскаго Величества сказыванныхъ придворнымъ Ея Величества проповѣдникомъ іеромонахомъ Гедеономъ. 4 ч. Спб. 1755—1759“.

3) Въ „приступѣ“ Криновскій отвергаетъ мысль, которая въ его время сильно распространена была ученіемъ энциклопедистовъ: что всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой имѣютъ источникомъ причины естественныя, естество, а не что-либо другое.

4) „Предложеніе“, тема слова: „виною различныхъ бѣдствій (землетрясеній, разрушенія городовъ, наводненій и пр.)—не естество, а грѣхи наши“. За этимъ слѣдуютъ „доказательства“ мысли (главная часть): „Но надобно напередъ васъ увѣрить“... и т. д.

5) Здѣсь кончена главная мысль—доказательство темы свидѣтельствами Св. Писанія и Златоуста. Отъ картины современныхъ бѣдствій ораторъ перешелъ къ мысли о страшномъ судѣ, который, по его мнѣнію, возвѣщается страшными явленіями природы.

6) „Заключеніе“, призывающее слушателей къ очищенію жизни покаяніемъ.

а) У (уже) съ предшествующимъ нарѣчіемъ отрицанія *не* означаетъ въ церк. слав. языкѣ *еще не* (еще не кончина).

XXIX.

ЗАПИСКИ КН. ШАХОВСКАГО.

Воспитанiе и начальная служба и отношенiя къ Бирону.

Я родился въ 1705 году. По смерти отца моего остался при матери менѣе года. Мать моя чрезъ нѣсколько лѣтъ вышла замужъ. Но какъ мой вотчимъ вскорѣ умеръ, а она вышла за другаго, который былъ къ матери моей, также и ко мнѣ неблагосклоненъ: того ради, на 9 году возраста моего, дядя мой родной, князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской (который тогда офицеръ гвардiи, и напослѣдокъ чрезъ многiе годы въ царствованiе государыни императрицы Анны Iоанновны сенаторомъ, въ конной гвардiи подполковникомъ, при ея императорскомъ величествѣ генералъ-адъютантомъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ былъ), взялъ меня въ свой домъ, воспитывалъ при себѣ по тогдашнимъ обыкновенiямъ и любилъ во всю свою жизнь не менѣе какъ достойнаго сына.

Главнѣйшiя жъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца поученiя, чтобы всякое дурно (а) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнiя слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленiя, притомъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшiя дѣла похвальную память о себѣ оставившихъ, и научить себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сiи-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученiя были при всѣхъ случаяхъ въ поведенiяхъ моихъ первѣйшими правилами.

Какъ достигъ я 14 лѣтъ возраста моего, то представилъ онъ меня на службу лейбъ-гвардiи въ Семеновскiй полкъ, въ государствованiе императора Петра Великаго, въ 1709 году. Въ ономъ полку бывъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ, его жъ отеческими о мнѣ къ лучшему промыслами, не такъ какъ послѣ многiе молодые дворяне, дома живучи, всѣ унтеръ-офицерскiя званiя проносили (б), и по введенiи уже въ офицерскiе чины въ службу вступали, я, неотлучно при полку находясь, капральскую и всѣхъ

а) Дурное дѣло.

б) Проходили.

унтеръ-офицерскихъ чиновъ должность дѣйствительно отправлялъ.

Въ 1725 году въ царствованіе государыни императрицы Екатерины Алексѣевны между немногими прочими унтеръ-офицерами назначенъ, а потомъ въ государствованіе императора Петра II произведенъ изъ онаго полку въ новосоставленный тогда изъ бывшихъ въ драгунскихъ полкахъ дворянъ новый полкъ, именованный лейбъ-регументомъ (а), поручикомъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени произведенъ капитаномъ, и при переименованіи того полку въ 1730 году конною гвардіею, въ государствованіе императрицы Анны Іоанновны, съ повышеніемъ всѣхъ равными чинами съ пѣхотною гвардіею, между прочими изъ того полку прежними офицерами, оставленъ я былъ въ ономъ полку поручикомъ.

Между тѣмъ упомянутый дядя мой, тогда ужъ бывъ генералъ-маіоръ и гвардіи пѣхотный маіоръ, въ 1732 году опредѣленъ былъ въ оный лейбгвардіи полкъ подполковникомъ, а въ 1734 году отправленъ отъ государыни императрицы Анны Іоанновны въ Комиссію учрежденія слободскихъ (б) полковъ, куда и меня между прочими, для управленія по оной комиссіи дѣлъ офицерами, взялъ съ собою и по особливой ко мнѣ милости, дѣлая меня къ услугамъ отечеству способнымъ, употреблялъ во всѣ по той комиссіи нужнѣйшія дѣла, и между прочимъ многажды посылалъ съ докладами къ ея императорскому величеству. Тогда-то оною комиссіею учреждено въ каждомъ слободскомъ казацкомъ полку по одной регулярной конной, равной драгунамъ ротѣ, а прочіе тѣхъ полковъ жители, яко то: мѣщане, владѣльческіе подданные и Черкасы (а), по уравнительному расположенію на содержаніе оныхъ ротъ и учрежденнаго тогда числа въ каждомъ полку для военной службы казаковъ, обложены денежнымъ въ казну платежомъ, такъ какъ и многіе инаковые въ тѣхъ слободскихъ полкахъ суды и обряды на ясныхъ къ лучшему доказательствахъ учреждены, которые и потомъ нѣсколько лѣтъ отъ правительства хвалимы были. Но послѣ, по пристрастіямъ и лакомству (б) могущихъ (в) господъ, въ первые годы царствованія государыни императрицы Елисаветы Петровны, оныя регулярныя роты поверстаны (г) въ казаки, а новоучрежденные внутрен-

---

а) Полкъ, учрежденный для образованія офицеровъ въ конницу и состоявшій изъ однихъ дворянъ.

б) Казачьи, а потомъ гусарскіе: острогожскій, ахтырскій, харьковскій и другіе, жившіе въ селеніяхъ или слободахъ Харьковской губерніи, которая прежде называлась слободско-украинскою.

а) Малоруссkіе казаки. Главный городъ ихъ былъ Черкаскъ.

б) Похлѣбство.

в) Сильный, знатный.

г) Отъ верстать — уравнивать: уравнены съ казаками, обращены въ казацкіе полки.

ніе безпорядки уничтожены, и тѣ слободскіе полки приведены паки на прежнее обыкновеніе.

Въ тожъ время, когда оная комиссія происходила, по смерти малороссійскаго гетмана Данилы, по прозванію Апостола, поручена оному дядѣ моему надъ всею Малороссіею и надъ учрежденными въ той судами главная команда, гдѣ и я при семъ нѣсколько времени находился и имѣлъ случай познавать тамошнихъ дѣлъ обряды и поведенія.

Въ 1735 году, въ пріѣздъ мой съ дядею моимъ по слободской комиссіи съ дѣлами въ Петербургъ, пожалованъ я секундъ-ротмистромъ, а вскорѣ въ тожъ время на убылое въ полку мѣсто именнымъ же ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ пожалованъ въ ротмистры и остался при полку въ службѣ. А дядя мой въ своей должности опять въ Малороссію поѣхалъ, оставя мнѣ повѣренность, чтобъ всѣ присылаемыя отъ него по дѣламъ изъ Малороссіи и по Слободской комиссіи ея императорскому величеству и въ кабинетъ представленія, также къ герцогу Бирону и къ прочимъ господамъ министрамъ, съ коими онъ корреспонденцію производилъ, письма отдавать и о получаемыхъ по тѣмъ свѣдѣніяхъ его увѣдомлять; чрезъ что я къ герцогу Бирону и къ прочимъ господамъ министрамъ въ лучшую знаемость (а) и ближайшій доступъ приходилъ, и часто имѣлъ случай съ герцогомъ Бирономъ по комиссіи Слободской и о малороссійскихъ дѣлахъ, яко уже нѣкоторое знаніе въ тѣхъ имѣющій, разговаривать. Въ такихъ обстоятельствахъ и въ приближеніи моемъ къ лучшимъ степенямъ, какъ бы нарочно, чтобы мнѣ впредь остерегаться и отъ коварныхъ ухищреній омерзѣніе имѣть, судьба подала мнѣ вскорѣ случай самыми дѣлами то узнать, какъ въ тогдашнее время въ отечествѣ нашемъ интриги и злобствующія зависти къ великимъ чинамъ часто привязывались, что для вашего, благосклонный читатель, любопытства нѣсколько описать я намѣренъ.

Дядя мой, поѣхавъ изъ Петербурга, испрося позволеніе для излѣченія глазной болѣзни своей, нѣсколько недѣль въ Москвѣ находился; а получаемыя изъ Малороссіи отъ слободскихъ полковъ потребныя увѣдомленія, съ пристойными отъ себя мнѣ наставленіями, для подачи въ надлежащія мѣста ко мнѣ пересылая, между прочимъ прислалъ къ ея величеству рапортъ, а къ герцогу Бирону увѣдомленіе, что по тогдашнему наряду знатный малороссійскаго казацкаго войска корпусъ въ арміи, яко уже къ начавшейся съ турками и татарами войнѣ (а), подъ команду фельдмаршала графа Миниха, готовящагося итти въ Крымъ, во вся-

а) Извѣстность.

а) 1736—39 гг.

кой исправности съ потребнымъ для марша снабженіемъ на рандеву (а) отправленъ; о чемъ онъ и ко мнѣ въ особливой цыдулкѣ писалъ, кто именно командующіе старшины и съ какими то войско довольными снабженіями отправлено, и чтобъ я при случаѣ, гдѣ потребно, о томъ удостовѣрялъ.

Но, какъ я уже послѣ свѣдалъ, что фельдмаршалъ графъ Минихъ, который, къ дядѣ моему въ Монаршихъ повѣренностяхъ и въ порученныхъ ему надъ Малороссіею дѣлахъ имѣвъ зависть, не упускалъ удобныхъ случаевъ, гдѣ бъ можно ему, прицѣпясь, дѣлать поврежденія (ибо онъ, дядя мой, не состоявъ подъ его командою, но главнымъ командиромъ въ Малороссіи будучи, многія въ защищеніяхъ оной несогласныя съ нимъ и спорныя переписки производилъ), въ тожъ самое время предускорилъ ея величеству донести и герцога Бирона увѣдомить, со описаніемъ, сколь оное казацкое войско во многомъ неисправно.

Въ одинъ тогда день герцогъ Биронъ вышелъ въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже много знатнѣйшихъ придворныхъ и прочихъ господъ находилось, и, подшедъ ко мнѣ, спрашивалъ: есть ли дядѣ моему отъ болѣзни легче и скоро ли онъ въ Малороссію къ своей должности изъ Москвы поѣдетъ?

Я, какъ и о немъ имѣлъ отъ дяди моего комиссію, чтобъ въ пристойномъ случаѣ еще на нѣсколько недѣль для лѣченія своего глаза въ Москвѣ ему пробыть, выпросить дозволенія и объяснительно увѣрить, что и въ отсутствіи его порученныя ему въ Малороссіи дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при немъ, происходить будутъ, представилъ о томъ его свѣтлости, но онъ, какъ уже я описалъ, отъ фельдмаршала Миниха будучи инако къ поврежденію дяди моего увѣдомленъ, нѣсколько суровымъ видомъ и вспыльчивыми рѣчьми на мою просьбу отвѣтствовалъ: что онъ уже знаетъ, что желаніе моего дяди пробыть еще въ Москвѣ для того только, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужныя и время не терпящія къ военнымъ подвигамъ, а особливо тамъ дѣла, нынѣ неисправно исполняемыя, свалить на отвѣты другимъ; вотъ-де и теперь малороссійское казацкое войско, къ арміи въ Крымъ идти готовящееся, больше похоже на маркитантовъ, нежели на военныхъ людей, вмѣсто того, чтобъ должно имъ быть коннымъ, съ довольнымъ еще числомъ въ запасъ заводныхъ (б) лошадей, по два и по три человѣка, и тѣ безъ исправнаго вооруженія на телѣгахъ, а командиры де надъ ними по большей части изъ накладныхъ (в) и военнаго искусства незнающихъ казаковъ присланы.

а) Присоединеніе къ главному корпусу въ назначенное время.

б) Достаточный, нужный.

в) Прибавочный, приставной.

Я, слѣдуя моимъ правиламъ, чтобы во всякихъ случаяхъ справедливость предпочитать всему, робкимъ быть за стыдъ почитая, на тѣ его свѣтлости рѣчи не запнувшись, съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено несправедливо.

На сіи мои слова герцогъ Биронъ, осердясь, весьма вспыльчиво мнѣ сказалъ, что какъ я такъ отважно говорю. Ибо-де о семъ въ сихъ числахъ командующій войскомъ фельдмаршалъ графъ Минихъ государынѣ представлялъ; и можно ль-де кому подумать, чтобъ онъ-то представилъ ея величеству ложно? Я ему на то отвѣтствовалъ, что, можетъ быть, фельдмаршалъ графъ Минихъ онаго войска самъ еще не видалъ, а кто ни есть изъ подчиненныхъ, дядѣ моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовалъ; для лучшаго жъ о истинѣ удостовѣренія, счастливъ бы былъ мой дядя, когда бъ противъ такого увѣдомленія приказано было кому нибудь нарочно посланному оное казацкое войско освидѣтельствовать и сыскать, съ которой стороны и кѣмъ тѣ несправедливыя представленія монархинѣ учинены. Ибо когда персональные кредиты (а), а не существенныя доказательства дѣлъ во удостовѣреніяхъ преимущество брать будутъ, тогда наисправедливѣйшіе и радѣтельнѣйшіе, отъ ухищреній коварныхъ завистниковъ безопасными быть надежду потерявъ, лишатся своей крѣпости и негодными ко услугамъ монархинѣ и отечеству сдѣлаются.

Такая моя смѣлость наивяще разсердила его, и онъ въ великой запальчивости мнѣ сказалъ: вы, Русскіе, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете! Сіи его свѣтлости рѣчи не столько въ робкое, какъ въ огорчительное смятеніе меня привели; на что я скоро ему съ печально-чувствительнымъ видомъ отвѣтствовалъ: сіе будетъ высочайшая милость и вскорѣ всеобщее благосостояніе умножится, когда коварность обманщиковъ истребляема, а добродѣтельныхъ невинность отъ притѣсненія защищаема будетъ; и когда дядя мой и я въ какихъ несправедливыхъ ея величеству представленіяхъ найдемся, помилованія просить не будемъ. Въ такихъ я колкихъ и дерзкихъ съ его свѣтлостію разговорахъ находясь, увидѣлъ, что всѣ бывшіе въ той палатѣ господа, одинъ по одному, ретировались вонъ и оставили меня въ комнатѣ одного съ его свѣтлостію, который ходилъ по палатѣ, а я, во унылости предъ нимъ стоя, съ перерывкою продолжали объ оной матеріи рѣчи близъ получаса, которыхъ подробно всѣхъ теперь описать не упомню, но послѣднее то было, что я увидѣлъ въ боковыхъ дверяхъ, за завѣшеннымъ не весьма плотно сукномъ, стоящую и тѣ наши разговоры слушающую ея импе-

---

а) Личная довѣренность.

раторское величество, которая потомъ, открывъ скоро сукно, изволила позвать къ себѣ герцога; а я въ сей высокопочтенной акціи (а), съ худымъ выигрышемъ, съ поспѣшеніемъ домой ретировался.

И тутъ-то видѣлъ я отъ многихъ, тогда еще бывшихъ во дворцѣ въ другихъ палатахъ знатнѣйшихъ господъ, одинъ отъ другаго слышащихъ о тѣхъ моихъ съ его свѣтлостію бывшихъ разговорахъ, разные себѣ виды: одни изъ любопытства останавливали меня, спрашивали, чѣмъ кончились мои разговоры; другіе удивлялись моимъ дерзкимъ словамъ; а третьи, какъ бы какое худо изъ того мнѣ предвѣщая, отдалялись и не хотѣли на меня взглянуть! Я, пріѣхавъ домой, остатки того дня въ разныхъ размышленіяхъ и предпріятіяхъ къ моимъ поведеніямъ препроводилъ; а на другой день пріѣхалъ во дворецъ, и въ покояхъ герцога Бирона, не входя въ ту палату, куда я между прочими знатными персонами прежде ходилъ, въ другой, гдѣ маломощные и незнакомые бѣдняки ожидали своихъ жребіевъ, остановился, вѣдая, что его свѣтлость, отдѣляясь изъ окруженія знатныхъ господъ, и во оную палату на краткое время выходитъ и выслушиваетъ ихъ просьбы, а нѣкоторыхъ удостоиваетъ и своими разговорами, что вскорѣ и воспослѣдовало. Его свѣтлость, отворя дверь, глядѣлъ во оную палату, принимая нѣкоторыхъ поклоны, а другихъ просьбы, и видя меня, позади многихъ въ уныніи стоящаго, сказалъ мнѣ, для чего я тутъ стою и нейду далѣе сюда, указавъ мнѣ ту палату, гдѣ онъ съ окружающими его знатнѣйшими господами находился, куда я за нимъ немедленно и вошелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ его свѣтлость, подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ меня благосклонно, не имѣю ль я отъ моего дяди какихъ новыхъ увѣдомленій. На что я отвѣтствовалъ, что я еще ничего отъ него не получилъ, а ежечасно ожидаю. А какъ тогда былъ почтовый день, то я о всѣхъ тѣхъ, бывшихъ съ герцогомъ разговорахъ, къ дядѣ моему писалъ.

Чрезъ нѣсколько потомъ дней получилъ я изъ Москвы отъ дяди моего въ кабинетъ ея величества и къ герцогу Бирону нѣкоторыя представленія со увѣдомленіемъ, что ему есть нѣсколько полегче и что онъ, для тогдашнихъ въ Малороссіи надобностей, изъ Москвы вскорѣ въ оную отправится, и притомъ прислалъ ко мнѣ по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ объ одномъ секретномъ дѣлѣ пакетъ, съ надписаніемъ къ герцогу Бирону для препровожденія до рукъ ея величества. Оный я его свѣтлости представить и не умедлилъ съ таковымъ, какъ дядя писалъ ко мнѣ, изъясненіемъ, что онъ желалъ для лучшаго его свѣтлости понятія писать на нѣмецкомъ языкѣ, но, не имѣя къ тому на-

---

а) Дѣйствіе.

дежнаго человѣка, писалъ по-русски; для того бъ я при подачѣ представилъ, чтобъ повелѣно было оный прочесть, кому онъ особливо ввѣриться изволитъ.

Его свѣтлость, принимая оный пакетъ и выслушавъ тѣ мои рѣчи, оставя прочихъ, пошелъ и мнѣ приказалъ идти за собою въ свой кабинетъ, гдѣ вынутыя изъ онаго къ нему письма приказалъ мнѣ прочесть; потомъ, являя мнѣ знаки своей благосклонности, долго о той матеріи со мной разговаривалъ.

Кн. Яковъ Петровичъ Шаховской (1705 — 1777) исправлялъ разныя должности: былъ оберъ-прокуроромъ Синода, генералъ-кригсъ-комиссаромъ и генералъ-прокуроромъ Сената. Записки его, доходящія до 1766 г., т.-е. до выхода его изъ службы, изд. въ 2 ч. (1810), подъ заглавіемъ: „Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, писанныя имъ самимъ“. Второе изд. 1821 г. Въ началѣ ихъ приложены прошеніе и записка о службѣ, поданныя княземъ Екатеринѣ II. Третье и лучшее изданіе (по списку И. С. Ефимова) принадлежитъ М. И. Семевскому и вышло въ 1872 году, съ приложеніемъ различныхъ документовъ и писемъ Шаховскаго къ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II и къ гр. А. Г. Разумовскому.

XXX.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

A. Наказъ комиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія (1).

1. Глава V. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ (2).

32. Великое благополучіе для человѣка быть въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезное не быти злымъ.

33. Надлежитъ, чтобы законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

36. Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то-есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть

принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію; и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ.

2. Глава X. О обрядѣ криминальнаго суда (3).

Вопросъ V. Какая мѣра великости преступленій?

205. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобъ мучити тварь чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу, и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены со преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее, и въ то же самое время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ.

206. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безчастныхъ людей, которые оныя претерпѣвали и претерпѣваютъ, многажды обвиненные во преступленіяхъ, сбыться трудныхъ и немогущихъ, часто соплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими приготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

207. Чтобъ наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно будетъ и того, когда зло, онымъ причиняемое, превосходитъ добро, ожиданное отъ преступленія, прилагая къ выкладкѣ, показывающей превосходство зла надъ добромъ, также и извѣстность наказанія несомнѣнную и потеряніе выгодъ, преступленіемъ пріобрѣтаемыхъ. Всякая строгость, преходящая сіи предѣлы, безполезна и слѣдовательно мучительская.

208. Естьли гдѣ законы были суровы, то они или перемѣнены или ненаказаніе злодѣйствъ ро-

дилось отъ самой суровости законовъ. Великость наказаній должна относима быть къ настоящему состоянію и къ обстоятельствамъ, въ которомъ какой народъ находится. По мѣрѣ какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается чувствительность каждаго особо гражданина; а когда во гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобъ строгость наказаній умалялася.

Вопросъ VIII. Какія средства самыя дѣйствительныя ко предупрежденію преступленій?

240. Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

241. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, есть ли всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

242. Когда запретимъ многія дѣйствія, слывующія у нравоучителей средними, то тѣмъ не удержимъ преступленій, могущихъ отъ того воспослѣдовать, но произведемъ чрезъ то еще новыя.

243. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ (а), нежели всякому особо гражданину.

а) Сословіямъ.

244. Сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

245. Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ просвѣщеніе распространялося между людьми.

246. Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причинять зло себѣ подобнымъ.

247. Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

248. Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

3. Глава XIV. О воспитаніи ([4]).

348. Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.

349. Каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя.

350. Невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ людей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ

начала всякаго цѣломудрія и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352. Также вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

2.

353. Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ - то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступокъ (а), и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

354. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку; ибо ложь изъ всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

355. Мы присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано, какъ служащее общимъ правиломъ отъ насъ уже установленнымъ и еще установляемымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу.

356. „Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“ ([5]).

Б. Комедія: о время! (1772) ([6]).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть, она теперь молится, и я

а) Поступка (жен. р.).

сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ: иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней должники, требуютъ отъ ней за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. „Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены“. Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться; странный весьма человѣкъ: иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолку и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ, и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дома его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для

того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали; и тому уже три недѣли, какъ, живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите, а прежде этого времени она неохотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь, я не изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня басурманкою за то, что иногда читаю я Ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда (а).

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изъ всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ; лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому промыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы не поститесь? Вѣдь сегодня и день не постный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ барыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные;

а) Періодическое сочиненіе, издававшееся Миллеромъ. Клевеландъ—повѣсть.

къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатіею Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна, старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются (7).

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это не что иное, какъ ничего незначащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ все это упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утренніе молитвы и акаѳистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... а! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застали: вѣдь и

Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. *(Отходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Вѣстникова, Ханжихина, Христина, Чудихина, Мавра.

Чудихина. Чѣмъ нынѣче позабавиться? вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-ту горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ.

Чудихина. Хорошъ, по несчастью; ты не повѣришь, сколько и пригожество-то его мнѣ слезъ навело. Кто не увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! всякій это и говоритъ; а онъ урочливъ (а), мой свѣтъ, такъ урочливъ, что нельзя больше. То и дѣло, и я, и мама поперемѣнно его слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую (б) онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжихина. Да ты бъ лучше за нимъ смотрѣла, да не всюды бы пускала: такъ и онъ бы и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ; а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ какъ-то въ болѣзни ни вѣсть какъ захотѣлось ему тёши (в) съ кислыми щами: это любимое его кушанье, да еще тѣльное (г) также онъ любитъ; однако я не дала, хоть онъ не сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы таки и ночьюбъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія.

Вѣстникова. Отъ кого нападки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-то его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ: говорятъ,

---

(а) Способный принимать изуроченіе, порчу отъ глазъ или отъ похвалы.

(б) Горячка.

(в) Теша, тешка—часть вырѣзанная у красной рыбы и покрывающая брюхо.

(г) Кушанье изъ рыбной мякоти.

что неграмотенъ; а онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ.

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжихина говоритъ).

Ханжихина. Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться? восемнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжихина. А ты бы этого не примѣчала. Перестань.

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... (а). Быть добру! А *(Христинѣ)* ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами старушками смѣяться; сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ, какъ я засидѣлась! а мнѣ пора ѣхать, нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте *(Поклонясь, уходитъ).*

Ханжихина *(въ слѣдъ).* Прости, Богъ съ тобою; не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

(а) Намекъ на воспитательныя заведенія для дѣвицъ.

В. Сказка о царевичѣ Хлорѣ (1782) (8).

До временъ Кія, князя кіевскаго, жилъ да былъ въ Россіи царь, добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра; онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобъ видѣть, каково жить людямъ, и вездѣ навѣдывался, дѣлаютъ ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно; Царица ѣзжала съ Царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ Царь съ Царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ посреди лѣсу; тутъ родился Царю сынъ дивныя красоты, ему дали имя Хлоръ. Но посреди сей радости и тридневнаго празднества Царь получилъ непріятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойно живутъ, въѣзжаютъ въ его землю и разныя обиды творятъ пограничнымъ жителямъ. Царь взялъ войска, кои въ близости въ лагерѣ стояли, и пошелъ съ полками для защиты границы; Царица поѣхала съ Царемъ; Царевичъ остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился. Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянь разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же Царь велѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями по старинному обычаю; на башняхъ пушекъ не поставили: тогда еще нигдѣ не имѣли пушекъ; домъ, въ которомъ жить остался Царевичъ Хлоръ, хотя и

не построенъ былъ изъ сибирскаго мрамора и порфира, но весьма хорошъ и покойно расположенъ былъ; позади палатъ насажены были сады съ плодовитыми деревьями, возлѣ которыхъ выкопанны пруды съ рыбами украшали мѣстоположеніе; бесѣдки же разныхъ народовъ вкуса, откуда видъ далеко простирался въ округъ лежащихъ поляхъ и долинахъ, придавали пріятство тому обитанію.

Какъ Царевичъ сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ, и повсюду слухъ носился о красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ Царевича. Услышалъ о томъ какой-то Ханъ Киргизскій, на дикой степи кочующій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть толь дивное дитя и, увидѣвъ, пожелалъ дитя увезти съ собою въ степь, зачалъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ Царевичемъ къ нему въ степь; няни сказали со всякою учтивостію, что имъ того безъ дозволенія Царя дѣлать нельзя, что они не имѣютъ чести знать господина Хана и съ Царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, подобно какъ неѣвшій къ тѣсту, одно просилъ, чтобъ няни поѣхали къ нему съ дитятею въ степь, но, получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи: прислалъ къ нимъ подарокъ; онѣ, поблагодаря, отослали дары обратно и велѣли сказать, что онѣ ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ упрямъ былъ, пребывая въ своемъ намѣреніи; думалъ, какъ быть. Пришло ему на умъ: нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старый и больной, просилъ милостыни у мимоходящихъ. Царевичъ прогуливался въ тотъ день по саду; увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой-то старикъ, послалъ спросить, что за старикъ. Побѣжали, спросили, что за человѣкъ. Возвратились съ отвѣтомъ, что больной нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотрѣть больнаго нищаго; няни унимали Хлора, сказали, что смотрѣть нечего и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ, няни побѣжали за нимъ, но чѣмъ няни скорѣе побѣжали, то младенецъ шибче пустился бѣжать; побѣжавъ за вороты и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камышекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обиты; сѣлъ на роспуски, и ускакалъ съ Царевичемъ въ степь; няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни слѣда ихъ не видали и дороги тутъ не было, гдѣ Ханъ съ горы спустился. Сидя держалъ Царевича передъ собою одною ру-

кою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою черезъ голову и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косогору, но поздно; догнать не могли. Ханъ благополучно Хлора довезъ до своего кочевья и вошелъ съ нимъ въ кибитку, гдѣ встрѣтили Хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ Царевичу старшину лучшаго; сей взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато украшенную кибитку, устланную китайскою красною камкою и персидскими коврами, дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его; но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь шибко побѣжалъ впередъ, и непрестанно спрашивалъ, куда его везутъ, зачѣмъ, на что, гдѣ онъ. Старшина и съ нимъ находящіеся киргизцы насказали ему много басней: иной говорилъ, будто по теченію звѣздъ такъ опредѣлено; иной сказывалъ, будто тутъ лучше жить, нежели дома; всего насказали окромѣ правды, но, увидя, что ничто не унимало слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиной, сказали: перестань плакать, или оборотимъ тебя летучею мышью или коршуномъ, а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣстъ. Царевичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости. Старшина, увидя, что дитя пересталъ плакать, приказалъ накрыть столъ: накрыли и кушанье принесли, Царевичъ покушалъ, потомъ подали варенья въ сахарѣ и разные плоды, какіе имѣли, послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день рано до свѣта Ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ слѣдующее: извѣстно вамъ да будетъ, что я вчерашній день привезъ съ собой Царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ заподлинно узнать, правда ли слышанное объ немъ; для узнанія же его дарованій употребить я намѣренъ разные способы.

Вельможи, услыша слова Ханскія, поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханскій, поступокъ, что чужое и еще сосѣдняго Царя дитя увезъ; трусы потакали, говоря: такъ надежда Государь-Ханъ, какъ инако быть, какъ тебѣ на сердце пріидетъ? Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана, тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго Царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправишь своего поступка. Ханъ же сказалъ: вотъ такъ всегда вы ропщете противу меня, и пошелъ мимо ихъ, и какъ Царевичъ проснулся, приказалъ принести его къ себѣ; дитя, увидя, что нести его хотятъ, сказалъ: не трудитесь, я ходить умѣю, я самъ пойду, и, вошедъ въ Ханскую кибитку, всѣмъ поклонился, во первыхъ Хану, потомъ около стоящимъ направо и налѣво, послѣ чего сталъ предъ

Ханомъ съ почтительно учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ киргизцевъ и самого Хана въ удивленіе привелъ. Ханъ однако, опомнясь, рекъ тако: Царевичъ Хлоръ, про тебя сказываютъ, что ты дитя разумное; сыщи мнѣ пожалуй цвѣтокъ розу безъ шиповъ, что не колется. Дядька тебѣ покажетъ обширное поле, сроку же даю тебѣ трои сутки. Дитя паки поклонился Хану, сказалъ: слышу, и вышелъ изъ кибитки, пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему навстрѣчу дочь Ханская, которая была замужемъ за Брюзгою Султаномъ; сей никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна; увидя Хлора, сказала: здравствуй, Царевичъ, здорово ли живешь? куда изволишь идти? Царевичъ сказалъ, что по приказанію Хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханша Фелица, такъ ее звали, дивилась, что дитя посылаютъ искать таковой трудной вещи, и, возлюбя младенца въ сердцѣ своемъ, сказала: Царевичъ, подожди маленько, я съ тобою пойду искать розу безъ шиповъ, которая не колется, буде батюшка Ханъ позволитъ. Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда, Ханша къ Хану просить позволенія идти съ Царевичемъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханъ не токмо не позволилъ, но и запретилъ ей накрѣпко, чтобъ не шла съ дитятею искать розу безъ шиповъ, которая не колется.

Фелица, вышедши отъ Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила остаться при отцѣ ея Ханѣ, сама же пошла къ Царевичу; онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее, просилъ, чтобъ сѣла возлѣ него, на что она согласилась и сказала ему: Ханъ мнѣ не велитъ идти съ тобою, Царевичъ, искать розу безъ шиповъ, которая не колется, но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый, пожалуй не забудь, слышишь ли дитя, не забудь, что тебѣ скажу. Царевичъ обѣщалъ вспомнить. Отселѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, продолжала она, какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, которая не колется, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить идти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество и что они-то провождаютъ время въ безчетныхъ забавахъ: не вѣрь имъ—лгутъ, веселія ихъ мнимыя и сопряжены со множествомъ скукъ. За симъ пріидутъ другіе, кои о томъ же еще сильнѣе тебя просить будутъ: откажи имъ съ твердостію, отстанутъ; потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ—розу безъ шиповъ и которая не колется—искать надлежитъ. Я тебя люблю и для того я къ тебѣ

вышлю навстрѣчу сына моего, и онъ поможетъ тебѣ найти розу безъ шиповъ, что не колется. Хлоръ, выслушавъ рѣчь Фелицы, сказалъ: развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колется? Нѣтъ, отвѣтствовала Ханша: не такъ чрезвычайно трудно, буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣреніи. Хлоръ спросилъ, нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтокъ. — Я видѣла, сказала Фелица, мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и царей и царицъ. Сказавъ сіе, Ханша простилась съ Царевичемъ; старшина же дядька отвелъ дитя искать розу безъ шиповъ, которая не колется, и для того пустилъ его сквозь калитку въ превеликій звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя: дитя не зналъ сначала, по которой идти, но, увидя юношу, идущаго ему навстрѣчу, поспѣшилъ къ нему спросить, кто онъ таковъ. Юноша отвѣтствовалъ: я Разсудокъ, сынъ Фелицынъ, меня мать моя прислала идти съ тобою искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Царевичъ, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ идти. Разсудокъ съ веселымъ и добрымъ видомъ сказалъ ему: не бойся, Царевичъ, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она пригожѣе другихъ. Для чего же по ней не ходятъ? спросилъ Царевичъ; для того, сказалъ юноша, что на другихъ дорогахъ останавливаются или сбиваются. Идучи, юноша показалъ Хлору прекрасную дорожку, говоря: посмотри, Царевичъ, дорога сія называется благорасположенныхъ душъ младенчество: она хороша, да кратка.

Г. Были и небылицы (1783) (9).

Дѣдушка мой (10) говоритъ, будто въ молодости его люди лучше знали цѣну вещамъ и людямъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (число 15 человѣкъ), собралъ и часа съ три о семъ велъ рѣчь. По счастію мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли: сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не задремали, однакожъ глаза протирать часто нужду имѣли; зѣвалъ ли же кто, я точно не примѣтилъ, но всѣ шляпой, картузомъ или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста свои нерѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, который, сокративъ для памяти, я записалъ: „Когда мы молоды были, говоритъ онъ, тогда праздность, въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ

нашъ продолжался до полудня; оставшую часть дня провожали, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, въ которой невольно наряжены бывали, не много съ лѣнцою отправляли: но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего. Разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли: слѣдовательно громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, и горе, и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляются“. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, „будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ“. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную: взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ, и, возвысивъ голосъ, сказалъ: „припомните мои слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе“ ([11]). Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою и хотѣли откланяться; но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ и голосомъ тому виду приличнымъ: „ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ ([12]). Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго“.

Господинъ писатель Былей и Небылицъ!

Недавно скончался братъ мой; онъ оставилъ на попеченіе мое шестерыхъ дѣтей, три сына и трехъ дочерей, но я не знаю, какъ мнѣ съ ними быть: примѣчаю въ нихъ необычайные нравы, какъ вы сами изъ слѣдующаго усмотрите. Трое изъ нихъ имѣютъ склонности много похожія на обезьянъ. Большой инаго ничего не дѣлаетъ, какъ только старается перенять что ни увидитъ, и для того цѣлый день бѣгаетъ по улицамъ и изъ дому въ домъ, двадцатью въ день голову перечесываетъ: то кудри очутятся въ верхъ растара-

щены, то въ низъ опущены, то поперекъ поставлены, то по лбу висящіе, а иногда сплететъ ихъ за уши назадъ. На сихъ дняхъ вздумалъ онъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ, и четыре дни мы кромѣ исковерканныхъ чужестранныхъ словъ и слоговъ не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось; наконецъ уже узнали, что заходилъ въ французскую комедію. Послѣ смерти отца своего началъ онъ мотать; множество подщипанныхъ кафтановъ себѣ нашилъ, назвалъ ихъ фраками; къ каждому жъ изъ нихъ сдѣлалъ короткіе бостроки; накупилъ себѣ разныхъ хлыстиковъ, и, что пуще всего, всякому цвѣту кафтановъ своихъ придаетъ имена, коихъ бы я при отцѣ своемъ, опасаясь оплеушины, громко назвать не смѣлъ. Когда жъ я его унимаю и браню, тогда говоритъ въ отвѣтъ: ахъ, дядюшка! вы не знаете, нынѣ цвѣтамъ имена даны по вашему пакостныя, а по нашему они модны. Всѣ тѣ фраки, какъ онъ ихъ прозвалъ, сшилъ онъ въ долгъ, не платя ни купцу, ни портному. Я говорилъ ему, что это дурно, что изъ этого добраго не выдетъ, и что ему втрое платить достанется, отъ того что въ долгъ забираетъ; но въ отвѣтъ я получилъ паки: дядюшка! вы ничего не знаете, такъ водится. На сихъ дняхъ онъ за полночь часу въ четвертомъ домой пріѣхалъ, какъ будто недобрый его растеребилъ. Я на то время всталъ; обходивъ уже дворъ, шелъ изъ конюшни, а онъ на задній дворъ потайкомъ взъѣхалъ и бѣжитъ, крадучись на крыльцо, и уже отъ людей его, кои ночь на дождѣ простояли, я свѣдалъ, что нелегкая его занесла въ трактиръ, гдѣ такъ промотался, что часы и отцовскую золотую табакерку оставилъ въ закладѣ, и то, чаю, для того единственно сдѣлалъ, что слышалъ, что кто-то другой тоже сдѣлалъ. Но полно про сію обезьяну говорить. Средній его братъ инаго совсѣмъ сложенія: тотъ цѣлый день провождаетъ на дворѣ, играетъ въ свайку, въ бабки, въ городки съ ребятами; на немъ кафтана, окромѣ за обѣдомъ, не увидишь. Не могу его пріучить, чтобы къ чему нибудь иному прилежалъ, да и не очень ловко съ нимъ говорить: вспыльчивъ, за все про все споритъ, сердится, и какъ загорячится, со всѣми дерется; онъ же мастеръ бороться и удалой боецъ; его, не мѣшкавъ, думаю записать въ какой нинаесть полкъ, пусть служитъ; о первомъ же не знаю что предпріять; опасаюсь, что никуда не поспѣетъ, развѣ какъ, перенявъ еще болѣе шалостей, свою судьбу самъ рѣшитъ и тѣмъ жребій свой додѣлаетъ. Сестры ихъ собою статны; старшая изъ нихъ главнымъ попеченіемъ имѣетъ наружностью своею быть похожей на выпачканную ея служанку, почему какъ встанетъ съ постели, такъ волосъ не причешетъ и платка не перевяжетъ. NB. Но здѣсь я моей женѣ перо уступаю... Она сама

желаетъ описать похожденіе третьегоднишняго дня.

Д. Инструкція кн. Н. И. Салтыкову (1784) ([13]).

1. Наставленіе касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравятся; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе ([14]).

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно,—кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества; и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь, и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать ихъ высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемою.

Когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностію и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха ихъ высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы и да не употребятъ въ оной несправедливости, или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

2. Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ.

Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично.

Е. Письма.

1. Графу Петру Александровичу Румянцову (1763) ([15]).

Господинъ Генералъ Румянцовъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо Мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли Мои, которыя, вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите Меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ (а) нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало Меня знаете. Пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то позволяетъ; вы приняты будете съ тою отмѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ Я противъ желанія вашего хотѣла симъ принудить васъ къ службѣ: мысль Моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ (б) о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ Я убавить прерогативъ (в) оный хотѣла, оный паче при всякомъ случаѣ подкрѣплю;

а) При Петрѣ III.
б) Располагаетъ.
в) Преимущество.

а сіе единственно пишу, дабы Мы другъ друга разумѣли и вы могли бъ ясно видѣть Мое мнѣніе. Если тогда, какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ, обстоятельства казались и были дѣйствительно конфузны, что, можетъ быть, и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о Моей къ вамъ недовѣрчивости, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои уже миновались и которыхъ слѣду въ Моихъ мысляхъ не осталось. И такъ въ ожиданіи другаго отъ васъ письма, въ которомъ имѣете вы знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей нашей фамиліи видѣть васъ, или остаетеся ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма, въ томъ и другомъ случаѣ Я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная.

Изъ Москвы, 13 Генваря 1763 года.

2. А. В. Олсуфьеву (1763) (16).

Адамъ Васильевичъ! я чаю — Ломоносовъ бѣденъ: сговоритесь съ Гетманомъ (а), не можно ли ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ.

Въ Москвѣ, 28 апрѣля 1763.

3. Даламберу (1763) (17).

Господинъ Даламберъ,

Я только что прочла присланный вами господину Одару отвѣтъ, которымъ вы отказываетесь принять на себя воспитаніе моего сына. Я понимаю, что вамъ, какъ философу, ничего не стоитъ презирать такъ называемыя величія и почести сего міра; все это на ваши глаза пустая вещь, и я охотно раздѣляю ваше мнѣніе. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, я нахожу неважнымъ поведеніе королевы Христины, которую такъ много хвалили и часто осуждали по справедливости; но быть рожденнымъ или призваннымъ на то, чтобъ содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа, и отказаться отъ этого—значитъ, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. Философія ваша основана на человѣколюбіи; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно—значитъ упускать изъ виду свою цѣль. Я такъ хорошо знаю васъ, какъ человѣка честнаго, что не могу приписать вашъ отказъ тщеславію; я знаю, что единственная его причина—любовь къ спокойствію, нужному для ученыхъ занятій, и дружба. Но что-же мѣшаетъ? пріѣзжайте съ вашими друзьями: обѣщаю вамъ всѣ удовольствія и удобства жизни, какія только отъ меня зависятъ; можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе покоя и свободы, нежели у васъ. Вы не склоняетесь на настойчивыя предложенія прусскаго короля и на благодарность, которою ему обязаны; но у него нѣтъ сына. Признаюсь, воспитаніе сы-

а) К. Г. Разумовскимъ, президентомъ Ак. Н.

на такъ дорого моему сердцу и вы мнѣ такъ необходимы, что, можетъ быть, я уже слишкомъ прошу васъ. Извините мою нескромность ради причины, и будьте увѣрены, что я заинтересована такъ сильно изъ уваженія къ вамъ.

P. S. Во всѣмъ этомъ письмѣ я выражала только тѣ чувства, которыя находила въ вашихъ твореніяхъ: вы не захотите противорѣчить себѣ.

4. А. В. Олсуфьеву (1765).

Адамъ Васильевичъ! вы имѣете сказать, а лучше написать моимъ именемъ къ Александру Петровичу Сумарокову, что какъ его сочиненія печатаются на счетъ Кабинетный,—онъ впредь воздержался бы соблазнительныхъ словъ для слабыхъ употреблять, какъ нынѣ въ его баснѣ, называемой о *двухъ поварахъ* (а); также и трогающихъ честь кого, какъ въ той же баснѣ исторія его съ княземъ Шаховскимъ. Сей послѣдній, кажется, своимъ весьма умѣреннымъ поступкомъ противъ Сумарокова сіе не заслужилъ: Я желаю, чтобъ остановлена была продажа сей пьесы, а впредь предпишите, гдѣ его Сумарокова сочиненія на моемъ коштѣ печатаются, чтобъ безъ censure ихъ не печатали, понеже я не хочу, чтобъ подумали, что я дерзости противъ почтенія закона и благопристойности потакала; также почтенныхъ людей подъ моимъ покровительствомъ выдавала на непристойное ругательство. Mesurez bien vos termes dans cette lettre, car nous avons affaire à une tête chaude, qui commence perdre la tramontane si elle n'est pas deja perdue depuis longtemps. Mais enfin faites, qu'il retire ses sottises, ou retirez les vous même ([18]). При семъ прилагаю извѣстную пьесу.

а) Басня „Два повара“.

5. Вольтеру (1767) ([19]).

Я грозила вамъ письмомъ изъ какой-нибудь азіатской деревушки, и вотъ держу теперь свое слово.

Мнѣ кажется, что сочинитель анекдота о Велисаріи ([20]) и письма о панегирикахъ ([21]) находится въ близкомъ родствѣ съ племянникомъ аббата Базеня ([22]). Однако же не лучше ли, государь мой, всѣ похвалы человѣкамъ отлагать до ихъ смерти, изъ опасенія, чтобъ они рано или поздно не сдѣлали оныя ложными, поелику всѣ человѣческія дѣла коловратны и непостоянны. Я не знаю, въ такомъ ли были уваженіи похвальныя слова Людовику XIV по отрѣшеніи Нантскаго указа, какъ прежде: по крайней мѣрѣ изгнанные протестанты были противнаго мнѣнія. И такъ прошу васъ, государь мой, употребить то благоволеніе, которое вамъ оказываетъ живущій въ предѣлахъ Кантона Урійскаго ученый мужъ (б), для убѣжденія его,

б) Такъ Вольтеръ иногда подписывался подъ своими сочиненіями.

чтобъ онъ не тратилъ напрасно своего времени на прославленіе меня прежде моей смерти.

Законы, о коихъ такъ много говорятъ, не совсѣмъ еще окончены (а). Но ахъ! кто можетъ ручаться за ихъ доброту? Конечно не намъ, но потомству предоставлено рѣшить сію задачу. Вообразите, что они должны служить для Европы и Азіи; какая жъ чрезвычайная разность въ климатѣ, народахъ, обычаяхъ и даже въ самомъ понятіи!

И такъ теперь я въ Азіи: я хотѣла видѣть ее собственными своими глазами. Въ семъ городѣ находится двадцать различныхъ народовъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго сходства. Надобно однакожъ дать имъ такое платье, которое бы всѣмъ пристало. Могутъ быть найдены общія правила; но естьли взять подробности, то едва ли можно сказать, что это столько же трудно, какъ сотворить міръ, устроить и сохранить; я не окончу, естьли обо всемъ говорить буду, однакожъ и безъ того довольно наговорено.

Естьли мои предпріятія не будутъ имѣть успѣха, то отрывки изъ моихъ писемъ, которые видѣла я въ недавно изданномъ сочиненіи, покажутся безпристрастнымъ читателямъ и моимъ завистникамъ тщеславіемъ или Богъ знаетъ чѣмъ. Притомъ письма мои внушаемы были мнѣ однимъ только къ вамъ уваженіемъ, и не могутъ быть хороши для печати. Правда, что для меня весьма лестно и много чести дѣлаетъ—видѣть, съ какимъ чувствомъ внесено сіе сочинителемъ письма о панегирикахъ; но Велизарій (б) говоритъ, что эта минута есть самая опаснѣйшая для людей моего состоянія. Велизарій о всемъ разсуждалъ справедливо, такъ и въ семъ мнѣніи конечно не ошибся. Сія книга уже переведена и будетъ напечатана. Чтобъ испытать, хорошъ ли переводъ, онъ читанъ былъ передъ двумя незнавшими подлинника. Одинъ изъ нихъ сказалъ: пусть мнѣ выколютъ глаза, только бы я былъ Велизаріемъ, я почту себя довольно награжденнымъ; другой отвѣтствовалъ: естьли бъ это сдѣлалось, то бы я позавидовалъ.

За тѣмъ свидѣтельствую вамъ, государь мой, признательность мою за всѣ оказываемые мнѣ вами знаки дружбы; но избавьте, ежели можно, маранье мое отъ печати. Казань. 29 мая.

7. Князю А. М. Голицыну (1780) (23).

Князь Александръ Михайловичъ! Увѣдомилась я, что дворянство санктпетербургской губерніи вздумало приносить мнѣ титулы и собирается сдѣлать ог-

а) Работы Комиссіи по составленію Новаго Уложенія.

б) Въ путешествіи своемъ Екатерина съ нѣкоторыми приближенными особами переводила Мармонтелева Велисарія.

ромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія отечеству и вознесенія славы и величія его; почему и не можетъ иное мнѣ пріятно и угодно быть, какъ повиновеніе моей волѣ и ревностное и тщательное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для меня не нужна. Чего ради я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ приказъ общественнаго призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому (а), такъ какъ можете то же сдѣлать и со всѣми другими, кои будутъ любопытствовать о семъ. Пребываю, впрочемъ, вамъ доброжелательна.

P. S. Сіе есть непремѣнная моя воля, которую выполнить вамъ предписываю.

9. Доктору Циммерману (1785) (24).

Государь мой! Я получила ваше письмо отъ 28 января, коимъ увѣдомляете меня о полученіи посылки, доставленной къ вамъ чрезъ моего министра въ Гамбургѣ (25). Вы даже и не думаете о благодарности, которою я вамъ должна. Сначала боялась было я раскрыть вашу книгу (о уединеніи), потому что, судя по ея названію, опасалась, чтобъ она не усилила во мнѣ ипохондрію, къ которой я и безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность, но сія книга болѣе, нежели что другое, остановила и потомъ уменьшила дѣйствіе оныя. Въ сей книгѣ есть сила, и величіе, и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякій хорошій докторъ долженъ бы вписать ее въ реестръ своихъ рецептовъ, и часто была бъ она полезнѣе многихъ лѣкарствъ, къ которымъ я нисколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкартъ (26), и годовой счетъ изъ аптеки собственно на мою особу рѣдко бываетъ больше тридцати шиллинговъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однакожъ по сіе время ничего этого не было. И такъ, когда я желала, чтобъ вы сюда пріѣхали, то сіе желаніе отнюдь не отъ того происходило, чтобы воспользоваться какими врачебными совѣтами, но чтобъ узнать человѣка разумнаго, одареннаго необыкновенными способностями и свѣдѣніями. Вотъ какого я объ васъ

а) Генералъ-прокурору.

мнѣнія, государь мой. Общій нашъ пріятель, покойный князь Орловъ ([27]) и многіе другіе не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Откровенность и чистосердечіе, плѣняющія въ вашихъ письмахъ, конечно, умножили бъ во мнѣ желаніе васъ видѣть поближе. Но какъ я вижу, что вы не можете отважиться на безпокойства столь долговременной ѣзды, не подвергнувъ опасности своего здоровья, а поѣздка моремъ могла бъ имѣть также свои слѣдствія, то и совѣщусь просить васъ о семъ еще, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, жизнь большей части вашихъ больныхъ зависитъ единственно отъ искусства вашихъ объ нихъ попеченій; да и здѣсь, хотя ни слова не скажу о медицинѣ, другіе не преминутъ докучать вамъ своими вопросами и слѣдовательно лишать васъ того благоденствія, въ которомъ я желала бы васъ видѣть. И такъ надежнѣйшее для васъ предпочитаю, хотя съ сожалѣніемъ, удовольствію васъ видѣть, государь мой, сколько бъ я того ни хотѣла. Будьте здоровы и наслаждайтесь въ полной мѣрѣ славою, пріобрѣтенною вашими талантами. Я же удовольствуюсь и тѣмъ, что буду писать къ вамъ отъ времени до времени, когда случай къ тому представится. Прощайте.

Петербургъ, 22 февраля 1785.

[1]) „Наказъ“ (т.-е. наставленіе) служилъ основаніемъ комиссіи, которая состояла изъ 565 депутатовъ, собранныхъ отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, отъ дворянства, отъ городовъ, отъ сельскихъ обывателей и иновѣрцевъ, и которая должна была сочинить новое Уложеніе. Раздѣлялась она на общее собраніе, или большую комиссію, и отдѣльныя комиссіи. Открытіе ея послѣдовало въ Москвѣ 31 іюля 1767 г.; а 29 декабря общее ея собраніе распущено. Остались въ дѣйствіи однѣ отдѣльныя комиссіи, которыя, въ теченіе пяти лѣтъ, составили: а) такъ-называемые планы, т.-е. заглавія проектовъ, содержащія въ себѣ одно означеніе предметовъ и главное ихъ раздѣленіе; б) сочиненныя по симъ планамъ части проектовъ въ видѣ опытовъ. Въ 1774 г. все учрежденіе упразднено (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о сводѣ законовъ, 1837).—Наказъ, обнародованный 30 іюля 1767 г., состоитъ изъ вступленія, двадцати главъ и окончанія (всего 526 пунктовъ). Впослѣдствіи, 28 февраля и 8 апрѣля 1768 г., прибавлены къ нему двѣ дополнительныя главы (21 и 22-я) и начертаніе о приведеніи къ окончанію вышеозначенной комиссіи. Первое изданіе его, безъ дополненій, въ Москвѣ 1767, а съ дополненіями въ Петербургѣ 1768. Изданій его на иностранныхъ языкахъ очень много; обозрѣніе тѣхъ, которыя находятся въ И. П. Б., см. № 10 Отеч. Зап. 1854 (статья: „Библіографическіе отрывки“). Главныя черты, такъ называемый „духъ“ Наказа, изображены Карамзинымъ въ Похвал. словѣ Екатеринѣ II. Въ П. С. З. онъ помѣщенъ подъ № 12949. Рукопись Наказа, состоящая изъ 123½ листовъ и писанная собственною рукою Екатерины (за исключеніемъ 12 лис.), большею частію на франц. языкѣ, имѣетъ такое названіе: Matériaux dont les traductions sont dans le Senat, et qui ont servi pour composer l'instruction de la commission etablie pour faire le projet

des lois". Она хранится въ Библ. Ак. Н. (Изв. по 2 отд., III, стр. 112).

²) Глава V показываетъ значеніе равенства и общественной, или государственной, свободы. Изъ опредѣленія этихъ предметовъ видно, что они тождественны съ законностью, т.-е. съ исполненіемъ законовъ и твердымъ охраненіемъ гражданъ законами, дарующими всѣмъ и каждому возможность наслаждаться спокойствіемъ. Глава эта, равно какъ и многіе другіе пункты, заимствованы изъ книги Монтескье: Esprit des lois.

³) Вся эта глава заимствована изъ знаменитаго творенія Беккаріи: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", положившаго новыя основанія уголовному судопроизводству. Особеннымъ гуманизмомъ проникнута 15-я глава: „объ умѣренности наказаній".

⁴) Пункты 348 и 349 взяты изъ Монтескье (кн. IV: о „законахъ воспитанія соотвѣтственно началамъ правленія", гл. I: „законы воспитанія"). Остальное принадлежитъ Императрицѣ, которая повторяетъ тѣ же мысли въ инструкціи кн. Н. И. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ своихъ внуковъ, в. к. Александра и Константина.

⁵) Пунктъ 356 взятъ изъ доклада Бецкаго „о воспитаніи юношества обоего пола" (1764). Мысли, здѣсь выраженныя, принадлежатъ самой Екатеринѣ, такъ какъ Бецкій приводилъ только въ исполненіе ея педагогическія идеи.

⁶) Комедія „О время!" имѣла большой успѣхъ и возбудила къ себѣ горячее сочувствіе просвѣщенныхъ людей. Новиковъ посвятилъ журналъ свой „Живописецъ" Неизвѣстному сочинителю комедіи: „О время!" Въ посвященіи, между прочимъ, сказано: „Государь мой! я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности... Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе". Въ отвѣтѣ своемъ Екатерина II говоритъ: „Комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи, во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи, слѣдов. не выходя изъ дому своего *(т.-е изъ Россіи)*, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю". Сюжетъ комедіи: „О время" — самый обыкновенный, состоящій въ любви Молокососова къ Христинѣ, внучкѣ г-жи Ханжихиной, главнаго дѣйствующаго лица, въ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ его сватовствомъ, и въ устраненіи этихъ препятствій при содѣйствіи Непустова. Достоинство пьесы не въ сюжетѣ, а въ осмѣяніи ханжества, суевѣрія и страсти къ вѣстямъ и сплетнямъ, изображенныхъ въ лицѣ трехъ женщинъ: Ханжихиной, Чудихиной и Вѣстниковой. Кромѣ того, Екатерина II выставила (въ разсказѣ служанки Мавры, дѣйст. 1, явл. 12), недостатки тогдашняго воспитанія: съ одной стороны — строгое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ, а съ другой — безсмысленное, модное воспитаніе, изъ дѣвицъ образующее „новосвѣтскихъ госпожъ".

⁷) Неплатежъ долговъ принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ недостатковъ дворянства въ эпоху Екатерины. „Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ", говоритъ Фонъ-Визинъ въ „Придворной Грамматикѣ", никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: быть должнымъ". Тотъ же Фонъ-Визинъ спра-

шивалъ Императрицу: „отчего всѣ въ долгахъ?“ Ея сочиненія часто обличаютъ господъ, изучающихъ искусство обманывать своихъ кредиторовъ или обращаться съ ними безъ всякой церемоніи.

[8]) Въ инструкціи кн. Салтыкову исчислены „нарочитыя“ книжицы, написанныя Екатериною II для внуковъ ея, великихъ князей Александра и Константина: Сказка о Царевичѣ Хлорѣ и Сказка а Царевичѣ Февеѣ (обѣ 1782 г.): изъ послѣдней составлена потомъ (1786) комическая опера того же имени; Выборныя россійскія пословицы (1782): Записки первой части, содержащія въ себѣ разсказы и разговоры (1783); Гражданское начальное ученіе, съ россійской азбукой (1783); Китайскія мысли о совѣсти (особаго изданія ихъ не было: онѣ вошли въ Гражданское ученіе).—Всѣ эти книжки, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ театральныхъ пьесъ, образовали 9 томовъ, которые Екатерина называла „библіотекой своихъ внуковъ“ (Письмо къ Циммерману, 1788 октября 11). Сказка о Царевичѣ Хлорѣ получила особую извѣстность тѣмъ, что подала Державину поводъ къ сочиненію оды: „Фелица“, гдѣ упоминаются и Брюзга-Султанъ и Лѣньтягъ-Мурза, подъ которыми Екатерина разумѣла кн. Вяземскаго и Потемкина. Достоинство ея, равно какъ и сказки о Февеѣ, заключается въ тѣсной связи съ Инструкціей, которая относится къ нимъ, какъ правила относятся къ образцамъ. Что въ Инструкціи говорится о дѣтскихъ забавахъ, веселости нрава, учтивости, смѣлости, пустомъ страхѣ и опасеніи, добромъ примѣрѣ наставниковъ, то самое встрѣчаемъ при разсказѣ о Хлорѣ. Точно такъ же въ разсказъ о воспитаніи, свойствахъ и дѣлахъ Февея, вошли почти всѣ существенныя черты педагогическихъ правилъ Инструкціи. Содержаніе сказки о Хлорѣ состоитъ въ томъ, что Хлоръ ищетъ розы безъ шиповъ, т.-е. добродѣтели, приносящей намъ полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Въ этихъ поискахъ руководствуетъ его Фелица, давъ ему въ спутники своего сына, Разсудокъ. Съ помощію честности и правды, Царевичъ преодолѣлъ всѣ препятствія, и на вершинѣ горы нашелъ желаемую розу. Смыслъ аллегоріи тотъ, что истинное счастіе пріобрѣтается только добродѣтелью, невозможною безъ разума.

[9]) Печатались въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова (1783—85), издававшемся отъ Россійской Академіи, директоромъ которой въ то время была кн. Е. Р. Дашкова.

[10]) Вымышленное лицо, которому авторъ предоставляетъ говорить о недостаткахъ общества, прежнихъ и современныхъ, сравнивать прошлое съ настоящимъ, оцѣнивать пользу правительственныхъ учрежденій, разсуждать о дѣйствительныхъ потребностяхъ Россіи.

[11]) Въ воспитаніи Екатерина видѣла главнѣйшее средство къ искорененію преступленій (см. §§ 245 и 248 Наказа); воспитаніе же, по ея мнѣнію, должно было уничтожить пороки и другіе общественные недостатки.

[12]) Объ учрежденіи Совѣстнаго суда см. въ учрежденіи о губерніяхъ, 7 ноября 1775 г. (П. С. З., № 14392, ст. 40). „Совѣстный судъ есть благотворный и святой судъ, учрежденный Императрицею для защиты угнетаемаго человѣчества. Ему предписаны осторожность, милосердіе, чтобъ ни чью судьбу не отягощать, доставить каждому принадлежащее, примирять, а не обвинять тяжущихся“ (Соч. Державина, изд. Смирд., I, 46—47).

[13]) Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, при назначеніи его воспитателемъ в. к. Александра и Константина, дана 13 марта 1784 г. Она начинается положеніемъ, что

воспитаніе должно соотвѣтствовать состоянію того лица, которому дается. Такъ какъ высокому рожденію великихъ князей принадлежатъ два великіе пути: справедливость и любовь къ ближнему, то имъ необходимо имѣть точное понятіе о вещахъ, здравое тѣло и разсудокъ. Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе. Умонаклоненіе къ добру заключаетъ въ себѣ четыре предмета: добродѣтель, учтивость, доброе поведеніе и знаніе. Посему Инструкція дѣлится на 6 отдѣловъ или наставленій: о здоровьѣ, объ умонаклоненіи къ добру, о добродѣтели, объ учтивости, о поведеніи, о знаніи. Седьмой отдѣлъ касается приставниковъ и обращенія ихъ съ воспитанниками. Каждое наставленіе излагаетъ правила по возрастамъ: младенчеству, отрочеству и юношеству. Инструкція весьма отчетливо разсмотрѣна г. Н. Лавровскимъ въ рѣчи его: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой.

[14]) Понятія Екатерины о наградахъ и наказаніяхъ дѣтей заимствованы изъ сочиненій Локка: О воспитаніи. Она отмѣняетъ строгія мѣры, видя въ нихъ незаконныя побужденія къ успѣхамъ. Единственными средствами направлять дѣтей къ добру и уклонять отъ зла признаетъ она, слѣдуя Локку, „честь“ и „стыдъ“, на томъ основаніи, что расположеніе или нерасположеніе ближнихъ, ихъ вниманіе или презрѣніе суть могущественнѣйшіе двигатели души.

[15]) Письма къ Румянцову съ 1763 по 1783 г. (всего 70) нап. въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. ч. 1, 2 и 3. Пять писемъ къ нему же, 1773—74 г., въ „Перепискѣ Императрицы Екатерины II съ гр. Румянцовымъ-Задунайскимъ“ (1805). Здѣсь же и рескриптъ (1773 г.) къ кн. Щербатову, автору Россійской Исторіи: „Князь Михайло Михайловичъ! Для будущихъ временъ сіи письма будутъ любопытны: велите ихъ вѣрной рукою списывать; оригиналы мнѣ возвратите, а копіи у себя сохраните. Вы увидите изъ оныхъ многое множество вещей, есть ли съ прилежаніемъ ихъ прочтете, и думаю, что не моя сторона останется слабѣйшая“. Еще нѣсколько писемъ къ Румянцову въ „Перепискѣ Екатерины II съ разными особами“ (1807). При вступленіи Екатерины на престолъ, Румянцовъ, готовившійся начальствовать надъ арміею, назначенною (1762 г.) противъ датчанъ, для возвращенія Шлезвига, былъ на время удаленъ и, почитая себя въ немилости, просилъ отставки.

[16]) Москвит. 1855, №№ 17 и 18. Какъ это, такъ и другое къ Олсуфьеву письмо, напеч. безъ соблюденія орѳографіи подлинника. Олсуфьевъ былъ кабинетъ-секретарь Екатерины II и переводчикъ съ итал. яз. оперъ: Евдокія вѣнчанная, Селевкъ, Митридатъ и Беллерофонтъ. Ему же, по мнѣнію кн. Вяземскаго, принадлежитъ „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку“, хотя это сочиненіе приписывалось Фонъ-Визину.

[17]) Собственноручное, напечатанное въ Oeuvres posthumes de d'Alembert, 2 v., 1799 г. откуда и переведенъ. Приглашеніе Даламбера въ воспитатели в. к. Павлу Петровичу было сдѣлано въ 1762 г. чрезъ И. И. Шувалова. Въ то же время Фридрихъ Великій предлагалъ ему мѣсто президента въ Берлинской Академіи. Въ письмѣ къ Вольтеру, 2 октября 1762 г., Даламберъ говоритъ о предложеніи Шувалова и о своемъ отказѣ, приводя тому и причины: L'air doux qu'on respire en France me fait supporter, l'air du fanatisme dont on voudrait l'infecter, et je pardonne au moral en faveur du physique“. См. еще Correspondance de Grim et Diderot, 3-me partiet. II, стр. 382, гдѣ сказано, что Даламберу назна-

чалось 100 тысячъ ливровъ ежегоднаго жалованья.

[18]) Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія въ этомъ письмѣ, ибо мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ сбиваться съ толку, если давно уже не сбилась. Однимъ словомъ, устройте такъ, чтобъ онъ удалялся отъ глупостей или удаляйте ихъ сами.

[19]) Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ, съ 1763 по 1778 г., существуетъ у насъ въ четырехъ переводахъ. Подлинникъ былъ напечатанъ впервые Бомарше въ изданномъ имъ собраніи сочиненій Вольтера, но не вполнѣ, а съ нѣкоторыми исключеніями, какъ видно изъ книги Ломени: „Beaumarchais et son temps, 1856, ч. 2, стр. 224—225. Для сличенія письма Императрицы, помѣщеннаго въ Хрестоматіи, съ его оригиналомъ, мы пользовались изданіемъ сочиненій Вольтера, 1847 г., т. 10. Оно писано во время путешествія Екатерины по Волгѣ.

[20]) Относится къ „анекдоту о Велисаріи“, гдѣ Вольтеръ восхваляетъ терпимость и человѣколюбіе Екатерины: „L'auguste impératrice de Russie vient d'établir la tolerance dans deux mille lieues de pays. Elle a écrit de sa proprе main: *malheur aux persécuteurs* и пр. (Facéties, т. VII Сочиненій Вольтера, изд. 1847, стр. 650—652).

[21]) См. въ IX т. того же изданія: „Sur les panégyriques“ (стр. 261—263): здѣсь Вольтеръ включилъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ къ нему Екатерины, что ей было непріятно.

[22]) Аббатъ Базенъ (Bazin) и племянникъ аббата Базена—псевдонимы Вольтера, который подъ первымъ именемъ издалъ: „La Philosophie de l'histoire“, служащую введеніемъ въ „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“, а подъ вторымъ—„La défense de mon oncle“, когда появилась критика на „Философію исторіи“, подъ заглавіемъ: „Supplement à la Philosophie de l'histoire.

[23]) Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ былъ с.-п.-бургскимъ главнокомандующимъ во время путешествія Екатерины II въ Бѣлоруссію. Дворянство С.-п-бургской губерніи вручило ему, чрезъ губернскаго предводителя кн. Александра Борисовича Куракина, прошеніе о поднесеніи Императрицѣ титуловъ: „Великой и Матери Отечества“. Въ этомъ прошеніи между прочимъ сказано: Екатерина „славна своими побѣдами, славна своими законами, но славнѣе еще своими неутомимыми и тщательными трудами о спокойствіи, о порядкѣ, о возможнѣйшемъ благѣ отечества“. Похвальное Слово Екатеринѣ, Карамзина, приняло тоже дѣленіе въ изображеніи ея дѣлъ: „Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями“.

[24]) „Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II съ Докторомъ Циммерманомъ, съ 1783 по 1792 годъ. Спб. 1803 г.“. Переводчикъ — Иванъ Степановъ. Подлинникъ, на франц. яз., въ сочиненіи Маркарда; „Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard“ (Бременъ, 1803). Онъ служитъ приложеніемъ къ книгѣ и содержитъ въ себѣ не всю переписку между Екатериной и Циммерманомъ, а только нѣкоторыя письма, показывающія отношенія между ними. Циммерманъ, родомъ швейцарецъ (р. 1728, у. 1795), вызванъ былъ, 1768 г., въ Ганноверъ и получилъ мѣсто лейбъ-медика при англійскомъ королѣ; пользовалъ также Фридриха II въ послѣдніе его годы, для чего и жилъ въ Берлинѣ; подъ конецъ своей жизни впалъ въ ипохондрію, разстроившую его умственныя способности. Изъ сочиненій его переведены на русск. яз.: О уединеніи; О народной

гордости (три перевода); Фридрихъ Великій при смерти.

[25]) Письмо это — отвѣтъ на письмо Циммермана, заключавшее въ себѣ благодарность за полученный, въ 1784 г., отъ Императрицы подарокъ — драгоцѣнный перстень и медаль съ ея портретомъ, при чемъ она написала собственноручно: „Королевско-Великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику господину Циммерману изъ благодарности за многіе хорошіе рецепты, прописанные имъ человѣчеству въ книгѣ его: О уединеніи“.

[26]) Лейбъ-медикъ Екатерины II, бывшій потомъ частнымъ врачемъ въ Гейльбронѣ и выдавшій 1802 свою автобіографію: Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte des Kayserlich Russischen Stats-Raths Weikard“. Цѣль ея—уменьшить значеніе Циммермана и выставить его отношеніе къ императрицѣ въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Книга Маркарда есть собственно апологія Циммермана.

[27]) Кн. Григорій Григорьевичъ, отправившійся въ Ганноверъ, съ больной женой своей, для совѣтовъ съ Циммерманомъ. Знакомство ихъ, начавшееся съ 1780 г., обратилось въ дружбу: этимъ объясняются слова: „общій нашъ пріятель“.

XXXI.

КНЯГИНЯ Е. Р. ДАШКОВА ([1]).

Записки ([2]).

Вступленіе кн. Дашковой въ должность Директора Академіи Наукъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (а) былъ при дворѣ балъ. Ея величество, обошедши обычный кругъ и удостоивъ своимъ разговоромъ нѣсколькихъ фрейлинъ и иностранныхъ министровъ, обратилась опять ко мнѣ: „Я должна сказать вамъ кое-что особенное, княгиня, но теперь, какъ вижу, неудобно“. Потомъ она удалилась отъ меня и еще поговоривъ съ нѣкоторыми министрами на другомъ концѣ залы, вдругъ остановилась посреди небольшого круга, образовавшагося между обѣими половинами собраннаго общества, и, кивнувъ головой, подозвала меня къ себѣ. Я приблизилась, и еслибъ въ самомъ дѣлѣ упала съ облаковъ, то не могла бы почувствовать большаго изумленія, какъ когда Ея Величество предложила назначить меня Директоромъ Академіи Художествъ и Наукъ.

Мое молчаніе (я сначала не могла произнести ни слова въ отвѣтъ) заставило Ея Величество повторить предложеніе, которое она подкрѣпила множествомъ милостивыхъ и лестныхъ словъ.

„Нѣтъ, Государыня“, отвѣчала я, собравшись съ силами, „не могу принять должности, для исполненія которой у меня вовсе

а) Въ декабрѣ 1782.

нѣтъ нужныхъ качествъ, и если бъ я не думала, что Вашему Величеству угодно шутить, я бы сказала, что хоть бы сама и не побоялась сдѣлаться смѣшною, однакожъ никогда бы не согласилась повредить славѣ Вашего Величества принятіемъ должности, къ которой я во всѣхъ отношеніяхъ неспособна“.

Чтобы побѣдить мои опасенія, Императрица подала видъ, будто принимаетъ отказъ мой въ знакъ уменьшенія той преданности къ ней, какую я изъявляла. Конечно, всякій, кто имѣлъ счастіе быть близкимъ къ ея особѣ, испыталъ болѣе или менѣе вліяніе того могучаго краснорѣчія, того искусства, которыя всегда были во власти ея, когда дѣло шло о убѣжденіи кого-нибудь.

Со мною государынѣ не нужно было употреблять ни того, ни другаго, потому что я, по чувству приверженности, столь же неизмѣнной, какъ и безкорыстной, во всякое время была готова повиноваться ея приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ власть ея оставалась безъ дѣйствія. „Назначьте меня“, возразила я, „директрисою прачекъ Вашего Величества, и вы увидите, съ какимъ усердіемъ я буду умѣть служить вамъ“.

„Не я“, замѣтила государыня, „а вы шутите, выпрашивая себѣ такое смѣшное званіе“.

„Ваше Величество“, сказала я, „изволите полагать, что хорошо знаете мой характеръ, и однакожъ отъ вниманія вашего скрылось, какъ много гордости въ моемъ вызовѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ облагораживаетъ свое званіе, и еслибъ я по вашей волѣ сдѣлалась начальницею прачекъ, на меня бы смотрѣли какъ на лице, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ и самыхъ завидныхъ мѣстъ при дворѣ. Правда, я не посвящена въ искусство мыть бѣлье, но ошибки, какія проистекаютъ отъ незнанія въ этомъ дѣлѣ, не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій, тогда какъ, напротивъ, всякій промахъ, сдѣланный директоромъ Академіи Наукъ, былъ бы не только унизителенъ для него самого, но бросалъ бы невыгодный свѣтъ и на виновницу его назначенія“.

Ея Величество, не смотря на мои возраженія, настаивала, приводя мнѣ на память тѣхъ людей, которые прежде занимали эту должность, и заставляя сознаться, что они по способностямъ и качествамъ своимъ были ниже меня.

„Тѣмъ хуже для тѣхъ“, отвѣчала я, „кто такъ мало себя уважаетъ, что принимается за дѣло, котораго не можетъ исполнить съ честію“.

„Хорошо“, сказала государыня, „пусть будетъ по вашему, хотя отказъ вашъ только утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что я никого не могу избрать достойнѣе васъ“.

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія бала, что-

бы тотчасъ, по возвращеніи домой, написать государынѣ и еще рѣшительнѣе изложить причины моего отказа. Пріѣхавъ къ себѣ, я тотчасъ сѣла писать письмо, въ которомъ между прочимъ сказала, что природа, создавъ меня женщиною, тѣмъ самымъ отказала мнѣ въ возможности управлять Академіею Наукъ, и что я, чувствуя ничтожество своихъ литературныхъ занятій, никогда не искала чести быть принятою въ какое бы ни было ученое общество, даже когда въ Римѣ имѣла случай купить это отличіе за нѣсколько червонцевъ.

Была почти полночь, когда я кончила письмо. Нельзя было послать его тогда же къ государынѣ. Но, не будучи въ состояніи цѣлую ночь терпѣливо ожидать рѣшенія этого дѣла, я поѣхала къ князю Потемкину, у котораго еще ни разу не была во всю мою жизнь, и велѣла доложить ему, что непремѣнно должна его видѣть, хотя бы онъ уже былъ въ постели.

Въ самомъ дѣлѣ онъ легъ уже. Я пересказала ему разговоръ мой съ императрицею въ тотъ вечеръ.

„Я уже слышалъ о томъ отъ Ея Величества“, сказалъ онъ, „и знаю ея мнѣніе по этому предмету. Она твердо вознамѣрилась ввѣрить Академію Наукъ вашему попеченію“.

„Мнѣ никакъ невозможно“, прервала я, „принять такую должность вопреки всѣмъ обязанностямъ къ самой себѣ. Вотъ письмо, которое я написала къ Ея Величеству съ рѣшительнымъ моимъ отказомъ. Прочтите его, князь: тогда я его запечатаю и оставлю въ вашихъ рукахъ съ тѣмъ, чтобы вы потрудились передать его государынѣ поутру, какъ скоро она встанетъ“.

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ письмо, изорвалъ его на мелкіе лоскутки. Въ крайнемъ удивленіи и гнѣвѣ я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать бумагу, назначенную мною для Ея Величества.

„Успокойтесь, княгиня“, сказалъ онъ, „и выслушайте меня. Вы искренно преданы государынѣ: никто въ томъ не сомнѣвается. Зачѣмъ хотите вы огорчить ее по дѣлу, которое въ послѣдніе два дня исключительно занимало ея мысли и совершенно овладѣло ея сердцемъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ неумолимы, вотъ вамъ перо, чернила и бумага — напишите письмо ваше сызнова; но повѣрьте, княгиня, что я, убѣждая васъ, только играю роль человѣка, желающаго вамъ добра. Я долженъ сверхъ того прибавить, что государыня, уговаривая васъ принять предлагаемое мѣсто, имѣла въ виду еще и другую цѣль. Она желаетъ упрочить ваше пребываніе въ Петербургѣ, чтобы чаще видѣться съ вами“.

Гнѣвъ мой, который рѣдко бываетъ продолжителенъ, уже прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое камердинеръ мой долженъ былъ

отнести во дворецъ для доставленія императрицѣ при самомъ ея пробужденіи поутру. Я убѣдительно просила князя вмѣстѣ со мною стараться всѣми мѣрами отклонить Ея Величество отъ такого страннаго назначенія.

Только что я возвратилась домой, я начала новое письмо къ государынѣ. Событія вечера до того взволновали и разстроили меня, что я, продолжая писать, до самаго утра даже и не подумала скинуть платье, въ которомъ была при дворѣ. Въ семь часовъ отослала я свое письмо, и въ отвѣтъ получила отъ государыни записку, въ которой послѣ замѣчанія, что я встаю ранѣе Ея Величества, помѣщено было множество лестныхъ и обязательныхъ выраженій, но не сказано ни слова о моемъ отказѣ, который какъ будто остался незамѣченъ.

Въ тотъ же день, подвечеръ, я получила письмо отъ графа Безбородки, и при немъ копію указа, уже препровожденнаго въ сенатъ, объ опредѣленіи меня Директоромъ Академіи Наукъ и упраздненіи вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи, которая въ послѣднее время завѣдывала дѣлами ея въ слѣдствіе жалобы всѣхъ профессоровъ и другихъ состоящихъ при ней лицъ на поступки бывшаго директора, г. Домашнева.

Смущенная и отъ безпокойства едва помня себя, я приказала никого не принимать и стала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, размышляя обо всѣхъ трудностяхъ и заботахъ, которымъ подвергнетъ меня новая должность. Въ числѣ самыхъ непріятныхъ послѣдствій ея представляла я себѣ и то, что она подастъ поводъ ко множеству недоразумѣній между государынею и мною.

Въ письмѣ графа Безбородки между прочимъ было сказано: „Ея Величество приказала мнѣ увѣдомить васъ, что вы можете, когда вамъ угодно, поутру или вечеромъ объясняться съ нею по всему, что относится къ подвѣдомственной вамъ части, и что она всегда будетъ готова устранить всякое затрудненіе или препятствіе, какое вамъ встрѣтится при исполненіи обязанностей вашихъ“.

Положеніе мое точно было въ высшей степени затруднительно. Я вовсе не знала, какими основаніями мнѣ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ моему облегченію не было оставлено даже и комиссіи, о которой я сейчасъ говорила и которая, въ первое время, могла бы служить мнѣ существеннымъ пособіемъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было — послать въ Академію списокъ указа съ требованіемъ, чтобы комиссія еще два дня оставалась въ дѣйствіи и чтобы мнѣ немедленно донесли объ устройствѣ всѣхъ частей заведенія и о ходѣ дѣлъ типографіи, доставивъ также имена библіотекарей и завѣдывающихъ различными кабинетами; наконецъ, чтобы въ слѣдующій день начальники по всѣмъ вѣтвямъ управленія доложили мнѣ о сво-

ихъ обязанностяхъ и о предметахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи каждаго. Въ то же время просила я членовъ комиссіи сообщить мнѣ всѣ подробности, какія они могли собрать, касательно должности и обязанностей директора, чтобы я могла составить себѣ общее понятіе о томъ, что мнѣ слѣдовало дѣлать прежде, нежели приступлю къ самому ничтожному дѣйствію; а въ заключеніе я просила этихъ господъ быть самимъ убѣжденными и увѣрить остальныхъ членовъ Академіи, что я первою и священнѣйшею обязанностію сама уже предписала себѣ ко всякому члену этого ученаго сословія хранить въ полной мѣрѣ то уваженіе и ту довѣренность, какихъ заслуживаютъ разнородныя ихъ достоинства.

Я надѣялась, что такимъ образомъ успѣю въ самомъ началѣ удалить всякій поводъ къ зависти и неудовольствію въ этомъ отношеніи.

На другое утро я была допущена къ императрицѣ при волосочесаніи. Въ то же время всѣ секретари Ея Величества и управляющіе отдѣльными частями принимали высочайшія повелѣнія. Между ними я съ удивленіемъ увидѣла и г. Домашнева, который подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ своихъ для наставленія меня на счетъ моей новой должности. Какъ ни была я поражена его храбростію, однако жъ вѣжливо отвѣчала ему, что при охраненіи выгодъ и чести Академіи, я намѣрена неизмѣнно держаться одного правила, именно— дѣйствовать безпристрастно, и при раздачѣ наградъ ея и почестей не принимать въ уваженіе ничего инаго, кромѣ заслугъ; въ разсужденіи же всего прочаго, прибавила я, я нахожусь въ такомъ совершенномъ невѣдѣніи, что сбираюсь прибѣгнуть къ собственному руководству Ея Величества и къ помощи, которую она милостиво мнѣ обѣщала.

Онъ собирался было начать какое-то возраженіе, какъ вдругъ государыня отворила дверь. Замѣтивъ насъ, она въ ту же минуту заперла ее, позвонила и черезъ дежурнаго камеръ-лакея приказала мнѣ явиться въ комнату Ея Величества.

„Очень рада, что вижу васъ, княгиня“, сказала императрица при входѣ моемъ. „Но скажите, какую надобность могъ до васъ имѣть этотъ..... Домашневъ?“

„Онъ хотѣлъ“, отвѣчала я, „дать мнѣ нѣкоторыя наставленія на счетъ моихъ новыхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ я въ добросовѣстности, можетъ быть, буду надежнѣе его, но въ учености, боюсь, должна ему уступить, и потому сравненіе съ нимъ будетъ для меня невыгодно. Я не знаю“, продолжала я, „должно ли мнѣ благодарить Ваше Величество за этотъ знакъ добраго мнѣнія обо мнѣ, или, напротивъ, сѣтовать на странное и неслыханное опредѣленіе женщины Директоромъ Академіи Наукъ“.

Государыня увѣрила меня, что она не только вполнѣ довольна сдѣланнымъ выборомъ, но даже гордится имъ.

„Это въ высшей степени лестно“, сказала я, „но трудъ вести слѣпца скоро сдѣлается обременительнымъ для Вашего Величества“.

„Довольно“, возразила Екатерина, „прошу васъ, перестаньте смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной стороны и болѣе не говорите со мною такимъ образомъ“.

Выйдя изъ комнаты, я встрѣтила оберъ-гофмаршала. Онъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ государыня велѣла ему пригласить меня сегодня къ обѣденному столу Ея Величества, за которымъ я и впредь всегда буду принимаема съ удовольствіемъ; что однакоже мнѣ предоставляется полная свобода соображаться въ этомъ отношеніи болѣе съ собственнымъ моимъ удобствомъ и моею охотою, нежели съ желаніями Ея Величества.

Я услышала множество привѣтствій и поздравленій по случаю явнаго доказательства милости и довѣренности царской. Но нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, видя, что я вовсе не обрадована нежданнымъ отличіемъ, были такъ догадливы, что избавили меня отъ выраженій, которыя могли только увеличить мое замѣшательство. Однакожъ вообще это назначеніе возбудило въ высшей публикѣ зависть. Всѣмъ казалось, что для столь почетнаго мѣста совсѣмъ не годится особа съ такими не-придворными пріемами и нравомъ, какъ я.

На третій день послѣ моего назначенія (въ воскресенье), принимала я у себя профессоровъ и другихъ чиновниковъ Академіи. Я сказала имъ, что намѣреваюсь завтра посѣтить Академію, и просила ихъ помнить, что всегда, когда они пожелаютъ объясниться со мною по какому-нибудь дѣлу, домъ мой открытъ для нихъ.

[1]) Екатерина Романовна (р. 1743, ум. 1810), дочь гр. Романа Илларіоновича Воронцова, статсъ-дама, директоръ Академіи Наукъ и предсѣдатель Россійской Академіи и членъ иностранныхъ академій, пользовалась многіе годы особеннымъ расположеніемъ и даже дружбою Екатерины II. Она совершила два путешествія по Европѣ: одно (1869—72) для поправленія своего здоровья, другое (1775—82) для воспитанія своего сына въ эдинбургскомъ университетѣ.

[2]) Записки кн. Дашковой, ею самою составленныя въ послѣднюю эпоху ея жизни, изданы въ Лондонѣ на англ. языкѣ, 1840 г. Издательница ихъ—г-жа Бредфордъ, которая въ 1803 г., бывъ еще дѣвицею (Miss Wilmot), пріѣхала въ Россію изъ родины своей, Ирландіи, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ домѣ кн. Дашковой. Въ XXI-мъ томѣ Архива князя Воронцова напечатаны записки Дашковой въ полномъ видѣ на французскомъ языкѣ по рукописи, писанной частію рукою г-жи Бредфордъ, частію рукою самой княгини. Русскій переводъ записокъ съ изданія 1840 г. вышелъ въ Лондонѣ, въ 1859 году, и переполненъ ошибками, искажающими смыслъ подлинника. Другой переводъ, принадлежащій Д. Л. Михайловскому, напечатанъ въ IX томѣ Русской Старины. Кромѣ того отрыв-

ки изъ записокъ Дашковой помѣщены въ 1 и 2 №№ Москвитянина 1842 г. и въ 37-мъ томѣ Современника, 1845 г., въ переводѣ Я. К. Грота, откуда и взятъ отрывокъ въ Хрестоматію. Нѣмецкій переводъ Записокъ вышелъ въ Гамбургѣ, 1857 г., а французскій въ Парижѣ, 1859 г.

XXXII.

ПОПОВСКІЙ (1).

А. Опытъ о человѣкѣ (1754) (2).

Познайте истину сію, о человѣки!
И будьте ею всѣ довольны вы вовѣки:
Что счастіе ни въ чемъ не состоитъ другомъ,
Какъ въ добродѣтели и житіи честномъ.
Она насъ къ твердому ведетъ едина счастью,
И въ ней лишь вкусъ добра, несмѣшанный съ напастью;
Она достойныя даетъ заслугамъ мзды
И постоянныя награды за труды.
Не меньше милостью живущихъ услаждаетъ,
Какъ благодѣтелей своихъ увеселяетъ,
Веселіямъ ея другихъ подобныхъ нѣтъ,
Когда все по ея желанію идетъ.
Но хоть желанія ея бъ не успѣвали,
Не производятъ въ ней великія печали.
Хотя она всегда довольствуется всѣмъ,
Но не гнушается, не брезгуетъ ничѣмъ.
Въ чемъ болѣе она скудна, тѣмъ больше сыта,
И скудость ей сама отъ скудости защита.
Весьма пріятнѣе потоки горькихъ слезъ,
Изъ добродѣтельныхъ текущія очесъ,
Какъ глупый смѣхъ людей нечувственно безбожныхъ,
Что происходитъ въ нихъ отъ услажденій ложныхъ.
Разсыпано ея добро по всѣмъ вещамъ,
Находитъ счастіе свое по всѣмъ мѣстамъ.
Не устаетъ, хотя всегда она трудится,
И злоключеніемъ другаго не гордится,
Ни счастіемъ другихъ не падаетъ она,
Всегда сама себѣ подобна и равна.
Нѣтъ нужды ей ни въ чемъ, ни въ чемъ нѣтъ недостатку,
Всегда довольна всѣмъ безъ всякаго упадку.
Сверхъ добродѣтели еще другихъ хотѣть—

Есть то же самое, что ужъ давно имѣть.
То можетъ счастіемъ едино лишь назваться,
Что можетъ всякому отъ Вышней власти даться.
Намъ должно для того объ ономъ разсуждать,
Чтобъ наконецъ его дѣйствительно узнать,
И сладостью его для той причины льститься,
Чтобы дѣйствительно имъ послѣ насладиться.
Злой—нищъ среди богатствъ, и слѣпъ, хотя философъ,
Не можетъ до его достигнуть въ вѣкъ плодовъ:
Но добрый безъ труда до счастья достигаетъ.

Б. Письмо къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи (1756) (3).

Имѣемъ отъ младыхъ ногтей мы свѣтъ природный,
Который насъ ведетъ на путь блаженству сродный;
Имѣемъ сѣмена естественныхъ добротъ,
Которы дать могли бъ плоды своихъ красотъ:
Но вредные людей испорченныхъ примѣры
И въ ложныхъ мнѣніяхъ погрязши лицемѣры,
Природу нѣжную младенческихъ умовъ,
Доброту красную естественныхъ даровъ
Въ противну сторону напрасно преклоняютъ;
Гдѣ былъ бы красный цвѣтъ, тамъ терніе взращаютъ.
Какъ взрытая земля, что влагой смягчена,
Удобно внутрь себя пріемлетъ сѣмена,
Такъ ложны мнѣнія, въ младый умъ впечатлѣнны,
Не трудно могутъ быть надолго вкорененны.
Когда же пустится ихъ корень въ глубину,
И отрасли свои распуститъ въ ширину;
Когда съ годами вдругъ чрезъ возрастъ укрѣпится:
То скоро ли тогда сіе искоренится?
Блаженъ, кто получилъ родителей честныхъ,
Воспитанъ въ строгости обычаевъ святыхъ,
Издѣтства наученъ знать хвально что, безчестно
И къ честности кому теченіе извѣстно:
Сей радость есть отцовъ, надежда матерей,
Родства сей красота, и честь семьи своей!
Не игры на умѣ и не непостоянство,
Не вкусъ и щегольство, пирушки и убранство;
Но польза общества, потомства похвала,
Чтобъ вѣчность получить чрезъ славныя дѣла.
Таковъ былъ Александръ, въ свои младые годы,
Пока не покорилъ роскошные народы.
Побѣды славныя и тяжкіе труды,

Походы дальніе ученья суть плоды.
Таковъ былъ Сципіонъ для отчества любови:
Онъ въ жизни не жалѣлъ ни здравія, ни крови;
Но кто тому виной, что жизнь онъ презиралъ?
Родитель въ томъ его наставилъ, воспиталъ,
Опека добрая, прилежное ученье,
Примѣръ похвальныхъ дѣлъ, честное обхожденье,
Незараженное сообществомъ худымъ,
Все можетъ произвесть въ младенцахъ, что хотимъ,
Сіе и добрую природу утверждаетъ,
И склонную ко злу способно исправляетъ.
Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, продерзкими дѣлами
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?
Когда насильственно обидишь немощныхъ,
Безъ всякой жалости смотря на слезы ихъ;
Когда ихъ образомъ тѣснишь безчеловѣчнымъ:
То сынъ твой будетъ ли, то зря, мягкосердечнымъ?
Ты въ роскошахъ уснулъ, во сладостяхъ погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ.
За то же ремесло, за кое и отецъ,
Примается и сынъ, смотря на образецъ:
Купеческій сынокъ смышляетъ, какъ взять втрое,
Смекаетъ, какъ продать за цѣлое—гнилое;
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ.
Какъ язва, такъ примѣръ пороковъ переходитъ
И, заразивъ отцевъ, дѣтямъ болѣзнь наводитъ.

[1]) Поповскій, Николай Никитичъ, (р. 1730, ум. 1760), профессоръ краснорѣчія въ Московск. Университетѣ, получилъ образованіе въ духовныхъ училищахъ, а потомъ въ Акад. Н., гдѣ слушалъ лекціи Ломоносова и былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ его. Сочиненія его: Зима, эклога; Опытъ о человѣкѣ, Попа, пер. съ фран., (нап. 1757 г.); Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы (1754 г.); Рѣчь о пользѣ учрежденія Москов. Университета (1755 г.); Рѣчь въ день коронованія Императрицы Елисаветы (1756); Письмо къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ и о воспитаніи въ оныхъ юношества (1756); О воспитаніи дѣтей (Локка, переводъ неполный съ франц. 1759 г.); Оды Гораціевы и письмо его

о стихотворствѣ, пер. съ лат. (нап. 1801 г.).

[2]) „Опытъ о человѣкѣ, господина Попія, переведенъ съ французскаго языка Академіи Наукъ корректоромъ Николаемъ Поповскимъ 1754 года, издано 1757“. Изданіе 1791 г., напеч. въ Яссахъ, посвящено Потемкину. Переводъ Поповскаго пользовался въ свое время большимъ и совершенно справедливымъ уваженіемъ, какъ видно изъ письма Лом—ва къ Шувалову (1753, августа 23), отзыва Новикова въ Опытѣ историческаго словаря о рос. писателяхъ, Чистосердечнаго признанія Фонъ-Визина и другихъ свидѣтельствъ. Нѣкоторые стихи въ переводѣ Поповскаго измѣнены архіепископомъ московскимъ, Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ, и отличены въ печати болѣе крупнымъ шрифтомъ. (См. ст. Пекарскаго въ 16 № Библ. Зап. 1858 г.: „Переписка по поводу изданія Опыта о человѣкѣ“, стр. 489—491, и ст. Н. С. Тихонравова въ Р. Арх. 1872, №№ 7 и 8: „Исторія изданія Опыта о человѣкѣ“). „Опытъ о человѣкѣ“, дидактическая поэма Попа, явившаяся въ 1733 г., состоитъ изъ 4-хъ частей, или писемъ, разсматривающихъ человѣка въ отношеніи ко вселенной, къ нему самому, къ его счастію и къ обществу. Она излагаетъ особое воззрѣніе на міръ, называемое оптимизмомъ. Цѣль ея доказать, что въ мірѣ все благо; что между страстями и разумомъ нѣтъ противорѣчія, что любовь къ ближнему нераздѣльно связана съ любовью къ самому себѣ; что главнѣйшая наука человѣка—самопознаніе, и что счастіе есть плодъ добродѣтели. (Подробности см. въ статьѣ моей: „Карамзинъ какъ оптимистъ“, Отеч. Зап. 1858, № 1).

[3]) „Письмо о пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества къ И. И. Шувалову, при заведеніи Московскаго Университета, 1756 г.“ Напеч. уже по смерти Поповскаго, въ „Живописцѣ, еженедѣльномъ на 1772 г. сочиненіи“ (Новикова). Поповскій, исчисляя разные роды суетной славы, видитъ истинную славу въ любви къ наукамъ и приложеніи ихъ къ русскому воспитанію; потомъ указываетъ на идеалъ семейнаго воспитанія и на пороки, которые чаще въ немъ встрѣчаются; наконецъ прославляетъ Шувалова за его заботливость о исправленіи небрежнаго родительскаго надзора надъ дѣтьми.

XXXIII.

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769—74 гг. (1).

А. Всякая Всячина 1769—70 (2).

Государь мой! не болѣе года, какъ я, оставя деревню, въ которой родился и воспитанъ, сюда пріѣхалъ. Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первыя лѣта мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ, да и никакого другаго города до нынѣшняго времени не видывалъ. Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, которая люби-

ла меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячекъ нашего прихода) жаловаться, то онъ ихъ отгонялъ плетью и бранилъ, что они осмѣливалися просить на своего боярина. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня. И такъ не удивительно, что учитель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отважился меня бранить, то я, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и они говорили мнѣ, гладя по головѣ и утирая слезы: плюнь на него, другъ мой! не слушай его; этакій отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына.

Такимъ образомъ достигъ я тринадцатаго года, и хотя учитель мой, дьячекъ, былъ у меня четыре года, однако съ нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы. Со всѣмъ тѣмъ бабушка моя дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобы взять для меня учителя француза, дабы я могъ показаться такъ, какъ должно благородному дворянину. Предложеніе сіе ей не полюбилось и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказывала, басурману. Но усиленныя просьбы отца моего убѣдили наконецъ ее склониться на его желаніе съ тѣмъ, когда я самъ на то соглашусь. Для сея причины призвали меня и спрашивали, имѣю ли къ тому охоту; но я, не обинуяся, сказалъ, что никогда тому не бывать, и немедленно убѣжалъ. Отвѣтъ мой подтвердилъ бабушку въ ея мнѣніи. И такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя съ слугами въ карты, къ которымъ съ малыхъ лѣтъ великую имѣлъ склонность. Между тѣмъ отецъ мой не переставалъ скучать ей, чтобы нанять для меня учителя; также и ласкалъ и меня, уговаривая склониться на то. Наконецъ разными обѣщаніями удалось ему преодолѣть мое упорство, и я самъ началъ о томъ бабушку просить. Отецъ мой не пропустилъ сего добраго случая и тотчасъ отписалъ въ Москву къ своимъ пріятелямъ прислати къ намъ одного, который чрезъ короткое время и пріѣхалъ. Онъ былъ французъ, родомъ изъ Коліура, французскаго города, въ графствѣ Русиліонскомъ (а), человѣкъ лѣтъ сорока и изрядныхъ качествъ. Отецъ мой весьма радовался его пріѣзду;

(а) Прежде французская провинція, составляющая теперь часть департамента Верхнихъ Пиренеевъ, гдѣ и городъ Collioure.

но бабушка, матушка и я не очень тѣмъ веселились. Скоро началъ онъ оказывать свое искусство, давъ мнѣ учить прежде азбуку. Два или три дни были мы съ нимъ добрые пріятели. Азбука стала мнѣ становиться скучна; а онъ, видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день, какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, ударилъ меня линейкой по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику. Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и переломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами. Онѣ бранили бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на него, и если бъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, который всегда держалъ его сторону, то бъ конечно выцарапали ему глаза. Ахъ, проклятый, кричала бубушка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома! пора тебя и съ заступщикомъ твоимъ повѣсить. Потомъ принужденъ былъ отецъ мой, сколько о томъ ни жалѣлъ, отпустить его: ибо они ни на минуту ему покоя не давали, пока онъ на то не согласился (3).

———

Поѣхалъ я однажды къ другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ. Она на тотъ часъ сошла въ дѣтскую. Какъ я въ домѣ очень знакомъ, и я туда же пошелъ и увидѣлъ ее посреди четырехъ людей. Самый маленькій заплакалъ и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворялась, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей: она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старался крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало; мать ему велѣла плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотыкнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что съ одной стороны дозволяешь мамѣ поваживать сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать притомъ, будто няня досадила ему; въ самомъ же дѣлѣ его обманываютъ. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? и не искореняетъ ли все сіе въ самой нѣжной молодости въ сынѣ твоемъ милосердія и основаній справедливости, когда съ другой стороны ты сама другаго сына учишь мщенію и велишь бить и топтать мѣсто, гдѣ онъ зацѣпился? Она мнѣ на это отвѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто то же и съ тобою и со мною не было.

Какъ же инако съ ребятами быть? Я старался ей доказать, что и она и я лучше бы были, если бы съ нами инако обходились, и что намъ весьма трудно было отстать отъ дурныхъ и суровыхъ привычекъ, а еще труднѣе основать свои ежедневные поступки на самой истинѣ. Оконча я сіи слова, услышалъ визгъ собаки. Я оглянулся и видѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ. Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ матери: ты сдѣлаешь изъ дѣтей тирановъ, если ихъ не повадишь миловать ни людей, ни звѣрей: я, право, мужу скажу; и вышелъ вонъ, захлопнувъ дверь. Пришедши домой, я написалъ слѣдующее, дабы барыню отпугать отъ подобнаго воспитанія, показавъ ей слѣдствія, коимъ она по степенямъ дѣтей своихъ подвергаетъ. Суровость есть страсть безчеловѣчная, коя заключаетъ въ себѣ строгость, жестокость для другихъ, немилосердіе, мщеніе, скверное удовольствіе дѣлати зло съ безчувственнымъ сердцемъ или находить веселіе бѣса въ страданіи другаго. Сей омерзенія достойный порокъ происходитъ отъ привычки, коя производитъ подлость души и трусость; сія—тиранство съ истребленіемъ естественной чувствительности. Привычка видѣти ужасъ мученій и другихъ безчеловѣчныхъ позорищъ, повадка проливати кровь звѣрей, дурные примѣры другихъ производятъ наконецъ жестокосердіе, къ коему поваживаются съ ребячества уже, когда матери и хожатые таковы умны, какъ вышеописанная (4).

Б. Трутень (1769—1770) (5).

1. Рецептъ для его Превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за пять сотъ лѣтъ доказать не могутъ, а которые сдѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь, ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою; или, лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ кото-

ромъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила она его тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желалъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ, о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехъ сотъ милліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася: философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва, едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ расписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилаго сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ его превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ; а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради того онъ старается не чрезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпные домы, экипажи и ливрею, не смотря, что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излѣченія г. Недоума отъ горячки

Рецептъ:

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальняе бѣднымъ быть дворяниномъ или мѣщаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ.

2. Смѣющійся Демокритъ.

Ба! это тотъ въ изорванномъ идетъ лохмотьѣ скупяга, который

во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть, умираетъ съ голоду и холоду; который подчиненныхъ ему слугъ пріучаетъ ѣсть для жизни, то есть сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ; который беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился; который наложилъ на себя и на прочую дворовую его скотину постъ во весь годъ; который зимою поднажды въ недѣлю топитъ печь въ своей лачугѣ; который радъ продать самого себя за гривну и который накопилъ сорокъ тысячъ рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому племяннику, тому семнадцатилѣтнему скверинавцу, который скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю; который самъ у себя крадетъ деньги и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и который во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно это Мотъ? такъ, онъ и есть. О! этотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки, но вмѣсто того зараженъ другими не лучше тѣхъ. Батюшка его беззаконно собиралъ деньги, а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой его родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, что бы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ того, Мотъ то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади, а сей держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, для того, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить экипажѣ. Тотъ двадцать лѣтъ таскалъ одинъ кафтанишка, а Моту и въ одинъ годъ двадцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и разореніемъ безпомощныхъ собралъ себѣ великія сокровища, а Мотъ, разоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки и обоимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще кавалеръ, достойный смѣха. Это Надменъ. Онъ имѣетъ знатный чинъ, великій достатокъ и малый умъ: ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. Надменъ не говоритъ ни съ кѣмъ ласково за тѣмъ, что не хочетъ себя до того унизить. Милостей никому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его искали покровительства, но подъ оное никого почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сію милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничего бы не выигралъ, ибо Надменъ кого больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заклю-

ченіе, Надменъ всѣхъ глупяе, а думаетъ, что всѣ его глупяе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться? Ха! ха! ха!

Это кто такъ прытко скачетъ? ба! Плохъ. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ ни наесть знатномъ домѣ. Плохъ тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры и, ничего не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничего не понимаетъ; ходитъ въ театръ, критикуетъ актеровъ и, по наслышкѣ затвердя, споритъ: этотъ актеръ хорошъ, а этотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы и старается говорить острыя слова, но всегда не кстати: словомъ, Плохъ старается себя увѣрить, что поступки его разумны; однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церкви, раздаетъ по полушечкѣ бѣднымъ, его окружающимъ, и считаетъ оныя по четкамъ. Идучи, читаетъ молитвы; отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, чтобы конечно оба ихъ исткнулъ, ежели бы они его соблазнили. Ханжа грѣшитъ поминутно, но показываетъ себя праведникомъ, идущимъ по пути, устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты не мѣшаютъ ему разорять и утѣснять, сколько возможно, подобныхъ себѣ. Ханжа грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни однажды ни котораго не успѣлъ сдѣлать. Ханжа ходитъ всегда смиренно и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, за тѣмъ что не надѣется обмануть тамъ живущихъ, но, смотря на землю, обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Я вижу двухъ человѣкъ: одинъ другаго увѣряетъ въ своей дружбѣ и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ его поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Вотъ г. Кривотолковъ: онъ торопится сдѣлать досаду одному бумагомарателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По несчастію онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха!

В. Живописецъ (1772) (6).

1. Неизвѣстному Г. Сочинителю комедіи: О время! приписаніе (7).

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія бла-

годарности. Ваша комедія: „О время!“ троекратно представлена была на императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый, съ такимъ искусствомъ и остротою, заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы, во представленіи вашей комедіи оказанной. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру, взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только однимъ перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто скрываете свое имя,—имя всеобщія достойное благодарности? я никакой не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя только жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ нашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда ко счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода владычествуетъ нами премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чего же осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя? ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы

открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили (а) меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той силы и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Естьли жъ буду имѣть успѣхи въ моемъ предпріятіи и естьли листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки; а я останусь навсегда

вашимъ почитателемъ,

С. Живописца (б).

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій; но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впрочемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 12 дня 1772 года.

2. Изъ писемъ Щеголихи (в).

Mon coeur, Живописецъ!

Ты, радость, *безпримѣрный* авторъ. По *чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ;* читая твои листы (г), я *безподобно утѣшаюсь,* какъ все у тебя *славно:* слогъ *разстеганъ,* мысли *прыгающи.* По *чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ; клянусь,* что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи.* Да и нельзя не такъ: ты *не грустенъ, шутишь славно,* и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть* какъ прекрасны твои листы! Но сказать, *вокругъ насъ,* ты много долженъ мнѣ: *уморить ли, радость?* Вѣдь мнѣніе-то *Щеголихино* (д) ты у меня подтяпалъ: ха! ха! ха! *Клянусь:* спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ—они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала, но это ничего не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всего ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь,* а особливо когда говорилъ о наукахъ: ты это такъ *славно прокричалъ!* — Чортъ меня возьми! *какъ книга.* А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію (е), одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ. — Куда какъ много онъ выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ *расхохочутся до смерти:* анъ, право, никто изъ нашихъ сестеръ и учтивыхъ мужчинъ и не улыбнулся, а смѣялись только....

а) Поощрили.

б) Сочинитель Живописца.

в) Слова, напечатанныя курсивомъ, были въ ходу у тогдашнихъ щеголихъ.

г) Живописецъ выходилъ листами.

д) Помѣщено въ 4-мъ листѣ Живописца.

е) Именины г-жи Ворчалкиной, гдѣ выведена модная дѣвица Олимпіада.

Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. *Ужесть какъ славно* онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ:* совсѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его Дремовъ (а) никогда не выдетъ изъ дураковъ. Еслибъ узнала я этого автора, то *оттѣнила* бы сама его *безподобно*. Я *никакъ* на него не сердита: онъ меня *никакъ* не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его *никакъ* не могу терпѣть. Въ первой его комедіи (б) я и сама *до смерти захохоталась: ужесть какъ славно шпетилъ* онъ нашихъ бабушекъ; и эта комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на Именины* не ѣздить. Правда, ты и самъ *зацѣпился,* но это шуткою; а за шутки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и *безпримѣрно: ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ* въ 5 листѣ твоего Живописца (в). Ты *уморилъ* меня: точь въ точь *высказалъ* ты дражайшаго моего *папахина*. Какой это несносный человѣкъ! *Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ:* какой грубіянъ! Онъ и со мною хотѣлъ поступать такъ же, какъ съ мужиками; но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были — брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ этакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою,* а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди!* такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь. Ужесть какъ славны!* Суди, *душа моя,* по этому, въ какой была я школѣ: было чему научиться! По счастью скоро выдали меня замужъ: я пріѣхала въ Петербургъ, *подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза и выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ,* которой *посадили* мнѣ мои родители; поправила *опрокинутое мое понятіе,* научилась говорить, познакомилась съ *щеголями и щеголихами,* и сдѣлалась человѣкомъ.

P. S. Услужи, *радость,* мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливо книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря.* Ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только *не умори, радость,* напечатай его маленькой книжкою и *дай ему видъ;* а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили* (г).

а) Лицо въ той же комедіи, противоположное Фирлифюшкову.

б) „О Время“!

в) Отрывокъ путешествія въ*** П***

г) „Опытъ моднаго Словаря щегольскаго нарѣчія“ въ 10-мъ листѣ объ-

Сыну моему Ѳалалею (а).

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя, проклятаго, училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ, окаянному, въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать (б). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались!.. Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ: меня Богъ и Государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ. Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ бы я далъ тебѣ знать себя. Я бы и ея не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынче время военное (в): неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копейку. Есть пословица: Богу молись да самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Что тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты зато поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частехонько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть ды-

---

ясняетъ значеніе словъ: *ахъ! безподобно и безпримѣрно, болванчикъ.*

а) Всѣ три письма любопытны, какъ яркія изображенія той среды, гдѣ жили и дѣйствовали люди, подобные Простаковой, Простакову, Скотинину (въ Недорослѣ).

б) „Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну" (15-й листъ Живописца).

в) Первая турецкая война при Екатеринѣ II.

шатъ; у кого руки перестрѣлены, у кого ноги, у иного голова, такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка неубогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ чѣмъ жить опричь невѣстина приданаго: я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна. То-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай Да полно, что тебя учить: ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не то же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся; вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, мой другъ, Богу, ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ нездорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ особоровалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я этого и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшко, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу, живы; авось таки, который нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ эдакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовал-

ся, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшка, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ; какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею; много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну да какъ безъ этого? живучи столько вмѣстѣ, и горшокъ съ горшкомъ столкнется: какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива: такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою: мы хоть и дрались съ нею, да все таки живемъ вмѣстѣ, и мнѣ ее теперь право жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? ну кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки: такъ вѣдь бы онъ тебя изуродовалъ пуще божьяго милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка: норовокъ-атъ у него, прости, Господи, чертовскій; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ! отдай письмо его напечатать! вѣдь ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцемъ ругается. Да полно вѣдь, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ? Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что нибудь, вѣдь это не какой грѣхъ, не чужаго будешь обманывать; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцемъ не солгать? Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постели; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣдь у меня одинъ одинехонекъ, какъ синій порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣдь для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-атъ те-

бѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское; какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши; я это сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-то всегда таковы: только что брюзжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ-за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое любезное, свѣтъ мой умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ эдакимъ чертомъ, прости Господи, сдѣлаешь! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на тебя насмотрѣться; сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой; благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой: не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу, отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье; и желаю тебѣ многолѣтняго здравія и всякаго благополучія.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускѣ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и батюшка твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь чай ужъ и не говоритъ: и при мнѣ-то такъ ужъ черезъ мочь говорила. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ, да Фарсульской (а) Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣе стала! Оставила на поминъ души такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ: какъ жаръ вызолочены; а эта братъ Неопалима подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и

а) Корсунской.

умреть, такъ ужъ по-христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти ее. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! Вѣдь матушка твоя скончалась, поминай, какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ всегда бываетъ такъ: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, а какъ умерла, такъ плачетъ. Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не надолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе Петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удавалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремеевичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками три тысячи далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору... Не житье имъ, масляница. Я-быста и самъ не побрезговалъ пойти въ этакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни все тѣ же деньги, только умѣй концы хоронить. Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ Царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ на-

чался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Не ужъ-то всѣхъ станутъ вѣшать? Въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Я и самъ попался было однажды подъ судъ; однако дѣло-то шло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато: неровно кому попадется въ руки, такъ напляшешься до-сыта. При семъ въ ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай***

[1]) Русскіе журналы 1769—74 гг. отличаются по преимуществу направленіемъ сатирическимъ. Предметъ и значеніе ихъ сатиры объяснены въ Ист. Рус. Слов. Здѣсь же исчислимъ главнѣйшія періодическія изданія, которыя состояли въ близкомъ соотношеніи съ современною имъ литературною дѣятельностью вообще и вмѣстѣ отражали въ себѣ то самое, на что обращено было вниманіе просвѣщенной правительственной среды. Съ 1769 по 1774 г. выходили слѣдующіе журналы: „Всякая Всячина“, издатель Григорій Козицкій (1769—70), „Трутень“, изд. Николай Новиковъ (1769—70), „Смѣсь“, изд. неизвѣст. (1769), „Адская Почта“, изд. Ѳедоръ Эминъ (1769), „Полезное съ пріятнымъ“, при Сухоп. шляхет. корпусѣ (1769), „И то и се“, изд. Михайло Чулковъ (1769), „Ни то ни се“, изд. Василій Рубанъ (1769), „Поденьщина“, изд. Василій Тузовъ (1769), „Парнасскій Щепетильникъ“, изд. М. Чулковъ (1770), „Пустомеля“, изд. неизвѣстенъ (1770), „Трудолюбивый Муравей“, изд. Рубанъ (1771), „Живописецъ“, изд. Н. Новиковъ (1772), „Вечера“, изд. неизвѣст. (1772—73), „Мешенина“, изд. неизвѣстенъ (1773) „Кошелекъ“, изд. Н. Новиковъ (1774). Сатирическое направленіе журналистики продолжалось и послѣ 1774 г., хотя въ меньшей степени, въ „Разскащикѣ забавныхъ басенъ“ (1781), „Собесѣдникѣ Любителей Рос. Слова“ (1783—84 г.), „Почтѣ духовъ“ (1789), „Зрителѣ“ (1792) и пр. Послѣдніе два журнала издавались И. А. Крыловымъ. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г., А. Н. Аѳанасьева, 1859. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—82 гг. А. Н. Неустроева. 1874.

[2]) „Всякая Всячина“ издавалась Козицкимъ еженедѣльно листами. Первый листъ ея вышелъ съ такимъ объявленіемъ: „Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующіе впредь изволь покупать“. Въ обращеніи „къ читателю“ указаны характеръ и цѣль журнала: „Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка. Иногда дамъ вамъ полезныя наставленія; иногда будете смѣяться; будутъ и такія времена, въ которыя ожидаю отъ васъ удивленія, также и попреканій“. Яснѣе раскрыта задача журнала въ „концѣ“ его (стр. 551): „Я хотѣлъ показать—первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, кто умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третье—говорить Русскимъ о Русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній чужестранныхъ, коихъ они не знаютъ, слѣдов. не могутъ найти забавы въ нихъ; а гдѣ забавы нѣтъ, тутъ обыкновенно скука недалека, а гдѣ скука есть—тутъ для пріема наставле-

ній расположеніе не весьма способное. Я думаю, что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего третьяго правила, чтобъ Русскимъ представлять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ; ибо маркизъ на русскомъ ѳеатрѣ уши деретъ, а ко свадебному контракту тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться: незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые. Я нахожу вкусъ тетушкинъ со здравымъ разсудкомъ схожій, и для того съ нею согласенъ". Несмотря на всю законность этого правила, Всякая Всячина многое переводила изъ иностранныхъ періодическихъ изданій: Зрителя особенно, Новаго Ментора, Мизантропа и Болтуна. Объ издателѣ Всякой Всячины, который воспитывался въ Кіевской Академіи и потомъ путешествовалъ по Европѣ, Новиковъ, въ „Опытѣ истор. словаря о рос. писателяхъ", отзывается какъ о человѣкѣ съ здравымъ смысломъ, великаго просвѣщенія и совершенно искуснымъ въ славян., греч., лат., франц. и нѣм. языкахъ. Оставшіяся отъ 1769 г. статьи заставили Козицкаго продолжать и въ 1770 г. свое изданіе, которое онъ назвалъ „Барышекъ Всякія Всячины".

[3]) и [4]) Вѣрное описаніе стариннаго воспитанія, художественно представленнаго въ Недорослѣ. Гр. Сологубъ, разсказывая о воспитаніи Василья Ивановича (въ Тарантасѣ), видимо подражалъ этой статьѣ Всякой Всячины.

[5]) „Трутень", еженедѣльное изданіе на 1769 г.", названное такъ въ противоположность Трудолюбивой Пчелѣ, Сумарокова. Издатель его, Новиковъ, объясняетъ въ Предисловіи назначеніе журнала: „Самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало, а буду издавать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма, сочиненія и переводы, въ прозѣ и стихахъ, а особливо сатирическія, критическія и прочія, ко исправленію нравовъ служащія; ибо таковыя сочиненія исправленіемъ нравовъ приносятъ великую пользу, а сіе-то и есть мое намѣреніе". Въ „Письмѣ къ Издателю" (ст. 225) сказано, что сатиры на порочныхъ есть зеркало всѣмъ достойнымъ осмѣянія лицамъ и что чтеніе такихъ сатиръ приноситъ удовольствіе добродѣтельнымъ гражданамъ: ибо они, видя порочныхъ критикуемыхъ, надъ оными превозносятся мысленно не пышными титлами и богатствомъ, но добродѣтельными поступками". Трутень имѣлъ большой успѣхъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе и многія статьи его перепечатаны впослѣдствіи въ „Живописцѣ". Третье изд. П. А. Ефремова вышло въ 1865 г.

[6]) „Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе"—лучшій изъ сатирическихъ журналовъ 1769—74 гг., какъ по важности предметовъ, подвергавшихся обличенію, такъ и по силѣ самаго обличенія. Онъ имѣлъ семь изданій; послѣднее въ 1864 г.

[7]) Вотъ полный отвѣтъ Екатерины II на это посвященіе: „Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія: „О время!" таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той чести, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочиненіи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи, слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ, къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни жела-

ній не имѣю. Пишу я для собственной своей забавы, и если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награжденъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать ихъ болѣ не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи комедіи, что для меня самого было бы комедіею, а прибыли въ томъ никому нѣтъ, Карпомъ ли или Сидоромъ меня зовутъ. Итакъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое примѣчаніе на недавно сочиненную мною комедію, названную „Именины г-жи Ворчалкиной". Дошло до меня, что нѣкоторые критики за непристойно поставляютъ, что г-нъ Фирлифюшковъ, за безстыдное словонесдержаніе, наказанъ палкою. Говорятъ они, что „какъ дескать дворянина за безчестное дѣло бить палкою". Я не стану приводить здѣсь, бывало ль такое гдѣ нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять поступокъ г-на Геркулова. Онъ дѣйствительно въ обыкновенномъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое Уложеніе. Въ немъ гг. критики найдутъ, чему за неудержаніе слова и за бездѣльство люди подвергаются. Еще остается мнѣ отвѣтствовать вамъ на вашу просьбу. Вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія-нибудь мои сочиненія. Сіе съ охотою впредь я исполню и сожалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось: ибо я цѣлые пять мѣсяцевъ занятъ былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на театръ, а прочія туда же въ походъ собираются. Я впрочемъ есмь, государь мой, вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи: „О Время!" (Живописецъ, 40—51).

XXXIV.

КУРГАНОВЪ (1).

ПИСЬМОВНИКЪ (1769) (2).

А. Краткія замысловатыя повѣсти.

Молодой звѣздочетъ, будучи въ бесѣдѣ, увѣрялъ, что солнце, а не земля обращается, и хотя выдти. Тогда одинъ шутникъ ему сказалъ: пожалуй, побудьте съ нами немного; я хочу доказать противное вашему мнѣнію. Знаете ли, что солнце оживотворяетъ, грѣетъ и печетъ все на земли. Правда, отвѣчалъ на то звѣздарь. Такъ видно, продолжалъ шутъ, что не солнце, а земля вертится; ибо когда жарятъ птицъ, тогда вертятъ ихъ, а не очагъ. Это правда подобно, сказалъ другой, но весьма далеко отъ мнѣнія многихъ великихъ мужей и отъ истины, и я знаю многихъ писателей, кои разумно утверждаются на

томъ мнѣніи. Можетъ статься, отвѣчалъ шутъ. Да вѣришь ли, что правда въ винѣ?—Слыхалъ.— Хорошо, такъ напейся же до-пьяна, тогда увидишь, что земля, а не солнце вертится. То же доказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили между собою во жару.
Одинъ твердилъ: земля, вертясь кругъ солнца, ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ:
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ, что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простяка изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова? (а)

Велезрячій, идучи вмѣстѣ на охоту съ кривымъ, молвилъ оному: сказываютъ, что ты болѣе, нежели я, ловишь. Правда, отвѣчалъ кривой; понеже я больше тебя вижу. Нельзя статься, сказалъ другой. А кривой ему: о чемъ ты ни изволишь биться, я выиграю, потому что я у тебя вижу два глаза, а ты у меня одинъ.

Стряпчій, очень гнуснаго виду и весьма курносъ, не могъ почти окончать своимъ чтеніемъ одного дѣла въ судѣ. Тогда совѣтникъ, имѣющій сановитый носъ, сказалъ: нѣтъ ли у кого очковъ для сего господина? Но онъ, осердясь на то, отвѣчалъ: да пожалуйте, сударь, уже ссудите меня и вашимъ носомъ.

Въ нѣкоей бесѣдѣ говорили, что докторы ни къ чему годны. Тогда одинъ стряпчій сказалъ: неправда, они по крайней мѣрѣ надобны для убавки многолюдства. Но я, не защищая себя, скажу, врачъ молвилъ, что на меня никто не жалуется. Статься можетъ, повторилъ сутяга; ибо ты своихъ соперниковъ отправилъ на тотъ свѣтъ (б).

Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла къ вечернѣ, и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась; тогда она возгласила: подносите внучкѣ, а я болѣе не стану.

Трое, идучи за старикомъ, захотѣли ему посмѣяться; и такъ 1-й говорилъ: это праотецъ Авраамъ; 2-й, нѣтъ, это Исаакъ; 3-й, никакъ, это Іаковъ. Тогда старикъ сказалъ: всѣ вы меня не знаете; азъ есмь Саулъ, ищу ословъ отца моего и, нашедъ ихъ здѣсь, оставляю.

Подъячій, при допросѣ нѣкоего раскольника, говорилъ: буде у тебя совѣсть столь велика, какъ твоя борода, такъ сказывай правду. Государь мой, отвѣчалъ суе-

---

а) Стихъ Лом—ова, изъ его „Разсужденія о явленіи Венеры на солнцѣ“.

б) У. И. Дмитріева есть эпиграмма на такого же лѣкаря: „Мнѣ лекарь говорилъ“...

вѣръ: ежели вы совѣсти бородами измѣряете, то видно вы безсовѣстны, для того, что голобороды.

У умирающей жены спрашивалъ мужъ, на комъ онъ женится. Она отвѣчала: на чортовой матери. А онъ: нѣтъ сіе противно закону, я теперь женатъ на ея дочери.

Одноглазый, вставъ рано, пошелъ въ поле и на пути встрѣтился съ горбатымъ, котораго онъ поздравя съ добрымъ утромъ, сказалъ насмѣхаясь: рано ты поднялся съ ношей. Правда, отвѣчалъ горбатый: я нагрузился прежде, нежели у тебя еще одно окно было отворено.

Во время обѣда нѣкто, захотя посмѣяться надъ шутомъ, стоящимъ по другую сторону стола, спросилъ его: какая есть разность между тобою и дуракомъ? Шутъ отвѣтствовалъ: только столъ.

Французъ, захотя посмѣяться Русаку, пріѣзжему въ Парижъ, спросилъ: что такое значитъ параболъ, фариболъ и оболъ? Но тотъ вскорѣ ему отвѣчалъ: параболъ есть то, что ты не разумѣешь; фариболъ, то, что ты говоришь; а оболъ, чего ты стоишь (а).

Никакой народъ не получаетъ столько именъ при крещеніи, какъ испанцы. Случилось одному испанцу, пришедшему ночью въ сильный дождь, который его пробилъ до кожи, въ корчмѣ просить ночлега и стучаться у воротъ.

а) Параболъ — притча: фариболъ — вздорная, пустая рѣчь; оболъ—мелкая монета.

Тогда хозяинъ, вставъ, спросилъ: кто? А онъ отвѣчалъ: Донъ-Санхо, Альфонсъ, Рамиръ, Педро, Карлосъ, Францискъ, Доминикъ, Стунига, и пр. Хозяинъ, имѣя у себя только одну порожнюю постелю, отвѣчалъ грубо, что у него для такой ватаги ночлега нѣтъ, и опять легъ спать, а тотъ глупецъ принужденъ брести до другой корчмы.

Попъ, на заутрени примѣтя одного, весьма дремлющаго богомольца и двухъ госпожъ, по близости его очень громко разговаривающихъ, сказалъ: боярыни, пожалуйста не разбудите сего господина.

Къ забавному бѣдняку пришли ночною порою воры; тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу.

Шляхтичъ, собравшись ѣхать рано на охоту, приказалъ слугѣ разбудить себя въ 6 часовъ. Слуга, вставши за часъ, увидѣлъ боярина своего еще спящимъ и, разбудя его, сказалъ: извольте, сударь, поскорѣе выспаться, уже одинъ только часъ вамъ опочивать остался.

Матроса, идущаго на корабль, отправляющійся въ Остъ-Индію, спросилъ философъ: постой, братецъ, скажи мнѣ, гдѣ твой отецъ умеръ? Въ потопленіи корабля... А дѣдъ? Потонулъ же, ловя рыбу въ бурную погоду... А прадѣдъ? Также пропалъ съ кораблемъ...

Какъ же ты смѣешь вдаваться морю, вѣдая, что всѣ твои предки тамъ погибли? это признакъ безразсудной отваги. Г. мудрецъ, отвѣчалъ матросъ, какъ то ни есть, однако и я имѣю столько же причинъ: пожалуй скажите, какъ ваши предки преставились? „Весьма блаженно на своихъ перинахъ!“ Ахъ! для чего же вы не боитесь ложиться на вашъ одръ?

Нѣкая госпожа, безпокойная въ своемъ болтаніи, спросила лѣкаря, отъ чего у ней зубы падаютъ. Онъ ей на то: отъ того, сударыня, что ты ихъ часто своимъ языкомъ колотить изволишь.

Талесъ мудрецъ, на вопросъ, сколько далеко отстоитъ правда отъ лжи, отвѣчалъ: какъ глаза отъ ушей, т. е. гораздо то вѣрнѣе, что видимъ, нежели что слышимъ.

Старикъ говорилъ: когда дѣти бываютъ остроумны въ юношествѣ, то подъ старость дѣлаются великими глупцами. А ему на то сказали: ежели это правда, то ты былъ младенцемъ превосходный разумникъ.

Нѣкто, насмѣхаясь одной госпожѣ, которая оказывалась ложною знатностію и высокорѣчіемъ, сказалъ при ней своему слугѣ: господинъ мой лакей! доложи господину моему кучеру, чтобъ онъ изволилъ господъ моихъ лошадей заложить въ госпожу мою карету.

Одинъ судья назвалъ своего секретаря: экой ты дуракъ. Тотъ, оборотясь, молвилъ: это правда, сударь, я тоже хочу сказать.

Курносый богачъ подалъ нищему полушку. Сохрани Богъ ваше зрѣніе, сказалъ бѣдный. Но скупецъ спросилъ его о причинѣ сея молитвы. Для того, отвѣчалъ онъ, когда притупѣютъ ваши глаза, то вамъ уже нельзя будетъ носить очковъ.

Портной, кроя себѣ платье и употребя сукна больше надлежащаго, сказалъ своей женѣ, вопрошающей о причинѣ, чтобъ не потерять доброй моей привычки въ надлежащемъ воровствѣ.

Одинъ мудрецъ, будучи вопрошенъ, для чего онъ не членомъ такого-то училища, отвѣчалъ: мнѣ, какъ Катону, сей вопросъ пріятенъ, котораго спросили, для чего ему не поставятъ статуй? отвѣчалъ: для меня сіе честнѣе, нежели спросили бы, для чего поставлены.

Б. Достопамятныя рѣчи.

Четыре вещи лишаютъ человѣка разсужденія: любовь, сребролюбіе, гнѣвъ и пьянство.

Три вещи Богу и людямъ весьма ненавистныя: нищъ гордъ, богатъ скупъ и лживъ, старъ прелюбодѣй.

Четыре вещи человѣка приводятъ въ убожество: роскошь, лакомство, лѣность и вражда.

Четыре дѣйствія приличныя тиранамъ: добрыхъ разорять, убогихъ ненавидѣть, злыхъ возвышать и добродѣтель опровергать.

Четыре вещи скрыты быть не могутъ: любовь, кашель, огонь и печаль.

Знаки надменна человѣка: гордости и свирѣпства онъ сынъ, во

устахъ имѣетъ всегда угрозы и досады, косой взглядъ и нахмуренную бровь.

Три ласточки (звѣрька) живутъ собачій вѣкъ; три собаки лошадиный; три лошади человѣчій; три вѣка человѣчья равняются одному оленьему; трехъ оленей воронову; три ворона живутъ время несмѣтное.

Для снисканія мудрости, не надобно лишно ѣсть, ни лишно спать, ни лишно пить и ни лишно говорить. Притомъ должно признавать единаго Бога, обуздать свой языкъ, укрощать свой гнѣвъ, снискивать науки, быть тверду въ своемъ законѣ, знаться съ добрыми, сносить порокъ ближняго, вспомогать бѣднымъ и ожидать вѣчность въ награжденіе.

В. Опредѣленія и сравненія или уподобленія.

Душа и тѣло суть два неразлучные непріятеля, и два друга, всегда несогласные между собою. Великая фортуна есть великое порабощеніе. Молитвы праведныхъ подобны парамъ, кои, восходя къ небу, составляютъ облака и тамъ превращаются въ цѣлебную воду. Война есть искусство, показывающее намъ правила, какъ себя порядочно убивать. Зависть есть печаль о благополучіи другаго. Лѣность есть ржа разума. Храбрость есть бѣдственное ремесло: многіе люди для ея снисканія лишаются своей жизни. Лице есть нѣмой отголосокъ нашего сердца. Міръ есть великая книга, писана рукою Божіею; въ ней только три листа: небо, земля и море. Царскія дѣла подобны большимъ рѣкамъ, коихъ теченіе всякъ видитъ, а источника немногіе знаютъ. Загрубѣлость, или предувѣреніе, есть ядъ разсужденія. Въ высокой фортунѣ жить, какъ по стеклянному полу ходить. Привычка есть другая природа. Скупость есть бѣдность тюремная. Надежда есть сонъ бдящихъ людей. Совѣсть есть евангеліе сердца и гласъ благодати или зеркало суда Божія. Лесть, лицемѣріе есть ароматъ, увеселяющій всегда сердца, причиняя головную болѣзнь. Лошадь не бываетъ лучше отъ златой узды, ни дуракъ умнѣе отъ богатаго платья. Предусмотрѣніе есть мудрый душевный шпіонъ. Молчаніе есть маска невѣждества. Не знаю, что есть убѣжище невѣждества. Воинъ трусъ есть вооруженный мундиръ. Живопись и поэзія суть сестры: первая есть поэзія нѣмая, вторая есть живопись голосная. Не имѣть чтенія есть тщета разума, а излишество, какъ тѣла дебелость. Погрѣшности лѣкарскія суть ошибки смертельныя. Злагохвала есть хула. Любовь есть солнце сердца и глупая страсть. Дружба есть красная добродѣтель. Своенравство есть причина любви. Красота есть маловременная лучезарность, скороминуемое мученіе, письмо одобрительное, писанное на челѣ, читаемое всѣми, но онаго кредитъ непроченъ. Разумъ подобенъ рѣкѣ, имѣющей свой покой въ движеніи. Сундукъ безъ замка —

знакъ, что нѣтъ въ немъ сокровища; всегда открытый ротъ значитъ пустой мозгъ. Докторъ есть имя за урядъ: часто при гнусномъ кабакѣ бываетъ хорошая вывѣска. Невѣжды подобны Самаритянкѣ, коя, будучи близъ боевыхъ часовъ, а не знаетъ который часъ. Фортуна есть великіе господа, кои болѣе любятъ оказывать щедрость, нежели платить свои долги. Нашъ разумъ есть всевидящее око, кромѣ себя, развѣ чрезъ отраженіе въ зеркалѣ. Буря на морѣ есть наука мореплавателямъ, печаль есть школа отважностей. Слава по смерти, какъ добрый вѣтръ послѣ потопленія корабля. Секретъ есть сокровище, кое вполовину открыто, когда знаютъ, что оно скрыто. Слава человѣческая подобна его тѣни, коя бываетъ иногда больше, иногда меньше его росту. Поклоны суть пріятная мечта, бывающая средствомъ обмана. Наука есть ясное познаніе истины, просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градовъ, полковъ крѣпость, утѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безотлучный спутникъ. Книга есть лучшій другъ: она не открываетъ нашихъ таинствъ и научаетъ мудрости.

Г. Хорошія мнѣнія.

Знатность больше отъ счастія, нежели отъ породы зависитъ. Нѣсть честенъ пророкъ во отечествѣ. Въ тщеславномъ человѣкѣ любовь и дружество непостоянны. Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія пріятна. Хорошая ложь бываетъ утѣшнѣе правды. Порода безъ достоинства мало сіятельна. Есть и на чорта громъ, который его убиваетъ. Обманъ и невѣжество нынѣ дорого покупаются. У гордаго вельможи и туфли чинъ имѣютъ. Довольство часто бываетъ препоною воздержанія. Добродѣтельнымъ сердцамъ трусость неприлична, а осторожность необходимо потребна. Глупостію бѣдный приводитъ въ смѣхъ, а сильный въ слезы. Бѣдный больше другимъ, нежели себѣ пользы приноситъ. Кто живетъ всего надѣясь, тотъ умираетъ ничего не имѣя. Хитрый ласкатель повелителемъ своимъ повелѣваетъ. Чѣмъ далѣ отъ Юпитера, тѣмъ далѣ отъ его грому. Притворство есть большая для добродѣтели опасность. Многіе люди дѣлаются часто злыми, полагаясь на наружность честнаго человѣка. Кто породою хвалится, тотъ чужимъ хвастаетъ. Счастіе мудрыхъ боится, глупыхъ угнетаетъ. Тѣ не такъ боятся, коимъ страхъ ближе. Кто противнаго природѣ желаетъ, тотъ на самого Бога ропщетъ. Кто двухъ сторонъ держится, тотъ ни одной невѣренъ. Трудно оправдаться, у кого истецъ самъ судья. Съ совѣту многихъ не можно того сдѣлать, что должно, но то, что можно. Фортуна такъ дѣлаетъ, что комаръ льва побѣждаетъ. Если хитраго обманщика похвалить, то и самый простякъ его обманетъ. Почитающій отца возвеселится о своихъ дѣтяхъ.

Къ юношескимъ разумамъ не перья и крючья, но свинецъ и гири должно привязывать. Мудрость состоитъ не въ наказаніи за зло, но въ предохраненіи отъ зла. Голода ни въ чемъ уговорить не можно. Воину должно вдесятеро быть умнѣе другаго, потому что въ семъ ремеслѣ вдесятеро чаще можно обмануться, нежели въ другомъ. Старое вино, старая монета, старые друзья берутъ преимущество. Исторія полезнѣе романцовъ, а особливо съ нравоученіемъ; ибо пчелы не могутъ брать соку съ нарисованныхъ цвѣтовъ. Подлѣйшіе (а) люди бываютъ великими у Бога, какъ звѣзды, кои намъ кажутся малы за дальностію ихъ въ небѣ. Душевное украшеніе несравненно полезнѣе тѣлеснаго. Другъ — неземной рай, гдѣ росли плоды безъ нашего призрѣнія. Порода, чинъ, пѣть, играть, плясать, разноязычно говорить суть дарованія нули, къ коимъ надобны числа, дабы они что значили, то есть потребны тому прочія качества, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ. Не можно сыскать малыхъ погрѣшностей въ великихъ людяхъ: малѣйшія пятна суть велики, когда они видны на дорогихъ штофахъ. Иногда одно неосторожное слово все дѣло портитъ. Какъ дождь усмиряетъ вѣтръ, такъ слезы утишаютъ вздохи. Вельможи употребляютъ людей, какъ деньги, коихъ они цѣнятъ во что хотятъ; но мы принуждены принимать оныхъ по ихъ курсу, а не по истинной цѣнѣ. Честное убожество предпочтительно излишнему богатству. Правда сама собою побѣждаетъ, а мнѣніе черезъ другихъ. Великія библіотеки, какъ аптекарскія лавки, гдѣ есть ядъ и лѣкарство: добрыя и худыя книги. Укоряя порокъ, надобно стараться не злобить порочнаго. Въ корысти пропадаютъ всѣ добродѣтели, какъ рѣки въ морѣ. Предпочитающіе глупцовъ разумнымъ людямъ должны меньше дивиться солнцу, нежели затменіямъ. Только чистая совѣсть о добрыхъ дѣлахъ человѣка умирающаго утѣшить можетъ.

а) Самаго низкаго званія.

Д. Разговоръ между книжникомъ и мальчикомъ.

Юноша гулялъ по берегу рѣки и, встрѣтясь съ грамотеемъ, зѣло задумчивымъ, сказалъ ему: господинъ мудрецъ! отчего вы такъ задумчивы? Я думаю, отвѣчалъ книжникъ, о томъ, гдѣ можно найти новыхъ книгъ; ибо всѣ книги, сколько оныхъ ни есть, я прочелъ и знаю ихъ наизусть. М. Я хочу вамъ предложить нѣсколько вопросовъ: и ежели вы мнѣ ихъ рѣшите исправно, то я вамъ отдамъ мой Катехизисъ, вѣдая, что вы его еще не читали и долго не прочтете.. К., усмѣхнувшись, сказалъ ребенку: изволь спрашивать, мой другъ. Тогда М. началъ: г. философъ, скажите, какая есть лучшая вещь въ свѣтѣ? К. Вѣрный другъ. М. Нѣтъ, добрая совѣсть и того лучше. Какая есть первая Божія заповѣдь? К. Сія: да не будутъ тебѣ бози

иніи, развѣ Мене. М. Не та; ибо во-первыхъ, по сотвореніи Адама, запретилъ Богъ ему отъ древа добра и зла: не яждь. Кто ученѣйшій всѣхъ? К. Кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣтское житіе. М. Неправда: но кто читалъ только одну книгу, и довольно знаетъ себя. М. Кто же глупѣе всѣхъ? К., смѣясь, сказалъ: кто ничего не разумѣетъ. М. Никакъ, Г. К., а тотъ, кто хвалится всѣми науками. М. Какое есть лучшее упражненіе въ свѣтѣ? К. Философа. М. А то христіанина. А какая есть славнѣйшая добродѣтель? К. Военная храбрость. М. Но твердость мирнаго союза ее превосходитъ. Какое есть труднѣйшее знаніе? К. Хорошо управлять худымъ народомъ. М. Нѣтъ, знаніе управлять самимъ собою и того трудняе. Кто былъ славнѣйшій богачъ? К. Крезусъ. М. Удовольствіе и того богатѣе. Кто свободнѣйшій изъ человѣкъ? К. Самодержавный царь и побѣдитель всѣхъ своихъ непріятелей. М. А я слыхалъ, что тотъ, кто не имѣетъ страха, ни желанія, но покоряется Богу и разуму. Скажи пожалуй, Г. Ф., какой есть свирѣпѣйшій звѣрь въ свѣтѣ? К. Левъ. М. Нѣтъ, черви, снѣдающіе льва и людей. Какое есть пребольшое зеркало въ свѣтѣ? К. Солнце. М. Не погнѣвайтесь, г. мудрецъ, это око человѣческое; ибо въ немъ представляется не только солнце и луна, но и вся вселенная. К., устыдясь и сталъ краснѣть, сказалъ: слушай, мальчикъ! скажи мнѣ, кто тебя научилъ такой мудрости? М. Мой отецъ и мать. К. Какъ ихъ зовутъ? М. Отецъ мой называется правда, а мать простота.

Книжникъ, захотѣвъ его пристыдить самого, сказалъ: изрядно, другъ мой, и я тебя также хочу нѣчто спросить; и ежели ты въ состояніи будешь на то исправно отвѣчать, то я отдамъ тебѣ всѣ мои книги. Я готовъ, извольте, отвѣчалъ юноша. К. Сколь велика или какой величины вселенная? М. Она такъ велика, что Богъ можетъ обнять ее своею дланію. К. Пускай такъ; но скажи, мой другъ, земля на воздухѣ ли виситъ, или кто ее поддерживаетъ? М. Никакъ; ибо кто оную сотворилъ, тотъ и поддерживаетъ. К. Изрядно; слушай же, дружокъ, когда ты столько свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія міра? М. Готовилъ адъ, чтобъ его населить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ. К. Правда, сей вопросъ трудноватъ, я и самъ признаюсь; однако я тебя спрошу проще: скажи же, что то за животное, кое сперва на четырехъ, потомъ на двухъ, а напослѣдокъ на трехъ ногахъ ходитъ? М. Сказываютъ, что это человѣкъ, дожившій до глубокой старости, который сперва ползалъ, потомъ о себѣ, а послѣ о посохѣ ходитъ. К. подумалъ: что мнѣ дѣлать? онъ еще ребенокъ и меньше читалъ книгъ и ученъ, нежели я; однако я его могу еще поймать, и спросилъ

его: узнай, кто это, что бѣжитъ безъ ногъ, глядитъ безъ глазъ, поетъ безъ рта, стучитъ безъ рукъ и ѣздитъ безъ лошадей? М. Солнце и вѣтръ бѣгутъ безъ ногъ, портретъ или образъ глядитъ безъ глазъ, музыка поетъ безъ рта, часы и громъ стучатъ безъ рукъ, а корабли ѣздятъ безъ лошадей. К. Неспорно; Скажи же теперь, какія есть четыре животныя, кои не для себя, но для другихъ трудятся? М. Скупые копятъ богатство; птицы вьютъ гнѣзды; коровы работаютъ; пчелы дѣлаютъ медъ; овцы носятъ шерсть не для себя, но для прочихъ животныхъ. К. Постой, я тебя спрошу помудренѣе: можешь ли мнѣ сказать, для чего мышь называется мышью, а вошь вошью? М. Ежели бы мышь называлась кошкою, то бы она не была мышью; а когда бы вошь могла прыгать, тогда бы ее называли блохою. Книжнику стало стыдно и началъ сердиться, и потому спросилъ со гнѣвомъ: чѣмъ правится приказное дѣло? М. Тридцатью одною буквою азбуки. К., осердясь больше, сказалъ: какимъ способомъ управляютъ народомъ? М. Мнѣніями. К., очень осердясь, спросилъ еще по-латински: Dic mihi omnium doctorum subjectum? М. Наука. К. отошелъ съ великимъ стыдомъ, а М. кричалъ ему въ слѣдъ: г. философъ, мои книги! мои книги! Но книжникъ, не хотя о томъ и слышать, ушелъ.

[1]) Кургановъ, Николай Гавриловичъ (1726—1796), сынъ унтеръ-офицера, обучался сначала въ Московской Навигацкой школѣ (на Сухаревой башнѣ, въ Москвѣ), потомъ въ Морской Академіи, въ Петербургѣ. Здѣсь въ 1746 г. произведенъ въ подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ, въ 1764-мъ переименованъ въ учителя, и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ профессоромъ, удостоенный этого званія по экзамену въ Академіи Наукъ. Въ 1771 г. исправлялъ обязанности инспектора классовъ, а въ 1792-мъ назначенъ инспекторомъ, въ которой должности и оставался до самой смерти. Около 50 лѣтъ занимаясь преподаваніемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кургановъ частію сочинилъ и частію перевелъ цѣлую математическую и морскую учебную энциклопедію. Г. Веселаго, въ „Очеркѣ исторіи Морскаго кадетскаго корпуса“, говоритъ о Кургановѣ слѣдующее: „Кургановъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языкъ и могъ читать по своему предмету латинскія и нѣмецкія книги. Науки математическія и морскія ему были извѣстны въ совершенствѣ, и множество сочиненій и переводовъ его по этой части доказываютъ, что онъ умѣлъ съ пользою употреблять свою ученую дѣятельность. Какъ писатель, Николай Гавриловичъ отличался необыкновенною добросовѣстностію и яснымъ взглядомъ на науки. Почти въ каждомъ его трудѣ, тѣ страницы, въ которыхъ говоритъ онъ отъ своего лица, дышатъ искреннимъ, теплымъ желаніемъ пользы читателю, отсутствіемъ мысли выказать самого себя и произвести эффектъ. Своей наивной, но безпощадной ироніей Кургановъ казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки, и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно... Ученики любили и уважали его... Морской корпусъ долженъ гордиться Кургановымъ: въ темное время Морской Академіи, онъ умѣлъ

пріобрѣсти обширное современное образованіе, и относительно пользы, принесенной корпусу, а чрезъ него и флоту, на ряду съ Кургановымъ можетъ стать развѣ только одинъ Гамалея" (Платонъ Яковлевичъ, инспекторъ классовъ съ 1795 по 1809 г.). О Кургановѣ см.: „Литературные дѣятели прежняго времени", Е. Колбасина, 1859.

[2]) „Россійская Универсальная Грамматика, или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей. Издано въ градѣ святаго Петра 1769 года". Съ латинскимъ эпиграммомъ: „Clericus est legito haec Laicus! legito ista libenter. Crede mihi, invenis hic quod uterque voles". D. Collis (a). Подъ такимъ заглавіемъ явилось первое изданіе „Письмовника", Курганова, знаменитой популярной книги второй половины XVIII вѣка и первыхъ десятилѣтій XIX-го. Потомъ онъ перепечатывался многократно, съ нѣкоторыми дополненіями и перемѣнами, и съ раздѣленіемъ на двѣ части. „Очеркъ исторіи Морского корпуса (1852)" говоритъ, что онъ имѣлъ 18 изданій. Послѣднимъ изъ тѣхъ, которыя вышли при жизни автора, было шестое (1796). Затѣмъ онъ печатался съ присовокупленіемъ книги: „Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ". Чтобы дать читателямъ понятіе о первомъ изданіи книги, ставшемъ большою рѣдкостью, выписываемъ его содержаніе.

На оборотѣ заглавія свидѣтельства св. Іоанна Дамаскина, Аристотеля, Вергилія, Урбина, Ломоносова и Сумарокова о важности и пользѣ грамматики. „Приношеніе" благочестивому читателю, доброму человѣку. „Предисловіе", въ которомъ объясняется поводъ къ преобразованію прежде изданной Грамматики. Краткій повѣстной лѣтописецъ. Грамматика въ трехъ частяхъ (о произведеніи словъ, о сочиненіи словъ и рѣчей, о орѳографіи или правописаніи). За Грамматикою семь присовокупленій. Первое: сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Второе: краткія замысловатыя повѣсти, различныя шутки, разносмысленныя предложенія, достопамятныя рѣчи, опредѣленія и сравненія или уподобленія, хорошія мнѣнія, опись качествъ знатнѣйшихъ европейскихъ народовъ, загадки. Третье: древнія (исправленныя и умноженныя) апоѳегмы, Епиктетово нравоученіе. Четвертое: разные учебные разговоры (между книжникомъ и мальчикомъ, о употребленіи времени, о образѣ житія человѣческаго, о миѳологіи, о различіи изреченія и писанія). Пятое: сборъ разныхъ стиходѣйствъ. Шестое: обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ, или всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (вступленіе, отдѣлъ первый: происхожденіе человѣческихъ знаній; отдѣлъ второй: о употребленіи наукъ). Седьмое: словарь разноязычный, или толкованіе еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ (русскій словотолкъ); толкъ седмичнымъ днямъ, толкъ мѣсяцамъ; заключеніе или оговорка. О Письмовникѣ см. статью А. И. Кирпичникова, въ Историч. Вѣстникѣ.

Письмовникъ Курганова — не первая въ своемъ родѣ книга. За пять лѣтъ до его появленія, именно въ 1764 г., былъ напечатанъ, въ 2 ч., „Товарищъ разумный и замысловатый, или собраніе хорошихъ словъ,

---

a) Въ другихъ изданіяхъ эпиграфъ переложенъ въ русскіе стихи:

Духовной ли, мірской ли ты, прилежно се читай!
Все найдешь здѣсь тотъ и другой; но разумѣть смѣкай.

разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ, переведенный съ французскаго и умноженный изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества, Петромъ Семеновымъ", съ эпиграфомъ изъ Горація: Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci, то-есть: Тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ". Къ третьему изданію (1787), сынъ собирателя, Михайло Семеновъ, прибавилъ „нѣсколько непосредственно принадлежащихъ къ той же матеріи" и переведенныхъ съ франц. и нѣм. языковъ статей, которыя и составили третью часть „Товарища". Въ предисловіи къ этой новой части говорится, что „Товарищъ" имѣлъ счастіе понравиться публикѣ и что нѣкоторые, пріобыкшіе пользоваться чужими трудами, выдали его въ свѣтъ вторымъ тисненіемъ въ Москвѣ, безъ вѣдома трудившагося и съ его обидою, но чаятельно и къ предосужденію самихъ себя. Кургановъ многое заимствовалъ изъ этого сборника въ отдѣлъ краткихъ замысловатыхъ повѣстей и достопамятныхъ рѣчей.

Ощутительная разница между „Товарищемъ" и „Письмовникомъ" состоитъ въ томъ, что послѣдній гораздо обширнѣе и разнообразнѣе, будучи и энциклопедіей наукъ, и сборникомъ статей, служащихъ для забавы читателей, тогда какъ Товарищъ удовлетворяетъ преимущественно второй цѣли, хотя и выбралъ себѣ эпиграфомъ правило Горація о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Письмовникъ не только читали, но и учили; Товарищъ же былъ сборникомъ собственно для чтенія.

Въ 1790 г. явился „Старичекъ-весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были". Это также народная книга, хотя и низкаго разряда, сравнительно съ „Товарищемъ" и „Письмовникомъ", имѣвшая множество изданій. Неизвѣстный авторъ ея переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями.

XXXV.

ЗАПИСКИ ПОРОШИНА (1764—65) (1).

1764 Октября 29. Его высочество изволилъ встать въ осьмомъ часу. Сего утра госп. Клеретъ вырвалъ у него зубъ, который уже гнить было началъ. Великій князь долго не изволилъ допускать его, но потомъ скрѣпился и дозволилъ зубъ вырвать. Одѣвшись, изволилъ его высочество сѣсть учиться. Потомъ ходилъ инкогнито смотрѣть изъ парадной залы своей турецкаго посланника, который былъ у его превосходительства Никиты Ивановича (а) на аудіенціи. Пріемъ

а) Графа Панина, воспитателя в. кн. Павла Петровича.

такой же былъ ему, какъ и въ первый разъ. Но мнѣ отъ его высочества, какъ я пріѣхалъ, пріемъ не столько былъ ласковъ, чтобъ я имѣлъ причину быть имъ доволенъ. Въ изысканіе тому причины, особливо здѣсь, я входить не хочу. То примѣчу только, что часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до какого нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого нибудь человѣка, такого человѣка, послѣ видя, его высочество склоненъ къ нему является; когда жъ, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговорѣ мимоходомъ, то, такого государь великій князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется. Сѣли за столъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ у насъ не кушалъ. Стороннихъ былъ только гр. Александръ Сергѣичъ Строгановъ. Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что происходило: разговорились мы о государѣ Петрѣ Великомъ; *нѣкто*, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна и билъ министровъ своихъ палкою; другой *нѣкто*, изъ неосмотрительнаго подражанія такому отнюдь непозволительному разговору въ присутствіи его высочества, прибавилъ къ тому, что какъ государь билъ палкой въ одно время нѣкоего своего генерала, нѣмца, то сей генералъ послѣ сказалъ изъ Библіи: *Рука Господня прикоснуся мя* и проч. Прежній *нѣкто* продолжалъ, что только-де и извѣстно государей-драчуновъ въ исторіи, что Петръ Первый, да покойный король прусскій (а), отецъ нынѣшняго короля. Потомъ, какъ началъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи государя Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него его высочество: *неужели это такъ?* На сіе говорилъ онъ его высочеству, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и проч.: то первый *нѣкто* никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только, какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что государь въ нихъ писывалъ иногда: *Минъ Геръ адмиралъ*, и подписывалъ: *Питеръ*. Признаюсь, что такія рѣчи

а) Фридрихъ-Вильгельмъ I, отецъ Фридриха Великаго.

жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобъ его императорское высочество, престола россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ, такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Ксенофонтъ представилъ намъ въ Кирѣ (а) государя совершеннаго и правленіе его правленіемъ благополучнымъ, слѣдующихъ вѣковъ монарховъ для подражанія. Безтолковые историки опровергаютъ во многомъ исторію Ксенофонтову и стараются показать, какія герой его имѣлъ слабости. Но люди остроумные и прозорливые, мало заботясь о томъ, былъ ли таковъ Киръ, какимъ его Ксенофонтъ описываетъ, или былъ инаковъ, превозносятъ историка хвалами, что представилъ въ немъ совершенный образецъ для государей, и приводятъ въ примѣръ имъ мудрое его царствованіе. Приводятъ въ примѣръ и иныхъ многихъ монарховъ, которыхъ великія дѣла соблюла до временъ нашихъ исторія. Не необходимо ли нужно представлять и его высочеству хвальныя дѣла именитыхъ героевъ, дабы разжечь въ немъ охоту и благородное рвеніе къ послѣдованію имъ? Это кажется очевидно и безсомнительно. Но чьи дѣла большее возбудить въ немъ вниманіе, сильнѣйшее произвесть въ немъ дѣйствіе, и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла блаженныя памяти государя Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ россійскихъ устами. Государь великій князь, родной блаженныя памяти его величеству правнукъ, рожденъ въ томъ же народѣ и того жъ народа Божіими судьбами будетъ въ свое время обладателемъ. Если бы не было никогда на россійскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, каковъ былъ его величества великій прадѣдъ; то бъ полезно было и вымыслить такого, его величеству для подражанія. Мы имѣемъ столь преславнаго героя,—и что дѣлается? Я не говорю, чтобъ государь Петръ Великій совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? сколько ни извѣстно великихъ мужей по исторіи, всѣ подвержены были нѣкоторымъ слабостямъ. Но, представляя ихъ въ примѣръ, не о порокахъ ихъ проповѣдывать должно: надобно ихъ добродѣтели. Пороки могутъ или совсѣмъ быть умолчены, или и открыты, но мимоходомъ съ такимъ напоминаніемъ, что представляемый въ образецъ государь всѣми силами старался отъ нихъ избавиться, и побѣждалъ ихъ. И вмѣсто того что же?... За столомъ сказывалъ еще князь Барятинскій, что въ бытность его въ Швеціи слышалъ онъ, что короля

а) Въ сочиненіи своемъ „Киропедія“.

Карла XII все платье, палашъ, сапоги и прочее хранится въ арсеналѣ. Я говорилъ на то, что и у насъ въ кунсткамерѣ хранится платье и прочее государя Петра Великаго; но что мы, конечно, болѣе имѣемъ причины все это сохранять, нежели шведы, потому что одинъ защитилъ государство свое и привелъ въ цвѣтущее состояніе, другой разорилъ свое такъ, что и донынѣ опамятоваться не можетъ; что, конечно, ни одинъ разумный шведъ имени короля Карла XII не помянетъ безъ отвращенія... Это подтверждалъ и князь Иванъ Сергѣичъ. Посемъ разговорились о Кейслеровомъ путешествіи и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по-русски знали и переводили. Первый тотъ *нѣкто* сказалъ на то: „однако жъ они всѣ одной вѣдь смертью умерли, то есть спились". Тутъ, тотчасъ оборотясь ко мнѣ, изволилъ говорить великій князь: *вотъ слышишь ли, вѣдь это не ложь, я думаю?* Я отвѣчалъ, что коротко ихъ не зналъ и о кончинѣ ихъ неизвѣстенъ, и что и того не знаю, почему и тотъ господинъ и такія подробности могъ вѣдать. Послѣ стола, порѣзвясь, его высочество изволилъ сѣсть учиться. Потомъ пошли на маскарадъ со всѣмъ маленькимъ нашимъ приборомъ. Его превосходительства Никиты Ивановича не было: у братца былъ (а).

а) Графа Петра Ивановича Панина.

Съ маскараду пришли мы въ девятомъ часу въ началѣ. Его высочество очень гнѣвнымъ изволилъ себя противъ меня оказывать. А поступки своей истинно никакой не знаю. Опочивать изволилъ лечь государь великій князь въ десятомъ часу въ началѣ.

Декабря 9. Государь изволилъ встать въ осьмомъ часу. Одѣвшись, по обыкновенному учился. Точить изволилъ и разговаривалъ съ токарнымъ мастеромъ Мюріелемъ о токарномъ дѣлѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, графъ Иванъ Григорьичъ Чернышовъ, г. Сальдернъ, графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ и полковникъ князь Сергѣй Никитичъ Трубецкой, который отъ полку своего изъ Лифляндіи пріѣхалъ. Разговаривали о битьѣ скотины: что у насъ бойни сдѣланы отовсюду открыто; что отъ вони нельзя къ нимъ приближиться; что мясники ходятъ всѣ перемараные, какъ палачи; что въ другихъ мѣстахъ скотину бьютъ на дворахъ и никто того не видитъ. Графъ Петръ Александровичъ говорилъ, что въ Данцигѣ великій въ этомъ порядокъ. Гр. Иванъ Григорьичъ сказывалъ, что и въ Ревелѣ такожъ въ этомъ чистота великая: что въ мясномъ ряду разныя части мяса прицѣплены крючьями къ веревкѣ, которая ходитъ по блокамъ, такъ что, посмотря одну

часть, ежели она не полюбится, можно велѣть прицѣпить ее опять и по блоку передвинуть веревку: тогда снимутъ другую часть и такъ далѣе; что въ Парижѣ никто почти не печетъ въ домѣ хлѣбовъ: какой изволишь, можно во всякое время получить изъ харчевень; что часа за два передъ обѣдомъ можно заказать себѣ столъ человѣкъ на пятьдесятъ и прочее. „Что до опрятности и до чистоты касается, говорилъ я, такъ легко бы и у насъ ввесть то можно: зависитъ отъ полиціи“. Его превосходительство Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ разсуждали тутъ о полиціи весьма разумно. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что генеральному директору полиціи нельзя никоимъ образомъ на всѣ случаи дать наставленія; что существо должности его такое, чтобъ самому умѣть при разныхъ обстоятельствахъ употреблять и хитрость, и строгость, и принадлежащіе къ соблюденію порядка способы. Графъ Иванъ Григорьевичъ сказывалъ особливый и весьма чудный примѣръ совершенной полиціи, случившійся во Франціи съ нѣкакимъ чужестранцемъ на дорогѣ отъ Ліона къ Парижу. Его же сіятельство сказывалъ, что въ Вѣнѣ положена смертная казнь, если кто съ двора украдетъ кошку или собаку; кто лошадь украдетъ, тому наказаніе тѣлесное. Сіе узаконеніе сдѣлано въ томъ разсужденіи, что лошадь, привязанную въ стойлѣ, отвязать и свесть не трудно; но что тотъ, кто уведетъ собаку или унесетъ кошку, конечно, въ состояніи и другое что украсть; и если не укралъ, то за тѣмъ только, что украсть тутъ было нечего, для того, что много надобно злодѣйскаго искусства и отваги, чтобъ поймать и унести со двора сихъ животныхъ. Его превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Иванъ Григорьевичъ разсуждали, что если бы въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, то бъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали: запираемъ ворота деревяннымъ запóромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того, что въ другихъ земляхъ строятся зàмкомъ, и ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣичъ Строгановъ сказалъ къ тому; croyez-moi, que ce n'est que bètise. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit“. Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: *а что же, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ*

того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ. Разговаривая о полицеймейстерахъ, какъ выше упомянулъ я, сказалъ графъ Александръ Сергѣичъ: „да гдѣ-жъ у насъ возьмешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ?“ Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: *что-жъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ?* Замолчалъ онъ тутъ. Разговорились о богатствѣ Строганова, и графъ Иванъ Григорьевичъ, исчисляя, торговалъ шуткою пермскихъ его вотчинъ. Послѣ стола, отведши великаго князя, хвалилъ его графъ Иванъ Григорьевичъ за доброе его о здѣшнихъ гражданахъ мнѣніе и за сдѣланный отвѣтъ графу Александру Сергѣичу. Ухвативъ меня за руку, говорилъ онъ великому князю: „Вотъ, ваше высочество, и Семенъ Андреевичъ, конечно, это апробуетъ“. Кто и не знаетъ меня, тотъ изъ этого журнала заключить можетъ, была ли отъ меня въ семъ апробація.

[1]) „Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, Наслѣдника престола Россійскаго. Спб. 1784“. Семенъ Андреевичъ Порошинъ, сынъ генералъ-поручика Андрея Ивановича Порошина, бывшаго главнымъ начальникомъ и преобразователемъ Колывано-воскресенскихъ заводовъ, род. 1741 г. и получилъ воспитаніе въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, очень много читалъ, былъ свѣдущъ въ исторіи древней и современной, и особливо въ математикѣ и въ военномъ искусствѣ. Еще будучи ученикомъ, занимался успѣшно литературою: нѣкоторые труды его напеч. въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“. По выходѣ изъ корпуса, находился короткое время флигель-адъютантомъ при Петрѣ III. Съ 1762 г. (имѣя отъ роду 23 года) былъ кавалеромъ при в. к. Павлѣ Петровичѣ, т.-е. находился при немъ безотлучно, училъ его математикѣ и во вседневномъ обращеніи съ нимъ старался внушать ему благонравіе и любовь къ отечеству. Каждый вечеръ записывая для памяти все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣренъ былъ, съ помощію этого журнала, написать со временемъ полную и связную исторію своего Государя. Въ 1768 году Порошинъ назначенъ командиромъ старооскольскаго пѣхотнаго полка. Въ 1769 г. на походѣ въ Турцію умеръ и похороненъ въ Елисаветградской крѣпости. Записки его, съ 20 сентября 1764 г. по 13 января 1766, изданы его внукомъ, В. Порошинымъ, съ предисловіемъ и нѣкоторыми примѣчаніями. Второе исправленное и дополненное изданіе Записокъ напеч. въ Русск. Старинѣ 1881 г., въ приложеніи къ XXX—XXXI томамъ.

XXXVI.

ЗАПИСКИ ДАНИЛОВА (1711) (1).

Былъ я любимый сынъ у моего отца; отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его, и казалось, что у него шеи не было; у него, въ то же время, учились два брата, мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастый жилъ только одинъ со своею женою, въ весьма малой избушкѣ; приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „аминь", не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, „сѣчь". Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно: изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость. Явственнѣе можно усмотрѣть сію правду — принудить только ребенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ и тою игрою мало будетъ уже играть,

или вовсе возненавидитъ. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученія, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастый; вымышлялъ иногда и я, отъ такого скучнаго сидѣнія, напрасно показывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало (2).

Выучилъ я у Брудастаго азбуку—отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ была за нашимъ свойственникомъ Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника родного и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова: по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію. А какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтири. Вдова была великая богомольщица: рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ, псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: „полно тебѣ шутить, Ванюшка“, и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хоть одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь

батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился. Племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки. Она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкла его очень долгое время немилостиво, причитая: „не обивай яблокъ съ яблони". Потомъ и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный: только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ: „что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего", а послѣ, поцѣловавъ его, сказала: „чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя сѣчь не стану" (³).

¹) „Записки артиллеріи маіора Михаила Васильевича Данилова, написанныя имъ въ 1771 году, Москва. 1842". Изданы П. Строевымъ. Перепечатаны во 2-ой книгѣ Рус. Архива за 1883 г. Даниловъ (род. 1722, ум. послѣ 1790 г.) обучался въ Артиллерійскомъ Училищѣ, откуда выпущенъ 1743 г. Изъ сочиненій его напечатаны: „Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи" (1762); „Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи" (1779 и 1783); „Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ" (1783). „Письмо о совѣсти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. Д." (1804).

²) Отрывокъ этого вѣрно знакомитъ съ характеромъ стариннаго ученія, состоявшаго въ механическомъ затверживаніи данныхъ уроковъ. Брудастый — одинъ изъ тысячи старинныхъ учителей.

³) Матрена Петровна — истинная Простакова; племянникъ ея воспитывался такъ же, какъ Митрофанъ. Художественная вѣрность лица въ „Недорослѣ" всего лучше объясняется такими данными, какъ мемуары.

XXXVII.

ХЕРАСКОВЪ.

А. Россіада (1779) [1].

1. Вступленіе [2].

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну [3],
Попранну власть татаръ и гордость побѣжденну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ, спокойствія начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло [4].
Отверзи, вѣчность, мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ пышной гордости льстецы не почитаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный стонъ и плачъ, гдѣ сильный власть забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ! да лирою моей
Вниманье услажду народовъ и царей.

2. Казанскій лѣсъ [5].

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучій лѣсъ.
Въ немъ рѣдко видимо сіяніе небесъ:
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, біющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополи мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;

Источникъ со холма кремнистаго течетъ
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

3. *Зима* (6).

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчные сводъ твердый составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ стужъ различны роды;
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы,
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Столпы, изъ свѣтлаго кристалла сотворенны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда—громада льдовъ горитъ.
Тамъ воздухъ застуженъ; токъ водный каменѣетъ;
Стѣсненный мразомъ огнь и гаснетъ и блѣднѣетъ;
И будто въ зеркалѣ тамъ видны небеса;
Тамъ снѣжные цвѣты, кристальны древеса;
Тамъ зрится перлами усыпанное поле;
Тамъ жизнь не дѣйствуетъ, натура тамъ въ неволѣ;
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Навислыхъ льдовъ слои подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышатъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ Зима порфиру простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ
И соки жизненны древесные сосетъ;

На хладныхъ крыліяхъ морозы
къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ чело
и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и роща
ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ
волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ
она наводитъ.

[1]) „Россіяда, ироическая поема. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1770 года“. Предметъ ея—покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Названіе, слишкомъ обширное для предмета, объясняется взглядомъ автора на событіе: „Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства со властію державцевъ ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоеніе, славу и торжественную побѣду „всего Россійскаго государства“; знаменитые подвиги не одного государя, но „всего россійскаго воинства“; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но „всему отечеству“; почему сіе твореніе и названо „Россіядой“ (Историческое предисловіе къ Россіядѣ).

[2]) Вступленіе содержитъ въ себѣ указаніе предмета поэмы и воззваніе къ вѣчности (въ другихъ изданіяхъ этому воззванію предшествуетъ другое– къ Духу стихотворенья).

[3]) Критика справедливо замѣчала, что этотъ стихъ противорѣчитъ исторіи: Россія освободилась отъ татаръ не при Іоаннѣ Грозномъ, а при Іоаннѣ III. П. Строевъ, которому принадлежитъ первая справедливая оцѣнка Россіяды (Современный Наблюдатель Россійской Словесности 1815, №№ 1 и 3), говоритъ по сему случаю: „отъ какихъ варваровъ освободилась Россія? чью власть она попрала? почему именно началась въ Россіи заря спокойствія? Все это происходитъ отъ незнанія исторіи. Херасковъ взятіе Казани почиталъ освобожденіемъ Россіянъ отъ татарскаго ига. Казанское царство и Золотая Орда, по его мнѣнію, одно и тоже“.

[4]) Этотъ стихъ, преувеличивающій событіе, подвергался критикѣ; но преувеличеніе объясняется вышеуказаннымъ взглядомъ Хераскова, который въ „Историческомъ предисловіи“ выражаетъ ту мысль, что „только при Іоаннѣ Грозномъ, и именно съ покоренія Казани, Россія перешла изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство“. „Горе Россіянину (говоритъ онъ во „Взглядѣ на эпическія поэмы“, предпосланномъ Россіядѣ), который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства!“

[5]) Изъ 4-й пѣсни (всѣхъ пѣсенъ въ Россіядѣ 12). Она начинается описаніемъ дремучаго лѣса, близъ Казани, въ которомъ находилось кладбище съ гробницами Батыя, Сартака, Менгу-Темира, Ногая и другихъ. Въ этомъ описаніи Херасковъ подражалъ 13-ой пѣснѣ „Освобожденнаго Іерусалима“, въ которой также изображается очарованный лѣсъ.

[6]) Описаніемъ „Зимы“ начинается 12-ая пѣснь. Волшебникъ Нигринъ (созданный въ подобіе волшебнику Исмену въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“) на драконахъ отправляется къ горѣ Кавказской и приводитъ съ собою въ Казань лютую Зиму.

XXXVIII.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

А. Комедія Бригадиръ (1764) (1).

дѣйствіе I, явленіе 1.

Театръ представляетъ комнату, убранную по-деревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобеняся, пьетъ чай. Совѣтникъ въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ Совѣтница въ дезабилье и корсетѣ и, жеманяся, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбуръ.

Совѣтникъ *(Смотря въ календарь)*. Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не мѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда *(указывая на Совѣтника)* хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ? А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то дайте вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ *(вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака)*. Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымѣщалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка, не грѣши, ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ — вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна!

Бригадиръ. Премудра! Вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь; а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако, ей-ей, радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ! Батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше!

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать Артикулъ и Уставъ Военный; не худо прочесть также Инструкцію Межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки: лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ, кромѣ романовъ, ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья *(въ сторону)*. Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ. О, это пройдетъ! У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя будетъ имѣть такую благоразумную свекровь.

Совѣтница *(вздыхаетъ)*. Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне, мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корсетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать [2]. Я капабельна [3] съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить [4] станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! Какъ мы, такъ и жены наши всѣ въ руцѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, мы и деньги считать лѣнимся, деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосокъ на силу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся: или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстна будто наша табель о рангахъ? Стыдное дѣло!

Совѣтница. Оставьте такіе раз-

говоры. Развѣ нельзя о другомъ дискютировать (а)? Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что бы...

Совѣтникъ. Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. *(Къ совѣтницѣ)*. Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ: застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленный?

Сынъ. C'est plus interessant.

Совѣтница. Шутишь, радость! Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ *(къ женѣ)*. Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна! Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ; ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ *(въ сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь; нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, сватъ? *(Въ сторону)*. Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ: такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена! Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей, ей, будетъ худо!

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ. Да перваго то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ! Да ты, смысля порусски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

а) Разсуждать.

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ, какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить? Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Совѣтникъ. Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотѣй у насъ развелось! И то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ее не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во-вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь; а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord: на что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, а мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

дѣйствіе III, явленіе 1.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко смолоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакой оселъ!

Сынъ. Этакой оселъ! *(въ сторону)* il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты не скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ, я его забываю, а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ. О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка, вамъ все кажется, будто вы стоите передъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою на имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Этакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю. Развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà, mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ? Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ отецъ, то

долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то самъ скоро съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакой скосырь выѣхалъ!

явленіе 2.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхаясь)*. Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша *(отдыхая)*. Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка! Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него? А безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка: запишемъ его въ полкъ: пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ? а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка, нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю; не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ *(зѣваетъ)*. Quelles espèces!

Бригадиръ. Вотъ говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

Б. Комедія Недоросль (1782).

дѣйствіе I, явленіе 1.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ.)*. Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку *(Еремѣевна отходитъ)*. Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофанъ отходитъ)*.

явленіе 2.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; дру-

гое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься!

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе.

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго, да первый-то портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ)*. Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ *(отъ робости запинаясь)*. Мѣ...мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопамъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что въ день моего сговора? Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу.

Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. Выди вонъ, скотъ. *(Еремѣевнѣ)* Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учителя придутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ, какое усердіе, изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія? Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка, вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да—то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону)*. Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ *(разнѣжась)*. Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова *(съ досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка! ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ, я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ.

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. *(Митрофанъ съ Еремѣевною отходитъ)*.

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 7.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это было послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ, не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. *(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).*

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой: Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Единожды три — три; единожды нуль — нуль; единожды нуль — нуль.

Г-жа Простакова. Что? что? До дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись; всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Нуль, да нуль—нуль; одинъ да одинъ... *(задумался)*.

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю, да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ Часословъ, Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ, благословясь, за мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь, животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. А не человѣкъ.

Митрофанъ *(такъ же)*. А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 8.

Стародумъ, Софья, Правдинъ, Милонъ, Простакова, Простаковъ, Скотининъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволили, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть: послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выдти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своей *(Стародуму)*. Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну)*. Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны)*. Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали,

чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.

Простаковъ. Всему, мой отецъ.

Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

(Вмѣстѣ)

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы напримѣръ.

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу, это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительное, да прилагательное...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя? существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь? Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта! прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшана: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово „дуракъ“ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко ли? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ.

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ, нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба за-

ставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю!

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька; теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! да извозчики то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда; свезутъ, куда изволишь (5). Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня; въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ. Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобы вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была головушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклонить-

ся—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю въ похвямъ потылицею, и добрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился? а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой, да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

В. Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ (6).

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ Великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, то отецъ мой у Крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ Россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе и бывало, когда я стану читать бѣгло: „перестань молоть", кричалъ онъ мнѣ, „или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье". Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ.

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее

похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Накануне экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре. Удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны", говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія. Итакъ", продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, „извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь: если за вторую, то смѣло отвѣчайте втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете". Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ бортищемъ пуговицъ и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ: ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ (а) вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета (б) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ

а) Въ 1758 г.—Директоръ университета Мелиссино.

б) И. И. Шувалову.

мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтнихъ отправились въ Петербургъ зимою. Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими, и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій, и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ. Онъ спросилъ меня: чему я учился? „По-латини", отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но Государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ Двора нашей Императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ: наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у Двора куртаги? „Почти всякое воскресенье", отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть Дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе Двора и слышать пріятную музыку, но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, Генрихъ и Пернилла. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: коме-

дію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ, и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ. Онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ, кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ Сифа, царя египетскаго, но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Чрезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его Альзиру. Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ (а) и привезъ съ собою „Бригадира“ и „Іосифа“. Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ Государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить, ѣду ли я въ Петергофъ, и если

а) Въ 1764 г. послѣ временной поѣздки въ Москву.

ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію Бригадира. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: Ея Величество приказала послѣ балу вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко Государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дня черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ: но онъ самъ, остановивъ меня: „слуга покорный“, сказалъ мнѣ, „поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?“ спросилъ онъ меня. —Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. „А мы завтра“, сказалъ графъ; „я еще хочу, сударь“, продолжалъ онъ, „попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше, и для того, по пріѣздѣ вашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ Великому Князю и вы можете прочитать ее намъ“.—Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями Его Императорское Высочество и ваше сіятельство. — „Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще довольны“, говорилъ графъ. — Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я. — „Мнѣ будетъ очень пріятно“, сказалъ онъ, „если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ“. Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу: онъ принялъ

меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь“, сказалъ онъ мнѣ, „а ты посиди со мною“. Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ Великому Князю и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда“, сказалъ графъ, „Ваше Высочество ее услышите“. Потомъ, подошедъ ко мнѣ: „Вы“, сказалъ, „извольте остаться при столѣ Его Высочества“. Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми Двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете: ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу“. По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія“, говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія“.

¹) Узелъ комедіи — взаимная любовь Добролюбова и дочери Совѣтника Софьи, которую, противъ воли, положили выдать за Бригадирова сына Иванушку, и комическія отношенія Бригадира и сына его къ Совѣтницѣ, а Совѣтника къ Бригадиршѣ. Развязка—раскрытіе этихъ отношеній, вслѣдствіе чего предполагаемый бракъ не состоялся и Софья становится невѣстой Добролюбова.

²) ³) и ⁴) Слова изъ лексикона молодыхъ барынь, надъ которыми такъ много издѣвались сатирическіе журналы и комедіи. Капабельна — способна.

⁵) Заимствованіе изъ повѣсти Вольтера: „Jeannot et Colin“. Маркизъ, отецъ Jeannot, спрашиваетъ гувернера: ne pourrait-on pas lui montrer un peu de géographie?“ Гувернеръ отвѣчаетъ: „A quoi cela lui — servira — il? quand monsieur le marquis ira dans ces terres, les postillons ne sauront-ils pas les chemins?“ Oeuvres de Voltaire, изд. 1746 г., т. VIII, стр. 420.

⁶) Книга первая и большая часть второй (всѣхъ книгъ три; изъ нихъ третья не кончена) напечатаны были въ іюльской и августовской книжкахъ С.-п.-бургскаго Журн. 1798 г.

XXXIX.

ПЕТРОВЪ.

На побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ (1770) (а).

О радость! торжество! о слава нашихъ дней,
Безмрачныхъ съ красотой сравнившася лучей!
Полночны Тифисы, защитники Россіи
Летятъ среди валовъ! гремящи въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ стихіи!
Преходятъ морь стези, гдѣ кроется ихъ врагъ;
Очами ищутъ, гдѣ турецкій вѣетъ флагъ.
Нашли, обрадуясь пустились, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударъ простерты, взнесены,
Всѣ гнѣвомъ разжены!
Настигли, загремѣли!
Я зрю пловущихъ Этнъ побѣдоносный строй,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый герой (б).
Ихъ парусы крылѣ, ихъ мачты лѣсъ дремучій:
Вдругъ ступятъ, вдругъ блеснутъ, вновь грянутъ, вновь грозятъ!
И идутъ и разятъ,
Какъ громомъ тяжки тучи!
Іануарій (в) тамъ, и Святославъ (г) летитъ,
И вихремъ за собой и хлябь и дымъ крутитъ,
И горнихъ именемъ поборниковъ зовомый (д),
И Ростиславъ (е), и съ нимъ Европа (ж) межъ валовъ
Пускаютъ на враговъ
Безперерывны громы!
Евстафій (з) весь въ огнѣ, бросаетъ огнь и смерть,
Крутится, движется, колеблетъ понтъ и твердь!
Тамъ страшная гора, привязанна цѣпями,
Какъ разродившійся Везувій воздухъ рветъ (и),
Не престая реветъ
И борется съ горами!
Не молкнетъ трескъ снастей, желѣзныхъ свистъ шаровъ;
Густится дымъ, столбомъ всходя до облаковъ;
Стѣсненны межъ громадъ въ громады волны плещутъ;
И вѣтрилъ бѣлизна и дневныхъ свѣтъ лучей

а) При Чесмѣ, гдѣ 26 іюля 1770 г. сожженъ былъ турецкій флотъ.

б) Гр. А. Г. Орловъ, начальникъ флота.

в, г, е, ж, з) Названіе кораблей.

д) Корабль трехъ святителей.

и) Корабль, гдѣ находился гр. Орловъ.

Сокрылись отъ очей:
Одни перуны блещутъ!

О опытъ тягостный нетрепетныхъ сердецъ!
Ужасенъ взору бой, ужаснѣе конецъ.
Тамъ двѣ крылатыя, двѣ грозныя махины,
Какъ Этна съ Геклою (а), одна съ другой слетясь,

Всей тяжестью сразясь,
Вспылали средь пучины!

Ихъ звукомъ понтъ, брега и воздухъ потрясенъ;
И грекъ и туркъ вдали содрогся ужасенъ;
Недвижимъ Россъ стоитъ и смертью смерть срѣтаетъ.
Ахъ горе! всѣмъ тонуть погибели въ рѣкѣ;

Съ корыстью онъ въ рукѣ,
Со флагомъ отлетаетъ.

О страшно зрѣлище! среди валовъ пожаръ!
Побѣда къ намъ летитъ, однимъ врагамъ ударъ;
Горятъ, отъ дыма мрутъ, полусожженны тонутъ;
Герои Сѣвера, виновники сихъ бѣдъ,

Какъ претерпѣвши вредъ,
Какъ побѣжденны, стонутъ!

Кто тучу сей бѣды, о небо! имъ наслалъ?
Что вижу я? ихъ вождь полмертвъ межъ ними палъ!
Отъемлется отъ нихъ, кто больше всѣхъ имъ нуженъ.
Онъ палъ: здѣсь щитъ, тамъ мечъ, тамъ шлемъ его главы!

Печалію, увы,
Герой обезоруженъ!

Пришедъ въ себя и мракъ отъ мыслей отряся,
Онъ, руки на суда расторженны взнося,
„Мой братъ (б)... о небо! рекъ, плачевнѣйша утрата!
Воздвигнемъ паруса, о други! полетимъ,

Умремъ иль отомстимъ;
ВъСтамбулѣвзыщемъ брата!“

Летитъ... Смягчись, герой, судъ промысла правдивъ;
Твой братъ, твой храбрый братъ, и съ нимъ Спиридовъ живъ.
Не Дельфинъ (в) на хребтѣ, то небо ихъ спасаетъ,
Которое, твой духъ и подвиги любя,

Симъ страхомъ днесь тебя
Толь строго искушаетъ.

Исчезла, какъ туманъ, безвременна мечта;
Сіяетъ полная побѣды красота;
Тамъ гласомъ радости въ восторгѣ всѣ взываютъ;
Объемлютъ всѣ вождя и друга своего;

Лобзая, зракъ его
Слезами омываютъ!

а) Корабли адмирала Спиридова и Гассанъ-бея, командира турецкаго флота, взлетѣли на воздухъ.

б) Съ гр. А. Г. Орловымъ находился братъ его Θедоръ Григорьевичъ.

в) Корабль.

„Когда нашъ громъ, гласятъ, не вовсе истощенъ,
И небо насъ хранитъ: Россъ будетъ отомщенъ;
Мы живы — сопостатъ сторицею утратитъ;
Мы живы—вновь должна вострепетать земля;

Онъ гибель корабля
Всѣмъ флотомъ намъ заплатитъ".

Что тако озаренъ средь темной ночи понтъ?
Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
Нѣтъ, вижду — мстятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!

Секвана (а)! встань, взгляни,
Какъ гибнутъ чалмоносцы!

Тамъ портъ-вмѣстилище неизреченныхъ мукъ;
Тамъ сѣра, огнь, смола, смрадъ дыма, вопль и звукъ;
Реветъ, разинувъ тамъ рокъ челюсти не сыты,
Геенна носится по хладной быстринѣ,

Мятутся въ глубинѣ
Встревоженные киты;

Клокочетъ, какъ котелъ, вздымаясь, океанъ,
Багрѣетъ, аки кровь, весь трупами устланъ!
Ихъ жретъ, мутясь, волна, ихъ жретъ свирѣпый пламень!

а) Сена.

Восхитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну,

Бросаетъ вдругъ ко дну,
Какъ олово, какъ камень!

О горькихъ сонмъ смертей! о грозный лютый часъ!
Тамъ всѣ стихіи вдругъ... Прерви свой, муза, гласъ,
И страшный адъ, гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ,
Скорѣй завѣсою молчанія закрой,

Я вижу—тамъ герой
Отъ жалости рыдаетъ!

Великій именемъ, великій дѣломъ Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ нѣдръ,
Воззри на чудеса, твоимъ рожденны ботомъ,
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ!

Надъ русскимъ какъ царитъ
Трубяща слава флотомъ!

Нептуна Бельту зрѣлъ тебя Копенгагенъ;
Теперь твой грозный флагъ близь Чесмскихъ вѣетъ стѣнъ,
Готовитъ ужасъ несть на понтъ несчастной Геллы (б).
Со страхомъ близкую внимающа напасть

Ужъ Смирна хочетъ пасть (в);
Трясутся Дарданеллы!

б) Геллеспонтъ (Дарданельскій проливъ), названный по имени Гелы, которая утонула въ немъ, плывя на златорунномъ овнѣ.

в) Во время сраженія, въ Смирнѣ было землетрясеніе.

Крѣпи, и громомъ ихъ, сколь можешь, галлъ (а), снабжай,
Себѣ и своему студъ роду умножай,
Прапрадѣды твои въ непросвѣщенны лѣта
Въ слѣдъ римлянина шли въ далекій юга край (б);

Ты днесь воюешь втай
На Россовъ за Махмета!

Но гдѣ невинность, тамъ споспѣшество небесъ;
Екатерина гдѣ, тамъ будетъ перевѣсъ.
Когда подпора царствъ монарши суть доброты,
Намъ, намъ въ подсолнечной всѣхъ паче должно цвѣсть;

Завистна наша честь,
Недвижимы оплоты.

Еще, орелъ, еще воздвигнись, воскрились:
Не вѣетъ ли гдѣ флагъ турецкій, обозрись.
Чесменскій гаснетъ портъ — да новый воскурится;
Смущай пучину волнъ въ противничей крови,

Топи ихъ, жги и рви—
Да злоба усмирится.

Судьбой возставленъ ты отъ смертнаго одра
Для многихъ счастія, для общаго добра;
Судьбой внезапу сталъ вождь флота не постыденъ,
И безопасности чужой и нашей стражъ:

О римляне! намъ вашъ
Дуилій (в) не завиденъ.

Мы столбъ изъ мрамора воздвигнемъ къ небеси,
Со водъ средьземныхъ ты корысти къ намъ неси,
Пріобрѣтенные близь Хіоса трофеи;
То будетъ нашей знакъ побѣды межъ валовъ,

То честь тебѣ, Орловъ,
Содѣйственникъ Астреи!

О если бы мой духъ, тобой плѣненный духъ
Съ величествю твоихъ къ отечеству заслугъ,
Съ горящей ревностью души твоей сравнился:
Ты въ новыхъ бы стихахъ героемъ былъ моимъ;

Со Гамой бы своимъ
Камоэнсъ посрамился!

Подъ именемъ внести къ невѣждамъ свой законъ
Съ избраннымъ воинствомъ, какъ дерзостный Язонъ,
Онъ шелъ злато руно въ чужой землѣ похитить.
Потрясшаго законъ ты идешь потрясти,

Отечество спасти
И Грецію защитить.

а) Франція дѣйствовала противъ Россіи. Французскій агентъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Тоттъ, укрѣпилъ Дарданеллы.

б) За Юліемъ Цесаремъ въ Александрію.

в) Консулъ римскій, одержавшій надъ кароагенянами большую побѣду.

Пускай воспѣть тебя я слабъ, недерзновененъ:
Но подвигъ твой во вѣкъ пребудетъ незабвенъ.
Героевъ смертныхъ родъ по долгу величаетъ.
Кто любитъ отчество, монархиню, себя,

Тотъ лаврами тебя
Отсутственна вѣнчаетъ.

Но если, обуздавъ неистовство врага,
На вѣкъ сломивъ Луны гордящейся рога,
Со славой Бельта ты пройдешь врата широки:
Кто, слыша вашъ поѣздъ и усмотря съ земли

Россійскій флагъ вдали,
Удержитъ слезъ потоки!

Я зрю текущій вамъ во срѣтенье народъ,
Отягощенный нашъ корыстьми юга флотъ:
Тамъ дѣвы, юноши и старцы поспѣшаютъ,
Тамъ дѣти, веселясь и перстомъ возводя

На храбраго вождя,
У рождшихъ вопрошаютъ:

„Не сей ли, что орломъ по безднѣ водъ леталъ,
Россійскіе огни въ турецкій флотъ металъ,
Багровилъ синій понтъ кровьми иноплеменныхъ?
Не онъ ли именемъ и ревностью Орловъ,

Кичливыхъ бичъ враговъ
И слава современныхъ?“

„Онъ, онъ, являетъ то и взоръ его и станъ;
Онъ здѣсь, а тамъ еще дымится океанъ!
Се братъ его, что текъ въ кровавый первый бой!
Се грозный варварамъ, Спиридовъ, исполинъ!

Се Грейгъ (а) и съ нимъ Ильинъ (б)

Нетрепетны герои!“

Но что вѣщаю я, мечтаній лестныхъ полнъ?
Орлы мои еще среди азійскихъ волнъ!
Я мыслію одной на ихъ взираю слѣды
Чрезъ горы, чрезъ моря, чрезъ токи многихъ рѣкъ.

О громкій бранью вѣкъ!
Неслыханны побѣды!

И море и земля и высота небесъ
Екатерининыхъ свидѣтели чудесъ.
Балтійскихъ волнъ брегамъ власть Павлова не вмѣстна,
Въ немъ чтитъ Архипелагъ Нептуна своего;

Наслѣдіе его
Не сѣверъ—поднебесна!

а) и б) Грейгъ былъ въ то время капитанъ-командоромъ. — Ильинъ и Дугдаль вошли съ двумя брандерами въ средину турецкаго флота и зажгли его.

Петровъ, Василій Петровичъ (р. 1736, у. 1799), сынъ бѣднаго священника, обучался въ Московской Духовной Академіи, гдѣ, по окончаніи курса, въ 1760 г. преподавалъ піитику, реторику и греческій языкъ. Рекомендація Потемкина, съ которымъ онъ познакомился, вѣроятно, въ бытность свою студентомъ въ Москов. Университетѣ, доставила ему, въ 1760 г., мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца государыни, почему въ письмѣ своемъ къ государынѣ изъ Лондона 1774 г. онъ говоритъ: „я имѣлъ честь нѣкогда слыть карманнымъ Вашего Величества стихотворцемъ“ (Библ. Зап. 1858, стр. 528). Въ 1772 г. Петровъ вмѣстѣ съ Г. И. Силовымъ отправленъ въ Англію для образованія. Здѣсь выучился онъ англійскому языку и познакомился съ англійской литературой, которая, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на его собственныя стихотворенія. Особенно нравился ему Аддисонъ, пріобрѣтшій славу трагедіею „Катонъ“. Въ посланіи къ Силову, Петровъ, желая, чтобы „лучъ британскихъ умовъ озарилъ русскую грудь“, упоминаетъ и о Катонѣ, монологи котораго, какъ выраженіе стоической морали, выучивались наизустъ любителями стихотворства и преимущественно стихотворства дидактическаго, съ нравственными тенденціями:

Межъ сладкихъ твоего глаголовъ Аддисона,
Межъ истинъ грознаго добротою Катона,
Дай мѣсто симъ строкамъ...

По возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ придворнымъ библіотекаремъ. Вышелъ въ отставку 1780 г. Сочиненія Петрова изданы сначала имъ самимъ, въ одномъ томѣ (1782), а потомъ его вдовою въ 3 ч. (1811 г.).

„Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ неблагопріятно отозвался о Петровѣ, какъ авторѣ торжественныхъ одъ: „Вообще о сочиненіяхъ его (Петрова) сказать можно, что онъ напрягается идти по слѣдамъ россійскаго лирика (Ломоносова); и хотя нѣкоторые и называютъ уже его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. На эту замѣтку Петровъ отвѣчалъ сатирой, направленной противъ „Опыта“, въ формѣ посланія: „Къ*** изъ Лондона“. Петровъ имѣлъ сатирическій талантъ. Извѣстно, что онъ написалъ піесу: „Приключеніе Густава III, короля шведскаго (1788 іюля 6)“, которая дважды напечатана П. А. Ефремовымъ 1867 г., отдѣльной брошюрой и въ XXIII т. Рус. Старины. Между современниками Петровъ слылъ знатокомъ иностранныхъ литературъ. М. Н. Муравьевъ говоритъ о немъ: „Это тотъ изъ нашихъ стихотворцевъ, который знаетъ наибольшее число языковъ, ибо онъ читаетъ въ подлинникахъ Гомера, Вергилія, Мильтона, Вольтера, безъ сомнѣнія, Тасса и, помнится мнѣ, Клопштока“ (Соч., изд. 1856 г. т. II, стр. 343). Петрову принадлежитъ переводъ „Энеиды“ (1770 г.) и первыхъ трехъ пѣсенъ „Потеряннаго рая“ (1777 г.). О Петровѣ см. ст. И. А. Шляпкина — въ Историч. Вѣстникѣ 1885 г. № 11.

XL.

БОГДАНОВИЧЪ.

Душенька (1775) ([1]).

1. Плаванiе Венеры ([2]).

Богиня древнiй свой устроила парадъ
И, въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ.
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ;
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ прiятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
О если бъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркiй лучъ,
Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены, сладкiя пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь;
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ;
Другiя во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякiй трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другiя жъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.

Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру могутъ лобызать.

2. Чертоги Душеньки (3).

... Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ и послѣ полдня часъ.
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе,
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,
Сей домъ представить поспѣшу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла
И не оставила, тамъ бѣгая, угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала:
Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, осматривая вкругъ,
Желая видѣть вдругъ
И, что смотрѣть, не знала;
Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала,
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.
Для отдыха она на время отъ трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,

Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но посрединѣ ихъ въ началѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ,
Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ
И паче красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась
И внѣ себя остановилась:
Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долго бъ Душенька осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась,
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.
Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной, Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ
И, сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету,
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очьми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихій нравъ:
Полей не обогряетъ кровью
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.

А тамъ представлена она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ
И вымыслами игръ различныхъ производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ
Умѣривая умъ любителей свободъ
И, можетъ быть, странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами
Предъ Душенькою вдругъ тогда писали сами.
А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

3. Змѣй-Горыничъ (4).

Не знаю, въ первый день иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой
Богиня, въ мщеніи, послала царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Кто первую попьетъ — здоровье получаетъ,
Вторую кто попьетъ — здоровье потеряетъ;
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто счастливъ.
Пошла царева дочь тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла на всѣ труды—
Искать такой воды.
Пошла куда? и кто съ ней будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть церевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Ей на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,

Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.
При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой
И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь—
Живую ль, мертвую ль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ
И, вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
„О, Змѣй-Горыничъ, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена,
Ты ростомъ превзошелъ слона,
И видомъ краше ты верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
Широко разѣваешь пасть
И можешь всѣхъ давить когтями.
Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
Пусти ты Душеньку къ водамъ“.
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды:
Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды,
И вдругъ здоровѣй стала.
Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницѣ досадъ,
Съ водой, она, явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;
Но просто случаемъ иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился
И умыслъ въ дѣло не годился.

4. *Душенька въ аду* (5).

Къ успѣху мщенія, пришло на умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути
И нѣкакій оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера приказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.

Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ;
Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка,
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ
И отведетъ ее въ кутокъ (а),
Въ куткѣ покажетъ внизъ ступени,
По коимъ въ Адъ нисходятъ тѣни;
И Душенька тогда лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ,
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу;
И можетъ въ-послѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить
И службу надлежащимъ рядомъ
Исправно совершить.
Послѣдуя сему закону,
Пошла царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный ходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.
Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры:
Тризѣвны въ Тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь;
Церберы перестали лаять;
Замерзлый Тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ, начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду въ первый разъ,
Въ то время улыбнулся.
Узрѣвъ толь сильную посольску полномочь,
Какую при письмѣ казала царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И, по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

а) Кутъ, кутокъ—задній уголъ въ избѣ.

[1]) Этотъ годъ сочиненія „Душеньки“ показанъ Карамзинымъ въ ст.: „О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ“ (Вѣст.

Европы 1803 г.). Первое полное изданіе Душеньки принадлежитъ давнишнему пріятелю Богдановича, Алексѣю Андреевичу Ржевскому, автору многихъ стихотвореній и трагедіи „Смердій и Прелеста". Оно явилось въ Спб., 1783 г., подъ заглавіемъ: „Душенька, древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ". Имъ руководствовались мы, при помѣщеніи отрывковъ въ Хрестоматію. Въ небольшомъ предисловіи издатель исчисляетъ достоинства поэмы: „непринужденную вольность стиля, чистоту стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній". Миѳическая исторія Психеи (Души) разсказана впервые Апулеемъ, платоническимъ философомъ, жившимъ въ Римѣ во 2-мъ в. по Р. Х. Она составляетъ эпизодъ романа его: „Превращенія" или „Золотой Оселъ" и помѣщена въ 4, 5 и 6 книгахъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Въ Греціи жили нѣкогда царь и царица. Изъ трехъ дочерей ея двѣ не отличались красотою, но младшая, Психея, такъ была прекрасна, что прослыла Венерой: ей воздавали божескія почести, приносили жертвы. Венера, раздраженная такимъ поклоненіемъ земнородной, повелѣла сыну своему строго наказать Психею. Но Купидонъ, при первомъ взглядѣ на красавицу, почувствовалъ къ ней любовь. Вскорѣ, по повелѣнію оракула, родители Психеи отводятъ ее на вершину одной горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому она обречена въ супруги. Едва они покинули дочь, какъ Зефиръ переноситъ ее въ богатый чертогъ, гдѣ Купидонъ посѣщаетъ ее только почью и оставляетъ на утренней зарѣ. Психея, тронутая печалью сестеръ, которыя оплакиваютъ ея кончину, призываетъ ихъ чрезъ Зефира къ себѣ. Зависть наполняетъ сердца ихъ при видѣ счастія Психеи. Онѣ даютъ ей гибельный совѣтъ — умертвить супруга (предполагаемаго дракона) во время сна. Готовясь совершить убійство, Психея, при свѣтѣ лампады, увидѣла спящаго, поражена была небесной красотой его и въ волненіи пролила на него горячее масло. Пробужденный Купидонъ улетаетъ, упрекая свою супругу за роковое любопытство. Психея отправляется отыскивать Купидона. Когда она явилась къ Венерѣ, разгнѣванная богиня осуждаетъ ее на различныя испытанія. Психея счастливо преодолѣваетъ ихъ, даже послѣднее, состоявшее въ томъ, что она должна была сойти въ подземное царство и получить отъ Прозерпины ящикъ, наполненный благоуханіемъ красоты. Хотя ей и запрещено было открывать его, но она не могла воздержаться отъ любопытства: тогда смертоносное испареніе, вылетѣвшее изъ ящика, повергло ее на землю. Купидонъ, прикосновеніемъ стрѣлы, воззвалъ ее къ жизни. По волѣ Юпитера, Психея становится безсмертною и соединяется съ Купидономъ. Блистательный бракъ, плодомъ котораго было Наслажденіе, оканчиваетъ ея страданія.—Разсказу Апулея подражалъ Лафонтенъ въ своей повѣсти: „Les amours de Psyché et Cupidon", а сему послѣднему Богдановичъ.

[2]) Изъ 1-й книги. Венера, принеся жалобу на Психею своему сыну, возвращается на островъ Цитеру, гдѣ находился ея храмъ. Отрывокъ представляетъ картину этого возвратнаго плаванія Венеры.

[3]) Изъ 2-ой книги. И. Дмитріевъ подражалъ этому описанію въ сказкѣ своей: „Причудница".

[4]) Изъ 3-ей книги. Желая погубить Душеньку, Венера посылаетъ ее принести живой и мертвой воды, которую сторожитъ страшный змѣй.

[5]) Послѣдняя служба, которую Венера заставила служить Душеньку, въ видахъ ея погибели.

XLI.

АБЛЕСИМОВЪ (1).

Мельникъ, комическая опера (1779) (2).

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, а съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди жъ всего дерево.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Мельникъ *(одинъ)*.

(Онъ, стругая доску, поетъ, только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ):

Какъ бишь это пѣсня?... Да; „Какъ вечоръ у насъ со полуночи"... такъ... *(начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу).*

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи до бѣла свѣта...

Какой проливной было-пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро. *(Такъ же поетъ и продолжаетъ работу).*

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Ну, ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть-было и мельницу-то мою совсѣмъ не спорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да немного, а хоть и немного, да надѣлалъ дѣла. *(Поправливаетъ доску).* Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять заново. *(Подошедъ къ оркестру).* Смѣшно, право, какъ я вздумаю; говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ-де мельникъ всякій не простъ; они-де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... ха! ха! ха!... какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домового сроду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!...

ЯВЛЕНІЕ 2.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ *(его увидя)*. А! это ко мнѣ гость. На сей день будетъ

поживка *(къ Филимону)*. Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ. Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?

Филимонъ. Не пуще дальнее дѣло.

Мельникъ. Да волею, или неволею?

Филимонъ. Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-то, кони-то какіе добрые были. *(Особливо)*. Это онъ-то ворожейка, попытаюсь у него поколдоваться. *(Къ мельнику)*. Што, старинушка, хочу спросить тебя...

Мельникъ. О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимонъ. Доброе дѣло! и мы вамъ плательщики. И такъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

Мельникъ. Найдутся ли кони?

Филимонъ. Такъ, старинушка: мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ. А вотъ, эдакъ напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? *(подставляетъ руку)*.

Филимонъ. Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ *(отворачивается, сердится и начинаетъ пѣть)*:

Угадать —
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато.

Филимонъ. Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

Мельникъ. На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ. Ни изъ чего не солгу, повѣрь, пожалуй.

Мельникъ. Въ тотъ чередъ,
Напередъ,
Эти басни не подъ нужу,
Вынь-ка мошну-то наружу,
И пустого не болтай,
Да намъ денежки считай.

(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза).

Филимонъ. Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копеекъ.

Мельникъ. Это только-то?

Филимонъ. Будетъ покамѣстъ, чего больше?

Мельникъ *(особо)*. Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ. Што же ты мнѣ скажешь?

Мельникъ. А какъ теперь на дворѣ—рано?

Филимонъ. Не больно еще поздно и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ. Перевернись же три раза по солнцу.

Филимонъ. Што бы такъ?

Мельникъ. Што бы такъ! въ ворожбѣ это надо. Ну, дѣлай што велятъ!...

Филимонъ. Во твою угоду мы и повернемся. *(Вертится одинъ разъ)*.

Мельникъ. Еще противъ солнца.

Филимонъ *(вертясь)*. Еще таки и противъ солнца.

Мельникъ. Теперь стань вотъ къ этому дереву. *(Филимонъ хо-*

четъ идти, а Мельникъ говоритъ): Нѣтъ, нѣтъ, постой!... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ *(вынимаетъ платокъ).* Есть, вотъ.

Мельникъ. Зажми же глаза плотно, завяжи платомъ крѣпче... ну! ладно... теперь слушай-же: стой да нишкни, съ мѣста не двигайся и никому не аукайся; а я пойду къ старшому...

Филимонъ *(исполняя все, что Мельникъ ему ни приказывалъ).*

А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ-де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?

Мельникъ. Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ. А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ. Всполошишь всѣхъ; не надо.

Филимонъ *(про себя).* Эдакая причина!

Мельникъ. Стой же плотно.

Филимонъ. Инъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть. Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ).

Мельникъ. Тють!... тють!... што ты это чудесишь?... эдакой рахманный (а), вѣдь напужаешься... *(взявъ его за руку)* поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево *(потомъ очерчиваетъ его мѣломъ).* Ну, стой же, слышишь ли ты, плотно; не трошься и за черту ни ногою, а то быть худу. *(Отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 3.

Филимонъ (*одинъ*).

(Онъ, преклоня голову въ ту сторону, куда Мельникъ ушелъ, слушаетъ).

Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ. *(Открываетъ немного глаза).* Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... што жъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи; нѣтъ! стану курныкать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся.
Спою пѣсню; да какую жъ я спою?
А! любимую свою...

(Музыка начинаетъ, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы).

Филимонъ (продолжаетъ пѣть на голосъ:

„Какъ ходилъ, гулялъ молодчикъ").
Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Ходилъ молодецъ на Прѣсню

а) Нерасторопный, небойкій.

Изъ Сесвятскаго села (а),
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ;
Изъ Сесвятскаго села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть пугается).

Дѣвка....ду....ша....тамъ хо.... ро.... ша.... (оканчиваетъ дикимъ голосомъ).

Мельникъ. Разступись вода!... растворись мельница!.... явись ко мнѣ сѣдой демонъ!....

(вертитъ опять жерновомъ и производитъ шумъ).

Филимонъ *(дрожитъ)*. Чуръ меня!... Чуръ меня!... съ нами невидимая сила!...

Мельникъ *(подбѣгая къ Филимону)*. Ухватись, ухватись за дерево плотнѣе.

Филимонъ *(хватаясь за дерево, самъ дрожитъ)*.

Мельникъ *(обходя его кругомъ)*. Будутъ кони?... будутъ кони?.. таки будутъ?... *(сиповатымъ голосомъ)* нѣтъ, не будутъ *(обходитъ другой разъ)*. Придутъ кони?... таки придутъ ли кони?... *(также сиповато)* нѣтъ не придутъ. Што за дьявольщина! *(обходитъ третій разъ)*. Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони? *(притворнымъ голосомъ съ сердцемъ)* хоть найдутся, да не скоро... *(своимъ голосомъ)*. Исчезни жъ, окаянный!... *(самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оное; потомъ, подошедъ къ Филимону)*. Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ *(развязавъ глаза)*. У!... *(дрожа поетъ)*:

О, ты дѣдушка Ѳаддей,
И ты сильный ворожища!
Ты могучій чародѣй!

Мельникъ. Кабы ковшъ теперь пивища,
Я въ него бы поглядѣлъ;
То надѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

Филимонъ. Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ (особо). Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба.

Фил. Ты намъ дѣдушка,
Мел. Я вамъ, дѣтушки, } помога.

Фил. **Мел.** } У кого { кручины / есть денегъ } много.

Филимонъ. Итакъ, дѣдушка, пропали мои кони?

Мельникъ (поетъ). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ (поетъ). Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ. Да вотъ, пожалуй, я еще дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ *(даетъ ему денегъ)*.

Мельникъ *(заикаясь)*. А!... а кармливалъ ты ихъ овсомъ?

Филимонъ. О, нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

Мельникъ. Ну, такъ вѣкъ не найдутся.

Филимонъ. Эдакое мое горе!

а) Прѣсня—улица въ Москвѣ. Всесвятское—село въ 5 верстахъ отъ Москвы.

Мельникъ. Постой еще: подай-ка мнѣ свою руку! (Филимонъ кажетъ ру̀ку, а Мельникъ водитъ на лодони пальцемъ).

Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердцѣ кручина пала...

Филимонъ *(особливо)*. Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

Мельникъ. Погляди-ка сюда пряменько! што-то есть у тебя на мысли?

Филимонъ. Охъ! старинушка, есть.... да боюсь молвить.

Мельникъ. Не бось, не бось, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу; авось либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ. Нѣтъ, дѣдушка, кажется, несбыточное дѣло, и статца-то этому не можно.

Мельникъ. Не болтай пустова.

Филимонъ (поетъ на голосъ: „Западала путь—дороженька моя").

Я повѣдаю тоску печаль ему,
Отъ чего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожища,
И мнѣ сталея быть дружища;
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю...

Мельникъ. Не утай, не утай ничего; а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ. Ну, инъ быть такъ, правду молвить: я прибрелъ было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ добрый молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красна дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ несогласны; старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство по неволѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, старуха хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-то мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ. О! о! это плевое дѣло; я смекнулъ какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! что за работу?

Филимонъ. Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ. Ну-тка по рукамъ... ладно!...

(Поетъ на голосъ „Вы рѣченьки, рѣченьки").

Не кручинься, молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ;
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ;
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимонъ. О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

Мельникъ. Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ въ-вѣкъ не буду!...

Филимонъ. Чудеса ты все творишь:
Какъ рублемъ меня даришь.

Мельникъ. Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться.

Филимонъ. Пойдемъ къ дѣлу поспѣвать.

Мельникъ. Пойдемъ свадьбу затѣвать.

Оба. А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И приттить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачекъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючекъ.

¹) О жизни Александра Онисимовича Аблесимова (1742—1783) мало извѣстно. Служилъ онъ сначала въ лейбъ-компанской канцеляріи при А. П. Сумароковѣ, стихотворенія котораго часто переписывалъ на-бѣло, что возбудило въ немъ склонность къ стихотворству. Потомъ опредѣлился онъ въ Комиссію проекта новаго Уложенія, а отсюда перешелъ въ военную службу, дослужился до капитанскаго чина и былъ экзекуторомъ при московской управѣ благочинія. Въ 1781 г. Аблесимовъ издавалъ еженедѣльное изданіе: „Разскащикъ забавныхъ басенъ“. Онъ сотрудничалъ въ Трудолюбивой пчелѣ, Всякой всячинѣ и Трутнѣ. Нѣкоторыя его произведенія встрѣчаются съ подписью Азазесъ Азазесовъ. (Слов. Евгенія. I; Энцикл. Лекс., I).

²) „Комическая опера Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ. Въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена А. Аблесимовымъ. Представлена въ первый разъ, на московскомъ театрѣ, генваря 20 дня 1779 г.“. Годъ изданія не означенъ. Вѣроятно, это первое, явившееся въ самый годъ представленія пьесы. Содержаніе заключается въ томъ, что Мельникъ Ѳадей устраиваетъ свадьбу крестьянской дочери Анюты и однодворца Филимона. Пользуясь народнымъ суевѣріемъ, онъ выдаетъ себя за колдуна, получаетъ за колдовство деньги и ловко примиряетъ желанія родителей Анюты, изъ которыхъ отецъ хотѣлъ непремѣнно выдать ее за крестьянина, а мать за дворянина, такъ какъ она сама дворянскаго происхожденія. Филимонъ—однодворецъ, а однодворецъ, по словамъ Мельника, и дворянинъ и крестьянинъ вмѣстѣ, что выражается имъ въ загадкѣ:

Еще што до таково,
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ;
Самъ и пашетъ, и оретъ,
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

„Мельникъ“ пользовался большимъ успѣхомъ въ представленіи: „Сія пьеса (сказано въ „Драматическомъ Словарѣ“) столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся; а потомъ въ С.-Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ спектатеровъ и плесканія“. Успѣхъ объясняется тѣмъ, что „Мельникъ“ написанъ въ русскихъ народныхъ нравахъ, что въ немъ есть элементъ дѣйствительно національный, тогда какъ другія комедіи переносили на нашу сцену вовсе не русскіе обычаи и нравы. Содержаніе ихъ чужеземное, хотя дѣйствующія лица назывались русскими именами и говорили русскимъ языкомъ. Комическія оперы являлись и до Аблесимова; но онѣ страдали искусственностью, въ ложномъ цвѣтѣ представляли дѣйствительность: такъ въ 1772 г. играна была „Анюта“, Михайлы Попова, а въ 1777 г. „Перерожденіе“ съ русскими пѣснями. Замѣчательно, что образованная публика, привыкшая къ такъ-называемой „высшей комедіи“, подозрительно и даже презрительно смотрѣла на комическія оперы, которыя выводили на сцену иную, болѣе простую и близкую къ намъ жизнь. „Прежде оперы „Перерожденіе“, говоритъ „Драматическій словарь“, никакихъ

еще оперъ на московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную рѣшились играть, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ между большою комедіею и сею оперою". Въ какомъ отношеніи комическая опера находилась къ высокой комедіи, въ такомъ же отношеніи стояла ложно-классическая, героическая трагедія къ трагедіи мѣщанской или слезной комедіи": извѣстно, какъ Сумароковъ смотрѣлъ на переводъ „Евгеніи", Бомарше. Но большинство зрителей врожденнымъ чувствомъ и здравымъ смысломъ цѣнило и „Евгенію" и „Мельника", какъ такія піесы, въ которыхъ природа беретъ верхъ надъ искусственностью. Напротивъ, образованное меньшинство склонялось на сторону искусственности, находя въ ней, по ученію господствовавшей тогда теоріи, облагороженіе, возвышеніе природы. — Талантливое сочиненіе производитъ всегда подражанія: за „Мельникомъ" слѣдовали: „Деревенская судьба", Прокудина - Горскаго (1782), „Выдуманный кладъ", Ивана Соколова (1782), „Сбитеньщикъ", Княжнина (1783), „Колдунъ, Ворожея и Сваха", Ивана Юкина (1789) и др.

Въ эпоху господства французскихъ воззрѣній на искусство, успѣхъ „Мельника" объяснился согласіемъ его съ законами ложно - классической драмы. Мерзляковъ никакъ не хотѣлъ приписать популярность піесы тому только, что она „сочинена въ русскихъ нравахъ". Онъ ищетъ другихъ, эстетическихъ причинъ и въ одномъ изъ своихъ чтеній (Вѣст. Евр. 1817, № 6) доказываетъ, что Мельникъ", подобно всѣмъ лучшимъ трагедіямъ и комедіямъ, вполнѣ оправдываетъ законы Аристотеля, наставленія Горація и Буало, и вообще правила науки о вкусѣ. Доказательства его слѣдующія:

а) Комическая піеса тѣмъ продолжительнѣе дѣйствуетъ (Чтеніе Мерзлякова напечатано черезъ 38 лѣтъ послѣ появленія піесы, которая все еще прочно держалась на театрѣ), чѣмъ слабость, или предразсудокъ, въ ней осмѣиваемый, менѣе частный и временный, но болѣе общій и господствующій. При томъ содержаніемъ комедіи должно быть смѣшное, пріятное или забавное, которое не унижало бы нашей природы или нашего о себѣ мнѣнія и льстило бы самолюбію нашему пріятнымъ времяпровожденіемъ на счетъ другаго. Въ „Мельникѣ" все это имѣется: его басня — свадьба, устроенная хитростію. Когда же этого не было, нѣтъ и не будетъ?

б) Всѣ лица просты, но не глупы до отвратительности, не надуты сверхъ своего званія.

в) Завязка лежитъ въ характерахъ и въ существѣ басни; развязка происходитъ также изъ характеровъ званія самыхъ лицъ.

г) При хорошо выдержанныхъ характерахъ, при сохраненіи нравовъ и обычаевъ, соблюдена чистота и свобода слога. Пѣсни вообще хороши, забавны, пріятны. Слогъ разговора натуральный, простой, народный, но не низкій.

д) Ходъ дѣйствія натураленъ и простъ. Всѣ приходятъ и уходятъ въ свое время и съ намѣреніемъ. Есть, кажется, недостатокъ въ сохраненіи единства времени.

XLII.

ВЕРЕВКИНЪ (1).

Такъ и должно, комедія (1773) (2).

дѣйствіе II, явленіе 3.

Маланья, Угаръ и Афросинья Сысоевна.

Афросинья Сысоевна. Къ чему, мать моя, эдакая люминація! Вѣдь еще почти бѣлый день: свѣтлымъ свѣтлехонько, а она дай свѣчи переводить. Уткни носокъ ко всякому дѣлу! эдакому песту можно бы и самой догадаться! А, да и ты, Угаръ, здѣсь? Объ немъ и не скажетъ негодная.

Угаръ. Михайла Николаичъ приказалъ поклониться и доложить вамъ, позволите ли ему, сударыня, теперь къ вамъ быть.

Афросинья Сысоевна. Добродескать, батюшка, пожаловать *(Угаръ, поклонясь, уходитъ)*. А ты, повѣса, позови ко мнѣ Софьюшку.

Маланья. Слышу, сударыня *(Выходя говоритъ сама съ собою)*. Кабы за всякое бранное слово хотя бы по волосу у тебя рвать, такъ бы скоро мы тебя въ паричину нарядили.

Афросинья Сысоевна. Долго ли тебѣ бормотать-то? Что ей ни молви, нѣтъ таки того, чтобъ ей чего не проворчать. Добро, мой другъ, я тебя отъ этой болѣсти вылѣчу. Забудешь ты у меня по сорочьему-то щекотать. Ужъ нѣтъ ли тутъ какого подвоху? Я лишь было собралась къ стряпчему-то писать, анъ отъ него и брякъ ко мнѣ отписка съ почты... Что-то онъ въ ней размазываетъ, посмотримъ *(надѣваетъ очки и читаетъ)*: „Государынѣ Афросиньѣ Сысоевнѣ, холопъ вашъ Тришка Анкудиновъ челомъ бьетъ. Вѣдомо тебѣ, государыня, буди, что въ московскомъ вашемъ, государыня, домѣ обстоитъ все благополучно, а что вы, государыня, поволили писать съ ходокомъ Филаткою, чтобъ я справился, гдѣ надлежитъ, всѣ ли по присланной, государыня, съ нимъ запискѣ вотчины состоятъ за господиномъ Доблестинымъ“ *(остановясь и подумавъ, сама съ собою говоритъ)*: экая память! и позабудь, что ужъ къ нему объ этомъ писала *(продолжаетъ читать)*. „И я, государыня, справлялся; только отъ имени его милости купчихъ закладныхъ и векселей въ протестѣ нигдѣ не оказалось. А на оное истрясъ господскихъ вашихъ денегъ полтора рубли“ *(срывая очки съ носа, кропчется)*: о своемъ ли ты умѣ? полтора рубли! будто это шутка! заглянуть въ книгу, да и полтора рубли! Изрядно, хорошо: какъ поживешь ты у меня безъ мѣсячины полгода мѣста, такъ и будетъ-те полтора рубли; да и ништо! станешь лучше беречь господскія денежки, благо

не ты ихъ наживаешь, и не спросишь, что у барыни отъ нихъ голова вкругъ вертится... Да полно, что и на малаго-то пенять! попадись только крапивному-то сѣмени, такъ и животу не будешь рада. Ненасытная проклятая глотка! суй имъ, какъ въ адово дно; а они только тебя завтраками кормятъ. Узнала я васъ за грѣхи мои, злодѣевъ. Легко-то молвить, высосали они у меня однажды рублей право съ тридцать. А запасу-то, а вина-то сколько вытрескали! насилу то на великую добилась отъ нихъ толку. Однако, слава Богу, что деревеньки у жениха-то не промахнуты. Во святой часъ! дѣвку взрослую сживай съ рукъ скорѣе: не домашній это товаръ. Женишки-то нынѣче въ сапожкахъ ходятъ, а дѣвками-то хоть прудъ пруди. Кто-то пріѣхалъ! Карета загремѣла... Дѣвка! дѣвка! Малашка! глухой чортъ! докличусь ли я тебя?

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Маланья.

Маланья *(бѣжитъ изо всей мочи, запыхавшись)*. Чего изволите, сударыня?

Афросинья Сысоевна. Чего изволите, сударыня! съ одного слова никогда, проклятая, не пойдешь! посмотри, кто взъѣхалъ на дворъ.

Маланья *(смотря за кулисы)*. Знать женихъ, сударыня, барышнинъ; вонъ и Угаръ принимаетъ кого-то изъ кареты. Ахъ, какой же красавецъ! какъ же разряженъ! какъ же распудренъ! таки леткомъ летитъ на крыльцо-то. Въ сорочкѣ ты, сударыня, родилась. Пойду, побѣгу, безъ памяти къ ней побѣгу, съ радошною вѣсточкою *(Софья выходитъ)*. А, вотъ она сама. Ну, матушка, можно сказать, что молодецъ, хотя бы за нимъ душеньки-то христіанской не было! его одной души, право, съ васъ полно. То-то, что говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

Афросинья Сысоевна. Вѣтреная мельница! похабница безстыдная! трещетка дьявольская! зажмешь ли ты, проклятая, поганый свой ротъ?

Маланья. Развѣ вы, сударыня, мнѣ его заприте замкомъ да и запечатайте.

Софья. Перестань, Маланья, вотъ онъ уже входитъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 1.

Театръ представляетъ судейскую комнату. Протазанъ сидитъ за столомъ, между тѣмъ какъ Урывай читаетъ дѣло, начинаетъ скоро зѣвать, а потомъ и засыпаетъ.

Урывай. Почасту заслушиванному, но никогда не дослушанному вашимъ высокородіемъ отвѣту въ Провинціальную Канцелярію, не позволите ли окончательное учинить разсмотрѣніе?

Протазанъ. Ну, да вѣдь ты читалъ: коли ладно, такъ дѣло-то и въ шляпѣ.

Урывай. Однакожъ де не худо бы и попрослушать со вниманіемъ.

Протазанъ. Инъ читай, коли-то хочется, да попроворь пожа-

луй: мнѣ еще къ ратману не опоздать бы на крестинный пиръ, чай, и ты туда же званъ.

Урывай. При милости, осударь, вашей и мы нижайшіе не преминемъ, аще что отъ Бога не зайдетъ. *(Надѣвъ очки, кашляетъ и, перекрестяся по раскольничьи, съ разстановкою и крѣпко начинаетъ читать):* Въ Провинціальную Канцелярію *(еще кашляетъ и утирается)* покорнѣйшее доношеніе: Понеже указомъ оныя Провинціальныя Канцеляріи, отъ тридесять перваго февраля мѣсяца тысяча седмь сотъ шестьдесятъ перваго года. А полученнымъ того же теченія въ первый день апрѣля повелѣно прислать въ самой скорѣйшей скорости отвѣтъ: 1) *(кашляетъ)*. Чего ради не имѣется въ полученіи многократно требованныхъ именныхъ списковъ содержащимся колодникамъ, съ точнымъ показаніемъ, кто именно, съ котораго году, мѣсяца и числа, и по какимъ винамъ содержатся, и чего ради тѣ колодники задолжаются чрезъ многіе годы въ тюрьмѣ безъ всякаго рѣшенія ихъ дѣлъ? *(снявъ очки, сморкаетъ носъ, и потомъ, ихъ надѣвъ, продолжаетъ).* 2) Чего ради реченной Канцеляріи съ приписью Урывай Алтынниковъ, въ противность указовъ, покупаетъ въ уѣздѣ правленія означенной Канцеляріи находящіяся между владѣльцами въ спорахъ земли и людей на вывозъ, какъ о томъ значится по учиненнымъ съ Крѣпостною Конторою справкамъ и въ поданныхъ о томъ прошеніяхъ? *(кашляетъ).* 3) Понеже многія знатныя особы приносили его превосходительству господину губернатору жалобы, да и самъ его превосходительство, въ нынѣшній его объѣздъ губерніи, частію самъ усмотрѣть и частію слышать изволилъ, что, по всѣмъ вѣдомства оной Канцеляріи мѣстамъ, большія дороги находятся въ крайнемъ запущеніи и почти нигдѣ нѣтъ надлежащихъ мостовъ и перевозовъ; что какъ въ городѣ, такъ и по торговымъ селамъ происходитъ обмѣръ вина и обвѣсъ соли, да и хлѣбъ покупается и продается не въ одну мѣру; что при платежѣ подушныхъ денегъ и всякихъ государственныхъ податей, а наипаче при наборахъ рекрутскихъ происходятъ великія плутовства, лакомства и безпорядки *(кашляетъ и вздыхаетъ)*. 4) Что его превосходительство съ нарочнымъ подтвердилъ особливо смотрѣть за таковыми неустройствами часто упоминаемой Канцеляріи воеводѣ Протазану Безсчетному, но отъ него Безсчетнаго никакого репорта не имѣетъ, и обо всемъ ономъ прислалъ его превосходительство въ Провинціальную Канцелярію предложеніе съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ непремѣнно чрезъ одну недѣлю оною Воеводскою Канцеляріею присланъ былъ о вышеписанномъ упущеніи должности своей, для положенія штрафа, отвѣта, а при ономъ и приписаннаго тоя Канцеляріи Алтынникова

прислать же бы скованнаго за карауломъ *(Урывай, положа бумагу на столъ, снимаетъ очки, и потомъ будитъ Протазана, подергивая его за полу).*

Урывай *(тихо).* Ваше высокородіе! *(погромче)* ваше высокородіе! *(очень громко)* ваше высокородіе! *(изо всей мочи)* ваше! ваше! ваше высокородіе!

Протазанъ. Ухъ! ухъ!.. Что такое сдѣлалось? *(протираетъ глаза, потомъ потягивается и зѣваетъ).*

Урывай. Дѣло-то, сударь, плохонько. Надобѣ неукоснительно секретарю нашея провинціи Силуяну Кипріановичу его благородію Обиралову отдать поклонъ; а то хлопотно и вамъ милостивому отцу, да и мнѣ мизирному не пригоже быть можетъ. Заутрешняго числа имѣетъ отъ меня быть посланъ парень, куда надлежитъ, да и повытчики наши — спасетъ *(крестится)* ихъ Богъ!— посложилися, по силѣ помочи, малую толику. Не соизволили ли запамятовать и вы, осударь, объ иноходчикѣ-то? Такъ бы совокупно и отправили: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Протазанъ. Помню, братъ; какъ не помнить! да игренька-то лиха добра: разстаться-то мнѣ съ нею не по нутру! *(зѣваетъ и потягивается).*

Урывай. Наживное, осударь, дѣло: вѣдь не деньги платить.

Протазанъ. Нескоро, братъ, гдѣ эдакую *(зѣваетъ)* подцѣпишь. *(Урывай надѣваетъ очки и, покашлявъ, принимается за бумагу).* Полно, братъ, барабанить-то, подавай-ка сюда: я подмахну. Вѣдь ты подпишешь же: такъ что тебѣ, то и мнѣ; по нашей бы по драгунской совѣсти — сѣчь, рубить, жечь, потрошить, такъ то наше дѣло: а грамотку-то мы по середнему знаемъ: ты чай и крещенъ въ чернилахъ-то, такъ тебя не объѣдутъ. *(Подписываетъ не читавъ).*

Урывай. Инъ воля вашего высокородія: мы недѣльку другую жевали это дѣльце; кажется, написано на стать.

[1]) Веревкинъ, Михайло Ивановичъ (ум. 1795), воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ военную службу 1742 г.; при открытіи Московскаго Университета (1756) опредѣленъ въ него асессоромъ; 1758 г. назначенъ въ Казань директоромъ учрежденной тамъ гимназіи, которую и открылъ 1759 г., а въ слѣдующемъ году (1760) губернаторскимъ товарищемъ. По доносу учителей на разные безпорядки, Шуваловъ отставилъ его отъ директорства (1761). Въ 1763 г. повелѣно ему быть при Кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на русскій языкъ книгъ. Во время Пугачевскаго бунта состоялъ директоромъ походной канцеляріи гр. И. П. Панина. Снова опредѣлился на службу, 1776 г., членомъ учрежденнаго при новгородской губернской канцеляріи департамента для рѣшенія старыхъ дѣлъ; отсюда, того же года, перешелъ совѣтникомъ въ тверское, а изъ Твери (1777) совѣтникомъ въ новгородское намѣстническое правленіе. Въ 1778 г. получилъ мѣсто предсѣдателя тверской гражданской палаты; вышелъ въ отставку 1781 г. Между бумагами Веревкина найдена роспись его лите-

ратурныхъ трудовъ, показывающая, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ переводчиковъ и сочинителей. Главнѣйшіе его переводы: Записки Сюлли, 10 ч. (1770—76); Исторія о странствіяхъ вообще, сокращенная Лагарпомъ изъ Исторіи Прево. 22 ч. (1782 — 87), Записки о Китайцахъ, 6 ч. (1786 — 88); Миллотовы Исторіи: Англійская, 3 ч. (1786—88) и Французская, 3 ч. (1788); Исторія Турецкая, Миньота, 4 ч. (1790); Словарь географическій, Вожьеня, 5 ч. (1791); Наставникъ или всеобщая система воспитанія, 12 ч. (1789 — 92), и мн. др. Изъ сочиненій его извѣстнѣе всего комедіи: Такъ и должно (1773), Именинники (1774) и Точь въ точь (1785). (См. послужной списокъ Веревкина въ 12 № Москвит. 1842, стр. 398 — 402; Лѣтописи Рус. лит. Н. С. Тихонравова, т. 2, и ст. Петровскаго въ Рус. Бесѣдѣ, кн. 1).

²) „Такъ и должно". Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Печатана при И. Московскомъ Университетѣ 1773 года". Посвящена князю Петру Ивановичу Репнину: „Удостоенъ будучи обхожденія вашего (говоритъ Веревкинъ въ посвященіи), съ неизрѣченнымъ услажденіемъ души моей я насмотрѣлся, что отличныя дѣйствія добродѣтели не токмо въ самыхъ ихъ существахъ, но даже и въ книгахъ описываемыя, и рукою искуснаго художника изображаемыя, приводятъ насъ въ пріятный восторгъ, а нерѣдко и самыя извлекаютъ слезы, толико вкусныя чувствительнымъ сердцамъ. Сіе первое мое драматическое покушеніе, хотя въ слабыхъ весьма чертахъ, но замыкаетъ однакоже въ себѣ сіи божественныя дѣйствія человѣковъ". Слова эти показываютъ, какъ замѣтилъ кн. Вяземскій, что Веревкинъ цѣнилъ болѣе драматическій интересъ своей піесы, чѣмъ комическій, т.-е., что піеса его принадлежитъ къ такъ-называемымъ слезнымъ драмамъ или слезнымъ комедіямъ, въ родѣ драмъ Лашоссе, Мариво, Дидро и другихъ. Дѣйствіе происходитъ, по словамъ самого автора, „въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ". Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, внучку уѣздной дворянки Афросиньи Сысоевны, страшно недовольной настоящимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ, фармазоновъ. Софья также любитъ Доблестина, и къ свадьбѣ ихъ нѣтъ никакого препятствія; но Веревкинъ ввелъ въ піесу дядю Доблестина и сдѣлалъ изъ него лицо мелодраматическое. Старый Доблестинъ, записанный въ службу еще въ 1704 г., былъ во всѣхъ шведскихъ и турецкихъ походахъ. Въ турецкую кампанію при Аннѣ (1739) попался онъ въ плѣнъ, былъ отведенъ въ Царьградъ и проданъ какому-то фанатику, который принуждалъ его перейти въ магометанство, подвергая за отказъ страшнымъ мучительствамъ. Сынъ фанатика отпустилъ его, и онъ, по 20-ти лѣтнемъ странствованіи, достигъ отечества при самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Стыдясь нищеты, Доблестинъ хотѣлъ выпросить у правительства вознагражденіе за свои бѣдствія, чтобъ потомъ показаться къ родственникамъ въ приличномъ видѣ. Съ этою цѣлью явился онъ въ провинціальную канцелярію за надлежащимъ свидѣтельствомъ, но воевода ему не повѣрилъ, принялъ его за бродягу и посадилъ въ тюрьму, откуда выпускали его просить подаянія. Въ этомъ-то колодникѣ-нищемъ молодой Доблестинъ узналъ своего дядю, котораго уважалъ какъ отца, устроилъ его дѣло и пригласилъ жить къ себѣ. Софья совершенно раздѣляетъ благородныя чувства жениха. Афросинья Сысоевна остановилась было своимъ согласіемъ на бракъ, когда племянникъ хотѣлъ уступить

дядѣ половину своего имѣнія; но упорство старой и брюзгливой скопидомки побѣждается тѣмъ, что женихъ отказывается отъ приданаго Софьи. Многія мѣста комедіи доказываютъ въ Веревкинѣ живой и острый умъ и несомнѣнный драматическій талантъ. Вотъ какъ отзывается о ней кн. Вяземскій: „Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламаторскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушія и прочихъ театральныхъ пружинахъ. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны; старуха Афросинья Сысоевна, воевода Протазанъ Безсчетный, Урывай Алтынниковъ, съ приписью подъячій, суть лица истинно комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю, сцены въ судейской комнатѣ, когда Урывай читаетъ дѣла, а воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ, или когда молодой Доблестинъ приходитъ требовать освобожденія дяди своего изъ беззаконнаго заточенія, должны производить сильное впечатлѣніе на зрителей; онѣ вообще набросаны живо и не безъ душевной теплоты. Тутъ есть Фока, домовый дуракъ, но характеръ его блѣдно назначенъ. Напрасно комики наши мало пользовались симъ лицемъ, принадлежностью барскаго дома въ старину: въ нашей старой комедіи домашніе дураки и дуры могли бы замѣнить французскихъ Фронтиновъ и Лизетъ, которыя у насъ совершенно не у мѣста“. (Фонъ-Визинъ).

XLIII.

ХЕМНИЦЕРЪ (1).

1. *Два сосѣда (1778)* (2).

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ,
И каждый день намъ тожъ примѣрами твердитъ,
Какъ можно не вплетаться въ споры;
А если и дойдетъ нечаянно до нихъ,
Не допуская въ даль, прервать сначала ихъ;
И лучше до суда хоть кой-какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть и вовсе просудиться,
Иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.
Въ саду бѣдъ пропасть накутила
И гряду цѣлую изрыла.
Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ:
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали;

Изъ избъ всѣ люди побѣжали
И свинью ну травить,
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили,
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
(Обычай на Руси такой).
Тутъ лай собакъ, и визгъ свиной,
И крикъ людей, и стукъ побой
Такую кашу заварили,
Что бъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
И люди травлю тѣмъ рѣшили,
Что свинью наконецъ убили:
Охотники тѣ люди были!
Сосѣды въ тяжбу межъ собой;
Непримиримая между сосѣдовъ злоба;
Огнемъ другъ на друга сосѣды дышутъ оба;
Тотъ проситъ на него за садъ изрытый свой,
Другой, что свинью затравили;
И первый говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что у меня ты садъ изрылъ.
Другой же говорилъ:
Я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ,
Что свинью у меня мою ты затравилъ.
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтобъ они другъ другу уступили?
Нѣтъ, мысль ихъ не туда:
Во что бъ ни стало имъ, хотятъ искать суда,
И подлинно суда искали.
Пока всѣ животы судьямъ перетаскали:
Не стало ни кола у истцовъ, ни двора.
Тогда судьи имъ говорили:
Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
Для пользы вашей и добра
Мириться вамъ пора.

2. Богачъ и Бѣднякъ (1778) (3).

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь, какъ дѣтина.
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей
Того почтенья не дождется,
Какое отo всѣхъ богатымъ отдается.
Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;

Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое: иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хотя заслугой, ни умомъ,
Ни чиномъ онъ не отличался;
Но только въ двери показался,
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачемъ,
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ, то тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
Зачѣмъ, онъ говоритъ ему,
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?—
Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякій занимаетъ.

3. Мартышка, обойденная при произвожденіи (1778).

Случилося у льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать;
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
„Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?“
Мартышка говоритъ,
На льва разсержена.
Обижена была она
И обойденною считалась:
„Передъ лицемъ служа, мартышкой я осталась!
Медвѣдь сталъ господинъ;
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить:
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они или самихъ ихъ били.
А я—
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,
Извѣстна служба льву моя;
Извѣстно, кто чего достоинъ“.—
Да гдѣ жъ служила ты? барсукъ ее спросилъ:—
„Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Шутила всякій день, а онъ меня сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ“.—
Шутила ты вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно,

Твой также трудъ не малъ,
Барсукъ ему сказалъ;
Но произвесть тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

4. Домовой (1781).

Пусть люди бы житья другъ другу не давали;
Да ужъ и черти тожъ людей тревожить стали!
Хозяинъ, говорятъ, одинъ какой-то былъ,
Которому отъ Домоваго
Покою не было въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
Хозяинъ, чтобъ спастись несчастія такого,
Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладаномъ курилъ,
Молитву отъ духовъ творилъ,
Себя и весь свой домъ крестами оградилъ,
Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
Чтобъ мѣломъ крестика отъ чорта не поставилъ:
Но ни молитвой, ни крестомъ,
Онъ отъ нечистаго не могъ освободиться.
Случилось стихотворцу въ домъ
Къ хозяину переселиться.
Хозяинъ радъ, что есть съ кѣмъ скуку раздѣлить;
А чтобъ смѣлѣе быть,
Когда нечистый появится,
Зоветъ онъ автора съ нимъ вечеръ проводить,
И проситъ сдѣлать одолженье
Прочесть ему свое творенье.
И стихотворецъ въ угожденье
Одну изъ слезныхъ драмъ хозяину читалъ
(Однако имя ей комедіи давалъ),
Которою хотя хозяинъ не прельщался,
Да сочинитель восхищался.
Нечистый духъ, какъ часъ насталъ
Хозяину хоть показался,
Но и явленія не выждалъ одного:
По кожѣ подрало его,
И стало не видать.—Хозяинъ догадался,
Что домовой чего-то не взлюбилъ.
Другаго вечера дождавшись, посылаетъ,
Чтобъ посидѣть опять къ нему писатель былъ,
Котораго опять читать онъ заставляетъ.
И онъ читаетъ...
Нечистый только лишь придетъ,
И тѣмъ же часомъ пропадетъ.—
Постой-же! разсуждалъ хозяинъ самъ съ собою:
Теперь я слажу съ сатаною—
Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходить!
На третью ночь одинъ хозяинъ нашъ остался.

Какъ скоро полночь стало бить,
Нечистый тутъ. Но чуть лишь только показался,
Эй, малый, поскорѣй! хозяинъ закричалъ,
Чтобъ стихотворецъ ту комедію прислалъ,
Которую онъ мнѣ читалъ.
Услыша это, духъ нечистый испугался,
Рукою замахалъ,
Чтобы слуга остался;
И словомъ, Домовой
Пропалъ, и въ этотъ домъ ужъ больше ни ногой.
Вотъ, если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ:
Какимъ бы способомъ другимъ
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячу бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ домы станутъ появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться.

5. Лисица и Сорока.

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить?
Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
Я чаю, есть что перенять,
Когда ты станешь разсуждать.—
Все, что я говорю, Сорока отвѣчала,
Относится къ тому, чтобъ, истину вещей
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И такъ большимъ моимъ стараньемъ предуспѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Отъ жука до орла,
Яснѣе всѣхъ ее изслѣдовать умѣла
И толкъ дала.
Большое, говоритъ Лисица, одолженье
Мнѣ было бы твое услышать наставленье,
Когда бы ты не въ трудъ сочла.
Какъ иногда педантъ глубоко-изученный,
Наукой и собой надутъ и зараженный,
Готовясь преподать спасительный урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры зашагаетъ
И важно въ носовой свой шелковый платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно на суку Сорока повертясь
И поученіе подать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала.
Потомъ, принявъ ученый видъ,
Я рада, говоритъ,
Моимъ дѣлиться дарованьемъ;
Пусть пользуется всякъ, и малый и большой,

Открытымъ мнѣ познаньемъ.
Послушай! о тебѣ самой
Теперь я разсуждала:
Ты вѣдь четыре у себя
Ноги до этихъ поръ считала;
А не четыре ихъ! Хоть странно для тебя
Покажется: но знай, все, чтобъ я ни сказала,
Не доказавъ не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда.
Примѣтила ли ты: когда
Ты ступишь, то всегда
Нога твоя въ движеньи;
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда.
Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
А слушай, что теперь я буду выводить.
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То все нога твоя не по землѣ-ль ступаетъ?
Примѣть же ты свой хвостъ: когда нога шагнетъ,
То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
То такъ точнехонько и хвостъ твой выступаетъ.
А изъ того теперь и нужно заключить,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ быть.
И вотъ, на чудное по видимости мнѣнье,
При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенье.—
Не образумившись отъ мудрыхъ толь рѣчей,
Лисица, пятую поджавъ смиренно ногу,
Пошла и всю дорогу
Твердила: стало быть не межъ однихъ людей,
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

6. Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ, чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился:
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А на-вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ по-просту болталъ:
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали:
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьѣ
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньѣ:
„Сыскать начало всѣхъ началъ“,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести, —
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А умный между тѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
„Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье,
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...“
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
Вотъ, говоритъ, тебѣ веревка, ухватися!
Я потащу тебя, держися!—
„Нѣтъ, погоди тащить! скажи мнѣ напередъ,“
Понесъ студентъ обычный бредъ:
„Веревка вещь какая?“—
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ.
Вопросъ ученый оставляя,
Веревка вещь, ему отвѣтствовалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ. —
„На это бъ выдумать орудіе другое!“
Ученый все свое несетъ:
„А это что такое!...
Веревка!.. вервіе простое!“—
Да время надобно, отецъ ему на то:
А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово.
„Да время что?...“
А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять;
Сиди, сказалъ отецъ, пока приду опять.—
Что если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

[1]) Самъ Хемницеръ (1745 — 1784) напечаталъ не всѣ свои басни, но сперва (1779 г.) 33, которыя потомъ, въ изданіи 1782 г., составили 1-ю часть сборника, во 2-ую же вошли 35 новыхъ басенъ. По смерти автора, явилось 3-е изд. (1799), въ которомъ прибавлена еще часть (3-ья), содержащая 23 басни. Изданіе это принадлежитъ Н. А. Львову. Послѣ этого басни Хемницера издавались часто. Новѣйшее изданіе сдѣлано Я. К. Гротомъ въ его книгѣ: „Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣчаніями“ (1873).

[2]) Изъ Геллерта, у котораго названа Тяжбою (Der Process). Хемницеръ во многомъ передѣлалъ ее по русскимъ нравамъ, почему и не указалъ заимствованія.

[3]) Тоже изъ Геллерта, которому Хемницеръ большею частію подражалъ.

[4]) Изъ Геллерта: „Das Gespenst.“ Въ подлинникѣ стихотворецъ читаетъ трагедію; Хемницеръ вывелъ его съ слезной комедіей, особымъ родомъ драмы, который въ то время входилъ въ моду.

[5]) Басня Геллерта: „Der Fuchs und die Elster“, изображаетъ, подъ видомъ сороки, нѣмецкихъ педантовъ, зараженныхъ страстію къ софизмамъ и искусствомъ доказывать ихъ по правиламъ логики.

[6]) Противъ направленій современной Геллерту эпохи къ занятіямъ и изслѣдованіямъ метафизическимъ.

XLIV.

КНЯЖНИНЪ.

А. Дидона, трагедія (1769) ([1]).

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 4.

Дидона и Елиза.

Елиза. Причина твоего неукротима стона,
Любезный твой, письмо оставилъ здѣсь Эней.
Ты, можетъ быть, найдешь къ утѣхѣ что твоей...

Дидона. Подай... подай! чего теперь еще страшиться?
Почто мнѣ трепетать? онъ можетъ возвратиться...
Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать...
Онъ можетъ быть... Прочтемъ, возможно ль все узнать?..
Лобзаю я черты, черты руки любезной,
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть...
Чего жъ страшиться мнѣ? могу ль несчастнѣй быть? *(Читаетъ)*:
„Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
„Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны:
„Опредѣлили мнѣ, тебя на вѣкъ лишась,
„Въ путь славы шествовать, во горести крушась.
„Дидона, покорись боговъ безсмертной волѣ,
„Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
„Коль хочешь ты, чтобъ твой на свѣтѣ жилъ Эней,
„Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей!“
Живи!.. Нѣтъ, я умру! ты жить повелѣваешь,
А самъ, жестокій, самъ меня ты убиваешь!..
Стремись, бѣги, скорѣй направити вели
Врагамъ бѣгущимъ вслѣдъ изъ града корабли!

Елиза. Но солнца лучъ еще земли не освѣщаетъ,
И ночь бѣгущихъ путь отъ нашихъ глазъ скрываетъ.

Дидона. О ночь! престрашна ночь! покровъ злодѣйскихъ дѣлъ,

Въ которую Эней въ невѣрности успѣлъ!
О льстивый сонъ! почто не сталъ ты сномъ мнѣ вѣчнымъ?
И вмѣсто, чтобъ манить спокойствіемъ сердечнымъ,
Почто призракомъ ты, внушить могущимъ страхъ,
Спокойства не прервавъ, въ ужаснѣйшихъ мечтахъ
Не предвѣщалъ ты мнѣ свершаемаго бѣдства?
Я, востревожена, еще нашла бы средства
Клятвопреступника жестока удержать;
Въ отчаяньи я все дерзнула бъ предпринять:
Я, грудь его пронзивъ, свою бы поразила
И смертію бъ себя съ невѣрнымъ съединила.

Елиза. Престань, терзаяся, царица, насъ крушить:
Страданіемъ нельзя утраты возвратить,
И всѣ стенанія твои уже напрасны.

Дидона. Сокройтесь отъ меня: мнѣ смертны всѣ ужасны!
Все полно кажется измѣною въ сей часъ!
Сокройтесь отъ меня, подите прочь отъ глазъ!

Елиза. Или виною мы твоей напасти были?

Дидона. Вы, боги и Эней, и всѣ мнѣ измѣнили!
Почто не знали вы, что сей пергамскій льстецъ
Коварствомъ мнѣ плететъ толь пагубный конецъ?
Вы видѣть то могли, но видѣть не хотѣли;
О счастьи вы своей царицы не радѣли.
Вы знали все, и какъ, увы! всего не знать?
Старался ль онъ свое намѣренье скрывать?
Злодѣйствія его всѣ были откровенны.
Давно ли корабли злодѣя сооруженны?
Въ которые часы ходилъ онъ ко брегамъ
Готовить смерть и все мое несчастье тамъ?
Въ срединѣ ль дня, или въ срединѣ темной ночи?
Что, ахъ! того мои на смѣли видѣть очи,
Не чудно то: я весь теряла разумъ въ немъ,
Казался богомъ мнѣ во сердцѣ онъ моемъ...
Сокройтесь отъ меня, несчастную оставьте
И мукъ моихъ своимъ отсутствіемъ убавьте.
Вы всѣ противны мнѣ, со мной Энея нѣтъ!

Б. Росславъ, трагедія. (1784) (2).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Росславъ, Зафира, Христіернъ *(съ воинами).*

Христіернъ. Ужели жалость въ томъ Зафирина успѣла,
Въ чемъ власть царя доднесь успѣха не имѣла?
Открыто ль таинство? могу ль, его познавъ,

Не быть жестокъ?
Росславъ. Или я больше не Росславъ?

Христіернъ. Оставимъ лютости: я оными скучаю,
И гнѣвъ, хоть праведный, однакожъ укрощаю.
Съ престола преклоню къ щедротѣ я себя;
Сокровища мои открыты для тебя;
Скажи, что знать хочу,—и можешь все имѣти.
Росславъ. Оставь твое сребро, сіи тирановъ сѣти,
Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца
Могущи уловлять лишь подлыя сердца;
Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищей владѣтель,
Возьми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель.
Христ. Когда бы ты былъ царь, несчастьемъ ввerженъ въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ:
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты, въ плѣненіи противъ меня дерзая
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ,
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?
Росславъ. Я Россъ!
Христіернъ. Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!
Росславъ. Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.
Христіернъ. Внемли... хочу тебя въ послѣдне пощадить
И дерзости твоей въ послѣдній разъ простить.
Хочу тебя спасти... зрю, что тебя смущаетъ
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ:
Страхъ злобу заслужить отъ князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола:
Чего желаешь ты, скажи?
Росславъ. Ниже престола.
Христіернъ. Умри, злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?
Росславъ. На себя.
Христіернъ Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть,
Что можешь ты?
Росславъ. Могу тебя и смерть презрѣть.
Христіернъ. Увидь мученія: ужъ смерть тебѣ готова;
Когда велю терзать, откроешь все.
Росславъ. Ни слова,
Хотя бы, за предѣлъ простерти могши гнѣвъ,
Дышалъ ты муками, какъ ада страшный зѣвъ,
Хотя бы на землѣ ты тартаръ мнѣ устроилъ,—
Чтобъ сдѣлалъ тѣмъ? мою бъ лишь славу ты удвоилъ.

Христіернъ. Увидимъ... воины...
Росславъ. О Россы!
Зафира *(съ ужасомъ).* Государь!
Христіернъ *(съ яростію).* Зафира!

Зафира Плѣнникъ онъ, а ты здѣсь сильный царь:
Во власти онъ твоей, не помрачай короны.

Христіернъ *(къ Зафирѣ).* Смятеніе твое, твой плачъ, твой ужасъ, стоны
Не для меня все то; и вижу ясно я,
Чѣмъ страждетъ днесь душа растерзана твоя.
Зафира *(съ смятеніемъ).* Кто? я? я стражду? нѣтъ... но ты невинность гонишь...
Но ты... ахъ! ежели на жалость не преклонишь
Ты сердца твоего... Когда Росславъ падетъ...
Когда... остави мнѣ...
Христіернъ. Умретъ мой врагъ, умретъ.
Ты плачешь!.. воины!..
Зафира. Не плачу... умираю *(упадаетъ).*

Христіернъ. А я ужаснѣйшу мнѣ тайну открываю!
Безсиленъ изъяснить, что въ сердцѣ я терплю;
Лютѣйшей казнію я вамъ сіе явлю;
Въ мученіяхъ своихъ познаете, какъ стражду:
Готовьтеся на смерть, я вашей крови жажду.

В. Чудаки. Комедія (1793) (3).

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ 2.

Лентягина, Улинька, Вѣтромахъ, Марина.

Вѣтромахъ. Ma charmante Улинька! ахъ! какъ же вы прелестны!
Tous ces gens, madame, какъ глупы, какъ безчестны,
Которы не найдутъ у васъ того въ глазахъ,
Что вижу я.
Улинька. А что изволите вы видѣть?
Вѣтромахъ. Friponne: будто бы не вѣдаешь того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть,
Что вы прекраснѣе и неба самого!
(Улинька присѣдаетъ).
Вы присѣдаете! какое просвѣщенье!
Имѣть такую дочь какое утѣшенье!
(Лентягиной).
Неправда ли, maman?
Лентягина. Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду,
И, въ обращеніи имѣя всю свободу,
Какъ дочери, рожденной мной, нужна,
Отъ низостей сударь, она весьма далека:
И, крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плесть,

То все для чернаго оставя человѣка:
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ,
И, какъ француженка, умѣя по-французски,
Желала бы забыть совсѣмъ она по-русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ,
Проводитъ два часа всегда у туалета.

Вѣтромахъ. Браво, мадамъ! вотъ все, что надобно для свѣта
И для людей—какъ бишь? pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, мадамъ, должны немного
Въ томъ, что и я, храня свою честь также строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon,
И экспримировать на немъ всего не можно;
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не знать французскаго—я былъ бы дуракомъ.
Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
Je brule, je languis! мнѣ какъ бы то сказать
Прелестной Улинькѣ? не ужъ то бы мычать:
Я млѣю, я горю — fi donc! мнѣ думать должно,
Что по-французски вы и также вашъ èpoux...

Лентягина (*скоропостижно*). Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez-vous?

Вѣтромахъ. Браво, мадамъ!

Лентягина. Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

Вѣтромахъ. Вы не повѣрите, я сколько съ русскимъ бѣденъ!
По-русски разумъ мой какъ узокъ, невеликъ!
А по-французски: o, que le diable m'emporte!
Выходитъ разумъ мой par une grande porte.
Я разскажу о томъ, случилось что со мной.
Однажды я сидѣлъ у дамы молодой;
Французскихъ ни двухъ словъ она не разумѣла,
И отъ того ma tête horriblement болѣла,
Такъ что я цѣлый день былъ дома не одѣтъ.

Лентягина. Не думала бы я, чтобъ могъ такой быть вредъ:
Отъ нажимаціи конечно боль случилась.

Вѣтромахъ. Imagination хотѣли вы сказать?

Лентягина. Такъ точно. Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французскимъ украшать
Прегрубый нашъ языкъ, который мнѣ противенъ.
Какъ мой èpoux мнѣ тѣмъ всегда казался дивенъ,

Что, по-французски онъ умѣя, какъ французъ,
Прелестнымъ языкомъ не хочетъ забавляться.

Вѣтромахъ. Тому, сударыня, я долженъ удивляться. И дворянинъ...

Лентягина. О! родъ его что въ картахъ тузъ,
И древностью никто не можетъ съ нимъ сравняться:
За тысячу онъ лѣтъ умѣетъ предковъ счесть.

Вѣтромахъ. И какъ теперь мнѣ нѣтъ нималаго препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть! *(Улинька присѣдаетъ)*.
И все у насъ равно: и грасы, и пріятства,
И умъ, je m'en flatte, и даже рода честь. *(Улинька присѣдаетъ)*.
По чести выдумка прекрасна присѣданье:
Оно другой языкъ и можетъ сокращать
De discours frivoles, излишнее болтанье.
На все умѣетъ та прелестно отвѣчать
И съ скромностью казать нескромное желанье,
Подобно Улинькѣ умѣетъ кто присѣсть. *(Увидя мужа Лентягиной)*.
Скажите, къ намъ какой медвѣдь изволитъ лѣзть?

Лентягина. Мой мужъ.

Вѣтромахъ. Вы шутите! не тотъ ли этотъ предокъ,
Что лѣтъ за тысячу въ свѣтъ издалъ родъ его?

Лентягина. Наружность, знаете, не значитъ ничего.
На свѣтѣ вѣдь, сударь, такой примѣръ не рѣдко,
Что знатность скрытая обманываетъ глазъ:
Хоть не блеститъ въ корѣ алмазъ, но все алмазъ.
Онъ знатный дворянинъ, могу увѣрить смѣло.
Да, не прогнѣвайтесь, немного философъ.

Вѣтромахъ. Не стыдно ли себя поставить въ счетъ ословъ?
И философствовать дворянское ли дѣло?

Лентягина. *(Улинькѣ)*. Теперь ты, Улинька, не можешь съ нами быть:
Намъ должно о тебѣ съ отцомъ поговорить.

(Улинька, присѣвъ, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Лентягинъ, Лентягина, Вѣтромахъ.

Лентягина. *(Сама съ собою)*. О небо! помоги окончить мнѣ все славно.
Дрожу, боюсь, что мужъ меня изобличитъ,
Что по-французски онъ никакъ не говоритъ
И что, къ несчастію, онъ дворянинъ недавно.
Какъ злополучна я! какъ то мнѣ можно снесть? *(Мужу)*:
Вы видите того презнатна кавалера,
Который дѣлаетъ отмѣнную намъ честь.

Вѣтромахъ *(искривясь, щегольски кланяется)*. Желая зятемъ быть, сударь...

Лентягинъ *(садясь)*. Кто хочетъ сѣсть,
Тотъ сядетъ. Не люблю я вашего манера,

Чтобъ принуждать сидѣть. Ну, знатный кавалеръ...
(Вѣтромахъ также щегольски кланяется).
Да перестань водить ты вензеля ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано межъ нами,
Немного у меня найдешь себѣ ты мѣръ.
Со всѣми этими козлиными прыжками
Мнѣ всякій кажется лишь съ вѣтромъ безъ души.
Пожалуй же, въ умѣ ты это запиши,
Коль хочешь зятемъ быть.
Вѣтромахъ. Хочу ли я? о ciel!
Въ томъ только tous mes voeux!— сама Agnès Sorel
Французскимъ королемъ такъ не была любима,
Какъ мною ваша дочь. Je jurerai toujours,
Что я могу сказать, не дѣлая ей куръ,
И тѣмъ не сдѣлаю ни малаго я крима:
Она—divinité!
Лентягинъ *(женѣ съ удивленіемъ):* Гдѣ Богъ тебѣ послалъ,
О женушка моя, такого кавалера?
Вѣтромахъ. Beaucoup d'honneur. monsieur! Такъ я угоденъ сталъ?
Я зналъ то напередъ. Не найдете примѣра
Другого мнѣ, monsieur!
Лентягинъ. Опомниться мнѣ дай,
Мосье!.. изъ милости...
Вѣтромахъ. Но вы меня стыдите;
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто отъ меня забылись.
Лентягинъ. Продолжай, мучитель!
Вѣтромахъ. Правда то, что есть во мнѣ меритъ;
Безъ хвастовства, j'ose vous это dire;
Однако! чтобъ онъ могъ васъ привести въ dèlire,
Не чаю,—только свѣтъ весь это говоритъ,
Что, кто бъ ни былъ, меня въ талантахъ не объѣдетъ;
Qu'un homme tel que moi...
Лентягинъ. Не вѣрь, свѣтъ часто бредитъ.
Вѣтромахъ. Comment?
Лентягинъ. Скажи-ка мнѣ, ты русскій иль французъ?
Вѣтромахъ. Helas! Я не французъ!
Лентягинъ. О чемъ же ты стонаешь?
Вѣтромахъ *(съ жалостію).* Я русскій! у меня на сердцѣ это грузъ.
Лентягинъ. Итакъ, ты русскимъ быть обидой почитаешь?—
Вотъ знатный дворянинъ!
Вѣтромахъ. Я очень, очень радъ,
On ne peut plus, что вамъ, мосье, попалъ я въ ладъ;
Que мысли vous avez со мною одинаки.
И благородство чѣмъ мы можемъ доказать?
По-русски не умѣть, все наше презирать:
Вотъ это знатности veritables признаки.
Лентягинъ. Хоть не могу тебя я очень разумѣть,
Не зная словъ чужихъ, однакожъ по примѣтамъ...

Вѣтромахъ. Vous, vous moquez, monsieur. Изволите умѣть
Вы по-французски.
Лентягинъ *(съ сердцемъ)*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.
Вѣтромахъ. По вашимъ лѣтамъ,
Обманывать меня, monsieur, не должно бъ вамъ;
Вы точно какъ французъ, иль такъ же, какъ я самъ.
Лентягинъ *(съ нетерпѣніемъ)*. Жена, увѣрь его и кончи эту вздорность.
Вѣтромахъ *(съ досадою)*. Je ne le croirai point! какая жъ въ васъ упорность!
Лентягинъ *(съ сердцемъ)*. Чтобъ чортъ...
Лентягина *(торопливо)*. Душа моя, пожалуй, не сердись.
Лентягинъ *(съ запальчивостью)*.
Пожалуй съ нимъ, душа моя, ты провались!
Во-вѣкъ не видывалъ такого человѣка!
Лентягина. Ты философъ, и то ль, сударь, велитъ Сенека?
Лентягинъ *(съ хладнокровіемъ)*. Готовъ скрѣпиться я, лишь только бъ онъ болталъ
Со мной по-русски.
Вѣтромахъ. Какъ, вы очень знатна рода,
А пикируетесь!
Лентягинъ *(скоропостижно)*. А кто тебѣ сказалъ?
Моя—мѣщанская, но добрая порода.
Вѣтромахъ. Уже лѣтъ тысячу, мосье, вы дворянинъ.
Лентягинъ. Вѣрь мнѣ, недавно я еще спеченый блинъ;
Но я жирнѣе тѣхъ, которы зачерствѣли.
Лентягина, Оставьте то...
Лентягинъ. Чтобъ мы другъ друга разумѣли,
Скажу я на отрѣзъ: покойный мой отецъ,
Запомнятъ это всѣ, пречестный былъ кузнецъ.
Вѣтромахъ. Qu'entends-je! *(уходитъ, запѣвъ французскую пѣсню)*.
Лентягинъ. Прощай!
Лентягина *(упадая въ обморокъ)*.
Погибла я! охъ, тошно!
Лентягинъ. Какія дурости! тошнится оттого,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отецъ — кузнецъ. Не должно бъ такъ оплошно,
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нѣтъ, Улинькѣ моей за этимъ не бывать.

[1]) Собраніе сочиненій Якова Княжнина, 4 тома. Спб. (1787). Второе изданіе, въ 5 ч. (1802 — 1803); третье, въ 5 ч., съ краткой біографіей автора (1781 — 1818); четвертое въ Смирдин. изд. сочин. рус. авторовъ, 2 ч. (1847 — 1848). Въ словарѣ свѣт. писателей, Евгенія, сказано, что Княжнину было 27 лѣтъ, когда онъ написалъ Дидону; а такъ какъ Княжнинъ род. въ 1742 г., то мы и относимъ ее къ 1769 г.—Исторія Дидоны, поэтически представленная въ 4-ой пѣснѣ Энеиды, послужила сюжетомъ для многихъ драматическихъ піесъ: „Оставленной Дидоны“, Метастазія, „Дидоны“, Лефрана Помпиньяна. Княжнинъ подражалъ Помпиньяну. Сцена 4-я акта 5-го показываетъ душевное состояніе Дидоны, при отплытіи Энея въ Италію. Предавшись

отчаянію, она бросается въ огонь, охватившій чертоги. Вмѣсто сестры Анны (выведенной у Вергилія), Дидона Княжнина имѣетъ при себѣ двухъ наперсницъ: Елизу и Арсину. Соперникъ Энея въ любви, Ярбъ, царь гетульскій, предлагалъ руку Дидонѣ, которая отказала ему изъ памяти къ своему супругу Сихею. Онъ является снова, узнавъ объ отплытіи Энея, и становится свидѣтелемъ трагической смерти Дидоны.

[2]) „Росславъ, трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Въ первый разъ представлена въ Спб. 1784 г. февраля 8 дня. Спб., при Ак. Н., иждивеніемъ сочинителя 1784 г.“ Посвящена кн. Е. Р. Дашковой. Въ посвященіи замѣчателенъ открытый отзывъ Княжнина о благородномъ направленіи его авторства: „Никто меня низостью лести обвинить не можетъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла Муза;
Бѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терпѣніи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортунѣ никогда“.

Трагедія „Росславъ“ имѣла чрезвычайный успѣхъ по чувству патріотизма, одушевляющему героя, и по искусной игрѣ Дмитревскаго въ этой роли. Жаль только, что героизмъ Росслава не является въ дѣйствіи, а просто высказывается и при томъ имъ самимъ. Сюжетъ и характеры трагедіи не выдерживаютъ критики. Мерзляковъ произнесъ о томъ и другомъ строгое, но справедливое сужденіе (Вѣстн. Евр. 1817, № 10). Дѣло въ томъ, что Христіернъ, страшный тиранъ, коварствомъ похитилъ шведскій престолъ. На защиту изгнаннаго законнаго наслѣдника Густава, Россія послала войско подъ начальствомъ Росслава, который въ одномъ сраженіи попадается въ плѣнъ. Христіернъ предлагаетъ ему свободу, если онъ откроетъ ему убѣжище Густава. Росславъ съ гордостью отвергаетъ это условіе: храненію тайны приписываетъ онъ — впрочемъ безъ ясной причины — величайшую важность, какъ видно изъ словъ его:

...Ежели Густава я открою,
Россіи измѣню, и чести, и герою;
И если жизнь свою ничтожную спасу—
Два царства въ жертву я тирану принесу.

т.-е. Швецію и Россію. Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы. Напрасно русскій посолъ Любомиръ предлагаетъ отдать Христіерну всѣ завоеванные города, только бы возвратили Росслава: Христіернъ не соглашается. Кромѣ упорнаго храненія тайны, Росславъ возбуждаетъ гнѣвъ датскаго короля еще тѣмъ, что любитъ княжну Зафиру, „остатокъ рода прежнихъ шведскихъ правителей“, и взаимно любимъ ею, тогда какъ бракъ съ нею есть единственное для Христіерна средство къ прочному обладанію похищеннымъ престоломъ. Въ припадкѣ ревности, Христіернъ хочетъ заколоть Зафиру, но, при появленіи Густава у городскихъ стѣнъ, народъ возмутился и освободилъ Росслава. Трагедія заключается смертію тирана и торжествомъ главнаго героя. Въ 3-мъ явленіи 3-го акта (помѣщенномъ въ Хрестоматіи), по остроумному замѣчанію Мерзлякова, Росславъ, какъ молотомъ, поражаетъ Христіерна высокими словами, заимствованными изъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера.

[3]) „Чудаки, комедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, 1793 г.“ Оригиналъ ея—комедія Детуша: „L'homme-singulier“. Главная разница въ томъ, что Княжнинъ выставилъ цѣлую галлерею чудаковъ: Лентягина, недавно вышедшаго въ дворянство, весьма богато и по-своему философствующаго человѣка. Лентягину, женщину знатнаго рода, тщеславную и недалекую, Вѣтромаха, знатнаго, но бѣднаго галломана, Пріята, сентиментальнаго селадона, аркадскаго па-

стушка, влюбленнаго въ Улиньку (дочь Лентягиныхъ), Трусима, всемірнаго пріятеля, поставщика женихов для Улиньки, изъ которыхъ являются: судья и маіоръ, оба отставные, и два стихотворца: Тромпетинъ (одописецъ) и Свирѣлкинъ (идилликъ). На любви къ Улинькѣ, на желаніи получить руку богатой дѣвушки основано все дѣйствіе комедіи: Лентягинъ, чуждый всякихъ предразсудковъ, хочетъ выдать дочь свою за слугу Пріята, Пролаза, который овладѣлъ его полною довѣренностью, а Лентягина за Вѣтромаха. Улинька, „смиренная вѣтреница“, влюблена въ Вѣтромаха и позабыла прежнюю любовь свою — Пріята, но потомъ, по внушеніямъ Пролаза, нарочно поступившаго къ ея отцу въ услуженіе, и служанки Марины, вновь обратилась къ Пріяту, за котораго и выходитъ замужъ. Комедію заключаетъ Пролазъ такими стихами:

...Всякій, много ли, иль мало, но чудакъ,
И глупость, предстоя при каждаго рожденьѣ,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

(См. мою статью о сочиненіяхъ Княжнина, От. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12, отдѣлъ критики; также статьи г. Стоюнина: „Я. Б. Княжнинъ“, въ 5, 6 и 7 №№ Библ. для Чтенія 1850, и въ Историч. Вѣстникѣ 1881, т. V; г. Лонгинова: „Княжнинъ“ въ 4 № Рус. Вѣстн. 1860 г.).

XLV.

ДЕРЖАВИНЪ.

1. Ода на знатность (1774) (1).

Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты сидящій за кристалломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!
На стогнъ поставленъ, на позоръ (а),
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной!
Статуи—безъ достоинствъ—вы!
При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ,
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ (б)?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышенъ цугъ?

а) На позорище, на показъ.

б) Говорится о конѣ Калигулы.

Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?
Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Ѳемиды свято мѣсто тутъ:
Бѣги изъ-за зерцальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!
На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что сталъ другой Шемякинъ онъ? (2).
Къ чему способности и умъ,
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужитъ вождя шумъ,
Когда не щитъ онъ государства?
Емелька (а) съ Катилиной змѣй;
Разбойникъ, распренникъ, грабитель
И царь, невинныхъ утѣснитель,—
Равно вселенной всей злодѣй.
Въ тріумфѣ, въ славѣ, подъ вѣнцемъ,
Герой, Помпея побѣдитель,
Іюлій жаждущимъ мечемъ
Не сталъ ли Рима обагритель?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.
О вы, верховныя главы,
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душею благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете

а) Пугачевъ.

Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.
Дворянства взводитъ на степень
Заслуги, честь и добродѣтель (3);
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истина содѣтель:
Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Болягинъ, коль за всѣхъ болѣю,
И всѣмъ усерденъ для услугъ.
Предъ нами древностью своей,
О князи міра! не гордитесь:
Каковъ Евгень (б), Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь;
Но въ росскомъ множествѣ дворянъ
Герои славнѣе бывали,
И нынѣ царство подпирали;
Межъ прочихъ сей примѣръ вамъ данъ:
Отечеству Румянцевъ другъ
И прямо свѣта хвалъ достоинъ:
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталъ его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишь только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

2. Пѣснь Петру Великому (1776) (4).

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ ни обратитъ,
Вездѣ, весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Хоръ. Неси на небо гласы, вѣтръ:

б) Евгеній Савойскій.

Безсмертенъ ты, Великій Петръ! (а)

Онъ древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тьмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.

Какъ богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ до днесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы
Онъ былъ отечества отецъ.

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.

Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ;
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.

Былъ въ вѣрѣ твердъ и ей послушенъ,
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ востокомъ западъ съединилъ.

Онъ, истины любя уставы,
Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ.

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

О Россы, славы лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!

а) Это двустишіе образуетъ хоръ, повторяя послѣ каждой строфы.

3. *На смерть князя Мещерскаго (1779)* (5).

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ(6).
Какъ молніей, косою блещетъ,

И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся,
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся (7).
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся (8),
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ,—и на царей (9),
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,—
И точитъ лезвее косы.
Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.
Но такъ и мужество пройдетъ

И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою ([10]).

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ ([11]), должно намъ конечно:
Почтожъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

4. На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока (1779) ([12]).

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихаго старика:
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей,
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ — и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи:
Знать родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній съ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство;
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство;
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;

Но послѣдній, добродѣтель
Заражданочи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали,
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“
„Будетъ“—и Судьбы гласили—
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“
Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила;
На колѣни приклоненна,
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ!
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ божествомъ!

5. *Фелица (1782)* (13).

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти его совѣтъ.

Подай, Фелица (14), наставленье:
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ (15).
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра (a).

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь (16),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь (17),
Не ходишь съ трона на востокъ (18):
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

а) При дворѣ императрицы Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и далеко за полночь.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ (а).

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячу различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ, —
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

Или великолѣпнымъ цугомъ (б),
Въ каретѣ англійской златой,
Съ собакой, шутомъ (в) или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю.
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ (г).

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами ([19])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ (д);
Или, надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ ([20]).

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся;
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За библіей, зѣвая, сплю ([21]).

Таковъ, Фелица, я развратенъ! ([22]).
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью не знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь (е).
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между лѣнтяемъ и брюзгой ([23]),
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ—но льзя ль не заблуждаться

а) Относится къ Потемкину.

б) Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и двумя форейторами.

в) Были вельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ-любимцевъ.

г) Эта строфа относится отчасти къ Потемкину, но болѣе къ гр. А. Г. Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ.

д) Гр. П. И. Панинъ любилъ псовую охоту.

е) Изреченіе изъ псалма 115, ст. 2.

Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкается
И долженъ въ слѣдъ страстямъ идти?
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ(24).
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзовъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ, плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного:
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь:
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить (25).
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить (26).
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,

Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить (27);
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ (28),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ (29).
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго,
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“ (30).
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ (31);
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить (32);
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ,
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты не живешь,
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, что шапки иль бешметя (а)
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

а) Бешметь или бешметъ—татарское стеганое полукафтанье.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

6. Видѣніе Мурзы (1783) (33).

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ сограся,
„Блаженъ", воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ:
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что карлой онъ, и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей:
Что нѣжная его Плѣнира (34)
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ (35),
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ (36),
За розсказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ (37) червонцы шлютъ!
Блаженъ!"—Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось;
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
(38) Сошла со облаковъ жена,
Сошла и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ:
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру (39).
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.—
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла (40)!—
„Мурза!“ она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли!
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ—тогда
Сей даръ боговъ кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели, не строй:
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ“.
„Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? Богиня и́ли жрица?“
Мечту стоящу я спросилъ.—
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица!“
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей

Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ [41]!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ [42],
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосца добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю [43]
Твой образъ будущимъ вѣкамъ!
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

7. Богъ (1784) [44].

О ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ.

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Былинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры —
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля, въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?—
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!

Ты есь! природы чинъ вѣщаетъ.
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, — я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!

Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей:
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

8. Изъ оды: Памятникъ Герою (1791) (45).

Прямой герой страстями недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не привержeнъ;
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.
Въ терпѣньи твердъ и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части;
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ;
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!
Вѣсами ль гдѣ, мечемъ ли правитъ —
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его царь — долгъ, его богъ — правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою;
Искусенъ, остороженъ, точенъ,
Рачителенъ, не быстръ ко славѣ.
Дѣлами исполнитель вѣры;
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ;
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Который миръ даруетъ царствамъ.
Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки,
Не мраморомъ, не мѣдью тверды.
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Но вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

9. Вельможа (1794) (46).

Не украшеніе одеждъ
Моя днѣсь Муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.
Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Немысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль вельможи таковы?
Не перлы перскія (а) на васъ
И не бразильски звѣзды—ясны;

а) Отъ слова „Перу“.

Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ:
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла ([47]).

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ ([48])
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно,
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія (а), мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани;
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ—
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,

а) Мозаика.

Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ (49)?
Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ:
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ.
. . . .
А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ бывшій прежде твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,—
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!
А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга (50);
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.
А тамъ—на лѣстничній восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.
А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—ты спишь
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:
„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки;
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога,
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!"—
Злодѣй, увы!.. и грянулъ громъ.
Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу,
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!
Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла!
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.
Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,—
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться.
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить.

О россій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?—
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла ([51]),
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари—и съ высоты твоей
По муракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря.

10. Приглашеніе къ обѣду (1795) ([52]).

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая,
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть. (а)

Приди, мой благодѣтель давный,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра ([53])!
Приди—и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство—
Пріятный только вкусъ, опрятство
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знатность
На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ—одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель.
Приди и насладися благъ;
А вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ничей недоброхотный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,
Друзьямъ и красотѣ сей день;
Достоинствамъ я цѣну знаю,
И знаю то, что вѣкъ нашъ тѣнь,

а) Вторая жена Державина — Дарья Алексѣевна Дьякова.

Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.
Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?
Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покорна тварь;
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!
Итакъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ, будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,
По платью ноги протягать.
А если ты иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей (53),
Чертоги предпочтя златые
И явства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать—
Извольте мой вы толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ кусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа;
Умѣренность есть лучшій пиръ.

11. *Памятникъ (1796)* (55).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

12. Евгенію. Жизнь Званская (1807) ([56]).

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!

Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ (а),
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змія мнѣ сердце угрызала,
О коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу розъ,
Зрю на багрянецъ зорь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ какъ снѣгомъ, луги.

Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ (б) въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ (в) и коней ржанье.

а) Позорище, зрѣлище.
б) Барашекъ—бекасъ.
в) Желна—птица изъ породы дятловъ.

На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурскій иль левантской (а),
Иду за круглый за столъ: и тутъ-то растабаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,

О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы,—

Въ которой поутру, иль къ вечеру, порой,
Дивлюся въ Вѣстникѣ (б), въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;

Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ—пухъ грибовъ,
Сребро трепещуще лещами;

Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатой
Даютъ отчетъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ имъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;

И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы—въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.

а) Чай или кофе.
б) Журналъ Вѣстникъ Европы.

Оттуда прихожу въ святилище я музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь.
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ—и драки человѣковъ.

„Все суета суетъ!" я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
„О коль прекрасенъ міръ! Что жъ духъ мой бременю?
Творцомъ содержится вселенна.

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля".

Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ—
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ;
Я озрѣваю столъ, и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ поставленный узоромъ:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ съ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка (а) и чернопѣнна пива

а) Липецъ—медъ, на подобіе вина приготовленный, желтаго цвѣта; воронокъ—тоже медъ, но черный, съ воскомъ вареный.

Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ:
Бесѣда за сластьми шутлива.

Но молча вдругъ встаемъ: бьетъ искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ (а):
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства.

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью;
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль, смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ,
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Маріиной (б) рукой прядутся.

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы (в)
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ
Куется въ бердыши милицы (г).

И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ:
„За вѣру, за царя, мы“—говорятъ—„помремъ,

а) Березовый или яблочный сокъ, приготовленный въ видѣ шампанскаго.

б) Вторая супруга Державина, которую онъ назвалъ Миленою.

в) Флоры—царицы полей.

г) Въ это время набиралась милиція для защиты границъ отъ французовъ.

Чѣмъ у французовъ быть въ подданствѣ“.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ,—и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.

Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желто-зеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю степень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.

Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь:
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый:
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.

Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

Прекрасно, тихіе, отлогіе брега,
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны,
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.

Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ (а) народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ щумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

а) Отъ гамъ—шумъ.

Но скучитъ какъ сія забава
сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ
увеселеньемъ:
Велимъ талантами родныхъ сво-
ихъ дѣтямъ
Блистать—музыкой, пляской,
пѣньемъ.

Амурчиковъ, харитъ плетень
иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпси-
хоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастуш-
кѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ
взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порыв-
ный въ души громъ.
Здѣсь тихогрома (а) съ струнъ
смягченны плавны тоны
Бѣгутъ—и въ естествѣ согласія
во всемъ
Даютъ намъ чувствовать за-
коны.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ
будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ пе-
рильныхъ,
При гусляхъ, подъ вечеръ, челомъ
моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ
умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій тогда
не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени
мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь
и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ,
минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екате-
рины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось
солнце—тѣнь!..
Кто вѣсть и впредь полетъ
орлиный?

Видъ лѣта краснаго намъ Але-
ксандровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удо-
бенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ
спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ пе-
руны (б).

Умолкнутъ ли они?—Сіе лишь
знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ
правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ
строй какой, ведетъ,
Ко благу общему склоняя
мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ
зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству чело-
вѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ по-
мрачаетъ свѣтъ
И днешнихъ и грядущихъ
вѣковъ.

а) Переводъ слова „фортепіано“.

б) Война съ французами за Пруссію.

Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу (а).

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнетъ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный ([57]),
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,

Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ, и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.

Такъ развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны ([58]),
И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь—блѣдну зависть—въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.

Ты слышалъ ихъ—и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ ([59]):
„Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы“ ([60]).

а) Михаила Ѳедотовича Каменскаго, который, вскорѣ по прибытіи на театръ войны въ Польшу, сложилъ съ себя начальство и уѣхалъ въ Россію.

[1]) „Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 года". Изданы въ 1776 г. Гора Читалагай, по словамъ Державина, находится въ Саратовской губерніи въ колоніи Шафгаузенъ, которая лежала у верховья рѣки: „Малый Караманъ" (въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ, Самар. губ.). Нѣмецкія колоніи, заведенныя въ 1764 г., расположены были на лѣвой сторонѣ Волги, въ той части Вольскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ Самарской губ. Въ колоніяхъ Державинъ, будучи подпоручикомъ Преображенскаго полка, стоялъ нѣсколько времени съ военнымъ отрядомъ, командированный по поводу пугачевскаго бунта. Всѣхъ одъ восемь. Первыя четыре переведены прозой изъ сочиненій Фридриха Великаго, написанныхъ на франц. языкѣ: на ласкательство (la flatterie), на порицаніе (la calomnie), на постоянство (la fermetè), къ Мовтерпію (т.-е. къ Мопертюи), французскому астроному. Нѣкоторые германизмы показываютъ, что Державинъ переводилъ оды Фридриха не съ французскаго подлинника, а съ нѣмецкаго переложенья. Послѣднія четыре оды, въ стихахъ: на великость, на знатность, на смерть Бибикова и на рожденіе Екатерины II, суть оригинальныя пьесы. „Читалагайскія оды, говоритъ Я. Гротъ, составляютъ едва ли не единственный образчикъ того, какъ Державинъ писалъ въ самый ранній періодъ своего поэтическаго поприща: правда, въ собраніи его стихотвореній есть пьесы, отнесенныя имъ даже еще къ 70-му году, но онѣ въ первый разъ напечатаны были не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и, судя по языку ихъ, который гораздо новѣе и вообще лучше, нежели въ Читалагайскихъ одахъ, передъ тѣмъ были значительно исправлены. Оды эти замѣчательны и какъ любопытный матеріалъ для изученія исторіи литературнаго развитія Державина: едва ли отыщется гдѣ-нибудь примѣръ другаго писателя, который тридцати одного года отъ роду былъ бы такъ нетвердъ въ употребленіи литературнаго языка, а впослѣдствіи шагнулъ бы такъ далеко въ силѣ и яркости поэтическаго выраженія". Оду на знатность, написанную въ честь Румянцова, какъ славнѣйшаго дѣятеля въ турецкой войнѣ, сличи съ одой Вельможа (1794 г.), которой та послужила основаніемъ.

[2]) Къ этому стиху Державинъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ: судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи".

[3]) Слова Наказа: „*Добродѣтель съ заслугою* возводитъ людей на степень дворянства" (§ 363). Добродѣтель и *честь* должны быть оному *(дворянству)* правилами (§ 364).

[4]) Въ „Объясненіяхъ на сочиненія Державина, имъ самимъ диктованныхъ родной его племянницѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Львовой, въ 1809 г., и изданныхъ Ѳ. П. Львовымъ, въ 4 ч." (1834 г.) сказано: „Пѣснь эта была въ великомъ употребленіи въ масонскихъ ложахъ, въ которыя авторъ хотя и привлекаемъ былъ неоднократно, но никогда въ оныхъ не участвовалъ". Чѣмъ именно возбудила она сочувствіе масоновъ—неизвѣстно. По основной мысли, пьеса Державина не разнится отъ надписи Ломоносова къ статуѣ Петра Великаго. Въ нѣкоторыхъ стихахъ пѣсни, напр.:

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ...
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ...

повторяется сказанное Ломоносовымъ:

Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки
Послѣдній принялъ чинъ, и, царствуя, служилъ...

Стихъ: „Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?" выражаетъ также мысль

Ломоносова, который нерѣдко уподоблялъ Петра I-го божеству и называлъ его богомъ Россіи.

[5]) Кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, главный судья таможенной канцеляріи, былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно, на что указываютъ стихи: „Гдѣ столъ былъ яствъ", и пр. Ода Державина дѣлится на пять частей, или обращеній къ предметамъ, естественно представляющимся мысли нашей при видѣ смерти: къ бою часовъ (глаголъ временъ! металла звонъ!), напоминающему намъ постоянное приближеніе къ смерти; къ лицу, пораженному смертію (Мещерскому); къ смерти, которой могущество противополагается человѣческой ничтожности; къ себѣ самому, подлежащему общей участи смертныхъ, наконецъ къ другу покойнаго, болѣе другихъ огорченному его смертью.

[6]) и [7]) Подражаніе Галлеровымъ одамъ: „На вѣчность" и „Солнце неподвижно между планетами". Переводъ обѣихъ напеч. въ 1 и 2 №№ С-п.-бургскаго журнала, Пнина 1798. Въ первой читаемъ: „Едва вчера исшелъ я изъ ничтожества, завтра половина моего существованія паки обратится въ ничто. Жизнь моя преходитъ аки сонъ". Во второй:

„И только жить лишь начинаемъ,
Появимся и исчезаемъ,
Какъ прахъ, мгновенный блескъ лучей".

[8]) Стихи прекрасные въ поэтическомъ отношеніи, но они грѣшатъ противъ Астрономіи: солнцы суть также звѣзды.

[9]) Подражаніе Горацію (кн. I, ода 4): „Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turres". Въ переводѣ Фета:

Смерть блѣдная равно стучитъ своей пятою
Въ лачуги бѣдняковъ и въ терема царей.

[10]) Эта и предыдущая строфы изображаютъ юность, мужество и старость. Характеръ первой—увлеченіе красотою, легкомысленность, чувство непосредственнаго счастія; характеръ втораго—желаніе почестей, стремленье къ славѣ; характеръ третьей—стяжаніе богатствъ.

[11]) Степанъ Васильевичъ, генералъ-маіоръ, другъ Мещерскаго, состоявшій при воспитаніи Павла I кавалеромъ.

[12]) Вся ода исполнена представленій чудеснаго: сначала олицетвореніе зимы, въ образѣ Борея; потомъ быстрый переходъ зимы къ веснѣ при рожденіи царственнаго отрока; далѣе появленіе геніевъ съ дарами; наконецъ олицетвореніе Россіи. Мысль пьесы заключается въ словахъ послѣдняго генія: „Будь на тронѣ *человѣкъ!*" Человѣчность (гуманность) — наилучшій, божественный даръ каждаго, особенно владыки, имѣющаго великія средства проявлять его въ своихъ дѣйствіяхъ. Подъ именемъ „порфиророднаго отрока" разумѣется в. к. Александръ Павловичъ, родившійся 12 декабря 1777 г., въ день поворота солнца съ зимы на лѣто.

[13]) Написана въ исходѣ 1782 г., напечатана въ I ч. Собесѣдника: „Ода къ премудрой киргизкайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведено съ арабскаго языка 1782 г.". Въ выноскѣ сказано: „Хотя имя сочинителя намъ и неизвѣстно; но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ". Подъ видомъ Фелицы изображена Екатерина II. У Державина были деревни въ Оренбургской губ., въ сосѣдствѣ Киргизской орды. Онъ называетъ себя мурзою, потому что родъ его происходитъ отъ Багрима мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Россію при Василіи Темномъ. Вскорѣ послѣ „Фе-

лицы“ явилось нѣсколько похвальныхъ стихотворенiй ея автору: одно подписано буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), другое принадлежитъ Кострову (10 кн. Собесѣдника). Въ „Письмѣ къ Ломоносову“ (13 кн. того же журнала) говорится, что

Изъ новыхъ здѣсь творцовъ, послѣдователь твой
На верхъ Парнасса намъ *путь новый* проложилъ...
. . . . . . Кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть *иной хорошiй родъ*...

„Историческiя, философическiя, политическiя и критическiя разсужденiя о причинахъ возвышенiя и упадка книги: „Собесѣдникъ“ замѣчаетъ, что оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ, и что Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенiя не писались.

[14]) При этомъ въ „Собесѣд.“ выноска: „Подъ именемъ Фелицы разумѣется здѣсь премудрость, а сынъ ея—разсудокъ“.

[15]) Въ то время императрица занималась сочиненiемъ „Грамоты дворянства, Устава благочинiя“, и другими учрежденiями.

[16]) Екатерина не умѣла сочинять стиховъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ къ Вольтеру, напр. въ письмѣ отъ 20 мая 1771 г.: „De ma vie je n'ai su faire *ni vers, ni musique*“. То и другое исключено было изъ ученiя ея внуковъ: „Виршамъ и музыкѣ учить не для чего“ (Инструкцiя кн. Салтыкову). Въ завѣщанiи Былей и Небылицъ сказано: „Стихотворческiя изображенiя и воображенiя не употреблять, дабы не входить въ чужiя межи“. Стихи въ операхъ и сказкахъ Екатерины II сочинялись Елагинымъ, Храповицкимъ и другими.

[17]) Императрица не любила масоновъ и не ѣзжала въ ихъ ложи, подобно многимъ знатнымъ особамъ. Разсказывали, что масоны бесѣдуютъ съ духами.

[18]) Вѣроятно, авторъ разумѣлъ слѣдующее: „ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеванiи Индiи и Персiи“, что входило въ планы Потемкина.

[19]) Относится къ гр. А. Г. Орлову, любившему русскiя пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество.

[20]) Относится къ Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстеромъ. Онъ первый завелъ роговую музыку.

[21]) Служа при генералъ-прокурорѣ въ сенатѣ, кн. Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ, Державинъ читалъ ему разные романы, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Случалось, что во время чтенiя и тотъ и другой дремали.

[22]) Державинъ, представляя себя однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединенiе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ, и противопоставляетъ эти недостатки достоинствамъ Фелицы (т.-е. Екатерины II).

[23]) Въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ выведены мурза Лѣньтягъ, любившiй покойную жизнь и нѣгу, и султанъ Брюзга, который никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Екатерина II разумѣла подъ ними кн. Потемкина и кн. Вяземскаго.

[24]) Относится къ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ.

[25]) Императрица, подобно Траяну, была снисходительна къ злорѣчiю на ея счетъ; можно много представить тому примѣровъ. Посвятивъ ей 1-ю часть своихъ стихотворенiй, Державинъ беретъ въ эпиграфъ слѣдующiя слова Тацита, какъ характеристику ея царствованiя: „О время благополучное и рѣдкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовмѣстимыя—владычество и свобода; когда при самомъ легкомъ правленiи обществен-

ная безопасность состояла не изъ одной надежды и желанія, но изъ достовѣрнаго порученія прочнымъ образомъ желаемаго". (Соч. Державина, ч. I, Спб. 1808 г.).

[26]) При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ торжествахъ не выпивали большаго бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому принимались за недоброжелателей ея.

[27]) Тоже считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено. Только со временъ Екатерины II стали позволять себѣ переносить этотъ титулъ изъ одной строки въ другую, а до тѣхъ поръ писцы, замѣченные въ этомъ, нерѣдко наказывались плетьми. Горе было также тому, кто хотя ненарочно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы: клеветнику стоило только донесть, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея, обвиняемый былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался.

[28]) Относится къ извѣстному ледяному дому, который былъ построенъ въ царствованіе Анны Іоанновны для шутовской свадьбы кн. Голицына.

[29]) Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутренніе свои покои, и кудахтали, какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ.

[30]) Подобное поученіе есть дѣйствительно въ „Россійской азбукѣ", составленной Екатериною для внуковъ ея, в. к. Александра и Константина, и напечатанной 1781 г. Во второй половинѣ этой азбуки (Гражданское начальное ученіе), состоящей изъ краткихъ наставленій, есть слѣдующій разсказъ: „У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отомстить тому, кто его злословилъ? Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: не твори худо—злословника лжецомъ сотворишь".

[31]) Фелица написана по окончаніи первой турецкой войны (1774 г.), когда возникли многія человѣколюбивыя учрежденія, въ томъ числѣ и публичныя больницы.

[32]) Екатерина II издала указъ о свободномъ промыслѣ пріисковъ золота и серебра во владѣніяхъ каждаго и предоставила ихъ въ собственность владѣльцу, тогда какъ прежде они должны были поступать въ казну; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; сняла запрещенную порубку лѣсовъ, бывшую прежде въ распоряженіи вальдмейстеровъ; разрѣшила свободное производство мануфактуръ и торговли, чего прежде безъ мануфактуръ-коллегіи нельзя было дѣлать.

[33]) Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за „Фелицу", оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую зависть.

[34]) Такъ Державинъ называлъ въ стихотвореніяхъ первую свою супругу, урожденную Бастидонову.

[35]) Въ Царскомъ Селѣ находится донынѣ одна комната Екатерины II, убранная вся янтарями; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбою; въ третьей были арабески изъ перламутра.

[36]) Екатерина показывала видъ, что не къ ней относилась ода къ Фелицѣ, и потому подарокъ автору (500 червонцевъ въ золотой, осыпанной бриллiантами табакеркѣ) послана была безъ огласки.

[37]) Небольшіе ящички и коробки, въ которыхъ сохраняли разныя туалетныя мелочи (мушки, булавки и пр.).

[38]) Отсюда до стиха: „Держалъ какъ будто бы уснувъ", —описаніе портрета Екатерины II, написаннаго Левицкимъ для гр. Безбородки, по изобрѣтенію Н. А. Львова, а теперь находящагося въ одной изъ залъ И. П. Библ.

[39]) Описаніе Владимирскаго ордена, который Екатерина, по написаніи ею Учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя въ награду за труды свои, объявивъ себя гроссмейстеромъ этого ордена.

[40]) Державинъ представленъ былъ Екатеринѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при многихъ особахъ. Подходя къ нему, императрица въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась, окинула его быстрымъ взоромъ и подала ему руку. Этого взора авторъ не могъ забыть никогда.

[41]) Авторъ даетъ чувствовать государынѣ, что и безъ ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ она подарила экземпляры Фелицы, подчеркнувъ то, что до каждаго изъ нихъ относится. Ода къ Фелицѣ произвела разные толки: одни говорили, что она слишкомъ льстиво, другіе, что слишкомъ смѣло писана; почему Державинъ и повторилъ нѣкоторые стихи изъ Фелицы, обративъ ихъ въ шутку надъ своими критиками: „иной отнесъ себѣ къ безчестью" и пр.

[42]) Намекъ на Потемкина, который только тогда и былъ доволенъ, когда чего дожидался; а какъ скоро получалъ, то опять предавался скукѣ. Онъ посылалъ нарочныхъ за арбузами, за огурцами и т. п.

[43]) Древніе поэты героевъ своихъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небесныхъ.

[44]) Нѣкоторыя мѣста оды „Богъ" заимствованы изъ стихотворенія Галлера: „Вѣчность". Привожу выписки по переводу его въ 1 кн. С.-п.бургскаго журнала, Пнина (1798):

„Я соединяю милліоны съ милліонами, совокупляю безчисленныя числа, сношу во-едино вѣки и міры, и когда съ сей ужасной высоты возвожу къ тебѣ смятенный взоръ свой—не составляютъ (они) малой частицы твоей неизмѣримости... У тебя всякое мгновеніе вѣчность" (Держ.: „Въ воздушномъ океанѣономъ"... и „Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ"...)

„Безпредѣльно - великое Существо! кто я, дабы равнятися съ тобою? Червь, зерно песка въ сей вселенной, которая сама, въ сравненіи съ тобою, одна пылинка" (Держ.: „Какъ капля въ море опущенна"...)

Мысль о величіи человѣка, какъ подобія Божества („Ничто, но ты во мнѣ сіяешь"...) выражена также въ піесѣ: „Тоска души", переведенной Державинымъ изъ Козегартена:

Его подобіе есть ты *(человѣкъ)*,
Его отсвѣтъ въ тебѣ блистаетъ:
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.

[45]) Написана въ честь князя Н. В. Репнина, который одержалъ побѣду надъ турками при Мачинѣ.

[46]) Одна изъ лучшихъ сатиръ Державина. Первый видъ ея—„ода на знатность".

[47]) Извѣстно, что Калигула далъ своей любимой лошади званіе консула.

[48]) Гжатскій купецъ, торговавшій въ Спб. пенькою. Пострадавъ отъ пожара, онъ объявилъ себя банкрутомъ и, для избѣжанія преслѣдованія отъ кредиторовъ, притворялся сумасшедшимъ: говорилъ, что марокская принцесса въ него влюблена и прислала ему ордена. Кромѣ того онъ получалъ отъ нѣкоторыхъ насмѣшниковъ медали и разноцвѣтныя ленты, которыя тоже носилъ на себѣ.

[49]) Предъидущія три строфы относятся къ Потемкину.

50) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги Потемкину и былъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступаясь за начальника своего, былъ убитъ на дуэли. Вдова его съ груднымъ ребенкомъ часто ходила къ Потемкину просить помощи.

51) Камиллъ, римскій консулъ и диктаторъ, когда отечество не имѣло въ немъ нужды, слагалъ съ себя это званіе и удалялся въ деревню. Державинъ сравниваетъ съ нимъ Румянцова - Задунайскаго, который хотя и носилъ въ это время званіе фельдмаршала, но по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей ничѣмъ не начальствовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ

52) И. И. Шувалова и гр. Безбородко.

53) Относится къ Шувалову.

54) Кн. П. А. Зубовъ, обѣщавшій пріѣхать, но незадолго передъ обѣдомъ приславшій сказать, что не можетъ быть: послѣдняя строфа относится къ нему.

55) Подражапіе одѣ Горація: „Мельпоменѣ“ (кн. III, ода 30). Многіе наши стихотворцы переводили ее. Пушкинъ также подражалъ ей въ піесѣ „Памятникъ“. Любопытно сличить эти три стихотворенія (Горація, Державина и Пушкина), чтобы видѣть, что именно каждый поэтъ признавалъ въ своей дѣятельности заслуживающимъ безсмертія. Горацій говоритъ о себѣ слѣдующее (по переводу Фета):

Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ народъ трудолюбивый—
Что изъ ничтожности былъ славой я избранъ
За то, что первый я на голосъ Эолійскій
Свелъ пѣснь Италіи.

„Ауфидъ“—рѣка въ Апуліи, родинѣ Горація: „Давнъ“—первый царь Апуліи; „Эолійскій голосъ“—Горацій первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

56) Евгеній Болховитиновъ, митр. кіевскій, извѣстный своими историческими трудами, былъ съ 1804 по 1808 г. епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ. Онъ часто посѣщалъ Державина лѣтомъ, въ имѣніи его Званкѣ (Новг. губ.). Между ними велась переписка.

57) Въ Званкѣ, неподалеку отъ дома Державина, находился курганъ, подобный многимъ другимъ, въ тѣхъ мѣстахъ разсѣяннымъ. Курганы эти, по открываемымъ въ нихъ остаткамъ костей человѣческихъ, означаютъ могилы людей знаменитыхъ, витязей древнихъ битвъ. По преданію одинъ изъ новогородскихъ вождей почитался волхвомъ, который имѣлъ способность превращаться въ крокодила и другихъ чудовищъ и губилъ людей, плывшихъ по рѣкѣ и по озеру Ильменю.

58) Евгеній извѣстенъ былъ своими историко-литературными трудами.

59) „Шепчетъ“, какъ тихій „громъ“—странное соединеніе двухъ дѣйствій.

60) Сознаніе поэтическаго своего достоинства, полнѣе выраженное въ „Памятникѣ“.

XLVI.

КОСТРОВЪ (1).

А. Иліада (1787) (2).

Единоборство Менелая съ Парисомъ.

(Изъ 3-й пѣсни).

Улиссъ со Гекторомъ измѣрить мѣсто тщатся,
Гдѣ два противника между собой сразятся;
По семъ, ихъ жребіи въ шлемъ мѣдный положивъ,
Трясутъ, дабы, изъявъ, увидѣть, кто счастливъ,
Дабы ему врага копьемъ разити прежде;
Народы же межъ тѣмъ во страхѣ и надеждѣ,
Воздѣвши длани ввыспрь, мольбы ліютъ къ богамъ;
Единъ несется гласъ по воинскимъ рядамъ:
„О поклоняемый на Идѣ Зевсъ державный,
Безсмертный, вѣчный царь, въ величествѣ преславный!
Да снидетъ въ мрачный адъ, противникомъ сраженъ,
Злодѣй, кѣмъ страшный огнь войны сея возженъ,
И кто низвергъ троянъ и грековъ въ бѣдства слезны,
А мы да заключимъ союзъ и миръ любезный".
Рекли—но Гекторъ шлемъ великій сотрясалъ,
Се братній жребій онъ, взирая вспять, изъялъ.
Тогда всѣ ратники въ строяхъ своихъ возсѣли,
Коней, оружія вблизи себя имѣли.
Еленинъ же супругъ, божественный Паридъ,
Уже оружіемъ покрыть себя спѣшитъ;
Вначалѣ сапоги на ноги надѣваетъ
И сребреными ихъ застежками скрѣпляетъ;
И Ликаоновой онъ братнею броней
Вооружаетъ грудь для крѣпости своей;
Она сразмѣрна, въ ней онъ, движась, испытуетъ.
Потомъ себя мечемъ драгимъ препоясуетъ,
Пріемлетъ въ шуйцу щитъ, преграду страшныхъ силъ.
Главу же лѣпую прекрѣпкій шлемъ покрылъ,
На коемъ конскій хвостъ колеблясь сотрясался:
Въ героѣ гордый видъ тѣмъ вящше умножался.
Десница тяжкое вращаетъ копіе,
Велико, но во всемъ способно для нея.
Подобно Менелай, вооруженъ ко брани,

Готовъ является возвесть геройски длани.
И се они текутъ двухъ воинствъ на среду,
Лія отъ взоровъ огнь и пламенну вражду;
Всѣхъ зрящихъ въ хладный страхъ и ужасъ приводили,
И въ мѣсто, къ подвигу назначенно, вступили;
Трясутся копья ихъ, въ очахъ же гнѣвъ горитъ.
Паридъ копье свое въ противну грудь стремитъ:
Летитъ оно во щитъ, щита не проницаетъ;
Мѣдь тверда острее копейно отражаетъ.
Но Менелай, стремясь копьемъ разить его,
Вознесъ къ Зевесу гласъ моленія сего:
„Державный царь! мнѣ даждь низринуть въ адъ Парида!
Отмстится пусть мое безчестіе, обида,
Дабы и въ поздній родъ страшился всякъ дерзать
Гостепріимцу зло за дружбу воздавать“.
Скончалъ—и копіе изъ рукъ его пустилось,
Пробивши крѣпкій щитъ, въ броню, жужжа, вонзилось,
Близъ ребръ Паридовыхъ хитонъ разсѣкло бѣлъ;
Паридъ, уклоншися, пребылъ безвреденъ, цѣлъ;
Но Менелай, свой мечъ извлекши въ гнѣвѣ яромъ,
Вознесъ надъ шлемъ врага и мстительнымъ ударомъ
Разитъ, но мечъ, о шлемъ сокрусшись, въ части палъ;
Герой, на небо зря, вздыхая, вопіялъ:
„Зевесъ! нѣтъ божества, какъ ты, немилосерда:
Мнѣ злость врага карать была надежда тверда;
Но сей мой грозный мечъ на части раздробленъ,
Се тщетно копіе, Паридъ несокрушенъ“.
Онъ рекъ, и устремясь поспѣшною стопою,
Схватилъ врага за шлемъ безтрепетной рукою.
Влечетъ къ своимъ полкамъ, не ослабляя длань,
Въ Паридѣ духъ тѣснитъ, и нѣжну жметъ гортань,
Искуснымъ швеніемъ блестящъ ремень жестокій,
Чѣмъ подъ браду скрѣпленъ былъ шлемъ его высокій,
Влечетъ; не медля бы пріялъ безсмертну честь,
Но дщерь царя боговъ, Венера, видя месть,
Спѣшитъ къ наперснику и рветъ ремень воловой;
Шлемъ праздный слѣдуетъ за дланію суровой;
Герой его сотрясъ и ринулъ въ дружню рать,
Клевреты же спѣшатъ корысть сію поднять;
Онъ ринулъ, и летитъ, питая гнѣвну злобу,
Да погрузитъ копье въ Паридову утробу,
Но сей Венерою отъ смерти вмигъ отъятъ,

Зане безсмертные преградъ ни въ
чемъ не зрятъ;
Она подъ мглой его ввела въ чер-
тогъ пріятный.

Б. Оссіанъ, сынъ Фингаловъ (1792) ([3]).

Бой Сварана съ Фингаломъ. Повѣсть о Локлинскомъ вождѣ Орлѣ.

(Изъ 5-й пѣсни).

Кто сей толико ужасный, толико стремительный въ теченіи своемъ ратоборецъ?

Кто, кромѣ сына Старнова, дерзнетъ летѣть во срѣтеніе владыкѣ Морвенскому? Взирай на противоборствіе сихъ вождей. Таковы сражаются на океанѣ два духа и спорятъ, кто изъ нихъ долженъ возвышать его волны. Звѣроловецъ, стоящъ на холмѣ, слышитъ звуки ихъ усилій; онъ видитъ, волны подъемлются и стремятся по берегамъ Арвена. Тако вѣщалъ Конналъ (а), когда два героя сближались посреди своихъ ратниковъ, упадающихъ на всѣ страны (б). Въ семъ ужасѣ, въ семъ кровопролитіи внемлются звуки паденія оружій и удвояемыхъ ударовъ. Ужасно противоборствіе двухъ вождей, ужасны очей ихъ взоры; щиты ихъ разрушаются и сталь ихъ шлемовъ летитъ раздроблена въ мелкія части; они повергаютъ рукояти своихъ оружій, и каждый стремится схватиться за тѣло своего противника; жилистыя руки ихъ сплетаются; они объемлются, они влекутъ къ себѣ другъ друга, колеблясь на десную и на шуюю страну; въ сей кровопролитной борьбѣ твердыя ихъ жилы напрягаются и распростираются. Но когда уже пламенное свирѣпство ихъ воскрилило и напрягло всѣ ихъ силы и крѣпость, тогда колеблемый отъ ихъ усилій холмъ потрясся и встрепеталъ отъ основанія до высоты своей. Наконецъ Сваранъ изнемогаетъ: онъ палъ, и надменный Локлинскій владыка связуется узами.

Тако зрѣлъ я на высотѣ Коны (в), сей Коны, которыя очи мои уже не видятъ, тако зрѣлъ я два холма, отторженные отъ своихъ основаній наглостію бурнаго и стремительнаго источника: они, тяжестію своею склоняясь другъ ко другу, сближаются, древа ихъ касаются въ воздухѣ своими верхами; вдругъ оба они упадаютъ и, катясь, влекутъ съ собой свои древеса и камни; теченія рѣкъ премѣняются, и багровыя развалины обрушенной ихъ земли издалече еще поражаютъ взоръ путешественника.

Чада владыки Морвенскаго, рекъ Фингалъ, стрегите вождя Локлинскаго, зане крѣпость его есть крѣпость тысящи разъяренныхъ волнъ; его мышца научена на брань; онъ облеченъ во все

а) Другъ Кушуллина, владѣтель Тогормы (одного изъ Гебридскихъ острововъ).

б) De toutes parts.

в) Небольшая рѣка.

мужество древнихъ героевъ своего племени. Храбрый Галлъ, и ты, Оссіанъ, сопутствуйте брату Агандеки (а) и вселяйте радость въ унылую душу его. Но вы, Оскаръ, Филланъ и любезный Рино (б), вы стремитесь во слѣдъ разсѣянныхъ чадъ Локлинскихъ: да ни единъ ихъ корабль не дерзнетъ впередъ уничижать морей нашихъ. Онъ рекъ—они воздвинулись, и летятъ яко молнія. Фингалъ шествуетъ за ними тихими стопами, подобенъ облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ перуны, когда поля и долины безмолвствуютъ, опаляемы зноемъ лѣтнимъ. Его мечъ блистаетъ предъ его взоромъ. Онъ видитъ одного изъ вождей Локлинскихъ и вѣщаетъ ему: кто сей ратникъ, зримый мною и опершійся о твердый камень? онъ не можетъ перескочить источника: его станъ и видъ являютъ въ немъ героя, щитъ его при немъ, и его копіе возвышается яко пустынное древо. Храбрый юноша, сподвижникъ ли ты мнѣ, или одинъ изъ сопостатъ Фингала?

— Я сынъ странъ Локлинскихъ, возопилъ воитель, и моя десница крѣпка. Супруга моя рыдаетъ въ моихъ чертогахъ; но мужественный Орла никогда въ нихъ не возвратится.

— Покоряешься ты власти моей, или хочешь противоборствовать?

а) Сестра Сварана, дочь Старна.

б) Галлъ, Оскаръ, Филланъ, Рино—вожди, пришедшіе съ Фингаломъ. Оссіанъ—сынъ его.

рекъ Фингалъ. Сопостаты не торжествуютъ предъ лицемъ моимъ, и (в) друзья мои прославляются въ моихъ чертогахъ. Юный пришлецъ, сопутствуй мнѣ, и гряди участвовать въ торжественныхъ моихъ пиршествахъ; гряди поражать быстротечныхъ сернъ въ моихъ пустыняхъ.

— Да не будетъ, вѣщаетъ герой, я защитникъ слабыхъ; моя крѣпость всегда готова на помощь изнемогающаго. Мечъ мой еще не срѣталъ себѣ равнаго: да уступитъ мнѣ владыка Морвена.

— Вѣдай, храбрый Орла, никогда Фингалъ, никогда не покорялся смертному. Извлеки твой мечъ, избирай себѣ сопостата изъ моихъ бранноносцевъ.

— Но владыка ихъ или не хочетъ противостоять мнѣ? рекъ мужественный Орла; одинъ Фингалъ во всемъ племени своемъ, одинъ Фингалъ достоинъ противоборствовать Орлѣ.

Но внемли, сильный царь Морвена, если паду пораженъ тобою, зане и мужественный долженъ нѣкогда погибнуть, воздвигни мнѣ гробъ посреди Лены, возвысь его, да царствуетъ онъ надъ всѣми прочими. Мечъ Орлы возврати чрезъ пространство морей нѣжной его супругѣ, чтобъ, орошаема слезами, могла она показать его моему сыну и воспламенить въ сердцѣ его любовь ко брани.

— Несчастный юноша, рекъ Фингалъ, для чего печальною сею

в) Но (et).

бесѣдою обновляешь ты мою горесть! Такъ, предписано время, чтобъ низвергались во гробъ и сильные, и чтобъ юныя чада ихъ взирали на праздное ихъ оружіе, висящее на стѣнахъ ихъ чертоговъ; но твои желанія, Орла, совершатся. Я возвышу тебѣ гробъ, мечъ твой будетъ орошенъ слезами нѣжной твоей супруги.

Они сражаются, но мышца Орлы уже изнемогла; мечъ Фингаловъ спускается и разсѣкаетъ на полы щитъ его. Раздробленная сталь летитъ и блистаетъ на земли, подобно лунѣ, сіяющей во время ночи надъ струями источника.

Владыка Морвена, рекъ герой, возвысь твой мечъ и пронзи грудь мою. Уязвленъ во брани, остался я здѣсь безсиленъ и забвенъ отъ всѣхъ друзей моихъ; скоро, скоро печальная вѣсть о смерти моей разнесется на брегахъ Лоды и притечетъ къ моей возлюбленной въ тѣ часы, когда, уединенна, странствуетъ она въ густыхъ рощахъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морвенскій владыка, ты никогда не будешь пронзенъ мечемъ моимъ: я хочу, да нѣжная твоя супруга еще увидитъ тебя на берегахъ Лоды, избѣгша отъ рукъ смертоносной брани; я хочу, да почтенный твой родитель, который старостью лишенъ уже, можетъ быть, зрѣнія, хотя услышитъ голосъ твой въ своемъ жилищѣ... Онъ возстанетъ, исполненъ радости, и его заблуждающія руки будутъ искать Орлу, чтобъ осязать его съ веселіемъ.

— Они уже вѣчно его не осяжутъ, Фингалъ! я умру на поляхъ Лены, иноплеменные барды будутъ о мнѣ бесѣдовать; широкій мой поясъ скрываетъ глубокую и смертную язву; виждь, я его отторгаю отъ персей моихъ и повергаю на воздухъ.

Черная кровь, кипя и пѣнясь, стремится изъ ребръ его. Онъ истощается, блѣднѣетъ, упадаетъ, и Фингалъ, тронутый сожалѣніемъ, уклоняется къ умирающему герою. Онъ призываетъ своихъ юныхъ ратниковъ: Оскаръ, Филланъ, любезныя мои чада, воздвигните гробъ мужественному Орлѣ; онъ почіетъ на семъ полѣ, удаленъ отъ пріятнаго журчанія Бады, удаленъ отъ несчастной своей супруги; нѣкогда слабые ратники увидятъ лукъ его, висящій въ его чертогахъ, они потщатся его напрягать, но тщетно; вѣрные псы его лаютъ на холмахъ печально; дикіе звѣри, бѣжавшіе прежде отъ стрѣлъ его, радуются о его смерти: уже онъ бездыханенъ, уже безоружна сія крѣпкая мышца браней, первый изъ мужественныхъ уже въ объятіяхъ смерти!

[1]) Костровъ, Ермилъ Ивановичъ, сынъ государственнаго крестьянина Вятской губ., род. въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, учился сперва въ вятской семинаріи, потомъ въ московской славяно-греко-латинской академіи, наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень баккалавра. Ум. 1796 г. Костровъ былъ привиллегированнымъ, офиціальнымъ поэтомъ московск. университета, отъ

имени котораго писалъ стихотворенія на замѣчательныя событія. Сочиненія и переводы его имѣли два изданія, оба неполныя: первое—1802, въ 2 ч., второе 1849 (въ Смирд. изд. русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Аблесимова). Главнѣйшіе переводы его, въ стихахъ—восемь съ половиною пѣсенъ Иліады, изъ которыхъ первыя шесть напечатаны особою книгою (1787 г.), а остальныя, найденныя по смерти переводчика, въ 14 и 15 №№ Вѣст. Евр. 1811 г.; въ прозѣ: Превращеніе или золотой оселъ, Апулея (1780—81), Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ III вѣка; Гальскія стихотворенія (1792). (Подробности см. въ ст. моей о сочинен. Кострова и Аблесимова, Отеч, Зап. 1851, № 9, и въ ст. П. О. Морозова: „Костровъ“, въ Филологическихъ Запискахъ 1876 г. и отдѣльный оттискъ). - Оды Кострова, по направленію и формѣ, принадлежатъ къ отдѣлу Ломоносовской лирики. Если есть въ нихъ какое-нибудь отличіе отъ однородныхъ пьесъ Ломоносова, Сумарокова, Петрова и другихъ, то оно объясняется вліяніемъ Апулеева романа (особенно басни о Психеѣ) и Оссіановыхъ стихотвореній, и состоитъ въ томъ, что Костровъ по мѣстамъ вводилъ въ нихъ элементъ идиллическій и эротическій, на ряду съ величественными образами Юпитера, Нептуна, Минервы, Аполлона ставилъ образы нѣжныхъ миѳологическихъ существъ: Венеры, Зефировъ, Амура, Граціи, Нимфъ, Нереидъ и пр.

²) „Гомерова Иліада, переведенная Ермиломъ Костровымъ, 1787“. Переводъ посвященъ Екатеринѣ II. Посвятительные стихи касаются видовъ ея на Грецію. Гомеръ, пишетъ Костровъ, еще въ древности изобразилъ торжество сѣвера надъ югомъ; въ наше время Россія увидѣла героевъ, устремившихся на Стамбулъ и Крымъ; русскій флагъ надъ Геллеспонтомъ есть ужасъ варварамъ, а грекамъ источникъ благъ. Въ концѣ обращеніе къ Гомеру:

О Россахъ истинно предчувствіе твое:
Въ Екатеринѣ зримъ его событіе.

³) „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка: гальскія (иначе эрскія, или ирландскія) стихотворенія. Переведены съ французскаго Е. Костровымъ, 2 ч. (1792)“. Второе изданіе—1818. Вопросъ объ Оссіанѣ приведенъ теперь въ ясность: пѣсни его суть не что иное, какъ сочиненія англичанина Макферсона, который написалъ ихъ въ духѣ ирландскихъ сагъ и народныхъ пѣсенъ и выдалъ 1760 г. за открытые имъ поэтическіе памятники древняго барда. Французскій переводъ (1777) этихъ подложныхъ пѣсенъ принадлежитъ Летурнеру, познакомившему своихъ соотечественниковъ съ Шекспиромъ, Юнгомъ, Ричардсономъ и другими англійскими писателями въ то время, когда еще господствовали стѣснительныя теоріи псевдо-классицизма. Этотъ-то переводъ передалъ Костровъ слишкомъ буквально, посвятивъ свой трудъ Суворову, который на стихотворное его посланіе отвѣчалъ также стихами. Суворовъ любилъ читать Оссіана, и Державинъ въ двухъ одахъ: „на переходъ чрезъ Альпійскія горы“ и „на побѣды въ Италіи“, старался подражать Оссіановскому тону. См. въ послѣдней пьесѣ стихи:

Ударъ во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка, щитъ, и пр.

Другіе стихотворцы черпали нерѣдко сюжеты изъ того же источника: въ трагедіи Озерова „Фингалъ“, многія пѣсни бардовъ взяты изъ Оссіана; Капнистъ переложилъ „Гимнъ къ солнцу слѣпаго старца Оссіана“; единоборство Мегмета-Кула съ Ермакомъ, И. Дмитріева (въ пьесѣ „Ермакъ“), есть подражаніе единоборству Сварана, сына Старнова, съ Фингаломъ. Пѣсни Оссіана состоятъ изъ нѣсколькихъ поэмъ. Главный герой ихъ—Фингалъ, „Ахиллъ сѣверныхъ странъ“. Первая поэма, называемая его именемъ, за-

ключаетъ въ себѣ шесть пѣсенъ. Дѣйствію ея предшествовали слѣдующія событія: Арто, царь ирландскій, умеръ въ дворцѣ своемъ Теморѣ, оставивъ по себѣ малолѣтняго сына Кормака. Племена собрались для выбора наслѣднику попечителя. Выборъ палъ па Кушуллина, сына самовладѣтеля Гебридскихъ острововъ. Едва вступилъ онъ въ управленіе, какъ получаетъ извѣстіе, что Сваранъ, царь локлинскій (въ Скандинавіи), угрожаетъ высадкой на берега Ирландіи. Кушуллинъ отправляетъ одного изъ вождей, Морана, просить помощи у Фингала, царствовавшаго надъ каледонянами, которые обитали въ сѣверо-западной части Шотландіи. Фингалъ отправляется на помощь; прежде его прибытія Сваранъ уже приближается къ ирландской провинціи Ульстеру. Кушуллинъ устраиваетъ въ боевой порядокъ лучшія войска свои подъ стѣнами Туры; сторожевые отряды его наблюдаютъ за непріятелемъ вдоль берега. Отсюда начинается дѣйствіе, которое продолжается пятеро сутокъ и происходитъ на поляхъ Лены, близъ горы Кромлы, на берегу Ульстера. Фингалъ, отецъ Оссіана и царь морвенскій (Морвена— цѣпь высокихъ горъ), есть герой поэмы.

XLVII.

В. И. МАЙКОВЪ (1).

Елисей, или раздраженный Вакхъ (1775) (2).

Разсказъ Елисея о битвѣ Зимогорцевъ съ Валдайцами за сѣнокосъ.

Уже мы подъ ячмень всю пашню запахали,
По сихъ трудахъ весь скотъ и мы всѣ отдыхали;
Ужъ хлѣбъ на полвершка посѣянный возросъ,
Настало время намъ идти на сѣнокосъ.
А наши пажити, какъ всѣмъ сіе извѣстно,
Сошлись съ валдайскими задами очень тѣсно;
Ихъ некому развесть опричь межевщика;
Снимала съ нихъ траву сильнѣйшая рука;
И такъ они у насъ всегда бывали въ спорѣ:
Вотъ вся вина была въ ужасной нашей ссорѣ!
Уже насталъ тотъ день, пошли мы на луга
И взяли молока, яицъ и творога,
Обременилися со квасомъ бураками,
Блинами сытными, виномъ, крупениками;
Съ снарядомъ таковымъ лишь мы явились въ лугъ,
Узрѣли предъ собой напасть свою мы вдругъ:
Стоятъ съ орудіемъ тамъ гордые Валдайцы.
Мы дрогнули и всѣ побѣгли яко зайцы,

Бѣжимъ и ищемъ имъ подобнаго ружья—
Жердей, тычинъ, шестовъ, осколковъ и дубья;
Другъ друга тутъ мы взять шесты предускоряемъ.
Другъ друга тутъ мы всѣ ко брани предваряемъ.
Начальникъ нашея ямскія слободы,
Предвидя изъ сего ужасныя бѣды,
Садится на коня и насъ всѣхъ собираетъ;
Лишь собралъ, взялъ перо, бумагу имъ мараетъ.
Хоть не былъ онъ французъ и не былъ также грекъ,
Онъ русскій былъ, но былъ приказный человѣкъ
И былъ коричневымъ одѣянъ онъ мундиромъ.
Не дай Богъ быть писцу военнымъ командиромъ!
Онъ, вынувши перо, и пишетъ имена,
Тогда какъ нашу боль ужъ чувствуетъ спина
Отъ ниспаденія къ намъ каменнаго града.
И можно ль, чтобъ была при писарѣ Паллада?
Онъ пишетъ имена, а насъ Валдайцы бьютъ,
Старухи по избамъ на небо вопіютъ,
Ребята малыя, всѣ дѣвки, бабы, куры
Забились подъ печи и спрятались въ конуры.
Мы видимъ, что не быть письму его конца
Не стали слушаться мы болѣе писца.
Какъ вихри ото всѣхъ сторонъ мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились.
Плетни ни отъ воды не могутъ насъ сдержать,
Валдайцамъ лишь одно спасеніе—бѣжать.
Однако противъ насъ стоятъ они упорно
И дѣйствуютъ своимъ дреколіемъ проворно;
Не можемъ разорвать мы ихъ порядка связь:
Летятъ съ обѣихъ странъ на насъ каменья, грязь,
Неистовыхъ людей военные снаряды:
Мараемъ и разимъ другъ друга безъ пощады;
Но наши такъ стоятъ, какъ твердая стѣна.
Прости, что я теперь напомню имена,
Которыя сюда вносить хотя бъ не кстати,
Однакъ безъ нихъ нельзя бъ побѣды одержати;
Хотя бы нашъ писецъ еще мудрѣе былъ,
Но онъ бы лбомъ своимъ стѣны той не разбилъ,
Которую едва мы кольемъ раздробили.
Ужъ мы каменьями другъ друга больно били,
Какъ первый Степка нашъ, ужасный озарникъ
(Хотя не взраченъ онъ, но сильный былъ мужикъ),
Сей съ яростію въ бой ближайшій устремился

И въ кучу толстую къ Валдайцамъ проломился:
Біетъ уразиной (а), возсталъ межъ ними крикъ,
А Степка дѣйствуетъ надъ ними какъ мясникъ.
Потомъ тотчасъ его племянникъ, взявъ дубину,
Помчался, оробѣлъ и далъ имъ видѣть спину,
Гдѣ рѣзвый на него Валдаецъ наскочилъ
И верхъ надъ нашимъ сей героемъ получилъ,
Въ срединѣ самыя кровопролитной сѣчи
Вскочилъ ко нашему герою тотъ на плечи
И превознесся тѣмъ надъ всею онъ ордой:
Онъ началъ битвою, а кончилъ шахардой (б)
Но штука такова окончилась бѣдою:
Валдаецъ не успѣлъ поздравить насъ съ ѣздою,
Племянникъ Степкинъ, взявъ Валдайца за кушакъ,
И тропнулъ о землю сего героя такъ,
Что носъ его разбилъ и сдѣлалъ какъ плющатку:
Съ тѣхъ поръ онъ на носъ свой кладетъ всегда заплатку.
И се увидѣли мы всѣ тогда вдали —
Несется человѣкъ замаранъ весь въ пыли;
То былъ прегордый самъ Валдайцовъ предводитель;
Сей скотъ былъ нашему подобный управитель;
Свирѣпствуя на насъ во внутреннемъ огнѣ,
Онъ скачетъ къ нашему герою на конѣ:
Всѣ мнили, что они ужасною борьбою
Окончатъ общій бой одни между собою;
Всѣ смотримъ, всѣ стоимъ, и всѣхъ насъ обнялъ страхъ.
Уже съѣзжаются герои на коняхъ;
Но вдругъ тутъ мысли въ нихъ совсѣмъ перемѣнились:
Они не билися, но только побранились,
Оставя кончить бой единымъ только намъ;
Ихъ кони развезли обоихъ по домамъ.
Межъ тѣмъ ужъ солнышко, коль хочешь это вѣдать,
Сіяло такъ, что намъ пора бы и обѣдать;
И если бы не бой проклятый захватилъ,
Я, можетъ быть, куска бъ ужъ два-три проглотилъ:
Но въ обстоятельствѣ, въ какомъ была жизнь наша,
Не шли на умъ мнѣ щи, ниже крутая каша.
Когда начальниковъ лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели:
Не стало между всѣхъ порядка никакого,
И съ тѣмъ не стало вдругъ большого ни меньшого,
Смѣсилися мы всѣ и стали всѣ равны.

а) Орясина—толстая дубина.
б) Чихарда—простонародная игра.

Вдругъ братъ мой въ помощь намъ, какъ ястребъ, налетѣлъ,
Смутилъ побоище, какъ брагу онъ въ ушатѣ.
Но не поставь мнѣ въ ложь, что я скажу о братѣ:
Имѣя толстую уразину въ рукахъ,
Наноситъ нашимъ всѣмъ врагамъ онъ ею страхъ;
Гдѣ съ нею онъ пройдетъ, тамъ улица явится,
А гдѣ повернется, тамъ площадь становится.
Уже онъ близъ часа Валдайцевъ поражалъ
И словомъ, отъ него такъ каждый прочь бѣжалъ,
Какъ вдругъ противъ его соперникъ появился;
Вдругъ подвигъ братнинъ тутъ совсѣмъ остановился;
Валдаецъ сей къ нему на шею вдругъ повисъ.
И ухо правое у брата прочь отгрызъ.
И тако братецъ мой возлюбленный Илюха
Пришелъ на брань съ ушьми, а прочь пошелъ безъ уха;
Тащится какъ свинья, совсѣмъ окровавленъ,
Изъѣденъ, оборванъ, а пуще осрамленъ.
Какая же, суди, мнѣ сдѣлалась утрата:
Лишился уха онъ, а я лишился брата!
Съ тѣхъ поръ за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказалъ напрасно рѣчь сію:
Когда онъ былъ еще съ обоими ушами,
Тогда онъ трогался несчастливыхъ словами,
А нынѣ эта дверь совсѣмъ затворена,
И слышитъ только онъ одно, кто молвитъ: „на“!
А „дай“ сего словца онъ нынѣ ужъ не внемлетъ
И лѣвымъ ухомъ просьбъ ни чьихъ онъ не пріемлетъ.
Въ пустомъ колодезѣ не скоро найдешь кладъ,
А мнѣ безъ этого не надобенъ и братъ.

[1]) Майковъ, Василій Ивановичъ (1726—1778), пріобрѣлъ извѣстность преимущественно комическими поэмами: „Игрокъ Ломбера“, въ 3-хъ пѣсняхъ (1763), и „Елисей, или раздраженный Вакхъ“, въ 5-ти пѣсняхъ (1775 г.). Полное собраніе его сочиненій и переводовъ съ портретомъ автора, съ статьею о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова, составляетъ одинъ томъ въ изданіи И. Глазунова: „Русскіе писатели XVIII и XIX ст.“.

[2]) Герой этой поэмы — ямщикъ изъ Зимогорья — Елисей. Вакхъ, раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина, избираетъ Елисея орудіемъ своего мщенія; послѣ разныхъ побочныхъ похожденій, ямщикъ вводится Силеномъ, по приказанію Вакха, въ домъ своего откупщика, опустошаетъ, вмѣстѣ съ самимъ Вакхомъ, погребъ хозяина и потомъ принимается за разореніе другихъ откупщиковъ. Но эта дерзость приводитъ въ гнѣвъ Зевеса; онъ собираетъ боговъ и рѣшаетъ наказать Елисея отдачею его въ солдаты. Исполненіемъ этого приговора оканчивается поэма. — Майковъ былъ однимъ изъ самыхъ вид-

ныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка. Онъ почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни. Поэтому и былъ онъ любимъ въ свое время какъ писатель: его читали и люди высшаго общества, и „средняго рода люди", что служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительной его популярности, которою въ XVIII вѣкѣ пользовались немногіе литераторы (См. указанную статью Л. Н. Майкова).

XLVIII.

М. Н. МУРАВЬЕВЪ (1).

1. *Посланіе къ И. П. Тургеневу (1774)* (2).

Не тотъ еще, мой другъ, свободный человѣкъ,
Кто преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечный вѣкъ
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла,
Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности стенящаго своей.
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянья желаетъ:
Свѣтъ, зримый всякій день, его не забавляетъ,
И между тѣмъ какъ все въ движеньи вкругъ его,
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего,
Напрасно бы жезломъ какой всесильной феи
Онъ видѣлъ всѣ свои исполненны затѣи—
Онъ тысящи бы вновь желаній соплеталъ
И посреди воды былъ жажденъ какъ Танталъ.
Того лишь, кто владѣть умѣетъ самъ собою,
Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
Но всюду слѣдуетъ призванію ея
И знаетъ, живучи, всю цѣну житія;
Безъ наслажденія минуты не проходятъ,
Раскаянья онѣ и скуки не приводятъ;
Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ,
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священные союзы
И, чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы.

Внимательный супругъ и счастливый отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ.
Счастливъ, кто можетъ быть семейства благодѣтель!
Что нужды, домъ тому ль иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно достоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.
Конечно, жребій тѣхъ достоинъ удивленья,
Кто поприще честей прошли безъ умедленья:
Служить отечеству — верховный душъ обѣтъ!
Нашъ долгъ туда спѣшить, куда оно зоветъ.
Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ
Мнѣ должно уступить: уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ—только что служить, отчизнѣ—награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета:
„Хвала богамъ!“ сказалъ, народа не виня,
„Есть триста человѣкъ достойнѣе меня“.
Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ;
Срѣтаютъ счастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Вергилій воспѣвалъ,
Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ
И, въ позднюю ночь подъ кровъ склоняяся домашній,
Столы отягощалъ некупленными брашны,
Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ
И пышныхъ богачей душой превосходилъ.
Ахъ! можетъ ли привесть ко счастію богатство?
Желанье собирать есть болѣе препятство,
Чѣмъ способъ къ счастію. „Ахъ, еслибъ къ кучѣ той
„Прибавить удалось еще мѣшокъ другой!“
Вотъ собирателя одно воображенье.
Для роскоши его отверстая душа,
Всечастно къ новому веселію спѣша,
Отъ коей прочь бѣжитъ, ту скуку покупаетъ
И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаетъ.
Богатъ, кто, знаючи своимъ достаткомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;
И, словомъ, счастливъ тотъ и тотъ одинъ свободенъ,
Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ.
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ
И скуку житія ученьемъ услаждаетъ.

Ты, юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріятно старости готовишь вспоминанья;
Съ тобою почерпать мы прежде тщились знанья,
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
Гдѣ, ліючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристалловъ;
Гдѣ музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ Шуваловъ;
Гдѣ, Ломоносова пріемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ:
Гдѣ Барсовъ сталъ по немъ ревнитель росска слова
И Шаденъ (3) истину являетъ безъ покрова:
Тамъ дружбы сладостной услышали мы гласъ—
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуетъ онъ насъ.

2. Предпочтеніе природнаго языка (4).

Не можно исчислить, сколь много способствуетъ къ сіянію, славѣ и просвѣщенію государства попеченіе, прилагаемое къ очищенію языка, и одобреніе превосходныхъ писателей. Чѣмъ болѣе вкусъ чтенія становится общимъ, тѣмъ болѣе число полезныхъ истинъ увеличивается, тѣмъ болѣе просвѣщеніе разливается во всѣхъ состояніяхъ народа. Немногіе пользуются выгодами тщательнаго воспитанія; но всѣ, привлекаемые прелестію чтенія, отлагаютъ нѣсколько минутъ отъ обыкновенныхъ упражненій своихъ или самаго отдохновенія на возобновленіе прежнихъ знаній или пріобрѣтеніе новыхъ. Писатели, въ новыхъ и пріятныхъ видахъ представляя общія истины нравоученія, наблюденія, учиненныя надъ сердцемъ и разумомъ человѣческимъ, и важныя правила государственнаго благополучія, пріучаютъ нечувствительнымъ образомъ разсматривать съ большимъ вниманіемъ все, что происходитъ вокругъ насъ. Они даютъ цѣлому народу яснѣйшій взоръ на вещи, болѣе откровенія въ разумѣ, болѣе кротости во нравахъ. Въ различныхъ областяхъ одного народа примѣчаютъ великое противоположеніе въ общежитіи и поведеніи людей, по мѣрѣ какъ просвѣщеніе покровительствуется или утѣсняется. Между тѣмъ какъ въ католицкихъ областяхъ нѣмецкой земли понятія народныя омрачены грубостію суевѣрія и невѣжества, протестантскія земли, гдѣ царствуетъ разумная свобода въ разбирательствѣ мнѣній, отличаются общимъ распространеніемъ просвѣщенія и благонравія. Въ сихъ послѣднихъ родились великіе писатели, которые возвысили нѣмецкій языкъ до соперничества съ французскимъ и англійскимъ. Австрія и Баварія не могутъ ничего противоположить славнымъ име-

намъ Лессинга, Виланда и Клопштока. Перемѣна въ разсужденіи нѣмецкаго языка была столь быстра и внезапна, что Великій Фридрихъ, воспитанный во вредномъ предразсужденіи противъ своего природнаго языка, не могъ быть переувѣренъ въ томъ, что современные съ нимъ стихотворцы и писатели нѣмецкіе не имѣютъ уже ничего общаго съ педантами, которые имъ предшествовали. Напрасно славный министръ его, Герцбергъ, съ которымъ онъ иногда нисходилъ отъ государственныхъ дѣлъ къ предметамъ вкуса и умствованія, старался ему доказать, что презрѣніе его къ отечественному языку несправедливо: Фридрихъ Великій предпочиталъ французскій языкъ своему природному. Онъ не принималъ въ уваженіе, что и французскій языкъ достигъ сего сіянія въ столѣтіе Лудвига XIV по большей части помощью сильнаго покровительства, коего монархъ сей удостоивалъ великихъ писателей. Расинъ и Буало, принятые въ отборное его общество, послѣдовали ему въ блестящихъ его походахъ или увеселительныхъ путешествіяхъ. Корнель на одрѣ смерти чувствовалъ доказательства благоволенія его. Часто Мольеръ читывалъ ему еще неоконченныя свои комедіи, и между тѣмъ, какъ лицемѣріе и безразсудное мщеніе хотѣли похитить торжество его запрещеніемъ играть Тартюфа, оскорбленный живописецъ сердца посылалъ одного изъ товарищей своихъ во Фландрію, въ лагерь Лудвига Великаго, съ прошеніемъ защитить безсмертное его произведеніе. Монархъ-побѣдитель не считалъ за униженіе покровительствовать дарованію, которое дѣлало честь вѣку его, и, можетъ быть, будущимъ. Кромѣ сихъ великихъ писателей, не было придворнаго человѣка, благородной женщины, которые не умѣли бы изъясняться съ пріятностію и не полагали въ числѣ отличій своихъ преимущество хорошо говорить и писать на природномъ языкѣ. Многія дамы, украшеніе пола своего, вліяли природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и не тщательныя, но къ которымъ не можетъ поддѣлаться никакое искусство: госпожа Севинье, Лафаетъ и другія. Уединенный ученый не можетъ перенять сихъ нѣжныхъ оборотовъ языка, введенныхъ употребленіемъ общества. Прилежаніе и разсѣяніе попеременно способствовали къ обогащенію языка толь многими пріятностями, что онъ внесенъ почти въ число классическихъ языковъ Европы, не переставъ быть, какъ древніе, живымъ языкомъ народнымъ.

[1]) Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ (р. 1757, у. 1807), по административной дѣятельности относится къ царствованію Александра I, а по литературной—ко времени Екатерины II. Воспитывался въ гимназіи при московскомъ университетѣ и въ самомъ университетѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Служа въ гвардіи, онъ посѣщалъ лекціи профес-

соровъ академіи наукъ. Образованіе Муравьева, по справедливому отзыву Батюшкова (письмо къ И. М. М. А. *) о сочиненіяхъ г. Муравьева), было классическое и многостороннее: онъ зналъ латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки, имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ исторіи, словесности и математикѣ. Еще въ 1773 году, бывши каптенармусомъ Измайловскаго полка, напечаталъ онъ „Басни въ стихахъ" и „Переводныя стихотворенія", между которыми есть переводы нѣсколькихъ одъ Горація и стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ. Въ 1775 году изданы „Оды лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка сержанта Михаила Муравьева". Нѣкоторыя стихотворенія помѣщены, въ „Опытахъ трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія" (1774—78), и между прочими одно, написанное гекзаметромъ: „Роща" (ч. IV). Въ 1785 г. Екатерина опредѣлила Муравьева наставникомъ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ: онъ преподавалъ имъ русскую словесность, русскую исторію и нравоученіе. Для чтенія великимъ князьямъ писалъ онъ небольшія піесы, преимущественно касавшіяся предметовъ его преподаванія; онѣ изданы въ 1796 г., подъ заглавіемъ: „Опыты исторіи, письменъ и нравоученія". При вступленіи па престолъ Александра I, Муравьевъ назначенъ былъ сенаторомъ (1800), и вскорѣ (1801) повелѣно ему быть при особѣ государя, у принятія подаваемыхъ на высочайшее имя прошеній. Въ 1803 г., при учрежденіи министерствъ, Муравьевъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (гр. П. В. Завадовскаго) и попечителемъ московскаго университета. Карамзинъ, многимъ обязанный его покровительству, издалъ его сочиненія, подъ названіемъ: „Опыты исторіи, словесности и нравоученія", 2 ч. (1810). Здѣсь въ 1 ч. содержатся небольшія піесы по тремъ предметамъ, означеннымъ въ заглавіи, и „Разговоры мертвыхъ", написанные въ подражаніе Фонтенелю; во 2-й ч.: „Обитатель предмѣстія", „повѣсть Оскольдъ" и „Краткое начертаніе Россійской исторіи". Въ небольшомъ предисловіи (отъ издателей), принадлежащемъ Карамзину, представлена слѣдующая характеристика Муравьева: „Мысли и правила автора изображаютъ прекрасную, нѣжную душу его, исполненную любви къ общему благу. Каковъ онъ былъ въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ, таковъ и въ дѣлахъ... Всѣ главныя произведенія разума человѣческаго, древніе и новые языки, науки историческія, умозрительныя и естественныя были ему извѣстны... Онъ не оставлялъ безъ вниманія ни одной хорошей книги, выходившей въ свѣтъ на какомъ-нибудь языкѣ европейскомъ. Страсть къ ученію равнялась въ немъ только съ страстію къ добродѣтели". „Обитатель предмѣстья" вмѣстѣ съ продолженіемъ его: „Эмиліевы письма" и небольшими прозаическими статьями, означенными названіемъ „Тетради для сочиненій", изданы особо 1815 г. (здѣсь включено и вышеуказанное письмо Батюшкова къ И. М. М. А., содержащее въ себѣ разборъ сочиненій Муравьева). Второе изданіе сочиненій Муравьева напеч., въ 3-хъ ч. (1812 — 1820); послѣднее, полное собраніе издано 1856, въ 2 ч.

*) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

²) Одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, род. 21-го іюня 1752 г. и воспитывался въ московск. университетской гимназіи въ одно время съ М. Н. Муравьевымъ, т.-е. во второй половинѣ 1760-хъ годовъ. Съ этихъ поръ и началась ихъ дружба. Впослѣдствіи Тургеневъ сталъ ревностнымъ масономъ и сблизился съ Новиковымъ, въ семидесятыхъ годахъ, когда послѣдній жилъ еще въ Петербургѣ. Въ 1779 году Иванъ Петровичъ

переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ Новиковымъ, Шварцемъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ, М. М. Херасковымъ и другими лицами принялъ дѣятельное участіе въ образованіи Дружескаго ученаго Общества и дѣлалъ щедрыя пожертвованія на предпріятія его. Съ 1784 г. онъ былъ членомъ Типографической компаніи. Въ это время Тургеневъ состоялъ генералъ-адъютантомъ при главнокомандующемъ, гр. З. Г. Чернышевѣ. Въ 1785 г., вышедши въ отставку, отправился въ Симбирскую губернію, гдѣ было у него имѣнье и, встрѣтивъ тамъ Карамзина, убѣдилъ его бросить свѣтскую жизнь, ѣхать въ Москву и посвятить себя литературѣ. Когда, въ 1792 г., началось преслѣдованіе мартинистовъ, Тургеневу приказано было отправиться на житье въ свои симбирскія помѣстья. Но по вступленіи на престолъ Павла I онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и назначенъ 1797 г., директоромъ Московскаго университета, которымъ и управлялъ по конецъ 1803 г., когда послѣдовало преобразованіе университета, и должность директора была уничтожена. Подъ руководствомъ Тургенева въ Московск. университет. пансіонѣ получили образованіе многія извѣстныя впослѣдствіи лица, въ томъ числѣ Жуковскій. Они относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, почитали какъ отца (Шевыревъ — Исторія Московскаго университета; Лонгиновъ—Новиковъ и московскіе мартинисты). М. И. Невзоровъ, принадлежавшій къ кругу московскихъ масоновъ, отзывается о Тургеневѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Онъ былъ мой личный благодѣтель... Онъ былъ другъ юношества, и многимъ молодымъ людямъ, особливо въ бытность свою директоромъ Московскаго университета, оказалъ благодѣянія, открывая возможные способы къ ученію, ободряя, награждая и даже по выходѣ изъ училищъ сыскивая разные пути къ должностямъ и благосостоянію жизни (Другъ Юношества 1809 г., январь, стр. 2). Въ собраніи стихотвореній Невзорова есть посланіе: „Его превосходительству И. П. Тургеневу выраженіе сердечныхъ чувствъ въ 24 день февраля 1800 г.“. Посланіе это, написанное еще въ Казани по случаю дня рожденія И. В. Лопухина, было прислано И. П. Тургеневу, какъ одному изъ ближайшихъ друзей послѣдняго. Оно перепечатано въ Другѣ Юношества 1810 г., февраль, стр. 95—101. Послѣдніе годы жизни Тургеневъ жилъ въ Москвѣ (Р. Арх. 1871 г., стр. 0148; С. П. Жихаревъ, Записки современника, стр. 37), но въ февралѣ 1807 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь проводилъ время преимущественно у М. Н. Муравьева (Жихаревъ, Дневникъ чиновника въ Отеч. Зап. 1855 г., т. CI, стр. 140). Здѣсь Тургеневъ и умеръ 28-го февраля 1807 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ со своимъ старшимъ сыномъ Андреемъ (род. 1-го октября 1781 г., ум. 8-го іюля 1803 г.).

Въ литературѣ И. П. Тургеневъ извѣстенъ, какъ авторъ сочиненій: 1) „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ“. И. В. Лопухинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что сочиненіе это было переведено на франц. языкъ и пущено въ продажу (Р. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 29); на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Василія Протопопова, оно напечатано въ 1786 г. съ посвященіемъ Аѳанасію, епископу Коломенскому и Тульскому; 2) Нѣкоторое подражаніе пѣснямъ Давидовымъ, 1802. Подъ посвященіемъ „любезнѣйшему другу“ выставленъ 1795 г. Перепечатано Невзоровымъ въ Другѣ Юношества 1809 г. январь, стр. 1—18, откуда и узнается авторъ „подражанія“. Кромѣ того Тургеневу принадлежатъ переводы слѣдующихъ мистическихъ сочиненій: 1) Іоанна Масона, познаніе самого себя, 1783; изд. 2-е, 1786; изд. 3-е 1880;

2) Апологія или защищеніе ордена В. К. М. 1784; 3) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ, 1784; изд. 2-е—1800—1801.

3) Шаденъ, профессоръ философіи въ москов. университетѣ, ум. 1797 г. Онъ пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ слушателей за свое преподаваніе. О немъ см. словарь профессоровъ Москов. Университета.

4) „Опыты исторіи, словесности и нравоученія, 2 ч. (1810)". Они относятся ко времени нахожденія Муравьева наставникомъ при великихъ князьяхъ.

XLIX.

КАПНИСТЪ (1).

Ябеда, комедія (1796) (2).

дѣйствіе III, явленіе 4.

Ѳекла, Софья, Анна, Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ и Наумычъ (выходятъ всѣ полупьяные).

Хватайко. Ну, столъ! ужъ прямо столъ! все вмѣстѣ: сытъ и пьянъ.
Паролькинъ. Десертъ!
Бульбулькинъ. Напиточки!
Атуевъ. Откудова что взято!
Кривосудовъ. Нѣтъ, что-то поваръ нашъ сегодня плоховато...
Ѳекла. Немного запился.
Бульбулькинъ. Да празднику кто радъ *(къ Хватайкѣ)*,
Тотъ до свѣта ужъ пьянъ. А что? не правда-ль, братъ?
Хватайко. Пословица не лжетъ.
Праволовъ. А тотъ, кто время тратитъ,
Она-жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ.
Хватайко. Къ чему словцо?
Праволовъ *(указывая на карты)*. Къ тому, что множество червей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ своей.
Паролькинъ *(къ Кривосудову)*. Онъ правъ: пора пустить ихъ по зелену полю.
Ну, прокуроръ, рѣши колодничью неволю:
Тебѣ вступиться долгъ.
Хватайко. Изволь, мой другъ, изволь!
Кто какъ?
Праволовъ *(раздаетъ карты)*. Мы наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ. *(Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту)*.
Паролькинъ. А кто-жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.
Праволовъ. Добро, и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ! ты мечи *(даетъ ему ассигнаціи)*.
Да, знаешь, пяль глаза и всячески щечи.
Ѳекла. А кто жъ со мной въ пикетъ?
Праволовъ. Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.

Я къ вамъ *(Кривосудову)*. А за себя, чтобъ васъ не разлучить,
Позвольте моего мнѣ друга посадить *(Указывая на Кохтина)*.

Кривосудовъ. По мнѣ вы какъ хотя.

Бульбулькинъ. А я и радъ размѣну.

Кривосудовъ. Какую жъ нашей мы игрѣ поставимъ цѣну?

Праволовъ. Я по пяти рублей, а меньше николи.

Бульбулькинъ. Да годовой окладъ съ насъ этакъ сбрить изволишь
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.

Кривосудовъ. Не горячись; а то и впрямь какъ разъ бобыль.

Бульбулькинъ. Я радъ бы, но когда пожалуетъ шпадиль —
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(Всѣ садятся: по срединѣ въ ломберъ играющіе; на одной сторонѣ Ѳекла съ Праволовымъ, а на другой играющіе въ банкъ. Близъ Ѳеклы на канапе Софья, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку, читаетъ).

Наумычъ. Да что же на столѣ наличнаго нѣтъ мѣла?

Хватайко. А много-ль въ банкѣ-то наличныхъ?

Наумычъ. Сотни три.

Праволовъ. Наумычъ! не ударь ты въ грязь лицомъ, смотри.

Паролькинъ. Какъ ни смотри, ни зги въ двѣ таліи не взвидитъ.

Атуевъ. А я боюсь, что онъ вельми насъ всѣхъ обидитъ.

Хватайко. Снимайте: полно вамъ пороть-то дребедень.

Ѳекла. А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?

Праволовъ. Когда угодно вамъ.

Ѳекла. И также все съ рефетомъ?

Праволовъ. На что, сударыня, и спрашивать объ этомъ.

Кривосудовъ. Жена! рефетомъ ты не замори гостей.

Ѳекла. Ахъ, кстати-ль! Софьюшка! ну, встань, почародѣй,
И пуншикъ изготовь.

Софья. Ахъ, я вѣдь не умѣю.

Ѳекла. Какая ты и впрямь! *(Аннѣ)* А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко. Нѣтъ, дама не везетъ.
Такъ атанде: авось мнѣ вывезетъ валетъ.
Тьфу пропасть! съ оника: и этотъ вонъ изъ кона!

Кривосудовъ. Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,
И въ запрещенную игру...

Хватайко. Да видно, намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ
Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.

Бульбулькинъ. Ха, ха, ха, экой вздоръ! какое заключенье!
Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ
Ты предлагаешь намъ, почтенный прокуроръ!
Ну, отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?

Хватайко. Да отъ кого нибудь, а надобно жъ...

Паролькинъ. Тьфу! даму
Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.

Праволовъ. Позвольте, чтобы я за прокурора сталъ.
И я готовъ теперь представить вамъ урода,

Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,
Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ
Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Прямиковъ.

Бульбулькинъ. Ну, докажи же намъ: то быть такъ, всѣмъ соборомъ
Пожалуемъ тебя мы нашимъ прокуроромъ.

Атуевъ *(въ полголоса)*. Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!

Паролькинъ *(въ полголоса)*. Ей, ей не безъ ума.

Хватайко *(въ полголоса)*. Великій тутъ скачекъ, хоть линія пряма!

Радбынъ *(въ полголоса)*. Отъ Пря-прямико-кова до-до-Ада-да-ма?

Паролькинъ. На силу наконецъ мнѣ выиграла дама.

Праволовъ *(оборачивается къ нимъ, а между тѣмъ Ѳекла подбираетъ карты)*. Охотно, и на вашъ я посылаюсь судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ: скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.
Но звался онъ Ѳедотъ: такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;
И такъ вы видите, что явный тутъ обманъ,
И что чрезъ хищное, неправедное средство
Ѳедотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

Наумычъ *(Хватайкѣ)*. Вы лишній уголокъ...

Бульбулькинъ *(Праволову)*. Прямой ты прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.

Хватайко *(Бульбулькину)*. Кто? я? да я не воръ.

Бульбулькинъ *(Хватайкѣ)*. Льнетъ развѣ и къ тебѣ?

Хватайко. Не гну я пальца даромъ.

Наумычъ *(Хватайкѣ)*. Берете шутку вы съ такимъ, какъ правду, жаромъ.

Радбынъ. Ра-развѣ Бо-Богданъ не-не Ѳе-Ѳе-Ѳедотъ?

Атуевъ. Ты видишь тутъ сбылось: Ѳедотъ-де, да не тотъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣ же.

Кривосудовъ. Что жъ пуншу?

Ѳекла. Анна! что жъ? проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.

Бульбулькинъ. Мы скоро у нея ужъ милости попросимъ.

Кривосудовъ. Когда бъ кто пѣсенку...

Паролькинъ. Да лучше карты бросимъ:
Не стала дама везть.

Атуевъ. Ты тяжело кладешь.

Кривосудовъ *(Хватайкѣ)*. Любезный прокуроръ! ты хорошо поешь:

Запой намъ.

Хватайко. Радъ душой, да голоса-то нѣту.

Кривосудовъ. Ну, какъ нибудь.

Бульбулькинъ. Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

Хватайко *(поетъ):*

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

(Всѣ повторяютъ: „брать, брать, брать". Софья, заткнувъ уши, уходитъ).

Кривосудовъ. Ей браво! хорошо!

Хватайко. Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульбулькинъ. Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца.

Хватайко *(поетъ):*

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать.

(размахивая руками).

(Всѣ повторяютъ: „брать, брать, брать". А Наумычъ: „и драть").

Хватайко. Вѣдь безъ указу намъ не стать
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!

(Всѣ повторяютъ: „То свято!").

Кривосудовъ *(поетъ):*

Но надо, чтобъ уйти прижимки
И чтобъ не оплошать,
Перчатки невидимки
На мигъ не скидовать.

(Хватайко поетъ и всѣ аккомпанируютъ: „Бери, большой тутъ нѣтъ науки", и прочая).

Кохтинъ. Но подъ шумокъ-атъ я безъ бета, какъ безъ шляпы.

Паролькинъ *(Наумычу).* Да слышь, укороти вотъ эти хищны лапы.
Ты доберешься такъ и до послѣднихъ крохъ:
Ужъ въ проигрышѣ я почти что сотъ до трехъ.

Наумычъ. Да наши деньги вѣдь изъ вашего кармана.

Бульбулькинъ. Вы вспомните лишь имъ Ѳедота иль Богдана,
То счастіе тотчасъ возьметъ къ вамъ оборотъ.

Паролькинъ. Поди съ Ѳедотомъ прочь: ему, слышь, не везетъ,
И хлапъ ужъ проигралъ. Такъ къ дамѣ я пригнуся
Еще хоть разъ.

Атуевъ. Постой: а я такъ уцѣплюся
За хлапа.

Наумычъ *(по знаку Праволова дѣлаетъ талію фоссъ).* Хлапа я что хлопну, то убью.

Паролькинъ. Фальшива талія. — Ну! заплати-жъ мою.

Атуевъ. Мнѣ двѣ пароли.

Хватайко. Мнѣ за туза съ транспортомъ.

Радбынъ. И ба-ба-банкъ чи-чистъ.

Паролькинъ. На силу съ этимъ чортомъ
Мы сладили.

Праволовъ. А что, схватили?

Паролькинъ. Наконецъ.

(Встаютъ и попиваютъ, Наумычъ имъ подноситъ).

Кохтинъ. Такой же и моей игрѣ, сударь, вѣнецъ:
Безчетно проигралъ.

Праволовъ. И такъ спустилъ я много.

Но какъ быть? не всегда щечиться
изъ чужаго *(смѣется)*.
Ѳекла. Не такъ-то много: вотъ
почти и ничего.
Праволовъ. Да такъ, сударыня,
четыреста всего. *(Встаетъ онъ
и Ѳекла)*.
Ѳекла. Да что же, Анна, ты на
стѣны зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ
избаловалась.
Бульбулькинъ. Насилу вотъ и мы
послѣднее беремъ;
Конецъ *(встаютъ и они)*.
Праволовъ. А сколько же считается
на немъ?
Бульбулькинъ. Почти что на тебѣ
весь счетецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.
Кривосудовъ. Мнѣ сорокъ дове-
дется. *(Къ Бульбулькину)*.
Съ васъ восемь.
Бульбулькинъ. Такъ.
Праволовъ. Ну! я довольно про-
солилъ. *(Платитъ Кривосудову и
Бульбулькину)*.
Извольте-жъ проигрышъ.
Кривосудовъ. Да я бы погодилъ.
Праволовъ. Нѣтъ, я люблю пла-
тить: вѣдь денежка счетъ лю-
битъ.

(Платя Бульбулькину въ полголоса).

Мой проигрышъ никто, я чаю, не
раструбитъ.
Бульбулькинъ *(въ полголоса)*. Ни-
кто, никто *(къ Кривосудову въ
слухъ)*. А съ васъ по старымъ
сколько я?..
Кривосудовъ *(вынимая записную
книжку)*. Сочтемъ тотчасъ; при
мнѣ записочка моя.

Праволовъ *(къ Атуеву)*. Я въ дѣлѣ
лишь на васъ надежду неизмѣн-
ну...
Атуевъ *(на силу стоя на ногахъ)*.
Надѣйся на меня какъ на Крем-
левску стѣну.
Праволовъ *(къ Паролькину)*. Могу
ли въ дѣлѣ я на васъ?..
Паролькинъ *(обливъ руку пуншемъ)*.
Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука, коли не
подпишу.
Праволовъ *(къ Радбыну)*. На васъ
надѣяться я какъ на друга стану.
Радбынъ *(указывая на товарищей,
попивающихъ и поющихъ: „бери“)*.
Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не-
от-от-от-стану *(выпиваетъ ста-
канъ)*.
Праволовъ *(къ Бульбулькину)*. Поз-
волите-ль на васъ надежду въ
дѣлѣ класть?
Бульбулькинъ. Скажи секретарю;
а онъ что мнѣ подастъ...

(Кохтинъ подаетъ ему бокалъ, а онъ
беретъ его и выпиваетъ).

То я хоть этими обѣими руками...
Праволовъ *(къ Хватайкѣ)*. Я васъ
межъ лучшими моими чту дру-
зьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе
ищу.
Хватайко. Свахляютъ пусть они;
а я ужъ пропущу. *(Выпиваетъ
стаканъ)*.
Праволовъ *(къ Кривосудову)*. На
васъ я въ дѣлѣ ужъ...
Кривосудовъ. Да дѣло-то худень-
ко!
Вѣдь штрафъ пять сотъ рублей!
такъ надо бережненько...

Праволовъ *(дѣлаетъ въ сторону знакъ неудовольствія. Ласково)*.
Когда случится что, я ихъ плачу за васъ.
Надежны будьте.

Кривосудовъ. Такъ, но лучше бы въ запасъ...
(Дѣлаетъ, будто деньги считаетъ).

Праволовъ. Такъ я ихъ поутру пришлю въ сохранность вашу.

Кривосудовъ *(указывая на членовъ, поющихъ „бери"...)*. Инъ быть такъ: съ ними ужъ я не поразноглашу.

Праволовъ *(Кохтину)*. У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ:
Ты помощь окажи. А это на въ закладъ.
Могу-ль надѣяться? *(даетъ ассигнацію)*.

Кохтинъ *(подставляя карманъ кафтанный)*. Извольте положиться.

Праволовъ *(ко всѣмъ)*. Однако не пора-ль съ хозяиномъ проститься?

Бульбулькинъ. Пора, покойна ночь!

Атуевъ. Прощайте, ужъ пора.

Хватайко. Слуга вамъ.

Паролькинъ. Сладка сна!

Радбынъ. Пора-ра насъ со двора *(гости уходятъ обнявшись и припѣвая: „бери", „бери", а Ѳекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова)*.

¹) Капнистъ, Василій Васильевичъ, род. въ 1757 году въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ селѣ Обуховкѣ, которое, вмѣстѣ съ другими деревнями, было пожаловано въ 1743 г. императрицею Елизаветою отцу поэта за военную службу. Капнисты ведутъ свой родъ отъ венеціанскаго. Стомателло Капнисси, внукъ котораго выѣхалъ въ Россію съ острова Занта (А. М. Лазаревскій, Очерки малорос. фамилій—Русск. Арх. 1876 г., кн. III). О дѣтствѣ В. В. Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Первоначальное образованіе онъ получилъ, вѣроятно, подъ наблюденіемъ матери. Въ 1771 г., по 15-му году, онъ уже находился въ Петербургѣ, посѣщалъ школу Измайловскаго полка и началъ въ немъ службу капраломъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, а въ началѣ слѣдующаго года перешелъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и здѣсь въ 1775 г. пріобрѣлъ первый офицерскій чинъ. Въ это время онъ посвящалъ всѣ свободные часы наукамъ: знакомился съ языкомъ французскимъ и нѣмецкимъ, съ древними и новѣйшими классиками и не пренебрегалъ отечественными писателями—Ломоносовымъ, Петровымъ, Сумароковымъ. Вскорѣ послѣ производства Капнистъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика гвардіи. Въ началѣ 1782 г. онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда Кіевскаго намѣстничества, но въ августѣ того же года поступилъ подъ начальство князя А. А. Безбородка, получивъ должность контролера главнаго почтоваго правленія; затѣмъ, однако, въ маѣ 1783 г. онъ бросилъ и эту службу и уѣхалъ на родину, гдѣ въ январѣ 1785 г. былъ избранъ кіевскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Въ 1787 г. Капнистъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ кіевскаго шелковичнаго завода (Соч. Державина, 1-е, акад. изд. т. VIII, стр. 278). Въ 1797 г., находясь уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу съ своимъ сосѣдомъ Тарновскимъ. Въ это время состоялось высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ; тогда Капнистъ, чтобъ

имѣть возможность продлить свое пребываніе въ столицѣ, обратился къ Л. А. Нарышкину съ просьбой о доставленіи ему службы (ibid. т. II, стр. 102). 31-го декабря 1799 г., онъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника былъ причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу. Въ это время русскій театръ въ Петербургѣ былъ въ упадкѣ, и въ публикѣ замѣчалось явное охлажденіе къ нему; напротивъ, французская труппа обращала на себя общее вниманіе. Капнистъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ оживить русскую сцену, и съ этою цѣлію вызвалъ изъ Москвы извѣстныхъ артистовъ — Шушерина, Сахарова и Пономарева (Араповъ, Лѣт. русск. театра, стр. 138, 143). Капнистъ состоялъ при театральной дирекціи по 14-е августа 1801 г. и при увольненіи былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1802 году онъ былъ утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента Полтавскаго генеральнаго суда, а затѣмъ, съ 24-го марта 1812 г. по 19-е февраля 1818 г., числится при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Осенью 1819 года Капнистъ посѣтилъ Тавриду и, возвратясь въ Обуховку, отправилъ 20-го декабря къ кн. Голицыну письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на необходимость принять мѣры къ охраненію тамошнихъ древностей отъ разрушенія и истребленія, а также на необходимость ученаго изслѣдованія Крыма и Тамани. Вслѣдствіе этого представленія, доведеннаго Голицынымъ до свѣдѣнія Императора, въ 1821 году академикъ Кёлеръ и архитекторъ Паскаль были отправлены въ Крымъ для ученыхъ изысканій. Въ 1822 году Капнистъ былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а 28-го октября 1823 г. скончался въ своей любимой Обуховкѣ, которую изобразилъ въ особомъ стихотвореніи (Обуховка), подражая Горацію (кн. II, ода 17) и Державину, описавшему Званку. Какъ писатель, Капнистъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, душою котораго былъ извѣстный знатокъ искусства и литературы Н. А. Львовъ (1751 — 1803), а наиболѣе видными представителями—Хемницеръ, Богдановичъ, Державинъ и отчасти А. Н. Оленинъ (1763—1843). Со всѣми ими Капнистъ находился въ болѣе или менѣе дружественныхъ отношеніяхъ, по особенно близки были къ нему Львовъ и Державинъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія Капнистъ примыкаетъ къ литературному кружку Оленина. Изъ друзей Оленинскаго дома Капнистъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ и первый подалъ ему мысль продолжать переводъ „Иліады“. Первымъ сочиненіемъ его была ода на французскомъ языкѣ, по случаю Кайнарджійскаго мира съ Турціею (1774); напечатанная особо 1775 г., она перепечатана потомъ въ августовской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника 1780 г. За нею слѣдовала „Сатира первая“ (Спб. Вѣст. 1780, іюнь), передѣланная и помѣщенная въ 5 част. Собесѣдника, 1783 г., подъ именемъ „Сатиры первой и послѣдней“, и возбудившая полемику. Первое собраніе сочиненій Капниста вышло въ Спб. 1796; здѣсь находятся оды торжественныя (въ томъ числѣ на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второю, 1786 г.), оды на разные случаи, лирическія мелочи, сатира первая и послѣдняя и эпиграммы. Въ „Лирическихъ сочиненіяхъ“ его (Спб. 1806), посвященныхъ Александру I, оды раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: духовныя, торжественныя (въ которыя вошла и ода „На рабство“ 1783 г., исключенная изъ изданій 1796 и Смирдинскаго (1849 г.), нравоучительныя и элегическія, гораціанскія и анакреонтическія. Смирдинское изданіе, удержавъ эти рубрики, пополнило ихъ новыми пьесами, написанными послѣ 1806 г., и кромѣ того присо-

единило еще четыре отдѣла: драматическія пьесы, посланія, смѣсь и проза.

²) „Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798". Посвящена императору Павлу I. Посвятительные стихи указываютъ какъ предметъ пьесы, такъ цѣль ея и благородное назначеніе литератора:

Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ:
Мздоимства, ябеды всю глупость обнажилъ
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
ПодъПавловымъ щитомъпочіюневредимъ;
Но, бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ.
Сей слабый трудъТебѣ я посвятить дерзаю
Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Поводомъ къ „Ябедѣ" послужилъ процессъ, веденный Капнистомъ съ помѣщикомъ Тарновскимъ. Главный предметъ комедіи Капниста — ябеда, какъ показываетъ самое ея названіе. Лицо злаго ябедника Праволова рѣзкими чертами описывается въ первой сценѣ перваго акта. Чѣмъ страшенъ мой соперникъ? спрашиваетъ полковникъ Прямиковъ у повытчика Доброва, единственнаго честнаго человѣка изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты. Что за вопросъ такой! отвѣчаетъ Добровъ: соперникъ вашъ ябедникъ; этимъ все сказано. Въ другомъ мѣстѣ Добровъ говоритъ: противъ ябеды никто не помогаетъ: ее-то надобно бояться. Другой предметъ комедіи — взяточничество, что узнаемъ изъ той же сцены, которая хотя знакомитъ зрителей съ обстоятельствами дѣйствія посредствомъ разговора между Добровымъ и Прямиковымъ, и слѣдов. составляетъ такъ называемую экспозицію, неумѣстную въ драмѣ, однакожъ, при характеристикѣ членовъ палаты, исполнена мѣткихъ и сатирическихъ изображеній, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ сохранились очень долго, какъ типическія поговорки.

. . . Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель.—
. . . Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать — существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ: далеко.—
А о секретарѣ дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ.—
. . . Законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.

Двоякій предметъ пьесы указанъ самимъ авторомъ въ посвященіи ея Павлу I (см. выше): „мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ". Соотвѣтственно двумъ предметамъ пьесы, и нравственный выводъ ея относится во первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. Что ни говори, а дѣло плоховато! восклицаетъ судья Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ другими членами гражданской палаты. Въ чемъ состоитъ это плоховатое дѣло—объясняется словами служанки Анны: „Жизнь Ябедой, и тѣмъ что взято, то и свято", Сюжетъ комедіи простъ. По обычаю всѣхъ французскихъ комедій, она не обходится безъ любви и свадьбы. Праволовъ затѣялъ процессъ съ Прямиковымъ и хочетъ оттягать у него имѣніе, доставшееся ему по законному наслѣдству. Чтобъ вѣрнѣе склонить на свою сторону предсѣдателя палаты Кривосудова, онъ сватается за его дочь Софью, въ которую давно влюбленъ Прямиковъ. Всѣ члены палаты: Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ и Паролькинъ, равно прокуроръ Хватайко и секретарь Кохтинъ, задаренные ябедникомъ и его повѣреннымъ Наумычемъ, рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Сцена, въ которой всѣ они пируютъ у предсѣдателя, по случаю име-

винъ его жены Ѳеклы и сговора его дочери, ярко представляетъ ихъ безцеремонное обращеніе съ законами; и какъ пирушка доходитъ до оргіи, такъ ничѣмъ несдержанное самовысказываніе служителей Ѳемиды обращается въ цинизмъ. Но мѣра ябедничества и кривосудія наконецъ исполнилась: сенатъ, узнавъ многія беззаконныя дѣла Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ гражданской палаты предать суду уголовному. Пьеса оканчивается свадьбой. Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку. Кромѣ того, отцу представляется въ перспективѣ и другое утѣшеніе, которое могло бы сдѣлаться предметомъ новой комедіи. „Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка“, замѣчаетъ служанка Анна. Добровъ говоритъ на это:

Впрямь: моетъ, говорятъ вѣдь, руку-де-рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата.
Не то при торжествѣ уже какомъ ни есть
Подъ милостивый васъ подвинутъ манифестъ.

Успѣхъ „Ябеды“, первое представленіе которой состоялось 22 августа 1798 г., былъ чрезвычайный. Какъ публика приняла ее при постановкѣ на сцену, какое раздраженіе произвела она на людей, причастныхъ ябедѣ и подкупности, и какимъ опасностямъ подвергся было авторъ за свою сатирическую смѣлость, см. въ Библ. Зап. 1859 г., стр. 47 (анекдотъ въ жизни Капниста). 20-го сентября назначалось уже пятое представленіе „Ябеды“, но совершенно неожиданно послѣдовало высочайшее повелѣніе о запрещеніи пьесы и изъятія ея изъ продажи (Лѣтопись русск. театра, стр. 140; Р. Стар., т. VII, стр. 715). Даже по вступленіи на престолъ Александра I опала съ „Ябеды“ была снята не тотчасъ (Соч. Держ., т. VI, стр. 156, 162). Возобновленіе ея на сценѣ послѣдовало лѣтомъ 1805 г., что видно изъ рецензіи, напечатанной въ Сѣверномъ Вѣстникѣ того же года, ч. VI, стр. 373. Изъ послѣдующихъ представленій „Ябеды“ замѣчателенъ бенефисъ актера Щеникова, 2-го сентября 1814 г., когда комедія исполнялась по новой редакціи, съ поправками самого автора. Экземпляръ „Ябеды“, принадлежавшій Щеникову и заключавшій въ себѣ отмѣченные имъ варіанты, подробно описанъ въ Р. Старинѣ 1873 г., т. VII. „Ябеда“ долго держалась на сценѣ, вытѣсненная только комедіями Грибоѣдова и Гоголя (Горе отъ ума и Ревизоръ). И теперь, конечно, представленіе ея, по язвительной сатирѣ многихъ мѣстъ, по вѣрности дѣйствій, въ ней изображенныхъ, наконецъ по сильнымъ стихамъ, не потерявшимъ своего достоинства, не было бы анахронизмомъ. Бантышъ - Каменскій разсказываетъ анекдотъ, которому онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ одномъ губернскомъ городѣ, во время представленія Ябеды, когда Хватайко запѣлъ: „Бери! большой тутъ нѣтъ науки“, зрители начали рукоплескать, и многіе изъ нихъ, обратясь къ чиновнику, занимавшему мѣсто, соотвѣтственно должности прокурора, произнесли въ одинъ голосъ, называя его по имени: это вы! это вы! (Словарь, т. 2).

L.

КНЯЗЬ М. М. ЩЕРБАТОВЪ.

О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

(Русская Старина 1870 г., т. II).

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало погребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивиться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Воистину могу я сказать, что если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогдаже гораздо съ вящшей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали, судіи во всякихъ дѣлахъ не только стали стараться, объясняя дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же, не зная и не стараяся познавать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нѣсть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которыя не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостію отдаютъ воспитывать чужимъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ... Нѣсть искренней любви между супруговъ, которые... за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нѣсть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ за ничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нѣсть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ для пользы своея. Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ — обманывать государя, дабы отъ

него получить чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо всѣ почти служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества. И наконецъ нѣсть твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, во-первыхъ, я потщуся открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе; ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои охулительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы? А какъ государя считаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить все сладострастіе; то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, т.-е. чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ не достигнуть до своего предмету и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ?

Отложа всѣ суровости, слѣдствіе непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и неистребленныя, вліянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти не слышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не токмо безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все, что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобъ дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе

происходитъ, что нѣсть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ, имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе; приступлю тапериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ одноземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ россіянъ до царствованія Петра Великаго.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую. Дворцы ихъ былы не обширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали государя бояре и другіе сановники; столовая, гораздо небольшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у государя; а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей предспальная; но, кажется, по расположенію старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня—и оныя были не разныя съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ, и обыкновенно оная была одна и для малолѣтнихъ дѣтей царскихъ, которыя по два и по три въ одной комнатѣ живали; когда же возрастали, то давались имъ особливые покои, но и оные не больше состояли, какъ изъ трехъ комнатъ, то есть: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазинымъ сукномъ; а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, а если было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя и царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсками не знали, но спали безъ занавѣсокъ; а уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню, съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ; ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобъ государи кушивали не на серебрѣ, но потому, что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушивали на оловѣ, а серебряныя блюда и сдѣ-

ланныя горы, на подобіе синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялися токмо въ торжественные дни. Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индѣйскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее же великолѣпіе состояло, чтобъ кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить, и подобное. Потомъ не знали ни каперцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготовленій для побужденія аппетиту, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало, и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить; да къ тому же государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И тако въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильство рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ-рѣкѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили; а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ государевѣ, то сего ради какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ; впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ дань оная была положена, какъ мнѣ случилось самому видѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальнихъ мѣстъ рыбу мерзлую и засольную, которая къ столу государей употреблялась.

Десертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя постилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же особливо лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія не имѣли привозить; ибо оный уже на моей памяти въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны тщаніями Ивана Антоныча Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ немного бы освѣщенія надобно, но и тутъ не токмо не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными

свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды, изъ простаго вина сдѣланная водка; вина: церковное, то есть красное ординарное вино, ренское—подъ симъ именемъ разумѣлся не токмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то есть греческія сладкія вина, и аликантъ,—которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе, потому что какъ первые оные, а паче греческіе получались чрезъ франковъ, а другіе знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ. Таковъ былъ столъ государевъ въ разсужденіи кушанья и напитковъ; посмотримъ, какіе были ихъ экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государской великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена золотыя или съ каменьями, мундштуки также драгоцѣнными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней; попоны, тому же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксамитныя золотыя, съ шитьемъ, иль съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіятское великолѣпіе неубыточно было; ибо сдѣланные единожды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста, чтобъ сидѣть, ни окошекъ; но клали внутрь пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ — опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобъ наружную кожу, мѣстами позолоченную и тисненную, употребить. Каретъ же не токмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли; ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ князь Михайло Ивановичъ Лыковъ, человѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзьбою, карету съ точеными стеклами; по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоцѣн-

ной вещію, хотя и снова тысячи рублевъ не стоила, что К. М. (а) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя бы надлежало ему наслѣдовать послѣ супруги к. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствіе, нежели великолѣпіе, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать не должно, но были онѣ яко какіе коронные сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; и если не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ содѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и камней, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей; но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому плеча (б) своего платье пожалуютъ.

а) Князь Меньшиковъ.
б) Съ плеча.

Главная же роскошь въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состояла въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли; но мѣха сіи не купленные и не изъ чуждыхъ государствъ привезенные были, но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, царицы имѣли обычай носить длинные тонкіе полотняные у сорочекъ рукава, которые на руку набирали, и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житья, выѣзду и одежды царской; а сіе самое и показуетъ, коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники по мѣрѣ ихъ состоянія подобную же жизнь вели, стараясь притомъ изъ почтенія къ царскому сану никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды нашивали, то и внучата, не почитая староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя богатыя одѣянія, которыя просто золотами называли и не инако надѣвали, когда для какого торжественнаго случая повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться; а посему сіи одежды имъ надолго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдилися и сыновья по кончинѣ роди-

телей своихъ то же платье носить. Однако нѣсть никакого общества, куда бы великолѣпіе и роскошь не вкрадывались; то, колико кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей,—великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведенное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ: ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воины государственные, и защитники въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни не токмо куда въ знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣднѣ къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ не дорого стоило. Давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а впрочемъ они содержались своимъ искусствомъ; дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи какой у кого получше кафтанъ сыщется, ибо тогда ливреи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званыхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единаго, кто бы имѣлъ открытый столъ, но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые, и могли сидѣть поутру до часа обѣденнаго, а ввечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія; ибо лучше никто и не зналъ. А къ тому же воспитаніе въ набожіи хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневно домашнею божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконенія государства; и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что князь Димитрій Ѳеодоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князь Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по

причинѣ разоренія дома его купно съ убіеніемъ дѣда его князь Саввы... Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ, и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Цареградѣ и Англіи, а наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ. Безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣлывало ихъ безопасность что твердое предпріять, а тогда же и налагало узду кому что недостойное имени своего содѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симской-Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ-Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко, бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти чего недостойнаго роду своему не учинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгій обычай царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія сохраненныя грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть. И дѣдъ мой князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ не устрашился у разгнѣваннаго государя Петра Великаго по царевичеву дѣлу за родственника своего, ведомаго на казнь, прощенія просить, прося, что если не учинено будетъ милосердія, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и имени своего; и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо, бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали стро-

гихъ надзирателей своихъ поступковъ, такъ какъ защитниковъ (а) во всякомъ случаѣ. Самые еще хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые въ молодости моей, помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобъ ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа; такъ наши государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ, и мы находимъ въ родѣ князей Репниныхъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалося въ обиду другимъ, но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ; и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе государей, получали они, что находили въ благородныхъ— вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аѳанасій Нагой, бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ ханомъ изъ Крыму,—чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того не поѣдетъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и винному родственнику своему пощаду живота испросилъ. Прозоровскій, во время трудныхъ обстоятельствъ начала шведскія войны, соблюлъ великое число казны, и государственныя вещи, повелѣнныя государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что „онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить“, и не устрашился гнѣву государева, который нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ многія

а) И защитниковъ.

дѣла, государемъ подписанныя, становливалъ, дая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ государскій за частое его противоборство воли его на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще и къ славѣ своего государя, и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

Князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ (р. 1733, у. 1790), получившій отъ Екатерины II титулъ исторіографа, обучался дома, служилъ сначала въ военной службѣ, изъ которой вышелъ въ отставку 1762 г. Въ 1767 г. былъ избранъ отъ ярославскаго дворянства депутатомъ въ комиссію составленія новаго уложенія. Съ 1768 по 1771 г. занимался, по порученію императрицы, разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ кабинетнаго архива Петра Великаго. Важнѣйшій трудъ Щербатова: „Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ“, 7 томовъ или 15 книгъ (1770—91), доведенная до 1610 г. Когда Болтинъ, въ Примѣчаніяхъ своихъ на Исторію России Леклерка, указалъ ошибки Щербатова, послѣдній писалъ „Письмо къ пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя скрытныя и явныя охуленія, учиненныя его Исторіи отъ Болтина (1789)“. Болтинъ, въ томъ же 1789 г., издалъ „Отвѣтъ Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи“. „Примѣчанія“ Щербатова на этотъ отвѣтъ нап. уже по смерти его (1792 г.). Другія сочиненія кн. Щербатова: О старинныхъ степеняхъ чиновъ Россіи (1784); Краткое историческое повѣствованіе о началѣ родовъ князей россійскихъ, происходящихъ отъ в. к. Рюрика (1785); Размышленія утѣшительныя слезящаго отца о смерти любезнаго сына (1790). Изданія его: Царственная книга (1769); Журналъ, или поденная записка Петра В., 3 ч. (1770—72); Царственный лѣтописецъ (1772); Лѣтопись о многихъ мятежахъ (1773); Житіе Петра В., изданое въ Венеціи типографщикомъ Дмитріемъ Ѳеодози и перепечатанное въ Спб. съ поправками Щербатова и Троепольскаго (1774); Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774); Тетради записныя всякимъ письмамъ и дѣламъ 1704, 1705 и 1706 гг. (1774).

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, кн. Щербатовымъ написаны многія другія сочиненія, остававшіяся неизвѣстными до 1855 г. „Сочиненія эти (сказано въ 14 № Библіогр. Зап. 1859 г.) представляютъ весьма важный матеріалъ и для исторіи XVIII-го вѣка и для біографіи ихъ автора. Нравственный характеръ кн. Щербатова, степень его образованія, сила убѣжденія отразились въ нихъ отчетливо и ярко. Здѣсь онъ является читателю уже не историкомъ, а публицистомъ, который занятъ современными государственными политико-экономическими вопросами; патріотомъ, которому дорого благо его отечества; гражданиномъ, который смѣло высказываетъ свое искреннее мнѣніе о дѣйствіяхъ правительства“. Изъ этихъ любопытныхъ сочиненій слѣдующія напечатаны вполнѣ:

а) Статистика въ разсужденіи Россіи (Чтен. 1859. № 3).

б) Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго (Библ. Зап. 1859, № 12, и Чтен. 1860, кн. 1).

в) Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную оберъ-прокуроромъ сената Неклюдовымъ, по причинѣ торжества шведскаго мира 1790 сентября 5 (ib. № 13).

г) Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголанныхъ словъ (ib.).

д) Состояніе Россіи до Петра Великаго (Чтен. 1860, кн. 1).

е) Размышленіе о смертномъ часѣ (ib.).

ж) Разныя разсужденія о правленіи (ib.).

з) Прошеніе Москвы о забвеніи ея (ib.).

и) Размышленіе о смертной казни (ib.).

і) Отвѣтъ на вопросъ: что думать слѣдуетъ о поступкѣ нашего двора въ разсужденія нынѣшней турецкой войны, какое дѣйствіе она содѣлала къ произведенію шведскія войны, и о прочемъ тому подобномъ. Писано 1788 г. (ib.).

к) Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи (ib.).

л) Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, при началѣ турецкой войны (1788 г. ib.).

м) Размышленія о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры (ib.).

Нѣсколько краткихъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ: а) турецкой войнѣ, 1769—74 гг., б) не надлежитъ, чтобъ въ одномъ городѣ разныя неподчиненныя единое другому правительства были, в) о вотчинной коллегіи, г) примѣчанія для предбудущія турецкія войны, помѣщено въ 13 № Библ. Зап. 1858 г. Въ томъ же изданіи на 1859 г., № 14 и 15, сдѣланы выписки изъ неизданныхъ сочиненій кн. Щербатова, между которыми первое мѣсто принадлежитъ историческому мемуару: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи". Г. Ешевскій далъ основательный о немъ отчетъ въ 3 № Атенея, 1858 г. Политико-экономическія воззрѣнія Щербатова изложены М. Щепкинымъ въ ст: „Экономическія понятія въ Россіи въ XVIII в." (Моск. Вѣд., 1859, №№ 142, 143, 154, 172 и 177).

LI.

БОЛТИНЪ (1).

Примѣчанія на исторію Россіи, Леклерка (1788) (2).

О языкѣ русскомъ входитъ авторъ въ пространное разсужденіе, однакожъ весьма мало дѣльнаго и нужнаго представляетъ; но по большей части или блестящимъ суесловіемъ красуется, или разсказываніемъ о постороннихъ вещахъ недостатокъ знанія своего въ настоящей предлежности закрыть тщится, или, потерявшися въ разнообразности мыслей, самъ себѣ противорѣчитъ.

„Языкъ русскій", говоритъ, „будучи прекрасенъ и богатъ самъ по себѣ, имѣетъ ту выгоду еще, что можетъ находить, въ случаѣ нужды, новыя богатства въ языкѣ славянскомъ".

Въ подтвержденіе сего называетъ языкъ русскій „богатымъ, весьма выражательнымъ, способнымъ какъ къ произведенію сочиненій трудныхъ, такъ равно издѣвочныхъ и смѣхотворныхъ". Но, чрезъ три страницы послѣ первыя рѣчи, говоритъ совсѣмъ противное тому: „почти для всего, что не имѣетъ тѣла и образа, для выраженія вещей не подпадающихъ чувствамъ, не достаетъ въ русскомъ языкѣ реченій". Ка-

жется сія рѣчь съ вышеприсанными никакого согласія не имѣетъ. Если бы сіе было правда, то бы не могли быть переведены съ греческаго языка на славянскій столько твореній знаменитѣйшихъ отцевъ восточныя церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе еллинскаго витійства, и безъ заимства словъ чуждыхъ, перенесены въ языкъ славянскій, и на ономъ поднесь чтутся не съ меньшею ясностію, услажденіемъ и удивленіемъ, яко и на греческомъ. Русскій языкъ не столь богатъ какъ славянскій, однакожъ и на него многія книги важныхъ и глубокомысленныхъ творцовъ переведены безъ потери ясности и красоты. Я не скажу того, чтобы всѣхъ языковъ слова въ русскомъ языкѣ тождезначащія и равносильныя обрѣталися. Всякій языкъ имѣетъ нѣчто особенное и единое ему свойственное, и въ семъ разумѣ можно сказать, что и въ самомъ недостаточномъ найдутся такія слова, кои на самые изобильнѣйшіе однимъ словомъ не могутъ быть переведены. Правда и то, что въ русскомъ языкѣ не достаетъ многихъ словъ, относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде. Но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы, вводя новую науку или художество, не заимствовалъ или не вводилъ и новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? Но сіе есть явная клевета, якобы въ недостаткѣ реченій условныхъ, къ выраженію умоначертаній сложныхъ, принуждены были ввести въ языкъ природной безобразное смѣшеніе языковъ различныхъ. Всѣ, знающіе языкъ русскій хорошо, согласятся со мною, что въ реченіяхъ сказанныхъ недостатку мы не имѣемъ и что страннаго смѣшенія разныхъ нарѣчій въ языкѣ нашемъ никогда не бывало и нѣтъ. Авторъ слыхалъ, будучи въ Россіи, отъ русскихъ жалобу, что въ разговорахъ употребляютъ много словъ иностранныхъ безъ нужды, и, не понявъ того, отнесъ оную къ недостатку языка. Жалоба ихъ вотъ въ чемъ состояла: въ царствованіе императрицы Елисаветы введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, но не по нуждѣ, а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большой части люди безграмотные. Не взирая, однакожъ, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ французскихъ. Знающіе же природ-

ный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть, г. Леклерку случилося таковыхъ французо-русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они. Однако не надлежало бы, кажется, о незнаемой вещи говорить такъ увѣрительно.

„Чтобъ познанія другихъ народовъ, ихъ науки и ихъ художества не могли проникнуть въ Россію, запрещено было ученымъ другихъ племенъ въѣзжать въ нее, а Русскимъ ѣздить къ нимъ для просвѣщенія своего".

Запрещенія ученыхъ другихъ племенъ въѣзжать въ Россію никогда не бывало, напротивъ, старалися о приглашеніи ихъ; да и въ самой вещи многіе художники и ученые при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и прежде еще призываны были, что и самъ авторъ сими словами свидѣтельствуетъ: „Иванъ Васильевичъ II просвѣщаетъ свой народъ, учреждаетъ мудрѣйшіе законы, яко отецъ его и дѣдъ, покровительствуетъ ученыхъ и художниковъ", и проч.

Запрещено было Русскимъ выѣзжать изъ государства, не испрося дозволенія у правительства, дабы не всякій могъ безъ разбора выѣзжать, а только тѣ, кои безъ опасности отпущаемы быть могли. Требовался къ сему зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ. Людямъ молодымъ, ненадежнаго ума и поведенія, не дозволяемъ былъ выѣздъ, изъ мудрыя предосторожности, чтобъ не заразить ихъ вредными новостями. Сіе самое послѣ сбылося. Съ тѣхъ, поръ, какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе краи и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ, и проч., и такъ мы старое позабыли, а новаго не переняли и, ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія: захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки: начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія.

Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожиданной пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилися не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что

надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобъ видѣть желаемый плодъ. Нынѣ предпріемлются ко исправленію поврежденнаго благонадежнѣйшія средства, коихъ мудрое предрасположеніе подаетъ великую въ успѣхѣ надежду. Потомки наши увидятъ оныхъ плоды, восчувствуютъ благодарность къ виновницѣ учрежденія и постановленія ихъ, и познаютъ цѣну и важность сего великаго ея благодѣянія къ россійскому роду.

Неправда и то, чтобъ училища, служащія къ просвѣщенію разума, запрещены были. Училищъ завести несчастныхъ временъ обстоятельства, въ коихъ чрезъ нѣсколько вѣковъ погружена была Россія, не допускали; а едва только миновались они, то и учреждены были оныя въ Москвѣ; но принести плода не успѣли: просвѣтить цѣлое государство потребны вѣки.

———

„По угодности Русскаго народа зима, хотя весьма жестокая, есть прекраснѣйшее время въ году. Сіи краткіе дни составляютъ счастіе для народа лѣниваго, который очень любитъ спать и спитъ когда хочетъ".

Зиму Русскіе не принимаютъ за лучшую въ году пору, но за выгоднѣйшую для многихъ способовъ, приносимыхъ ею въ разсужденіи домовыхъ ихъ работъ и отвоза въ дальнія стороны своихъ издѣлій. Зима есть такое время, въ которое крестьянинъ долженъ заплатить за весь годъ всѣ государственныя подати и помѣщичьи оброки; для себя и для своего семейства припасти платье и обувь; для домашняго быта всякую посуду, а для полевыхъ работъ всю сбрую, ибо лѣтомъ не останется ему время ни о чемъ другомъ помышлять, кромѣ земледѣлія. По сей причинѣ и государственныя подати лѣтомъ не собираются, чтобъ тѣмъ не сдѣлать земледѣльцамъ въ работахъ ихъ помѣшательства. Зимою женскъ полъ вообще, и изъ мужчинъ престарѣлые токмо и малолѣтніе остаются дома, для исправленія домашнихъ работъ и посмотра за скотиною; а прочіе всѣ ходятъ по дорогамъ, отвозя свой хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города, или нанимаясь подъ извозъ разныхъ товаровъ къ портамъ, для отпуска оныхъ весною въ чужестранныя государства. Какіе переносятъ они труды въ продолженіе пути своего, многократно былъ я самовидцемъ. Стоятъ они на дворахъ въ сутки не болѣе осьми или девяти часовъ, въ кои должно имъ два раза поѣсть, два раза лошадей выпрячь и запрячь, два раза ихъ напоить и столько же разъ дать имъ сѣна и овса; а за исправленіемъ всѣхъ сихъ нуждъ, небольше какъ три, а много четыре часа останется имъ на сонъ и отдохновеніе. Достальные 15 или 16 часовъ должны они, каждый за возомъ своимъ, идти пѣши, да еще на косого-

рахъ, раскатахъ и въ выбояхъ придерживать возъ, чтобъ не упалъ; а при всемъ томъ сносить вѣтръ и морозъ, которые иногда столь бываютъ непомѣрны, что лишаютъ носовъ, ушей, перстовъ, не рѣдко и жизни противоборствующихъ имъ. Тѣ, которые въ дороги не ходятъ, упражняются или въ ловлѣ звѣрей и рыбъ, или въ разныхъ ремеслахъ, или въ рубкѣ лѣсовъ и отвозѣ оныхъ на пристани для сплавки весною въ тѣ мѣста, гдѣ есть въ нихъ недостатокъ, сверхъ молотьбы хлѣба и прочихъ домашнихъ исправленій, и хотя меньше переносятъ трудовъ и не подвергаются такимъ опасностямъ, какъ находящіеся въ отсутствіи, но едвали больше ихъ имѣютъ покоя.

Впрочемъ отнюдь не есть то чудно, что народъ русскій, по словамъ нашего автора, тогда спитъ, когда хочетъ, ибо тожъ дѣлаютъ и всѣ народы; но то было бы удивительно, еслибъ тогда онъ спалъ, когда не хочетъ.

[1]) Болтинъ, Иванъ Никитичъ (1735—1795), генералъ-маіоръ, получилъ домашнее образованіе. Въ 1751 г. поступилъ на службу въ военную гвардію, гдѣ и сблизился съ Потемкинымъ; въ 1769-мъ назначенъ директоромъ Васильковской таможни, а въ 1779-мъ, по ходатайству Потемкина, переведенъ въ главную таможенную канцелярію; въ 1781 г., съ упраздненіемъ ея, опредѣленъ въ военную коллегію, гдѣ и служилъ до самой смерти, сперва занимая должность прокурора, а впослѣдствіи члена коллегіи. Въ это же время Болтинъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Потемкина въ дѣлѣ устройства Крымскаго полуострова При появленіи Русской Исторіи Леклерка, Болтинъ написалъ на нее критическія примѣчанія, которыя рѣшился напечатать по совѣту Потемкина. Они изданы по повелѣнію Екатерины; изданіе вышло въ 2 т., 1788 г. въ Спб. подъ заглавіемъ: „Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка". О полемикѣ Болтина съ кн. Щербатовымъ сказано выше, въ примѣчаніяхъ къ сему послѣднему. Сюда относятся два сочиненія: Отвѣтъ на письмо кн. Щербатова (1789) и Критическія примѣчанія на исторію Щербатова, 2 т. (1793—94). Кромѣ того Болтинъ издалъ Правду Русскую, вмѣстѣ съ гр. А. И. Пушкинымъ (1792), и написалъ примѣчанія ко 2-му изд. (1792) Историч. представленія изъ жизни Рюрика. Ему же принадлежатъ „Хорографія Сарептскихъ" цѣлительныхъ водъ (1782). По званію члена Россійской Академіи, участвовалъ въ заготовленіи матеріаловъ для толковаго славяно-русскаго словаря, написавъ объясненія словъ, начинающихся съ буквы А. Между оставшимися послѣ него бумагами находился переводъ французской энциклопедіи до буквы К. О Болтинѣ см. Исторію Рос. Академіи, М. И. Сухомлинова, т. V.

[2]) Леклеркъ (Leclerc Nicolas Gabriel), членъ академіи петербургской, безансонской и руанской (1726—1798), пользовался въ свое время извѣстностью, какъ искусный медикъ. Ему многимъ было обязано правильное устройство госпитальной части. Въ 1759 г. вызванъ императрицею Елисаветою въ Россію и поступилъ домашнимъ врачемъ къ К. Г. Разумовскому, съ которымъ путешествовалъ по Европѣ. Потомъ возвратился во Францію, но въ 1769 г. снова прибылъ въ Россію и былъ назначенъ главнымъ медикомъ при наслѣдникѣ престола (Павлѣ I) и инспекторомъ Павловской больницы (въ Москвѣ). Сверхъ того, преподавалъ воспитан-

никамъ сухоп. кадет. корпуса физику, химію и натуральную исторію. Въ это вторичное пребываніе свое въ Россіи, Леклеркъ, по желанію Людовика XV, занялся собраніемъ матеріаловъ для русской исторіи, которую началъ писать, возвратясь въ свое отечество (1777), и напеч. 1783—94 гг. въ 6 т.: „Histoire de la Russie ancienne et moderne“ (Biographie universelle). Леклерку служила большимъ пособіемъ Исторія Россіи, Левека (Pierre Charles Levesques, р. 1736, у. 1812), изд. въ Парижѣ 1782—83, въ 8 т., изъ коихъ первый перев. на рус. яз. и нап. 1787 г. По рекомендаціи Дидро, Екатерина II вызвала Левека, въ 1773 г., на каѳедру словесныхъ наукъ въ кадетскомъ корпусѣ, которую онъ и занималъ въ теченіе семи лѣтъ (1773—80). Въ 1780 г. воротился въ Парижъ и былъ членомъ Академіи Надписей. Здѣсь-то видѣлъ его Карамзинъ, въ 1790 г., изложившій свое мнѣніе объ его Исторіи въ своихъ „Письмахъ рус. путешественника“. Примѣчанія Болтина въ основаніи своемъ согласны со взглядомъ Екатерины какъ на исторію русскую вообще и понятія о ней иностранцевъ, такъ и на отношенія Петровой реформы къ новому періоду русскаго образованія. Въ предисловіи разсказанъ поводъ къ примѣчаніямъ, цѣль которыхъ—защищеніе правды и отечества:

„Прежде нежели началъ я читать сію книгу, многими причинами предубѣжденъ былъ въ ея пользу: десятилѣтнимъ пребываніемъ сочинителя въ Россіи, коего главное намѣреніе, какъ самъ онъ говоритъ, живучи здѣсь, состояло въ томъ, чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія къ сочиненію исторіи россійской, и въ чемъ онъ, по егожъ словамъ, получилъ совершенный успѣхъ; знаніемъ и способностями, каковыхъ должно было чаять въ членѣ многихъ академій; сильными его увѣреніями о истинѣ, безпристрастіи и совершенномъ знаніи предлагаемаго имъ; огромнымъ и многообѣщающимъ титуломъ сочиненія *(Исторія естественная, нравственная, гражданская и политическая древнія и нынѣшнія Россіи)* и наконецъ типографическимъ украшеніемъ, оное сопровождающимъ. Но, по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ, разрушилося во мнѣ сіе пріятное предубѣжденіе, возбуждающее любопытство и охоту къ чтенію: ложь и клевета, съ коими сочинитель злословитъ вообще Россію; пристрастіе, съ коимъ переиначиваетъ онъ дѣла наиболѣе извѣстныя; наглость, съ которою рѣшительно говоритъ о вещахъ совершенно ему неизвѣстныхъ; нелѣпость разсужденій, пустота доводовъ, безчисленныя и грубыя во всѣхъ родахъ ошибки (оставляя осмѣянія достойную надменность слога и образъ писанія странный и необыкновенный), заставили меня возъимѣть мнѣніе противное прежнему и о сочиненіи и о сочинителѣ.

„Подвигнутъ усердіемъ къ истинѣ и къ моему отечеству, предпріялъ я сдѣлать примѣчанія на сію книгу, чтобы уличить и устыдить наглаго и лживаго ея сочинителя. По мѣрѣ чтенія ея, замѣчалъ я важнѣйшія въ ней ошибки и злоумышленныя отъ истины устраненія, и, не ограничиваяся опроверженіемъ иныхъ, старался показать вещи, къ коимъ тѣ ошибки относятся, въ точномъ ихъ видѣ; отражая клевету и злословіе, безъ рвенія противопоставлялъ лжи истину, заблужденію исправленіе, не сущему сущее; справедливость моихъ доводовъ и безпристрастіе моихъ мнѣній и разсужденій подкрѣплялъ свидѣтельствомъ писателей достовѣрныхъ. Почему ласкаться смѣю, что труды мои будутъ удовлетворительнѣе тѣхъ, каковы суть полемическія сочиненія, имѣющія по большей части предметомъ своимъ не стоящія вниманія распри писателей“.

LII.

ЛОПУХИНЪ (1).

Изъ его записокъ (2).

Въ началѣ 1782 года по просьбѣ моей, за болѣзньми, отставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи по новымъ учрежденіямъ, московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ уголовной палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинный не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія, но, по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному или потерянію свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такой степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ они ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенныя и такія, что исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроиз-

водствахъ заключечнія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій весьма можетъ заводить въ погрѣшность одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобы ею прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такіе, по несчастію оченъ рѣдкіе, судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: „что же? и такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно“.— Нѣтъ: надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ онѣ недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказать, и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ ревніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько жъ по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1795 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, воз-

вратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми (3); въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и по нынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его потому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей Картинѣ Парижа, называлъ такъ Мартинистами нѣкоторое число людей съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги: О *заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст. Мартенъ,* мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями (4). Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самыхъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, твореній и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ Премудрости (гл. VII, ст. 17—22) (5), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога,—науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравый имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной погрѣшности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *вѣкъ живи, вѣкъ учись,* гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько-нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка, въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку ударившему по одной,—заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе, и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самого себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякій скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣ-

вается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ: въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ?

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ рождать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ Него, а изъ любви къ Нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самыя наказанія Божіи въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіе порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни и о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи, и проч.?

[1]) Лопухинъ Иванъ Владимировичъ (р. 1756, у. 1816), воспитывался дома. Образованіе его было неважное: „я прямой самоучка (говоритъ онъ въ своихъ „Запискахъ“) и можно сказать, что по грамматикѣ, аза въ глаза не знаю“. Весьма часто сознается онъ въ невѣжествѣ, въ отсутствіи авторскаго таланта, хотя и не мало случилось ему написать на своемъ вѣку: „писалъ я всегда по нуждѣ или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, по моему мнѣнію, могло принести пользу“. Службу началъ онъ въ гвардіи и въ 1775 г. получилъ чинъ прапорщика преображенскаго полка. Шестилѣтняя болѣзнь, въ продолженіе которой онъ большею частью жилъ въ отпуску, занимаясь изученіемъ уголовныхъ законовъ, за-

ставила его перейти изъ военной службы въ гражданскую. Изъ литературныхъ трудовъ его этого времени извѣстны: „Торжество вѣры надъ любовью, переводъ съ французскаго изъ Юнга (1780)“ и „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ, сочиненное Россіяниномъ (1780), по поводу Гольбаховой Системы природы (Systéme de la nature). Уволенный 1782 года изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи полковникомъ, Лопухинъ, въ томъ же году, при открытіи, по Учрежденіямъ о губерніяхъ, московской губерніи, получилъ мѣсто совѣтника уголовной палаты. Въ отправленіи этой должности онъ руководствовался врожденнымъ ему сильнымъ чувствомъ человѣколюбія, равно какъ идеями „Наказа“ и Беккаріева трактата „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“. Черезъ три года (1785) вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Періодъ времени съ 1785 по 1792 г.— самый замѣчательный въ жизни Лопухина: онъ принималъ ревностное участіе въ дѣлахъ „Дружескаго ученаго общества (основаннаго въ 1782 году), вмѣстѣ съ Н. И. Новиковымъ, И. П. Тургеневымъ, кн. Н. Н. Трубецкимъ и другими членами. Общество было франмасонскимъ союзомъ, усвоившимъ преимущественно ученіе мистика Сенъ-Мартена, котораго книга: „О заблужденіяхъ и истинѣ“ въ русскомъ переводѣ напеч. 1785 г., и послѣдователи котораго получили названіе „мартинистовъ“. „Цѣль Общества, по Запискамъ Лопухина, состояла въ изданіи книгъ духовныхъ и наставляющихъ въ нравственности истинно евангельской, въ переводѣ глубочайшихъ о семъ иностранныхъ писателей, въ содѣйствіи хорошему воспитанію, въ оказаніи пособій готовящимся на проповѣдь Слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать нужныя для того знанія и качества... Члены его упражнялись въ познаніи самихъ себя, творенія и Творца, по правиламъ науки, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, — науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ натура вещей никогда истинно извѣстна быть не можетъ. Они имѣли предметомъ — добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства; система ихъ, въ противоположность французскому энциклопедизму, основывалась на твердомъ убѣжденіи, что Христосъ есть начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей“. Чтобы познакомить публику съ истиннымъ духомъ Общества и разсѣять возникшія противъ него предубѣжденія, иначе: чтобы представить въ краткихъ чертахъ начала его науки (догматики) и нравственности (нравоученія), Лопухинъ издалъ „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Ф—къ М—въ (Франкъ-Масоновъ)“. Книжка эта, продававшаяся отдѣльно въ переводѣ на французскомъ языкѣ, присоединена также къ двумъ другимъ сочиненіямъ Лопухина: „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости (1791 г.)“ и „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели“ (написано 1789 г., напеч. 1798 г.). Въ послѣднемъ сочиненіи катихизисъ названъ „Краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутымъ изъ Слова Божія и расположеннымъ по вопросамъ и отвѣтамъ“.

По уничтоженіи Дружескаго общества (1792 г.), до кончины Екатерины II Лопухинъ жилъ въ Москвѣ, занимался переводами и сочиненіями.

По вступленіи Павла I на престолъ, когда С. И. Плещеевъ, членъ Дружескаго общества, и кн. Н. В. Репнинъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ такъ называемыхъ мартини-

стовъ, получили сильное значеніе при дворѣ, Лопухинъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятія мѣста статсъ-секретаря. Въ началѣ 1797 г. воротился въ Москву, пожалованный тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ: здѣсь онъ дѣйствовалъ также, какъ и въ уголовной палатѣ, т.-е. заботился о смягченіи наказаній. Въ 1800 году, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридоновымъ, ревизовалъ губерніи казанскую, вятскую и оренбургскую; способъ ревизованія изложенъ имъ въ брошюрѣ: „выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ вятской губерніи въ мартѣ 1800 года (1800 г.)“, представляющей первый опытъ печатной гласности по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Въ 1801 г. Александръ I предписалъ ему и Нелединскому-Мелецкому осмотрѣть слободско-украинскую губернію. Благодушный образъ дѣйствій Лопухина, особенно по вопросу о сектѣ духоборцевъ, поставленъ былъ въ примѣръ начальникамъ губерній высочайшимъ указомъ. По случаю толковъ объ этомъ Лопухинъ написалъ 1806 года записку: „Гласъ искренности (напеч. 1817 г. въ декабрской книжкѣ Сіонскаго Вѣстника). Въ 1802 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крыму; уволенный отъ этой должности, 1805 года, началъ попрежнему присутствовать въ сенатѣ. Для наблюденія за правильнымъ и скорѣйшимъ ходомъ учрежденія милиціи (1806 г.), былъ отправленъ въ губерніи тульскую, калужскую, владимирскую и рязанскую, за что пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1812 году выѣхалъ изъ Москвы въ помѣстье свое, село Савинское (Орловск. губ.), гдѣ и жилъ до самой кончины своей.

²) „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ“. Двѣ части. Онѣ диктованы Лопухинымъ въ 1809 г. Напечатаны О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1860, и отдѣльно; другое изданіе—въ Русскомъ Архивѣ 1884, кн. I.

³) Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную книгу: Systéme de la nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣять его въ рукописяхъ. Но только что дописалъ первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, Разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: „О заблужденіяхъ и истинѣ“, и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“. *Примѣч. Лопухина.*

⁴) Мерсье (1740—1814) извѣстенъ болѣе „Опытомъ о драматическомъ искусствѣ“; Книга его: „Tableau de Paris“ нап. 1781 г. — Сенъ-Мартенъ (1743—1803) теозофъ, писавшій подъ именемъ „Неизвѣстнаго философа“. Книга его: Des erreurs et de la verité вышла въ 1775 г.

[5]) Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра, и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны, и измѣненія временъ, лѣтъ круги, и звѣздъ расположенія, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе, и помышленія человѣковъ, разнство лѣторослемъ, и силы кореній (Прем. Соломона, VII, 17—22).

LIII.

ГЕОРГІЙ КОНИСКІЙ.

Рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ II —на прибытіе ея въ Мстиславль.

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается: наше *солнце* вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе твое, да тако не единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея!

Хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и не горькими хожденіями твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.

Тецы убо, о *солнце* наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, *солнце,* и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!

Георгій Кониській, архіепископъ бѣлорусскій (р. 1717, у. 1795) обучался въ кіевской академіи, гдѣ потомъ исправлялъ должности ректора и профессора богословія, будучи при томъ архимандритомъ кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1755 г. былъ посвященъ въ бѣлорусскіе епископы. Православная церковь въ Бѣлоруссіи, находившаяся въ то время подъ владычествомъ Польши, терпѣла сильныя притѣсненія отъ духовенства латинскаго и уніатскаго. Управляя ею, Георгій выказалъ большую дѣятельность и энергію, не смотря на всѣ опасности и гоненія, которымъ подвергался. Первое свое вниманіе обратилъ онъ на устройство въ Могилевѣ семинаріи (1757 г.), чтобы поднять духовное образованіе, пришедшее въ крайній упадокъ. Тогда же завелъ при архіерейскомъ домѣ типографію, въ которой напечаталъ Катихизисъ Ѳеофана Прокоповича, со многими своими дополненіями, и разослалъ его во всѣ православныя церкви своей епархіи. Кромѣ того, собрано имъ

въ особый архивъ, учрежденный при архіерейской каѳедрѣ, значительное число разныхъ старинныхъ актовъ, послужившихъ любопытными матеріалами для исторіи бѣлорусскаго края. По вступленіи на престолъ Станислава-Августа (Понятовскаго), Георгій отправился (1765 г.) въ Варшаву и, вручивъ новому королю рекомендательную грамоту Екатерины II, произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ гоненія, терпимыя православными въ областяхъ польскихъ и литовскихъ. Несмотря на королевское обѣщаніе въ покровительствѣ законовъ, гоненія не прекращались. Диссиденты, какъ православные, такъ и протестанты, составили (1767 г.) конфедерацію въ Слуцкѣ, для разсужденія о средствахъ возстановить свои права и привилегіи; а поляки открыли особую противъ нихъ конфедерацію въ Барѣ. Для рѣшенія спорныхъ дѣлъ между враждебными сторонами, учрежденъ былъ (1768 г.) въ Варшавѣ обосторонній судъ. Поступивъ въ члены этого суда, Георгій заботился о собраніи и объясненіи древнихъ грамотъ, привилегій, постановленій и другихъ актовъ, на которыхъ православные основывали неприкосновенность своихъ правъ и свободы. Когда Бѣлоруссія присоединена была къ Россіи (1773 г.), Георгій отправился въ Петербургъ и произнесъ Екатеринѣ II благодарственную рѣчь. Въ 1780 г. онъ встрѣчалъ ее въ Могилевѣ, при обозрѣніи ею новоприсоединнаго края. Въ 1783 г. Конискій пожалованъ архіепископомъ и членомъ синода. Въ 1787 г. снова видѣлъ императрицу, въ путешествіи ея въ Тавриду, при проѣздѣ черезъ городъ Мстиславль: тогда-то произнесъ онъ извѣстную рѣчь: „Оставимъ астрономамъ доказывать“, и пр. Сочиненія Конискаго: а) Нѣсколько драмъ духовнаго содержанія, которыя онъ, бывши учителемъ піитики въ кіевской академіи, написалъ по тогдашнему академическому обычаю для майскихъ прогулокъ (рекреацій); одна изъ этихъ драмъ: „Воскресеніе мертвыхъ“ (1747 г.) показана въ Опис. рук. Толстова (VI, 4); б) Полная система философіи, 1749 (рукоп. въ петербургской духовной академіи); в) Права и вольности жителей, грековосточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдующихъ вѣру, на пол. яз. (1767), г) Исторія Русовъ, или Малой Россіи, доведенная до 1769 г. (Чтен. 1846, № 1 — 4); д) Слова и рѣчи, грамоты, письма, мысли и силлабическія стихотворенія (въ Собраніи сочиненій, изданныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, въ 2 ч. Спб. 1835. Здѣсь же и Жизнь Конискаго, написанная издателемъ).

LIV.

ПЛАТОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ (1).

1. Слово о воспитаніи (2).

Нѣтъ нужды много думать, о чемъ намъ теперь говорить надобно. Сія Академія художествъ и сіе святаго храма основаніе довольную подаютъ къ словамъ матерію. Академія назначается, чтобъ быть мѣстомъ добродѣтели; а церковь освящается, чтобъ быть жилищемъ Бога, источника добродѣтели. Тамъ имѣетъ быть предуготовленіе сердецъ къ принятію всякаго добра; здѣсь Духъ Святый на предуготов-

ленной благой землѣ будетъ сѣять сѣмя божественнаго слова. Тамъ будутъ подвиги и честные труды; здѣсь духовное успокоеніе и награжденіе. Разныя подлинно дѣйствія, но одинъ конецъ.

Не должно быть свѣтское училище безъ молитвеннаго храма: ибо суетны бъ были всѣ наши предпріятія, ежели бъ они не оживляемы были благочестіемъ. Но и сама церковь не малой бы лишилася помощи, ежели бъ не было мѣстъ къ доброму воспитанію для тѣхъ, коихъ она должна содержать въ нѣдрахъ своихъ. Напрасно, напримѣръ, церковь будетъ вопить, чтобъ тотъ вознесъ на небо сердце свое, который такъ воспитанъ, что кромѣ земнаго ни о чемъ не думаетъ. Напрасно будетъ увѣщевать она къ любви Божіей того, который не наставленъ, сколько Богъ есть превосходное добро. Не много также успѣетъ она, ежели будетъ предлагать тому ученіе добродѣтели, который отъ самаго младенчества привыкъ добродѣтель поставлять въ однихъ прибыткахъ или пріятностяхъ.

И для того кажется мнѣ, что церковь родителямъ, учителямъ, приставникамъ и всѣмъ попечителямъ сими говоритъ словами: „горькая печаль сердце мое снѣдаетъ, что вижу приводимыхъ ко мнѣ дѣтей, къ высокому ученію моему не предуготовленныхъ. Избавьте меня скорби сей. Труды, которые я полагаю о пользѣ всѣхъ, раздѣлите со мною. Имѣю я подлинно спасительное сѣмя; но не давайте мнѣ тернія, не давайте каменія, но добрымъ воспитаніемъ ихъ сердца, яко благую землю, мнѣ представляйте“. Сей умиленный церкви гласъ кого не возбудитъ, чтобъ не пренебрегать святую воспитанія должность? А наипаче, что, видится мнѣ, и самые младенцы слабыя свои намъ простираютъ руки и нѣмствующимъ своимъ языкомъ къ намъ говорятъ: Богъ насъ произвелъ на свѣтъ животныхъ другихъ слабѣе, неотмѣнно съ тѣмъ, что онъ положился на ваше о насъ попеченіе. Такъ почитайте вы за священное сіе обязательство и увѣрьте себя, что, исполняя сіе дѣло, исполняете вы дѣло самого Бога.

Я уже оставляю то, что мы не можемъ инымъ чѣмъ заплатить долгъ своимъ родителямъ, какъ равнымъ о воспитаніи другихъ попеченіемъ.

Надобно знать, *въ чемъ состоитъ воспитаніе*. Изъ преждереченнаго уже видѣть можно, что воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли, а больше ничего. Не состоитъ воспитаніе въ семъ. А состоитъ оно, чтобъ взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего; познать конецъ созданія своего; на семъ незыблемомъ утвердясь основаніи, душу свою такъ пріуготовить,

чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; къ должности быть прилежну, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалѣтельну, въ счастіи не возносливу, въ несчастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всякихъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну. Въ семъ состоитъ существенная воспитанія сила.

Но нѣтъ, думаю, столь малопросвѣщеннаго, который бы не зналъ того. А какимъ образомъ сіе производить въ дѣло, въ томъ уже есть больше трудности. Разные къ тому суть способы, разные пути. И сія, думаю, разность и происходящая изъ того трудность причиною есть, что великіе бываютъ въ воспитаніи непорядки, много развращенія.

Первый и наилучшій, по мнѣнію моему, къ воспитанію способъ есть добрый примѣръ. Онъ есть всегда дѣйствителенъ для всѣхъ, а наипаче для младенческаго возраста. Младенцы еще не имѣютъ совершеннаго въ разсужденіи употребленія. Они управляются почти одними чувствами: и потому ежели что видятъ, ежели что слышатъ, тѣмъ поражаются, то крѣпко печатлѣютъ въ памяти. Сіи укрѣпленныя въ младенчествѣ добрыя или худыя воображенія во все почти будущее время служить имъ будутъ во всякихъ дѣлахъ основаніемъ; ибо чѣмъ новый сосудъ будетъ напоенъ, трудно, чтобъ тотъ запахъ онъ потерялъ когда. Ежели младенецъ имѣетъ родителей или приставниковъ, которые при всякомъ случаѣ показываютъ живые благочестія знаки: неотмѣнно и младенецъ тѣмъ же напоенъ будетъ благочестія духомъ. Ежели же имѣть суевѣрныхъ или къ закону презрительныхъ: нельзя, чтобъ и онъ тѣмъ же не зараженъ былъ порокомъ. Ежели малое дитя во всегдашнемъ домашнемъ обхожденіи видитъ или слышитъ примѣры роскоши или скупости, излишнее къ веселостямъ и другимъ наружностямъ, пристрастіе: весьма трудно, чтобъ сія язва слабыхъ младенческихъ чувствъ не коснулася. Не хочешь, чтобъ младенецъ развращенъ былъ? не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть, но будь предъ нимъ зерцаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно.

Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. Что пользы разсуждать о теченіи небесныхъ круговъ, а сердце имѣть привязано къ страстямъ земнымъ? Что пользы знать развязывать хитросплетенныя слова, а не знать развязывать узлы сумнящіяся совѣсти? Что пользы человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь, а душу свою отщетитъ? гово-

рит Евангеліе (Марк. XIII, 36). Не презираю я науки, но утверждаю, что онѣ лишаются своей пользы, ежели честностію дѣлъ не будутъ препровождаемы. Прибавить здѣсь надобно и то, что науки не могутъ имѣть своего дѣйствія, развѣ когда младенецъ въ нѣкоторый придетъ возрастъ; но что, ежели онъ въ самомъ началѣ своихъ дней, ежели въ самой почти колыбели приглядится къ такимъ примѣрамъ, которые его ни мало къ принятію добра не расположили? Тщетны тогда будутъ науки и безполезны. Да что, говорю, безполезны? не можетъ быть вреднѣе того человѣка, который бы имѣлъ науки, но не имѣлъ исправленной совѣсти. И потому несомнительно, что самая лучшая наука бываетъ дѣломъ, а не однимъ словомъ.

Сія наука есть евангельская, ибо свойственно есть христіанской мудрости, чтобъ не словами, но дѣлами философствовать. Евангеліе учитъ, что царствіе Божіе не въ словеси, но въ силѣ. Оно хочетъ, чтобъ его послѣдователь былъ яко свѣтило въ мірѣ: „Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ (Матѳ. V, 16)“. Почему нельзя не признаться, чтобъ сей способъ, то есть добрый примѣръ, для воспитанія дѣтей не былъ самый наилучшій.

Сіе принявъ основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія, а вмѣсто того приставлять къ нимъ незазорныхъ пѣстуновъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бъ не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но притомъ бы имѣли и духъ патріотическій.

При чемъ не безполезно помянуть и о томъ, что наипаче примѣрами вдыхать надобно въ нѣжныя младенческія сердца. Первѣе всего надлежитъ имъ внушать страхъ Божій: ибо начало премудрости страхъ Господень (Прит. I, 7). Симъ необузданный человѣкъ, трудно, чтобъ могъ удержать непристойныя склонности, которыя со всѣмъ тѣмъ непрестанно воюютъ на разумъ. Положимъ, что онъ откровенно и по наружности нѣкоторой будетъ притворять себѣ видъ честности, боясь наказаній отъ законовъ правительства; но при томъ, коли страха Божія нѣтъ, наполненъ будетъ непристойными мыслями и вредными намѣреніями, которыя при всякомъ скрытомъ случаѣ будетъ стараться производить въ дѣло. Но, связавъ уздою страха Божія худыя человѣческія хотѣнія, невозбранный чрезъ то отворится ко всякому честному дѣлу путь. Послѣ чего безпрепятственно можно будетъ приводить всякаго къ наукамъ и художествамъ, смотря по состоянію, по способностямъ, по склонностямъ, по лѣтамъ и по другимъ обстоятельствамъ.

Полезны подлинно науки, но полезны и художества. Науки просвѣщаютъ мысль: художества не допускаютъ до душевнаго разслабленія. Науки показываютъ ко всякому добру путь: художества дѣйствительно тѣмъ пользуются. Науки наставляютъ, какъ избирать доброе житія состояніе: художества самымъ дѣломъ въ томъ состоятъ. Я могу прибавить въ похвалу художествъ и то, что науки легко употребить можно во зло, и злоупотребленныя — великій причиняютъ вредъ. А художества, не знаю, можно ли употребить во зло: и потому они полезны всегда. Честный художникъ съ кротостію сидитъ въ своемъ уединеніи при благословенномъ дѣлѣ и тѣмъ пользуетъ себя, пользуетъ общество и духомъ своимъ премудраго поетъ Творца.

Такъ ктожъ теперь не видитъ, что ежели младенецъ по изъясненнымъ нами основаніямъ будетъ воспитанъ, несомнительно, можемъ надѣятся, что онъ имѣетъ быть добрый христіанинъ, честный гражданинъ, бережливый домостроитель, вѣрный другъ, надежный сосѣдъ, пріятный товарищъ. Всего сего, тѣмъ удобнѣе отъ дѣтей надѣяться можемъ, что ихъ. и память тверда, и силы свѣжи, и члены проворны, и удобно могутъ въ послушаніе приведены быть.

Но почто много говорить о воспитаніи и слушателей моихъ утруждать рѣчію о томъ, чего они видятъ предъ своими очами самую вещь? Никто столь совершенно не понимаетъ пользу воспитанія, сколько Ваше Императорское Величество, дражайшая Всероссійская Матерь: ибо что мы говорили о воспитаніи словомъ, то Ваше Величество исполнили самымъ дѣломъ. Изъ многихъ Вашего Величества обществу преполезныхъ дѣлъ не знаемъ, которое изъ нихъ одно другому предпочесть: столь они превосходны всѣ!

Сія основанная Вашимъ Величествомъ Академія художествъ, трудно сказать, больше ли есть доказательствомъ милосердія Вашего къ подданнымъ, или мудрости въ изобрѣтеніи столь честнаго къ благополучію ихъ способа. Ваше Величество, воображая обширность своего владѣнія и пользу художествъ, которая втекаетъ во всѣ государственныя состоянія, сіе мѣсто исполненію сего спасительнаго намѣренія посвятили. Что все дабы было надежнѣе, и первую воспитанія должность въ уваженіе принять не оставили. За сіе высокоматернее попеченіе одолженными Вашему Величеству себя признаютъ церковь, отечество, юношество. И я сознаю себя слабымъ, чтобъ могъ довольно изъяснить ихъ благодарность. Церковь имѣетъ отсюда ожидать добрыхъ христіанъ, отечество — честныхъ гражданъ; а сами юноши, почитая себя одолженными своимъ родителямъ просто жизнію, Вашему Величеству будутъ одолжены доброю жизнію. Жалуются они

на свою натуру, что не поспѣшила она дать имъ столько способности, чтобъ могли то изъяснить словомъ, что чувствуютъ они въ сердцѣ. Но недостатокъ ихъ, по возможности, дополняетъ отечество, желая Вашему Императорскому Величеству благополучнаго царствованія, должайшей и ненавѣтной жизни и спасенія души. При чемъ и мы всѣ молимъ премилосердаго Господа, дабы Онъ сіе благословенное Ваше тщаніе увѣнчалъ дѣйствительнымъ плодомъ. Аминь.

2. Рѣчь императору Александру I на коронованіе его (1801) ([3]).

Итакъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что жъ теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о россійстіи сынове? Возблагодаримъ ли Вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслѣмъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря и предъ лицемъ Бога и ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О, забвена буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и одобряя сердце? О, прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія! Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе: сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь, сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе, но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя ([4]).

Бремя поистинѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едвали когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ до престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ м мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія.

Но съ ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ и расточатся врази Твои!

Се подвигъ Твой, державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать! Но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ ли оно въ одной наружности? составляетъ ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ цари Израилю и святымъ елеемъ помазанъ, Слово Божіе гласитъ: и ношашеся духъ Господенъ надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ. Сіе Духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь, тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнымъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою супругу, Ея Императорское Величество, сотвориши участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупитъ Васъ во-едино, и когда установлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно, оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, Великій Государь, и раду-

емся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его; и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: „аще корень святъ, то и вѣтви". Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачали мысль Твою; сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, сына Своего вѣнчанна и превознесена, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицомъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся! могущіи, покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

[1]) Платонъ (въ свѣтскомъ званіи Петръ Левшинъ), митрополитъ московскій (р. 1737, у. 1812), обучался въ московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ занимался не только предметами, составляющими курсъ академическій, но и другими, которые не были преподаваемы. Черезъ два года по вступленіи въ богословскій классъ, онъ былъ опредѣленъ учителемъ піитики и катихизаторомъ: обязанность его состояла въ толкованіи катихизиса, по воскреснымъ днямъ. „Во всю жизнь мою не былъ я такъ счастливъ", говоритъ Платонъ, „какъ въ это время: стеченіе людей всякаго состоянія было столь велико, что подобнаго ему прежде не случалось. Мірянинъ и двадцатилѣтній юноша, я видѣлъ такое усердіе въ слушателяхъ, какого уже не встрѣчалъ послѣ, возведенный въ санъ архіерея". Въ 1758 г., по приглашенію Гедеона Криновскаго, архимандрита Троицко-Сергіевой лавры, переведенъ въ лаврскую семинарію для преподаванія риторики и въ томъ же году принялъ монашество. Въ 1759 г., назначенный префектомъ и учителемъ философіи, а въ 1761-мъ—ректоромъ и учителемъ богословія, по вызову Гедеона, своего благодѣтеля, жилъ онъ нѣкоторое время въ Петербургѣ (1759 и 1760 гг.), гдѣ познакомился съ гр. А. Г. Разумовскимъ и И. И. Шуваловымъ; послѣдній хотѣлъ его отправить въ Сорбонну для усовершенствованія въ наукахъ, но Гедеонъ на то не согласился. Въ 1763 г., сохраняя званіе ректора и богословскіе уроки, Платонъ опредѣленъ намѣстникомъ лавры. То-

го же года Екатерина II, отправляясь въ Ростовъ для переложенія мощей св. Димитрія ростовскаго въ новую раку, посѣтила лавру. „Слово о благочестіи", произнесенное при этомъ случаѣ Платономъ, обратило на него особенное вниманіе Императрицы, которая выбрала его въ законоучители наслѣднику престола... Въ Петербургѣ Платонъ провелъ десять лѣтъ (1763—73), до бракосочетанія великаго князя. Въ 1766 г. назначенъ архимандритомъ Троицкой лавры, а въ 1770-мъ, сохраняя это званіе—архіепископомъ тверскимъ. Въ 1773 г. избранъ въ законоучители гессенъ-дармштадтской принцессѣ Вильгельминѣ (Наталіи Алексѣевнѣ), невѣстѣ в. к. Павла Петровича. Въ 1775 г. переведенъ изъ Твери въ Москву архіепископомъ московскимъ и калужскимъ. Дѣла епархіи, которою въ теченіе трехъ лѣтъ управляли попеременно три епископа, находились въ совершенномъ разстройствѣ: духовенство, избранное послѣ моровой язвы, (1771 г.), не имѣло ни просвѣщенія, ни качествъ, свойственныхъ его званію. Платонъ смѣнилъ недостойныхъ священнослужителей, уничтожилъ многія злоупотребленія, издалъ инструкцію для благочинныхъ іереевъ и протоіереевъ. Московская духовная академія начинаетъ со времени его управленія новый періодъ своего существованія. Платонъ былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ Петръ Могила былъ для академіи кіевской: введеніемъ новыхъ предметовъ ученія, значительно распространилъ кругъ наукъ, ввелъ въ преподаваніе великорусскій элементъ, на мѣсто южнорусскаго, или кіевскаго, отличавшагося схоластицизмомъ; увеличилъ комплектъ воспитанниковъ и преподавателей; обратилъ вниманіе на нравственное образованіе питомцевъ, устроилъ для бѣднѣйшихъ учениковъ бурсу; издалъ подробное наставленіе учителямъ всѣхъ классовъ. Для приготовленія учениковъ въ академію, Платонъ основалъ училища на Перервѣ, въ Звенигородѣ и Дмитровѣ. Въ 1776 г., находясь въ Петербургѣ, преподавалъ Законъ Божій новой невѣстѣ наслѣдника престола, принцессѣ виртембергъ-штутгартской Софіи Доротеѣ (впослѣдствіи Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ). Въ 1783 г. основалъ, близъ лавры, Виѳанскій монастырь; 1787 г. пожалованъ митрополитомъ московскимъ. Съ 1792 г. Платонъ большею частію жилъ въ Троицкой лаврѣ и въ Виѳаніи, поручивъ дѣла своему викарію. Въ 1801 г., при коронованіи Императора Александра, произнесъ одно изъ лучшихъ своихъ словъ. Въ 1804 г. совершилъ поѣздку въ Кіевъ, описаніе которой издано послѣ его смерти. Въ 1811 г. испросилъ себѣ увольненіе отъ епархіальныхъ дѣлъ. Умеръ и погребенъ въ Виѳанскомъ монастырѣ.

Платонъ былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей русской церкви, снискавшій европейскую извѣстность и пользовавшійся уваженіемъ знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ. Сочиненія его относятся къ тремъ предметамъ: богословскому ученію и церковному управленію, духовному краснорѣчію, исторіи.

Главнѣйшія сочиненія его, кромѣ богословскихъ:

а) Поучительныя слова, съ 1763 по 1806, составляющія 16 томовъ въ Собраніи сочиненій (1779—1806).

б) Краткая церковная россійская исторія, 3 ч. (1805).

в) Записки о собственной жизни, писанныя имъ самимъ до 1807 г. и доведенныя Самуиломъ Запольскимъ, епископомъ костромскимъ, до 1812-го, въ сочиненіи г. Снегирева: Жизнь Платона, изд. 1856 г.

[2]) Произнесено 1765 г.; нап. въ 4 т. Поучит. словъ. Въ немъ развивается мысль о томъ, въ чемъ состоитъ воспитаніе: „Воспитаніе есть предуготовленіе къ добродѣтели". Этимъ поло-

женіемъ слово примыкаетъ къ педагогическимъ воззрѣніямъ Екатерины, изложеннымъ въ „Наказѣ“ и „Инструкціи кн. Салтыкову“.

[3]) „Рѣчь Александру I по совершеніи коронованія 1801“. Въ ней четыре части: приступъ, предложеніе, главная часть и заключеніе. Въ приступѣ исчисляются разныя чувства подданныхъ послѣ вѣнчанія царя ихъ на царство. Предложеніе выражаетъ мысль, что царствованіе для царя есть подвигъ и бремя, а для подданныхъ—спокойствіе и утѣшеніе. Главная часть подраздѣляется на два отдѣла: въ первомъ представлены трудности царствованія, во второмъ средства преодолѣвать ихъ. Въ заключеніи проповѣдникъ обращается къ матери вѣнчаннаго царя, а потомъ ко всѣмъ россіянамъ, приглашая ихъ радоваться, веселиться и благодарить Господа.

[4]) Подражаніе Ѳеофану Прокоповичу, въ его Словѣ, на коронованіе Анны Іоанновны: „Твой престолъ тебѣ безпокойство, а намъ покой подаетъ; держава твоя тебѣ тяготу, а намъ облегченіе дѣлаетъ; скипетръ твой тебѣ труды, а намъ безпечаліе приноситъ; корона твоя больше уязвляетъ, нежели украшаетъ главу твою, безчисленными наполняя попеченіи, но для чего? чтобъ главы подданныхъ твоихъ въ тишинѣ и веселіи пребывали“.

То, что именно называется ораторствомъ, рѣдко представляютъ проповѣди Платона: рѣчь на коронованіе Александра I и нѣсколько другихъ словъ или мѣстъ въ словахъ служатъ какъ бы исключеніями. Проповѣданіе его отличалось простотою и ясностью—качествами, наиболѣе приличными тому роду духовнаго краснорѣчія, который означается именемъ „поученій“. Эти качества явились не безсознательно, а какъ слѣдствіе точныхъ понятій проповѣдника о своемъ дѣлѣ. „Признаюсь“, говоритъ Платонъ, „что о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда много не заботился. Таковый словами играющій и надменный слогъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда-либо пристоенъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что оный есть излишекъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потомъ необходимость требуетъ, дабы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалу слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателевыхъ. По симъ причинамъ я все мое вниманіе и стараніе обращалъ на то, дабы въ словѣ моемъ ничего не было темнаго, невразумительнаго, или сомнительнаго, или обоюдный разумъ имѣющаго: чтобы притомъ все было поставлено въ своемъ мѣстѣ, сходственно съ порядкомъ естественнымъ; доказательства на всякое предложеніе были бъ приличныя, убѣдительныя, неоспоримыя, и ничего бы таковаго между ими не было, что бы слушателю показалось сомнительнымъ или бы онъ на что возраженіе сдѣлать могъ. Къ сему единственно простиралось всегда мое вниманіе, и притомъ я всегда себя увѣрялъ, что если слово съ таковымъ духомъ будетъ сочинено и произнесено, болѣе можетъ подѣйствовать въ сердцѣ слушателя и больше къ его пользѣ послужить, нежели то, которое надымается одною разновидныхъ выраженій красотою и токмо производитъ одинъ громкій словъ шумъ, ни силы, не духа не имѣющій“. Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе, какъ знакъ суетнаго словолюбія, въ изложеніи спорныхъ догматовъ, въ уясненіи истины ея противникамъ: „Витійство полезно, чтобъ истину,

всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ представить видѣ; но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ оно не только есть излишне, но и вредно. Излишне: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ, можетъ быть, не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но что онъ преимуществуетъ только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія... Къ чему такой пышный и сладоточный словъ приборъ? Открой самую истину въ существенномъ видѣ ея. Она есть величественная жена: заставляетъ себя любить и почитать своею сановитостію, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренныя. Чѣмъ одержало верхъ и ложь посрамило Евангеліе? простотою слова. Ибо когда сокровенно оно отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открыто младенцамъ, доказываетъ сію святѣйшую ея *(истины)* простоту. Чѣмъ увѣрили міръ апостолы и вывели его изъ заблужденія? простотою слова" (Слово въ 1-ую недѣлю поста, въ 5 т. Поучит. словъ).

LV.

АНАСТАСІЙ БРАТАНОВСКІЙ (1).

Слово на погребеніе И. И. Шувалова (1797) (2).

И что бы значили тѣ воздыханія наши, коими безсмертный духъ, преселяющійся во страну небесную сопровождаемъ? И что бы значили надъ гробомъ добродѣтельнаго проливаемыя слезы? Или сердце дружелюбное скорбитъ, что новый житель небесъ, лишаясь земли, лишается и благъ ея? Но о насъ, о насъ-то паче воздыхаютъ небожители, что мы, все имѣя, все пріобрѣтая на землѣ, ничего не имѣемъ. Или чувствительное сѣтуетъ сердце, что смерть на полѣ свѣта сего хищнымъ серпомъ равно пожинаетъ и плевелы и пшеницу, равно подсѣкаетъ и терніе и гроздіе винограда? Но добродѣтельная душа, исходя торжественно изъ смертнаго жилища, сѣтуетъ о насъ, о насъ, что мы многократно принуждены вопіять: окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Рим. VII, 24)? Гдѣ вѣра святая воздыхаетъ, гдѣ надежда евангельская проливаетъ слезу, тамо вздохъ есть сей Давидовъ гласъ: когда пріиду и явлюся лицу Твоему, Боже (Псал. XLII, 3)? Тамо слеза есть сей апостола Павла восторгъ: недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей славѣ явитися въ насъ (2 Кор. IV, 17).

Такъ христіанинъ умирающему послѣдователю евангельскихъ добродѣтелей съ воздыханіемъ закрывая вѣжди, радуется, что врата вѣчности блаженныя отверзаются для принятія странствен-

ника міра. Тако христіанинъ, проливая слезу надъ гробницею благочестиваго, веселится, что любитель закона увѣнчавается праведнымъ воздаяніемъ въ невечернемъ дни царствія Божія. И что будетъ вся слава, воздаваемая отъ человѣкъ добродѣтели? что будетъ тамо, гдѣ Богъ прославляющихъ Его прославляетъ? Нѣтъ для добродѣтельныхъ достойнѣе памятника на землѣ, какъ незабвенная память, что добродѣтель совершенное воздаяніе получаетъ токмо на небеси.

Судъ человѣческій положивъ на мѣрилѣ съ судомъ Божіимъ, могутъ ли смертныхъ помышленія столь же погрѣшительныя, какъ и кратковидныя, дать совѣтамъ, намѣреніямъ, дѣламъ ту цѣну, какову опредѣляетъ сердцевѣдецъ Богъ? Вотъ для чего апостолъ Павелъ не за велико почитаетъ, да истяжется отъ человѣкъ: востязуяй бо, говоритъ, меня есть Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы, и объявитъ совѣты сердечные (1 Кор. IѴ, 5). Добродѣтель если не имѣетъ корня въ сердцѣ человѣческомъ; если сердце человѣческое не утверждено на законѣ Господнемъ; если любовь къ закону не основана на любви Бога: то вся правота дѣлъ есть тогда одинъ токмо притворъ добродѣтели. Не на сей ли поверхности останавливаются почти обыкновенно и сужденіе, и воздаянія тѣмъ подвигамъ добрымъ, каковыми одинъ отличается отъ другаго? И вы, совѣсти непорочныя! вы, кои иногда колеблетесь, міръ грѣшниковъ зря (Псал. XII, 3), и вы блюдитесь, да не погрѣшите, заключая рѣшительно изъ внѣшности поступковъ о нечистой внутренности сердца. Сколь много есть тѣхъ мирныхъ, тѣхъ кроткихъ юдолей сердечныхъ, на кои взоръ суда человѣческаго никогда не проникаетъ! Ужели не видитъ оныхъ Богъ? И златая одежда должна быть покровомъ тѣмъ чистѣйшимъ добродѣтелей; и сквозь рубища тѣмъ удобнѣе должны мы прозрѣвать правоту души: но все сіе совершенно одинъ вѣдаетъ Богъ. Гдѣ же твоя, о добродѣтель! награда на землѣ, когда ты или по смиренію своему удаляешься отъ воздаяній, или не получаешь оныхъ по невѣдѣнію другихъ о тебѣ? Ужели благость Божія ограничивается только вѣдѣніемъ твоея истины и вмѣстѣ лишенія даровъ, восхищаемыхъ порокомъ?

Подлинно, и во времени на все счастіе земное имѣетъ право едина добродѣтель. Но кто откроетъ книгу судебъ промысла Божія и покажетъ вины, по коимъ десница Господня сего смиряетъ, того возноситъ, сего убожитъ, онаго богатитъ (I Царств. II, 3)? По сему невѣдомому намъ опредѣленію Божію можно токмо опредѣлительно заключить, что счастіе земное есть больше подвигъ и опытъ для добродѣтели, нежели воздаяніе. Чѣмъ преимущественнѣе кто предъ другими, тѣмъ разительнѣйшаго совершенствъ явленія

требуетъ отъ него Богъ, отечество, ближній, знаменитость, чести, богатство, слава. Се суть оные таланты, въ коихъ расчетъ должно намъ нѣкогда отдать Богу! Таланты Богъ усугубляетъ талантами, но предполагая вѣрность (Матѳ. V, 16). Чтожъ сіе значитъ, какъ не то, что отъ одной степени счастія возводитъ Богъ на другую, да свѣтъ добродѣтелей вящше просвѣтится предъ человѣки (Лук. XIX, 17)? О вы, умаленные по состоянію, по выгодамъ, по могуществу! вы или въ напастѣхъ прибѣгая къ покровительству сильныхъ, или въ крайностяхъ ища помощи могущихъ, или, при истинѣ безгласной, требуя заступленія отъ правоправящихъ: вы силѣ ли сильныхъ, могуществу ли могущихъ, правовѣдству ли правящихъ удивляетесь? Или сердцемъ и устами благословите сихъ великихъ великія благотворенія? Если гдѣ гласъ народа есть гласъ Божій, то въ тѣхъ признательныхъ хвалахъ, коими униженныя возносятъ добродѣтели превознесенныхъ. Гласъ народа, проповѣдуя благотворенія благотворящихъ, запечатлѣвается симъ гласомъ Божіимъ: понеже сотвористе единому сихъ братій меньшихъ, Мнѣ сотвористе (Матѳ. XXV, 40). Мнѣ, ибо по намѣренію Моему употребисте данная вамъ отъ меня благая земли; Мнѣ сотвористе: ибо униженные предъ вами были пробнымъ камнемъ, на коемъ Я испытывалъ вашу любовь къ человѣчеству, вашу любовь ко Мнѣ. Не можетъ любить Бога, кто ненавидитъ человѣковъ. Такъ счастіе земное есть яко огонь, искушаяй драгоцѣнность добродѣтели, а не мзда. Гдѣ кротость величественнѣе? Тамъ, гдѣ воля можетъ быть закономъ для другихъ. Гдѣ смиреніе любезнѣе небесамъ? Тамъ, гдѣ достоинствъ и совершенствъ своихъ самолюбіе почти не примѣчаетъ. Гдѣ непристрастность къ видимостямъ преславнѣе? Тамъ, гдѣ все течетъ по желанію сердца. Гдѣ упованіе на промыслъ Божій уважительнѣе? Тамъ, гдѣ вся безпечность земная совѣщавается, какъ бы привязать сердце къ землѣ, отвратить отъ Неба. Гдѣ страхъ Божій священнѣе? Тамъ, гдѣ можетъ самонадѣяніе сказать: не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ! Счастіе убо земное есть обязанность быть больше добродѣтельнымъ, а не добродѣтели награда.

Но пусть будетъ оно и наградою добродѣтели. Чѣмъ же накажется порокъ? На семъ-то превратѣ древле еще торжествовало нечестіе, дерзкими устами изрыгая хулу на промыслъ Божій, глаголя: „Самослучайно рождены есмы, и по семъ будемъ яко же не бывше! Пріидите убо, и насладимся настоящихъ благъ. Насиліе сотворимъ убогу праведному, не пощадимъ вдовицы, ниже старца устыдимся сѣдинъ многолѣтнихъ. Пусть блажатъ послѣдняя праведныхъ, пусть славятся отца имѣти Бога. Намъ Богъ да

будетъ наше чрево. Увидимъ, чьи словеса суть истина (Прем. Солом. гл. III)?“ Пусть счастіе земное будетъ и наградою добродѣтели: но если оно можетъ позлатить непорочныя рубища, то чѣмъ украсить богоподобныхъ добродѣтелей порфиру? Если счастіе земное можетъ смиренную хижину превратить въ чертоги, то чертоги, сіе святилище правды, и истины, и суда, въ какое велелѣпіе больше уже облещи возможетъ? Если счастіе земное можетъ сотворити алчущую невинность, да къ тому не алчетъ, то чѣмъ оно напитаетъ того, кто съ человѣколюбивѣйшимъ сердцемъ питаетъ алчущихъ? Если счастіе земное можетъ облегчить благословенные труды орющаго въ свое время нивы, то чѣмъ оно возрадуетъ того, кто благовременно и безвременно печется о благосостояніи промыслу его врученныхъ? Если счастье земное можетъ бѣдственную жизнь премѣнить въ благоденственную, то что оно воздастъ тому, кто за вѣру и вѣрность къ своему государю и отечеству полагаетъ душу свою, душу, коей цѣнѣ всѣ драгоцѣнности міра противовѣсить не могутъ? А та сокровенная вѣра во Евангеліе, то тайное усердіе и ревность къ истинѣ благочестія, то сердечное покореніе волѣ Божіей и Его закону, то внутреннее доброжелательство даже и врагамъ, тѣ безмолвно воспѣваемыя хвалы Богу—ужели должны оставаться не посѣщаемыя счастіемъ земнымъ потому, что сіи добродѣтели сокровенны? Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы! коль многіе воскликнутъ съ апостоломъ Павломъ (1 Кор. XV, 19). Убо Богъ, Богъ праведный, совершенно наградить добродѣтель предоставилъ на небесѣхъ. Се конецъ Евангелія! се предметъ вѣры! се слава безсмертія!

Пусть же искусство человѣческое воздвигаетъ надъ добродѣтельными памятники для потомства; но родъ сей прейдетъ, камни распадутся, сей же глаголъ во вѣки не прейдетъ: праведный Богъ воздастъ коемуждо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный (Рим. II, 7). Пусть рука человѣческая начертываетъ на гробницѣ благочестивыхъ остатковъ надписанія; но время сотретъ оныя и изгладитъ. Сіе же духа Божія начертаніе пребудетъ неизгладимо: блаженны умирающіи о Господѣ: ей, да почіютъ отъ трудовъ своихъ (Апок. XIV, 13). Се тотъ памятникъ добродѣтели, столь же достойный ея, какъ и единственный для нея! Его водружаетъ Богъ, а не человѣкъ. Ободряйтесь убо въ подвигахъ вашихъ, о вы, истинные любители вѣры, закона, благочестія!

Совершенное добродѣтели воздаяніе—въ вѣчности, отъ Бога; но блаженъ, кто и временное счастіе пріобрѣтаетъ чрезъ добродѣтель. Вѣрный сему свидѣтель собствен-

ная совѣсть; а внѣшняя хвала есть дань, признательностію приносимая. Кто не почитаетъ добродѣтельныхъ, тотъ самую добродѣтель не уважаетъ.

Сей избранный мужъ, коего душа преселилась въ непремѣняемое блаженство, прежилъ на землѣ странствованія человѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастія многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобъ благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ. О, сколько оплакиваютъ свою судьбу, которые лишились плодовъ его человѣколюбія! Вы, которые ввѣрены были его попеченію и правленію, можете ли воспомянуть безъ скорби о добродѣтеляхъ его?

Свидѣтели достоинствъ его суть вниманія монарховъ, которые его отличали, удостоивая довѣренности въ важныхъ дѣлахъ. Свидѣтели—державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся. Свидѣтели—Академія художествъ и Университетъ. О, если образуемое юношество можно нарещи обновляющеюся юностію человѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ (³). Остается желать, дабы они совершили согласно Евангелію и закону доброе намѣреніе его. Удалился онъ на время изъ отечества, но сіе удаленіе умножило любовь его къ нему. Онъ первымъ долгомъ почиталъ споспѣшествовать благу его. Благочестивѣйшій нашъ Монархъ паче открылъ его заслуги наградами своими. Если можетъ быть сладчайшее утѣшеніе для сѣтующаго сердца о потерѣ столь же вѣрнаго друга, какъ и брата; то оно есть самыя слезы, проливаемыя облагодѣтельствованными отъ него: ибо онѣ не на землю упадаютъ, но, подобно утренней росѣ, восходятъ въ выспрь ко превѣчному солнцу, Богу.

Вы убо, которыхъ жизнь была подкрѣпляема его попеченіями и благотвореніями! вы со слезами восшлите къ Содержащему въ руцѣ всѣхъ насъ моленія свои; излейте предъ Богомъ усердіе, да вчинитъ его въ жилищѣ святыхъ своихъ.

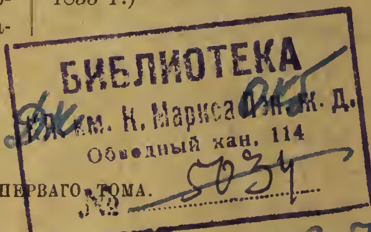
Боже, Спасителю нашъ, у Тебе воздаяніе вѣрнымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ: увѣнчай душу раба Твоего, болярина Іоанна, вѣчнымъ блаженствомъ по Евангельскому обѣщанію Твоему! Аминь.

[1]) Анастасій Братановскій, архіепископъ астраханскій (р. 1761, у. 1806), обучался въ переяславской семинаріи. Въ 1790 г. приплялъ монашество. Въ 1792 г. былъ архимандри-

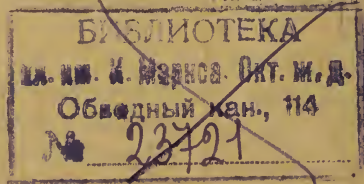
томъ Зеленецкаго монастыря, откуда 1795 г. переведенъ въ Сергіеву пустынь, а 1796-го—въ московскій Новоспасскій монастырь и пожалованъ въ члены синода. Званіе епископа бѣлорусской епархіи получилъ 1797 г.; въ 1801-мъ пожалованъ архіепископомъ; въ 1805-мъ переведенъ въ Астрахань, гдѣ и скончался. Сочиненія его: Поучительныя слова съ 1792 по 1806 г., 4 ч. (1796—1807); Трактатъ о расположеніи проповѣдей на лат. яз., 1806 г. (Tractatus de concionum dispositionibus). Переводы съ франц.: Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія (1794); Плачъ Іереміи пророка, поэма Арнода (1797). Истинный Мессія, или доказательство о божественномъ пришествіи въ міръ І. Х. и Его божествѣ (1801); Опытъ о совершенствѣ, Формея (1805). Въ 1801 г., въ бытность Павла I въ Москвѣ, Анастасію повелѣно было именнымъ указомъ разсмотрѣть и исправить книгу Гиббона: О паденіи римской имперіи.

²) Слово это, по содержанію и формѣ, имѣетъ много общаго съ Словомъ того же проповѣдника на погребеніе Бецкаго (1795 г.). Приступъ того и другого заключаетъ въ себѣ рядъ вопросовъ, выражающихъ недостаточность земныхъ наградъ добродѣтельному мужу. Въ предложеніяхъ тоже значительное сходство: Слово на погребеніе Бецкаго развиваетъ ту мысль, что „смерть добродѣтельныхъ есть доказательство безсмертія и блаженства добродѣтели въ будущей жизни“; Слово на погребеніе Шувалова выбрало своимъ предметомъ мысль, что „счастіе земное не можетъ служить наградою добродѣтели, которая получаетъ совершенное воздаяніе токмо на небеси“. Оба слова не токмо доказываютъ справедливость выбранныхъ темъ, но и отвергаютъ темы противоположныя. Догматизмъ идетъ рядомъ съ полемикой, весьма понятной при тогдашнемъ вліяніи французскаго энциклопедизма.

³) „Здѣсь духовный ораторъ разумѣлъ не одну внѣшнюю учтивость, требуемую свѣтскими приличіями. Въ благородномъ учтивствѣ Шувалова отражалась внутренняя людскость, сознаніе человѣческаго значенія въ себѣ самомъ и другихъ. И здѣсь въ словѣ оратора, какъ въ сочиненіяхъ другихъ лучшихъ писателей времени, выставлено двойное требованіе отъ просвѣщеннаго человѣка, требованіе, чтобы въ немъ украшенному наукою уму соотвѣтствовали поступки, удовлетворяющіе нравственнымъ требованіямъ, нравственному достоинству человѣка“ (Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ, рѣчь С. Соловьева въ собраніи Москов. университета 1855 г.)



КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.



UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 028238977